

КНИГИ КРОВИ III-IV

КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ III-IV
ИСПОВЕДЬ САВАНА

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ III-IV ИСПОВЕДЬ САВАНА

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 25

Clive Barker

THE BOOKS OF BLOOD, VOLUME III

© 1984 by Clive Barker

THE BOOKS OF BLOOD, VOLUME IV

© 1985 by Clive Barker

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Баркер К.

Б 25 Книги крови III—IV: Исповедь савана / Клайв Баркер; [пер. с англ. Н. Волковой, М. Галиной, О. Лежниной, И. Тетериной, А. Трофимова, В. Эрлихмана]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 448 с.

ISBN 978-5-699-23825-5

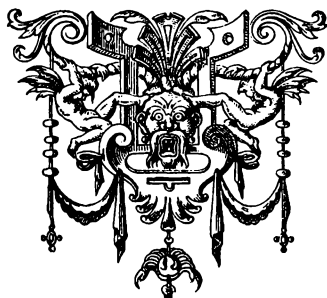
«У мертвых свои магистрали. Проложенные в тех неприветливых пустырях, что начинаются за пределами нашей жизни, они заполнены потоками уходящих душ. Их тревожный гул можно услышать в глубоких изъятиях мироздания — он доносится из выбоин и трещин, оставленных жестокостью, насилием и пороком. Их лихорадочную сутолоку можно мельком увидеть, когда сердце готово разорваться на части, — именно тогда взору открывается то, чему положено быть тайным». Эта цитата как нельзя более точно передает суть знаменитых сборников Клайва Баркера, объединенных общим названием «Книги крови» и ставших классикой не только мистики, но и литературы в целом.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Н. Волкова, перевод с английского, 2007
© М. Галина, перевод с английского, 2007
© О. Лежнина, перевод с английского, 2007
© И. Тетерина, перевод с английского, 2007
© А. Трофимов, перевод с английского, 2007
© В. Эрлихман, перевод с английского, 2007
© Текст. Оформление.
ООО «ИД «Домино», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-23825-5

КНИГА КРОВИ III

Сын целлулоида

1

Треилер

Барберио чувствовал себя прекрасно, несмотря на пулю в бедре. Да, рана имела вид неприглядный, а в груди что-то хрипело и щелкало при каждом глубоком вдохе, но Барберио улыбался: он на воле, и это главное. Никому — слышите?! — никому он больше не позволит себя запереть. Воздух свободы кружил голову, на все остальное было наплевать. Живым, в любом случае, он не дастся. Если не повезет и его накроют копы, придется вставить дуло в рот и нажать на курок. Но обратно в камеру? Ни за что!

В неволе жизнь тянется слишком долго. Невыносимо долго. Этот урок заключенный Барберио усвоил уже через два месяца пребывания в тюрьме: вереница до тошноты однообразных дней сводит с ума, и скоро вам начинает казаться, что лучше сдохнуть, чем продолжать существование в вонючей дыре, куда вас забросили злая судьба и доблестное правосудие. Лучше тихо повеситься в камере ночью, чем ждать завтрашнего дня — такого же поганого, как и сегодняшний. Новые сутки, новые восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд постылой жизни за решеткой...

Безрадостной перспективе Барберио предпочел побег.

Сначала он купил пистолет на тюремном черном рынке. Это стоило дорого, и Барберио отдал практически все, что имел. Дальше он действовал просто и тривиально: перелез через стену. Несомненно, не обошлось и без божьей помощи. Судьба была благосклонна к беглецу в тот день, и он удрал без особых проблем — если не считать пса, пущенного по его следу.

А что же копы? Они проявили чудеса сообразительности. Они искали Барберио в таких местах, куда он никогда бы не сунулся. Они обвинили в укрывательстве его брата и невестку (те даже не знали, что Барберио на свободе), а также выпустили бюллетени с описанием внешности сбежавшего преступника, каким он был до заключения, весом на двадцать фунтов больше нынешнего.

Все эти подробности Барберио узнал от Джеральдины — дамы, за которой он ухаживал в старые добрые времена. Она перевязала ему ногу и дала бутылочку успокоительного, что теперь почти пустая лежала в его кармане. Барберио получил ласку и сочувствие и продолжал путь, уповая на идиотизм полисменов и на бога, что помогал ему до сих пор.

Он называл этого бога Синг-Сингом и представлял в виде толстого малого с улыбкой от уха до уха, с куском салями высшего качества в одной руке и чашкой крепкого кофе в другой. Синг-Синг был как сытое брюхо, и от него пахло, как в доме у мамочки в те далекие годы, когда мамочка еще не выжила из ума, а Барберио оставался ее гордостью и любимчиком.

К сожалению, однажды Синг-Синг отвернулся, оставив подопечного на произвол судьбы. Какой-то не в меру сообразительный коп увидел Барберио на скамейке в тенистой аллее и признал в нем разыскиваемого преступника из бюллетеня. Этот щенок (не старше два-

дцати пяти) явно метил в герои. Он был слишком туп, чтобы правильно отреагировать на предупредительный выстрел Барбериио: укрыться и дать тому уйти. Вместо этого коп двинулся навстречу потенциальной жертве.

У Барбериио не было выхода. Он открыл огонь.

Полисмен успел выстрелить, но Синг-Синг вновь обратил свой взор на Барбериио, и пуля, нацеленная в сердце беглеца, попала в ногу. Ответный выстрел поразил копа прямо в лоб. Несостоявшийся герой упал на землю в лужу собственной крови, а Барбериио пошел прочь, чертыхаясь и искренне сожалея о содеянном. Ему никогда раньше не приходилось стрелять в человека. Убитый полицейский — скверное начало.

Синг-Синг по-прежнему хранил его. Повязка Джеральдины остановила кровь, ликер помог забыть о боли, и вот полдня спустя он здесь — усталый, но живой. Ему удалось невидимкой пройти через весь город, напигованный полисменами так густо, что казалось невероятным ускользнуть от их внимания. Теперь Барбериио просил у своего покровителя лишь об одном: о тихом убежище, где можно спокойно отдохнуть, перевести дыхание и обдумать дальнейшие действия. Час-другой сна, впрочем, тоже не помешает.

Плохо, что у него ужасно болел живот: мучительная тянущая боль возрастала, становилась все невыносимее. Надо бы немного отдохнуть, а затем позвонить Джеральдине, чтобы она подыскала врача. Барбериио планировал убраться из города до полуночи, но теперь начал сомневаться в принятом решении. Лучше пересидеть где-нибудь нынешнюю ночь и большую часть следующего дня, а затем, когда пулю извлекут из ноги и силы его восстановятся, поскорее покинуть здешние места.

Но — проклятье! — живот болел все сильнее. Барбериио предполагал, что это язва — следствие кошмарного питания в тюрьме. От помоев, которые там называли пищей, у многих ребят страдали желудок и кишечник.

Ничего — несколько дней на диете из пиццы и пива, думал Барберио, и все наладится.

Слова «рак» в лексиконе Барберио не было, и он никогда не думал о болезни применительно к самому себе. Это естественно для человека с пистолетом в кармане и пулей в ноге, скрывающегося от преследования: бык, идущий на бойню, тоже не обращает внимания на какую-то трещинку на копыте. Тем не менее боль, что мучила Барберио, указывала именно на раковую опухоль.

За кинотеатром «Палас» некогда располагался ресторан, но три года назад случился пожар, все сторело, и с тех пор земля не расчищалась. Никто не проявлял особого интереса к этой территории, ни у кого не возникало желания что-либо заново здесь отстроить. Прежде тут было шумно и многолюдно — давно, в шестидесятые годы. На протяжении полутора десятилетий кинотеатры, бары и рестораны переживали буйный расцвет, затем наступил неминуемый спад, и владельцы стали понемногу прикрывать заведения. Все меньше публики заходило вечерами в кинотеатр, но он не закрылся, оставаясь напоминанием о тех далеких временах, когда развлечения были более невинными, чем теперь, а обстановка в городе — более мирной и спокойной.

Джунгли из ржавых проводов и полустгнивших лесов на задворках «Паласа» устраивали Барберио как нельзя больше.

Нога его ужасно болела, усталость валила с ног, да и желудок не оставлял в покое. Надо поскорее заснуть на несколько часов. Пора прикончить бутылку и подумать насчет Джеральдины.

Вокруг шныряло множество кошек. Они бродили и сидели в густых зарослях травы и разбежались при появлении Барберио. Он расчистил место для отдыха, отбросив прочь несколько гнилых досок. Земля была усея-

на копячим и чловечьим дерьмом, остатками старых костров, консервными банками, но беглеца устраивало и такое убежище.

Барберио прислонился к стене и излил на землю остатки завтрака вперемишку с ликером. Когда рвотные судороги прекратились, он устало вытер лоб рукой. В паре шагов от него стояла хибарка, сооруженная из балок, полуобгоревших досок и ржавых железных листов,— наверное, когда-то в ней играли дети. «Великолепно»,— подумал Барберио,— вот и убежище. Что может быть лучше?»

Синг-Синг улыбался ему во все тридцать два зуба.

Слегка постанывая (живот чертовски болел), Барберио прошел несколько шагов, нащупал вход в хижину и протиснулся внутрь.

Он явно не первым использовал это место для ночлега. Под левой рукой, которой Барберио оперся о землю, что-то подозрительно чавкнуло. Очевидно, дерьмо. Звякнули осколки стекла. Вонь стояла такая, будто рядом проходили канализационные трубы. Паршивенькое, конечно, пристанище, но ничего не поделаешь. Здесь безопаснее, чем на улице. Барберио сел поудобнее, привалился спиной к стене и глубоко вздохнул.

Казалось, все тревоги и страхи дня отступили, но не прошло и минуты, как тишину разорвал вой полицейской сирены. Звук приближался. От ощущения покоя и безопасности не осталось и следа. Они убьют его; Барберио это знал, чувствовал каждой клеткой своего измученного тела. Полисмены просто играли с ним: дали почувствовать свободу, а на самом деле неотрывно следили за каждым движением, кружа рядом, как акулы. И никакой надежды на спасение нет. Он убил полисмена. Боже, что с ним теперь сделают? Копы не церемонятся с теми, кто покушается на их товарищей.

Синг-Синг, что будем делать? Не надо смотреть так удивленно. Ситуация непредвиденная, да, но можно попытаться из нее выбраться.

Несколько долгих секунд Барберио решительно ничего не приходило в голову. Затем перед его мысленным взором физиономия бога растянулась в многообещающей ухмылке и Барберио ощутил, как что-то давит ему в спину. Дверные петли! Он опирался на дверь, сам того не замечая.

Преодолевая боль, он поднялся и негнущимися пальцами стал ощупывать ржавое железо. Небольшое вентиляционное отверстие позволило исследовать внутреннюю поверхность двери. Что бы там могло быть? Чья-то кухня или потайной ход — какая, к черту, разница. Внутри всегда безопаснее, чем снаружи, — это первый урок, который усваивает ребенок, покинувший утробу матери. Барберио слышал приближающийся вой сирены. Этот проклятый звук заставлял сердце учащенно биться, а кожу — покрываться мурашками.

Его пальцы шарили в поисках замка. Через секунду Барберио выругался: замок, конечно же, был. Огромный, старый, покрытый ржавчиной и пылью.

«Ну же, Синг-Синг, придумай что-нибудь! — заклинал Барберио. — Помоги мне войти, подари мне еще одну передышку, и я буду верен тебе до смерти».

Барберио толкнул замок, но безрезультатно — то ли железка слишком крепкая, то ли руки слишком ослабли. Скорее всего, то и другое вместе.

Полицейские подобрались уже совсем близко. Проклятый вой сирен врывается в уши Барберио. Сердце его готово было выпрыгнуть из груди.

Он вытащил из кармана пистолет и попытался использовать оружие в качестве лома. Рукоятка оказалась слишком коротка и не обеспечивала нужной силы удара. Барберио почти отчаялся, когда проклятая штуковина крякнула и поддалась. Замок упал, осыпав все вокруг толстым слоем ржавой пыли. Барберио вытер лицо, едва сдержав победный вопль.

Теперь надо побыстрее забраться внутрь, сбежать из этого кошмарного мира. Барберио вцепился паль-

цами в отверстие и потянул на себя. Дикая боль пронзила его желудок и кишечник, отдалась в ногу.

«Открывайся, черт тебя возьми! — молил Барберิโอ. — Иначе будет поздно!»

Дверь со скрипом отворилась.

Барберิโอ от неожиданности пошатнулся, повалился на спину, опять угодив рукой в дерьмо, но тут же вскочил. Он пристально вглядывался в темноту по другую сторону двери, стараясь хоть что-нибудь различить.

«Пусть теперь эти ублюдки меня ищут, — торжествующе подумал Барберิโอ. — Я нашел теплую норку, где можно от них укрыться».

Внутри, и правда, было тепло, даже жарко, судя по горячему веянию из приоткрытой двери. Похоже, помещением давно не пользовались: воздух был довольно затхлым.

Затекшая нога тупо ныла, когда Барберิโอ ступил в зияющую черноту неизвестности. Едва он оказался внутри, звук сирены замер невдалеке. Копы остановились где-то за углом. Скоро, очень скоро послышатся тяжелые шаги служителей закона.

Он едва чувствовал онемевшую ногу — она болталась, как кусок мяса, распухшая ступня казалась размером с дыню. Барберิโอ захлопнул за собой дверь. Он ощущал какую-то детскую радость: словно это игра, а он убегал от погони, смог перепрыгнуть через канаву и убрать мостик. Ему не приходило в голову, что копы способны открыть дверь и последовать за ним. Логика страуса: раз я не вижу преследователей, то и они не видят меня.

Но даже если копы и заглянули на задворки кинотеатра, Барберิโอ их не услышал. Может быть, они заблудились или подъехали лишь для того, чтобы подобрать с тротуара какого-нибудь несчастного панка. Вот и замечательно; здесь беглец неплохо отдохнет.

Забавно, но внутри воздух оказался не таким уж затхлым. Он вовсе не напоминал удушливую застойную

атмосферу чердака или подвальной каморки. Напротив, он был живым. Не свежим, конечно, этого сказать нельзя: пахло старостью и пылью, ни малейшего дуновения, ни сквозняка. Но все вокруг словно пронизывали некие вибрации. У Барберио шумело в ушах, по коже пробежали мурашки. Нечто, содержащееся в воздухе, проникало в Барберио, оно щекотало ему ноздри, его будто окатывали холодным душем, и в голове вдруг неизвестно откуда стали появляться странные картины. Барберио больше не чувствовал боли в желудке и в затекшей ноге. Или же он просто не обращал внимания ни на что, кроме видений? Видения переполнили его: танцующие девушки и целующиеся парочки, прощание на вокзалах, темные старинные особняки, комедианты, ковбои и рыцари, морские приключения — события и лица, никогда не встречавшиеся ему в жизни. Впрочем, на все это не хватило бы и миллиона жизней. Тем не менее Барберио ощущал волнующую реальность образов. Ему хотелось плакать при виде сцен прощаний, смеяться над комиками, подбадривать ковбоев и наслаждаться красотой женщин.

Куда он попал? Барберио, с трудом отгоняя от себя видения, попытался различить что-нибудь в полумраке. Он стоял в закутке шириной чуть более четырех футов, но довольно длинном. За его спиной была металлическая пыльная дверь, впереди — стена, сквозь трещины в которой пробивался мерцающий свет. Барберио слышал голоса из-за стены. Очевидно, с другой ее стороны находился экран, где шел сейчас последний вечерний фильм. Это был «Сатирикон» Феллини. Впрочем, Барберио не мог узнать картину — он не только никогда не видел ее, но даже и не слышал о Феллини. Барберио предпочитал морские приключения, боевики, а главное — фильмы с танцующими девочками. Что уютно с танцующими девочками.

Он был здесь абсолютно один, но вдруг ощутил странную вещь: словно тысячи глаз смотрели сейчас на него.

Это необыкновенное, незнакомое чувство оказалось приятным. Множество глаз внимательно следили за ним, публика то смеялась, то плакала, а чаще просто неотрывно следовала за каждым его шагом.

Барберио не понимал, что происходит. Он утратил связь с реальностью, перестал понимать, где он и что с ним. Он не чувствовал своего тела, больная нога больше не беспокоила, будто ее и не было. К сожалению (а возможно, к счастью), Барберио не знал, что рана его снова открылась, кровотечение не останавливается и потеря крови грозит ему смертью.

Примерно через полчаса, когда на экране шли заключительные кадры «Сатирикона», Барберио скончался в темном узком промежутке между обратной стороной экрана и стеной кинотеатра.

В помещении «Паласа» раньше располагалась церковь евангелистов. Если бы Барберио, умирая, поднял взгляд, он смог бы увидеть совершенно неуместную в кинотеатре фреску, изображающую явление Святого Духа, и отошел бы в мир иной очищенным и просветленным. Но Барберио, умирая, грезил о танцующих девочках. Возможно, так лучше для него.

Стена, через которую пробивался и падал на бездыханное тело тусклый свет, предназначалась для того, чтобы закрыть фреску от любопытных глаз. Возвести такую перегородку — мудрое решение; по крайней мере лучше, чем заштукатуривать фреску или выставлять ее на всеобщее обозрение. Возможно, тот, кто обустроивал помещение, втайне подозревал, что кинотеатр вскоре тоже сторит, лопнет, как мыльный пузырь. Тогда можно будет сломать перегородку, и здесь вновь будут поклоняться не Гарбо, а Господу.

Но этого не произошло. Мыльный пузырь не лопнул, некоторые фильмы приносили хорошие кассовые сборы, и про закуток, где умер Барберио, позабыли. Ведь никто не знал о его существовании. Если бы злосчастный беглец обыскал все строения города от чердаков

до подвалов, нигде он не нашел бы места более укромного и безопасного.

Однако уже на протяжении пятидесяти лет воздух в маленьком помещении жил своей жизнью. Он впитывал в себя вибрации, исходящие от экрана, и тысячи, десятки тысяч глаз посылали свою энергию в этот резервуар. Полвека в кинотеатре бушевали киношные страсти, и воздух впитывал в себя человеческие симпатии и антипатии. Он проникался силой, переполнялся ею, был заряжен уже до предела. Назревал взрыв. Не хватало лишь катализатора...

Им стали раковые клетки Барберо.

2

Основной сюжет

После двадцатиминутного ожидания в душном фойе девчонка в желтом платье выглядела весьма взволнованной. Было почти три часа утра, уже закончились ночные сеансы.

Восемь месяцев прошло с тех пор, как Барберо умер в душном закутке за экраном. Восемь долгих месяцев жизнь шла своим чередом. Кинотеатр не слишком процветал, но ночные сеансы по пятницам и субботам всегда давали хороший кассовый сбор. Сегодня демонстрировались два фильма с Иствудом: спагетти-вестерны. Девочка в желтом платье не походила на поклонницу вестернов. По мнению Берди, вестерн — не женский жанр. Возможно, девушка пришла посмотреть на Иствуда, а не фильм. Хотя Берди никогда не понимала, в чем привлекательность его вечно прищуренного лица.

— Чем могу помочь? — участливо спросила Берди.

Девчонка вздрогнула и взглянула на нее хмуро и недоверчиво.

— Я жду своего приятеля, — ответила она. — Его зовут Дин.

— Вы его потеряли?
— Он пошел в уборную и до сих пор не вернулся.
— А не был ли он... гм... не было ли ему плохо?
— Нет-нет,— быстро произнесла девчонка, отметая все сомнения в трезвости своего друга.

— Я пошлю кого-нибудь поискать его,— сообщила Берди.

Было уже поздно, она жутко устала за день — совершенно без сил, как выжатый лимон. Идея провести здесь еще полчаса не слишком привлекала. Берди хотела домой, в теплый душ и спать, просто спать. В тридцать четыре года, решила она, с сексом пора завязать. Кровать — только для сна, особенно у таких толстух.

Берди толкнула дверь в зал и почувствовала тошнотворный запах пота, воздушной кукурузы и сигарет. Здесь было на несколько градусов жарче, чем в фойе.

— Рики!

Рики закрывал выход из кинотеатра.

— Проклятая вонь почти исчезла,— сообщил он.

— Хорошо.

Несколько месяцев тому назад в кинозале, около экрана, появилась странная вонь.

— Уже все нормально,— повторил Рики.

— Не мог бы ты мне помочь?

— А что нужно?

Он медленно побрел навстречу по проходу между кресел, позвякивая ключами. Сегодня он был в футболке с надписью «Хорошо умереть молодым».

— Что случилось?

— Девочка потеряла своего друга. Говорит, он пошел в сортир и не вернулся.

— В сортир?

— Да. Посмотри, пожалуйста. Тебя это не слишком затруднит?

Рики изобразил на лице подобие вежливой улыбки. Отношения у него с Берди сейчас были натянутые: слишком много времени проведено вместе, а это не помогает

сохранить симпатию. Они изрядно надоели друг другу. К тому же Берди сделала несколько весьма язвительных замечаний относительно знакомств Рики, задев его больные места, и онотреагировал соответственно. Более трех недель они дулись друг на друга и не разговаривали, теперь же наступило перемирие. Они здоровались и обменивались деловыми фразами, не более.

Рики нехотя побрел по пыльной ковровой дорожке обратно к выходу, рядом с которым находилась дверь в туалет, по дороге поднимая сиденья кресел. Когда-то зал был недурно оборудован, и кресла знавали лучшие времена. Их давно уже пора сменить или хотя бы заново обить, а четыре места в шестом ряду уже не спасет никакая починка, их придется выбросить. Рики заметил новую поломку в третьем ряду. Какому-то безмозглому подростку, видимо, наскучило или кино, или его девчонка, или то и другое вместе, и он не нашел ничего лучшего, как разворотить сиденье. Впрочем, несколько лет назад Рики и сам проделывал подобные штуки, считая их протестом против бесчеловечного буржуазного общества вообще и капиталистов, содержащих кинотеатр, в частности. Да, в те времена он натворил немало глупостей...

Берди наблюдала, как он приоткрывает дверь мужского туалета, просовывает голову внутрь, затем входит.

«Ухитрится и здесь разыграть комедию», — улыбаясь, подумала она.

Если честно, когда-то он ей нравился. В былые дни (месяцев шесть назад) худые мужчины с тонкими ногами и энциклопедическим знанием фильмов с Де Ниро были в ее вкусе. Теперь же она смотрела на него как на затонувший корабль надежды. Бисексуал-теоретик, употребляет легкие наркотики, одержим ранними фильмами Поланского, символический пацифист. Ничего нового, ничего интересного. Единственное, что осталось в нем по-прежнему привлекательным, призналась она себе, — это довольно сексуальная задница.

Берди подождала несколько секунд, поглядывая на дверь туалета. Затем решила вернуться в фойе и проверить, как там девчонка. Все было в порядке: девчонка прислонилась к перилам и неумело затягивалась сигаретой, как плохая актриса, изображающая нервное ожидание. Она почесывала ногу, задирая и без того короткое платье.

— И что? — спросила она.

— Менеджер пошел искать Дина.

— Спасибо.

На стройных ножках девочки кое-где виднелись красные прыщи, которые она чесала. Они портили эффект от ее внешности.

— Аллергия, — пояснила она. — Когда я нервничаю, вечно выскакивает.

— Да, неприятно.

— Дин сбежал, это точно. Сбежал, как только я отвернулась. Он всегда так поступает. Ему плевать на всех.

Берди видела, что девушка едва сдерживает слезы. Нет, только не это. Берди не умела справляться с плачущими девчонками. Лучше скандалы, крики, шум. Но только не слезы.

— Все будет хорошо. — Берди с трудом подобрала слова, дабы предотвратить рыдания.

— Не будет, никогда не будет! — покачала головой девочка. — Вы не знаете его. Он ублюдок, грязный, мерзкий ублюдок. Никогда не задумывается о том, что делает. — Она бросила на пол недокуренную сигарету и стала втаптывать ее в пол носком туфли, ожесточенно растирая пепел. — Все мужики такие, да?

Девочка взглянула на Берди с детским простодушием. Ей было не больше семнадцати. Пожалуй, даже меньше. Макияж нанесен мастерски, но тушь слегка размазалась и тени под глазами выдавали усталость.

— Да, к сожалению, одинаковые, — ответила Берди, опираясь на свой многолетний горький опыт.

Она вдруг подумала, что никогда не была хорошенькой, как эта усталая нимфетка. Слишком маленькие глаза, слишком толстые руки... Надо быть честной с собой — не руки, а вся она невыносимо толстая. Но такие руки — самая неприятная черта, считала Берди. Множество мужчин предпочитают женщин с огромным бюстом; некоторым нравятся необъятные задницы, но едва ли найдется хоть один, кто прельстится на большие женские руки. Всем хочется обхватывать запястье по-други двумя пальцами, но запястье Берди обхватить непросто. Точнее сказать, не без злорадства констатировала она, наблюдается полное отсутствие запястий — толстые кисти рук переходят в толстые предплечья, а затем, постепенно, в толстые плечи. Такое отпугнет любого нормального мужчину. Хотя, конечно, дело не только в телесных недостатках: Берди всегда была оригинальна и самостоятельна, а это не самые удобные качества для женщины. Но сама она предпочитала считать, что неудачи на личном фронте вызваны толстыми руками.

А девочка, стоявшая перед ней, была стройной и свежей, с запястьями тоненькими и хрупкими, будто стеклянными.

— Как тебя зовут? — спросила Берди.

— Линди Ли.

— Не волнуйся, Линди, сейчас все уладится.

Рики решил, что ошибся. «Ведь это не может быть мужской туалет», — сказал он себе.

Он стоял на главной улице небольшого городка — точно такого, какой он видел в сотнях вестернов. Начался ураган, и пыльная буря заставила сощурить глаза. Все вокруг заволокло песком и пылью. Сквозь вихри и пелену в охристо-сером воздухе можно было разглядеть склад, контору шерифа и салун. Они стояли там, где по логике вещей предполагались туалетные кабинки. Вырванная с корнем сухая трава носилась в горячем возду-

хе. Земля под ногами явно была сухой почвой прерий; по крайней мере, менее всего это походило на кафель. Ни следа чего-либо, хоть отдаленно напоминающего сортир кинотеатра.

Рики взглянул направо — на дальние дома улицы, едва различимые в желтой дымке. Конечно, все это не может быть реальностью: перспектива, старые домишки, песок под ногами и в воздухе. Все это бред. Возможно, если Рики сконцентрируется и сосредоточится на том, чтобы вернуться в реальность, мираж исчезнет. Или же он сумеет разобраться в его природе: какие-то сложные световые эффекты или черт знает что еще. Рики тщательно сосредоточился, но успеха не достиг. Иллюзия не желала раскрывать свою истинную сущность и сохраняла все признаки реальности.

Ветер усилился. Хлопнула дверь склада, со скрипом отворилась и вновь захлопнулась. Донесся еле уловимый запах навоза. Эффект был великолепен, проклятое навязание действовало на каждый орган чувств. Рики восхитился создателем этой игрушки, кем бы тот ни был. Однако пора возвращаться в реальный мир.

Он повернулся к выходу — и обомлел: дверь туалета пропала за песчаной завесой. Исчезла полностью, будто и вовсе не существовала! Внезапно Рики почувствовал себя очень неудобно.

Дверь склада продолжала хлопать под порывами ветра. Голоса, едва слышные сквозь завывания бури, перекликались вдалеке. Где салун, где контора шерифа? Все исчезло во мгле. Рики охватило забытое ощущение из раннего детства: панический страх, когда ребенок теряет руку взрослого. Но сейчас в роли взрослого выступал здравый рассудок.

Где-то слева прозвучал выстрел, слегка приглушенный завыванием бури. Рики явственно услышал, как что-то просвистело рядом с ухом, а затем почувствовал резкую боль. Он поднес руку, чтобы потрогать мочку уха;

пальцы коснулись чего-то влажного и теплого. Рики потрясенно смотрел на пальцы и не верил, что это кровь, настоящая кровь. Кусок уха был оторван, мочка сильно кровоточила. Либо кто-то всерьез хотел размозжить ему череп и промахнулся, либо эта идиотская шутка зашла слишком далеко.

— Эй, люди! — крикнул Рики в никуда, во вздымающийся песок, пытаясь определить местоположение противника.

Ответа не последовало. Вокруг бушевала буря, взвивались порывы горячего ветра и высушенный под палящим солнцем сорняк. Стрелявший мог находиться в двух шагах и, притаившись, ждать неосторожного движения жертвы, чтобы выстрелить вновь.

— Мне это не нравится, — неуверенно, но громко произнес Рики, смутно надеясь, что реальный мир услышит его и придет на помощь.

Никакой реакции. Он порылся в карманах в поисках пары таблеток или чего-нибудь, что помогло бы исправить ситуацию или поднять настроение. Но не нашлось даже завалящего валиума. Рики почувствовал себя голым. Он словно заблудился посередине кошмара Зейна Грея.

Прогремел второй выстрел. На этот раз Рики не слышал свиста и решил, что в него попали. Но отсутствие боли и крови опровергало эту мысль.

Затем хлопнула дверь салуна и совсем рядом послышался человеческий стон. В кружащемся мареве на секунду образовался просвет. Рики показалось (ручаться он не мог), что из дверей, спотыкаясь, вывалился юноша, а позади него осталась нарисованная комната со столами, зеркалами и потягивающими виски посетителями. Прежде чем удалось разглядеть подробности, просвет исчез, все опять заволокло песком, и вдруг... Юноша оказался совсем рядом. Уже мертвый, с посиневшими губами, он медленно падал прямо на руки Рики. Одет он

был не как персонаж вестерна: под жакетом в стиле пятидесятых виднелась футболка с улыбающимся Микки-Маусом.

Из левого глаза Микки текла кровь. Пуля безошибочно нашла сердце жертвы.

Парень приоткрыл глаза и спросил слабым голосом:

— Что, черт побери, происходит?

И испустил дух.

Последние слова прозвучали не особенно изысканно, но чертовски прочувствованно. Рики тупо уставился в лицо юноши. Мертвец отяжелел, и не оставалось другого выбора, кроме как опустить его на землю. Когда труп парня коснулся почвы, на мгновение показалось, что под ним смутно видны кафельные плитки. Однако через секунду все исчезло в поднявшейся пыли, и Рики вновь стоял на главной улице проклятого города с трупом у ног.

Его охватило вдруг лихорадочное возбуждение, руки и ноги тряслись, зубы стучали. Он ощутил сильнейшее желание помочиться. Еще полминуты, и он не выдержит.

Где-то здесь рядом, в этом диком мире, должны быть писсуары, думал Рики, пытаюсь как-то успокоиться. Здесь должна быть стена с облезлой штукатуркой, испещренная неприличными рисунками и номерами телефонов сексуально озабоченных посетителей. Здесь должны быть смывной бачок, и коробка для туалетной бумаги, где бумаги нет вовсе, и сломанные сиденья. А также запах мочи и дерьма.

«Найди их! — заклинал себя Рики. — Найди хоть что-то реальное, иначе этот материализованный бред окончательно затмит твой разум».

Если исходить из того, что салун и склад расположены на месте туалетных кабинок, то писсуары следует искать позади. Значит, заключил Рики, надо сделать шаг назад. В любом случае хуже не будет. Да и что может

быть хуже, чем стоять посреди иллюзорного мира и ждать, когда придет помощь? Или когда тебя подстрелят, как куропатку...

Два шага, два осторожных шага. Только воздух, пыль в лицо и песок под ногами. Однако третий шаг — боже, неужели? — принес желанный результат: Рики уперся рукой в холодную кафельную стену. Он невольно издал радостный вопль. Это, вне всякого сомнения, писсуар, и найти его в столь безумном мире не менее приятно, чем жемчужное зерно в куче навоза. Запах хлорки и испражнений казался божественным ароматом.

Рики провел еще раз рукой по облупленной стене, дабы удостовериться, что не обманулся, затем расстегнул штаны и стал освобождать мочевой пузырь. Черт, неужели он победил, неужели кошмар рассеялся? Если теперь он повернется, то не увидит ни труп, ни пыльной бури, ни склада, ни конюшен... Несомненно, все это химический эффект, паршивые стимуляторы вдруг сыграли с ним дурную шутку. Рики стряхнул последние капли на ботинки, когда сзади послышался голос героя вестерна:

— Ты решил пописать на моей улице, парень?

Это сказал Джон Уэйн — его характерный голос с ленцой и проглатыванием конечных согласных. Рики был не в силах повернуть голову. Сейчас его прострелят насквозь, речь Джона не оставляла в том сомнений: легкое растягивание слов, скрытая агрессия, угрожающие интонации невинного, казалось бы, вопроса. Ковбой вооружен, а в руках у Рики — только собственный член: защита от пистолета, прямо скажем, слабая. Рики застегнул штаны, затем медленно поднял руки. Впереди таяла в воздухе, заволакиваясь пеленой, туалетная стена. Слышались завывания бури. Кровь из раненого уха капала на землю.

— Послушай, парень, сейчас ты снимешь свой ремень с кобурой и положишь на землю. Все ясно?

— Да.

— Делай это медленно, тихо и аккуратно, а потом опять поднимешь руки.

Медленно, как приказано, Рики отстегнул ремень, вынул его из джинсов и бросил на пол. Ключи должны были зазвенеть, упав на кафель. Рики надеялся из последних сил, что это случится и реальность вновь обретет свою власть. Ничего подобного. Звук был приглушенным, будто ключи действительно упали на песок.

— Замечательно,— сказал Уэйн.— Ты начинаешь кое-что понимать. Что ты теперь мне скажешь?

— Я извиняюсь,— неуверенно произнес Рики.

— Извиняешься?

— Ну да...

— Не думаю, что ты так просто отделаешься.

— Но это какая-то ошибка...

— Ничего не знаю. От вас, приезжих, вечно одни неприятности. Чего стоил этот мальчишка: спустил штаны по самые щиколотки и гадил в салуне! Где вас, сукиных сынов, учили таким манерам? В ваших долбаных школах?

— Я, право же, не знаю, как объясниться...

— Не стоит труда. Ты вместе с мальчишкой?

— Если можно так сказать...

— Не говори загадками!

Рики почувствовал, как холодный ствол пистолета уперся ему между лопаток. Джон продолжал:

— С ним ты или без него?

— Мои слова означают...

— Твои слова ничего не значат здесь, на моей территории. Как и твоя жизнь, запомни.— Уэйн отстранился.— А теперь, парень, ты повернешься, и мы посмотрим, что у тебя внутри.

Рики уже видел такие сцены: человек поворачивается, и Уэйн стреляет. Никаких дебатов, ни минуты на обсуждение этики происходящего; пуля всегда более права, чем словесные аргументы.

— Поворачивайся, я сказал.

Медленно, очень медленно Рики повернулся к герою вестерна. Перед ним стоял вполне реальный человек — или столь же великолепно, как все остальное здесь, выполненная иллюзия. Уэйн среднего периода, тех времен, когда он еще не приобрел брюшко и нездоровый цвет лица. Старый добрый Уэйн, весь в пыли после долгих путешествий, глаза сощурены от пристального вглядывания в горизонт. Рики никогда не любил вестерны. Он ненавидел стреляющие ружья, возвеличивание грязи и дешевый героизм. Его поколение засовывало цветы в жерла танков и призывало заниматься любовью вместо войны; Рики до сих пор не изменил убеждений.

Лицо человека, стоявшего перед ним, — бескомпромиссное, подчеркнуто мужественное — воплощало всю официальную ложь о славе американских первопроходцев, о справедливости правосудия, о нежных сердцах суровых людей. Рики ненавидел это лицо; руки его непроизвольно сжались для удара.

Черт возьми, если этот актер, кто бы он ни был, намерен пристрелить Рики, почему бы не замазать напоследок убудку по физиономии? Импульсивно, не успев ничего толком сообразить, Рики сжал кулак и резко выбросил его вперед. Костяшки пальцев встретили подбородок Уэйна. Актер оказался более медлительным, чем персонаж на экране. Он пропустил удар, и Рики получил возможность выбить пистолет из рук противника. Он закрепил победу серией ударов по корпусу, какие видел в кино. Вид со стороны, наверное, был захватывающий.

Ковбой был крупнее и крепче Рики, но не устоял перед натиском. Он покачнулся и отступил, запутавшись шпорами в волосах мертвого юноши, споткнулся о тело и упал.

Рики при виде поверженного врага ощутил незнакомое прежде возбуждение, почти ликование. Боже, он

одолеет самого крутого в мире ковбоя! Победа пьянила, и Рики едва сдерживал радостный вопль.

Буря усиливалась. Уэйн лежал на земле, утирая кровь с разбитых носа и губы.

— Вставай,— приказал Рики решительным голосом, стараясь не упустить преимущество, добытое с таким трудом.

Уэйн усмехнулся.

— Неплохо, сынок,— заметил он, потирая подбородок.— Из тебя получится настоящий мужчина.

Буря шумела вокруг, песок летел в глаза и уши Рики, кружил в воздухе, сплошной пеленой укрывал Уэйна. Внезапно Рики потерял его из виду. Перед ним была форма, которая одновременно являлась и не являлась Уэйном. В ней проступало нечто нечеловеческое.

Пыль залепила глаза Рики. Он отступил на несколько шагов, совершенно потрясенный. Ветер хлестал в лицо, толкал, шумел в ушах. Внезапно Рики увидел дверь, и руки его уперлись в стену. Это выход, о боже, это спасение!

Оказавшись в тишине и безопасности кинотеатра, он заплакал (впервые с тех пор, как начал бриться и пообещал себе всегда быть крутым), а потом впал в ступор.

В фойе Линди Ли рассказывала Берди, почему она не любит кино.

— Дин любит фильмы про ковбоев. Мне они не нравятся. Наверное, я не должна говорить вам...

— Нет, говори, все в порядке.

— Но я действительно не в восторге от этих фильмов. У вас, наверное, все иначе. Вы ведь здесь работаете.

— Мне тоже нравится далеко не все.

— Правда? — Девочка выглядела изумленной. Много в этом мире, похоже, изумляло ее.— А я вот, знаете, люблю кино про животных.

— Про животных?

— Ну да, про их жизнь и всякое такое прочее.

Берди сразу поняла, что оратор из девчонки никому-дышный, но, несмотря на некоторую косноязычность, Линди Ли была очень и очень мила.

— Интересно, что их там задержало? — нахмурилась Линди.

Рики отсутствовал несколько минут в реальном времени. Но в кино время течет по своим законам.

— Пойду взгляну, — сказала Берди.

— Он ушел без меня, я знаю, это точно, — снова повторила девочка.

— Не расстраивайся, сейчас все выясним.

— Спасибо.

— Все будет хорошо.

Берди легко коснулась тонкого запястья девушки и двинулась прочь. Оставшись одна, Линди вздохнула. Дин был не первым мальчиком, бросившим ее. Ей не везло с приятелями. Но сейчас, если честно, она была не слишком расстроена. Линди придерживалась своих представлений о том, какие отношения и с кем ей заводить. С Дином явно не стоило поддерживать близкое длительное знакомство. От его волос и рук несло дизельным топливом, он был наглым и ненадежным. Ну и черт с ним; как говорит в таких случаях мама Линди, не последняя рыбка в море.

Девушка изучала расписание фильмов на следующую неделю, когда какой-то стук сзади заставил ее обернуться. Посреди фойе сидел толстенный серый кролик. Шерсть кое-где вылезла, и была видна нежная розовая кожа. Зверек смотрел на Линди.

— Привет, — улыбнулась девочка.

Кролик начал вылизывать шкурку, потешно переставляя лапки и быстро шевеля ноздрями.

Линди любила животных. Единственный киножанр, интересовавший ее, — съемки зверей в естественной среде обитания. Затаив дыхание, она наблюдала за таин-

ственными танцами скорпионов, потешными ужимками обезьян, быстрыми антилопами... Но больше всего девочка любила кроликов.

Кролик подпрыгнул, затем остановился в нерешительности, секунду подумал и сделал еще пару прыжков к девочке. Линди наклонилась, чтобы погладить животное. Кролик был мягким и теплым, он уткнулся ей в ладонь влажным носиком. Глазки у него блестели, как бусинки. Кролик помедлил с минуту около Линди и поскакал мимо нее вверх по ступенькам.

— Ой, не думаю, что нам с тобой следует туда подниматься, — сказала Линди.

Наверху, куда направился кролик, было темно. Светящееся табло на стене гласило: «Только для обслуживающего персонала». Кролик остановился на предпоследней ступеньке и повернулся к девочке, словно призывая следовать за собой, и Линди взбежала по ступенькам.

— Эй, где ты? — крикнула она в темноту, но зверек исчез.

Вместо него что-то странное смотрело из темноты светящимися глазами.

Для Линди Ли не требовалось создавать сложные иллюзии — как, например, для Рики. Девчонка и так была погружена в мечты. Легкая добыча.

— Привет, — сказала Линди Ли, слегка напуганная присутствием непонятного существа в темноте.

Но ответа не последовало. Она старалась разглядеть хоть какие-нибудь очертания, но тщетно: ничего. Не видно лица, даже не слышно дыхания.

Линди отступила на шаг, собираясь сбежать вниз по ступеням, но не тут-то было. Существо настигло ее в одно мгновение. Несчастная не успела издать ни звука, когда ее схватили и утащили наверх, в темноту проема. Все произошло за считанные секунды. Фойе снова погрузилось в ночную тишину и покой, словно ничего и не случилось.

— Рики! О боже, Рики!

Берди склонилась над бездыханным телом приятеля и потрясла его. Затем прислушалась: нет, дыхание есть, хоть и слабое. Сначала ей показалось, что парень истекает кровью, но при детальном рассмотрении выяснилось: у Рики всего лишь слегка оцарапано ухо.

Она встряхнула его посильнее, но с тем же результатом. После нескольких попыток все-таки удалось нащупать пульс. Очевидно, на Рики напали. Возможно, это сделал отсутствующий приятель Линди. В таком случае, где он сейчас? Наверное, по-прежнему скрывается в туалете, вооруженный и безумный. Берди не до такой степени дура, чтобы проверять это лично. Подобные ситуации она видела в тысяче фильмов. Женщина в опасности — весьма трогательный и увлекательный сюжет. В темной комнате притаился вооруженный бандит или хищная тварь, а героиня, дрожа от страха, переступает порог. Нет, Берди не последует этому клише. Она будет действовать благоразумно: преодолев естественное любопытство, немедленно вызовет полицию.

Оставив Рики лежать на том же месте, она вышла в фойе.

Там никого не было. Возможно, Линди Ли не стала дожидаться своего дружка, а нашла на улице кого-то другого, кто проводит ее до дому. Так или иначе, входная дверь в кинотеатр захлопнута, а Линди исчезла, оставив после себя лишь слабый запах детской пудры «Джонсонс». Прекрасно, одной проблемой меньше, решила Берди и направилась в кассу, где стоял телефон. Она почти радовалась, что у девчонки хватило здравого смысла закончить свое неудачное свидание.

Берди сняла трубку и немедленно услышала голос, вкрадчиво проговоривший:

— Не правда ли, уже слишком позднее время для телефонных звонков?

Это не оператор, Берди была уверена — ведь она не успела даже набрать номер. В любом случае голос в трубке чертовски походил на голос Питера Лорра*.

— Кто говорит?

— А вы меня не узнаете?

— Я хочу позвонить в полицию.

— С удовольствием помогу вам. Чем могу быть полезен?

— Немедленно убирайтесь! Это возмутительно! Мне нужно дозвониться в участок.

— Весьма сожалею.

— Кто вы?

— Вот, вы уже включились в игру.

— У меня неприятности... Не могли бы вы...

— Бедный Рики!

Странно, откуда этот неизвестный мерзавец знает Рики? Бедный Рики, сказал он. Дико.

Берди почувствовала, как лоб покрывается испариной. Ситуация все больше и больше пугала ее.

— Бедный, бедный Рики,— опять промурлыкал голос в трубке.— И все же я уверен, что нас ждет счастливый конец, не так ли?

— Это вопрос жизни и смерти. Освободите линию! — настаивала Берди, удивляясь своей выдержке.

— Я знаю,— ответил Питер, или кто он там был.— Не правда ли, это возбуждает?

— К черту! Освободите линию! Или помогите мне...

— Помочь? К чему? Что такая толстая глупая девчонка, как ты, может сделать в подобной ситуации?

— Заткнись, ублюдок!

— С превеликим удовольствием.

— Я знаю тебя?

— И да и нет.— Голос в трубке странно менялся.

* Питер Лорр (1904–1964) — американский киноактер, сценарист, режиссер. (Здесь и далее прим. ред.)

— Один из друзей Рики, да?

Идиотские игры. Эти парни иногда позволяют себе совершенно дурацкие шутки.

— Ладно, пошутили — и будет, — спокойно сказала Берди. — Теперь мне нужно позвониться в участок, пока не случилось ничего серьезного.

— Конечно-конечно, я понимаю. — Голос становился все более мягким. — Как не понять... — Теперь голос был женским, акцент и интонации изменились. — Ты пытаешься помочь мужчине, которого любишь, это так трогательно.

Это был голос Греты Гарбо. Не узнать ее невозможно.

— Бедный Ричард, — вздохнула Гарбо. — Он так старался, несчастный.

Она говорила нежно, как агнец. Берди онемела. Преображение казалось невероятным, интонации стали настолько же безупречно женственными, насколько мужественными были в начале разговора.

— Хорошо, вам удалось произвести на меня впечатление. Не могу ли я теперь наконец связаться с копами?

— Сегодня чудная ночь, Берди. Замечательная ночь для прогулок при луне. Как хорошо было бы нам, двум милым девушкам, пройти и подышать воздухом.

— Вы знаете мое имя?

— Да, конечно. Я ведь рядом, совсем близко.

— Что вы подразумеваете под словом «близко»?

Ответом был смех. Низкий грудной смех Греты Гарбо.

Берди больше не могла этого выносить. Трюк был исполнен мастерски, и она даже начала поддаваться иллюзии, будто действительно разговаривала со звездой.

— Нет, вы не убедили меня, — из последних сил сохраняя спокойствие, произнесла Берди. Затем ее терпение лопнуло, и она заорала в трубку: — Подонки! — так громко, что задрожала мембрана. И швырнула трубку на рычаг.

Берди вышла из кассы и направилась к входной двери. Ее ждал неприятный сюрприз: дверь была не просто закрыта, а заперта снаружи на ключ. Берди тихо ругнулась.

Неожиданно фойе стало теснее, чем обычно, словно пространство вдруг сузилось. И запас терпения тоже вдруг иссяк. Берди почувствовала, что она на грани истерики, но усилием воли сдержалась. Надо все обдумать, решила она. Итак, первое: дверь заперта. Линди Ли не делала этого, Рики тоже не мог, а уж за себя Берди ругалась. Следовательно...

Второе: здесь находится некто посторонний. Возможно, преступник или маньяк. Это он (она, оно) только что разговаривал по телефону. Следовательно...

Третье: он, она или оно имеет доступ к другому аппарату в этом здании. Второй телефон стоит в складском помещении. Но Берди не собиралась проявлять чудеса героизма и подниматься наверх по темным ступенькам. Следовательно...

Четвертое: нужно отпереть дверь тем ключом, что имеется у Рики.

Вот конкретный выход. Надо взять у Рики ключи. Итак, вперед.

Она пошла через фойе в зал. Лампы вокруг то гасли, то вспыхивали, словно подмигивая. Или это мерещится с перепугу? Нет, точно. Кажется, Берди улавливала в этом мерцании какой-то ритм, словно биение сердца.

Некогда над этим задумываться. Вперед.

Она ускорила шаг. Впереди послышались тихие стоны: Рики приходил в себя. Берди наклонилась к нему, но не обнаружила ни связки ключей, ни ремня, на котором она висела.

— Рики... — позвала Берди.

Стоны усилились.

— Рики, ты меня слышишь? Это я, Берди.

— Берди?

— Да, я. У нас неприятности. Мы заперты. Где твои ключи?

— Ключи?

— У тебя была связка ключей, Рики.— Она говорила медленно и вятно, словно беседовала с дауном.— Куда она делась? Подумай.

У Рики, очевидно, что-то прояснилось в мозгу, и он сел, обхватив руками голову.

— Мальчик,— сказал он.

— Какой мальчик?

— В туалете. Он мертв.

— Мертв? Боже! Ты уверен?

Казалось, Рики находится в трансе. Он смотрел не на Берди, а куда-то в пустоту перед собой, словно разглядывал что-то невидимое для других.

— Где ключи? — настойчиво повторила Берди.— Рики! Это важно. Сосредоточься.

— Ключи?

Ей хотелось дать ему пощечину, но лицо Рики было окровавлено, и ударить его смог бы лишь садист.

— На полу,— произнес Рики через некоторое время.

— В туалете? На полу в туалете?

Он кивнул, а затем замотал головой, отгоняя от себя какие-то ужасные мысли. Казалось, он едва сдерживает слезы.

— Все уладится,— произнесла Берди.

Рики обхватил руками лицо, словно желая удостовериться, что это действительно он.

— Я... здесь? — тихо произнес Рики.

Но Берди уже не слышала его — она решительным шагом двинулась к двери в туалет. Она войдет туда и возьмет ключи. Есть там труп или нет, ее не касается. Она сделает это немедленно. Зайдет, возьмет ключи и спокойно выйдет.

Берди открыла дверь. В мужской туалет она заходила в первый и, как надеялась, в последний раз.

Внутри было темно. Слабо мерцала лампочка. Ее мигание напоминало пульсирующие вспышки света в фойе, только значительно слабее. Берди постояла в дверях, ожидая, пока глаза привыкнут к полутьме, затем переступила порог. Туалет был пуст. Никакого мальчика, ни живого, ни мертвого.

Зато обнаружились ключи. Ремень был погружен в унитаз, и Берди, чертыхаясь, принялась вылавливать его из зловонной жижи. Отвратительный смрад раздражал обоняние. Отделив кольцо с ключами, Берди поспешила вернуться в относительную чистоту и свежесть кинотеатра. Все очень просто, никаких проблем.

Рики тем временем дополз до кресла, опустился в него и теперь ожидал Берди с несчастным выражением лица. Он выглядел очень скверно и явно жалел себя.

— Я нашла ключи,— сообщила Берди.— Они действительно были там.

Рики поднял на нее глаза и промышчал нечто нечленораздельное. Да, он действительно был не в себе. Остатки симпатии покинули Берди. Рики явно галлюцинировал, и это снова его проклятая химия.

— Никакого мальчика там нет, Рики.

— Что?

— Я говорю, в туалете никого нет. Ни мертвого мальчика, ни живого. Признайся честно, на чем ты теперь сидишь? Снова какая-нибудь дрянь типа транквилизаторов?

Рики взглянул на свои трясущиеся руки.

— Я ничего не принимал. Честное слово.

— Очень глупо. Идиотский розыгрыш.

Однако Берди говорила без особой уверенности. Она знала, что такие шутки вовсе не в стиле Рики. Он в этом смысле был очень строг, что являлось одной из его привлекательных черт.

— Рики, а не позвать ли нам врача?

Он медленно покачал головой.

— Ты уверен?

— Не нужно врача.

Ладно, пусть будет, как он хочет.

Берди двинулась к выходу, потом остановилась у двери в фойе.

— Послушай, здесь творится что-то странное. Не мог бы ты последить за дверью, пока я вызову копов? Кажется, к нам проник кто-то посторонний.

— Да, конечно.

Рики сидел в кресле, наблюдал за мигающими огоньками ламп и всерьез думал о своей вменяемости. Берди сказала, что никакого мальчика там нет; предположим, что она права. Лучший способ убедиться — еще раз сходить туда самому. Если действительно никого и ничего нет, все тихо и мирно, то полчаса назад у него случилась галлюцинация. До жути реальный бред, вызванный каким-то препаратом, принятым накануне. В этом случае стоит пойти домой, выспаться как следует и утром проснуться со свежей головой. Все так, но меньше всего на свете ему сейчас хотелось снова заглядывать в мерзкий вонючий сортир... А вдруг Берди ошиблась, вдруг это у нее голова не в порядке? Интересно, существует ли такая вещь, как бред нормальности?

Кое-как Рики заставил себя подняться и побрел к двери в туалет. Переборов минутное замешательство, он все же вошел. Внутри царил полумрак, но вполне можно было разглядеть, что никаких песчаных бурь, мертвых мальчиков, вооруженных ковбоев здесь нет и быть не может. Все-таки воображение — чертовски занятная штука, думал Рики. Так легко создать другую реальность. Это чудесно. Жаль, что нельзя направить психическую энергию в более конструктивное русло. Какие-то химеры, которые сам себе создаешь и сам же их боишь-

ся. Но ничего не поделаешь; что-то теряешь, что-то находишь.

А затем он увидел кровь. На кафельном полу. Совершенно реальную. И это была не кровь из его расцарапанного уха, нет. Ее пролилось слишком много, она уже засохла и побурела. Случившееся — вовсе не иллюзия. И неизвестно, что хуже: слегка съехать и галлюцинировать, что вполне поправимо, или же действительно оказаться игрушкой в руках неведомой силы.

Рики проследовал за кровавой линией на полу. Она вела к одной из кабинок, теперь закрытой, но прежде она была открыта, это Рики помнил точно. Рики понял сразу, даже не заглядывая внутрь: убийца спрятал мальчишку там. Это и так было ясно, но он все же резко потянул за ручку, и дверца кабинки открылась. Он увидел тело мальчика, лежащее в неудобной позе на полу возле унитаза, с раскинутыми руками и ногами. Глаз у трупа не было. По щекам висели нервные окончания, и чувствовалось, что глаза удалены не рукой хирурга, а вырваны грубо и небрежно. С трудом сдерживая рвотные позывы, Рики повернулся и пошел к выходу. Желудок его конвульсивно сжимался, явно намереваясь выплеснуть наружу свое содержимое, но усилием воли Рики сдержался. Прикрыв рукой рот, он подошел к двери. Все время ему казалось, что труп сейчас поднимется на ноги и пойдет за ним, требуя вернуть деньги за билет в это ужасное заведение. Черт бы побрал Берди! Толстуха ошибалась — у нее, а не у Рики были галлюцинации. Смерть здесь. И даже хуже...

Рики выскочил в кинотеатр, плотно прикрыв за собой дверь. Настенные огни мерцали, отбрасывая причудливые тени; казалось, они сейчас погаснут, как догоревшие свечи. Но темнота — это слишком, ее он не перенесет. Мерцание что-то напоминало, что-то знакомое было в этом пульсирующем свете. Рики мучительно пытался вспомнить, но не мог. В совершенной растеря-

ности он минуту стоял в проходе между рядами. Затем он услышал голос.

«Вот и моя смерть»,— подумал Рики и поднял голову.

Она шла по проходу ему навстречу и улыбалась.

— Привет, Рики! — сказала она.

Это была не Берди. Берди никогда не носила таких чудных полупрозрачных платьев, подчеркивающих великолепную фигуру (которой, кстати, тоже не имела); эти белокурые локоны и красные чувственные губы тоже никак не могли принадлежать ей. Перед ним стояла Монро, цветущая американская роза.

— Не хотите ли со мной познакомиться? — вкрадчиво произнесла она. Глаза ее сияли, обещая неземное наслаждение.

— Э-э-э...

— Рики, Рики, Рики... И после этого всего...

После чего «всего этого»? Что она имеет в виду?

— Кто ты? — спросил он.

Она послала ему ослепительную улыбку.

— Как будто ты не знаешь.

— Но ты же не Мерилин. Мерилин мертва.

— В кино никто не умирает, Рики, ты знаешь это не хуже меня. Ты вновь можешь воскреснуть на экране. Целлулоид сохранит твой образ от разрушительного воздействия времени.

И тут Рики понял, что напоминает ему мерцание ламп в зале: луч прожектора, проходящий сквозь целлулоидную пленку, мелькание кадров, рождающее живые образы из тысяч маленьких смертей.

— И вот мы снова здесь, снова танцуем и поем, как прежде,— она засмеялась нежным смехом, словно льдинки зазвенели в воде.— Наши лица никогда не сотрет безжалостное время, мы будем вечно молоды и прекрасны.

— Но ты ненастоящая,— произнес Рики.

Мерилин сделала скучающее лицо, словно ей до ужаса надоели его нудные мелочные придирки. Теперь она была совсем рядом, не более чем в трех шагах от него. Иллюзия была полной и настолько реальной, что Рики уже не решился бы утверждать, будто перед ним не живая Монро. Она была прекрасна и желанна, и Рики готов взять ее прямо сейчас, здесь, в этом зале между рядами. Пускай даже она — лишь игра воображения. Иллюзию тоже можно трахнуть, если не хочешь жениться на ней.

— Я хочу тебя,— сказал Рики, и нелепость собственных слов поразила его.

Но еще больше шокировал ответ Мерилин:

— Это я хочу тебя. Ты мне ужасно нужен. Ведь я очень слаба.

— Ты слаба?

— Ты же знаешь, как тяжело быть в центре внимания. Начинаешь нуждаться в этом больше и больше. Тебе становится необходимо ежедневное обожание и поклонение, эти тысячи глаз, неотрывно следящие за каждым твоим жестом.

— Я и слежу.

— Ты находишь меня прекрасной?

— Ты божественна, кем бы ты ни была.

— Какая разница, кто я? Я твоя.

Прекрасный ответ. Она — его воплотившаяся мечта, великолепная иллюзия, созданная воображением и ставшая реальностью.

— Смотри на меня, Рики. Ты будешь смотреть на меня вечно. Мне нужны твои любящие взгляды. Я не могу без них жить.

Чем дольше Рики смотрел на нее, тем реальнее становился ее образ. Мерцание света угасло, и зал погрузился в спокойный, ровный полумрак.

— Не хочешь ли обнять меня?

Он уже начал бояться, что об этом не пойдет речь.

— Да,— произнес он.

— Прекрасно.

И Мерилин улыбнулась такой манящей улыбкой, что Рики невольно подался вперед и протянул к ней руки. Но в последний момент она уклонилась от его объятий и, смеясь, побежала по проходу к экрану. Рики бросился следом, сгорая от нетерпения. Она хочет поиграть; что ж, прекрасно, так ему даже больше нравится. Мерилин забежала в узкий закуток возле экрана, откуда не было выхода. Там-то он ее и настигнет. Мерилин явно ждала этого: она прислонилась к стене, слегка расставив ноги и немного закинув голову назад.

Рики был уже в двух шагах от цели, когда внезапно налетевший порыв ветра задрал ей юбку. Словно парус, развевающийся под дуновением ветерка, юбка обернулась вокруг талии Мерилин, открыв ее тело ниже пояса. Она смеялась, прикрыв глаза. Белья на ней не было. И вот он настиг ее; теперь она не уклонялась от его прикосновений. Рики уставился, как зачарованный, на ту часть Мерилин, которую никогда прежде не видел и о которой грезили миллионы зрителей. На внутренней поверхности ее бедра он увидел два кровавых отпечатка. Белоснежная кожа контрастно подчеркивала небольшие бурые пятна, и Рики понял, что это не ее кровь. Для него вдруг все переменялось: он не видел больше живой зовущей плоти. Ему явилось нечто нечеловеческое, и в этом странном видении отчетливо выделялись глаза — кровавые глаза мальчика. Это был бред. Рики смотрел, не отрываясь. По выражению его лица Мерилин (или кто это?) поняла, что он увидел слишком много.

— Ты убила его,— потрясенно прошептал Рики.

Видение было настолько чудовищным, что Рики почувствовал, как у него сжимается желудок. Но странно: отвращения он не ощутил. Кошмарная картина не уничтожила его желание, а, наоборот, усилила его. Пускай перед ним убийца, но ведь она — легенда, и это главное.

— Люби меня,— медленно произнесла Мерилин.— Люби меня вечно.

Он подошел к ней, полностью отдавая себе отчет в том, что совершает ошибку. Что его поступок означает смерть. Но что есть смерть? Ведь все относительно в этом мире. Настоящая Мерилин мертва, но какое ему дело? Вот она стоит перед ним: призрак, сотканный из воздуха, или бред воспаленного воображения — какая разница. Он будет с ней, кем бы она ни была.

Они обнялись. Рики поцеловал ее, ощущая нежность и мягкость ее губ. Поцелуй доставил ему невероятное удовольствие. Желание достигло апогея. Мерилин обхватила Рики тонкими, почти прозрачными руками. Он чувствовал себя на вершине блаженства.

— Ты придаешь мне силы. Продолжай смотреть на меня, иначе я умру. Так всегда происходит с призраками.

Объятия сжимались все сильнее. Рики уже было тяжело и хотелось освободиться.

— Не пытайся,— проворковала она ему на ухо.— Ты мой.

Он обернулся, чтобы посмотреть на ее руки, теснее сжимавшие кольцо объятий. Но рук уже не было — ни пальцев, ни запястий. Они превратились в петлю, что стягивала его все более туго.

— О боже! — вырвалось у него.

— Смотри на меня! — Ее голос утратил всякую мягкость.

Ничего не осталось от той Мерилин, что обнимала его пару мгновений назад. Петля снова сжалась, и из груди Рики вырвался вздох. Попытки к бегству бесполезны. Его позвоночник треснул под невыносимым давлением, и боль пронзила тело как пламя, взорвавшись в глазах всеми цветами радуги.

— Убирайся из этого города,— услышал Рики.

Но перед ним была уже не Мерилин. Сквозь прекрасные и совершенные черты ее лица проступило лицо Уэйна. Ковбой смотрел презрительно. На какую-то долю секунды Рики отметил его взгляд, но затем образ

стал разрушаться. Теперь что-то иное, незнакомое, проявилось в обращенном к нему лице. Тогда Рики задал последний в своей жизни вопрос.

— Кто ты?

Он не получил ответа. Существо явно обрело энергию от его изумления. Из груди создания вырвались щупальца, напоминающие рожки улитки, и потянулись к голове Рики.

— Ты нужен мне.

Это был не голос Монро. И даже не голос Уэйна. Он принадлежал неведомой жестокой твари.

— Я чертовски слаб. Жизнь в вашем мире очень утомляет меня.

Чудовище тянулось к Рики, готовясь запустить в него ужасающие щупальца, заменившие ласковые руки Мерилин. Рики чувствовал, как из него уходит энергия и жизненные силы оставляют его. Неведомое существо насыщалось и становилось все более мощным по мере того, как жертва слабела и угасала. Рики отдавал себе отчет, что должен быть уже мертвым, поскольку давно перестал дышать. Он не знал, долго ли это продолжалось — возможно, минуты. Рики не был уверен.

Пока он прислушивался к биению своего сердца, щупальца обвили его голову и проникли в уши. Даже в таком состоянии ощущение было отвратительным. Рики хотелось закричать, чтобы прекратилось это. Но щупальца уже рылись в его голове, рвали барабанные перепонки, проникали в мозг, копошились в нем, словно черви. Он был еще жив — даже теперь, глядя на своего мучителя и ощущая, что конечности твари нащупали и выдавливают его глаза. Глаза Рики разом вспухли и вырвались из глазниц. В одно мгновение он увидел мир с совершенно неожиданных точек, в новом ракурсе. Взгляд его скользнул по собственной щеке, затем по губам, подбородку. Ощущение было ужасающим, но, к счастью,

коротким. Картины тридцати семи лет жизни прокрутились перед мысленным взором Рики, и он упал, погрузившись в неведомое.

Происшествие с Рики заняло не более трех минут. Все это время Берди перебирала ключи из связки, пытаясь найти тот, что подходит к двери. Но бесполезно. Если бы не ее упрямство, давно пора было вернуться в зал и попросить о помощи. Механические предметы, в том числе замки, являли собой вызов ее самолюбию. Она презирала мужчин, вечно чувствующих свое превосходство во всем, что касается приборов, систем или логики. Берди скорее умерла бы, чем поплелась к Рики, чтобы продемонстрировать ему свою неспособность открыть чертову дверь. К тому времени, когда она оставила эти попытки, Рики был уже мертв. Берди красочно выругала каждый ключ в отдельности и всю связку в целом — она признала поражение. Видимо, Рики знал секрет обращения с этими штуковинами. Ну бог с ним. Теперь она желала одного: поскорее вырваться отсюда. Стены начали давить на нее. Она боялась оказаться взаперти, так и не узнав, что же стряслось наверху.

Ко всему прочему, огни в фойе стали меркнуть. Они умирали один за другим. Что это, в конце концов, за чертовщина?

Внезапно все огни погасли. Берди готова была поклясться, что в тот же миг за дверью послышалось какое-то движение. Откуда-то сбоку на нее струился свет более сильный, чем луч фонаря.

— Рики? — бросилась она в темноту, которая поглотила ее слова. Берди не очень-то верила, что там Рики, и потому повторила шепотом: — Рики...

Створки раздвижной двери мягко сомкнулись, будто кто-то прикрыл их изнутри.

— Ты?!

Воздух был наэлектризован: она шла к двери, с ее туфель слетали искры, волосы на руках стали жесткими, свет делался ярче с каждым шагом. Берди на мгновение остановилась, задумавшись о природе своего любопытства. Она понимала, что это не Рики. Возможно, это тот, с кем она разговаривала по телефону. Какой-нибудь маньяк со стеклянными глазами, охотящийся на полных женщин. Берди отступила на два шага к билетной кассе, из-под ног ее разлетались электрические искры. Она потянулась под стойку за железным ломиком, который Берди называла колотун. Берди держала его здесь с тех пор, как однажды ее поймали в кассе три бритоголовых вора с электрическими дрелями. В тот раз она закричала, и воры сбежали, но она поклялась, что в следующий раз скорее прикончит кого-нибудь (или всех), не раздумывая, чем позволит себя терроризировать. Ее оружием стал трехфутовый колотун.

Вооружившись, она посмотрела на дверь.

Та внезапно распахнулась, и страшный рев оглушил Берди. Сквозь шум она услышала:

— На тебя смотрят, детка!

Глаз, один-единственный огромный глаз заполнил все пространство в дверном проеме. Шум сделался невыносимым. Огромный влажный глаз лениво моргнул. Он пристально изучал стоящую перед ним фигуру с любопытством, достойным бога-создателя целлулоидной земли и целлулоидных небес.

Берди была потрясена. Это не походило на киношный ужас, захватывающее предчувствие и приятный испуг. Это был настоящий кошмар: животный страх, гадкий и липкий, как дерьмо.

Она ощутила дрожь под немигающим взглядом огромного глаза, ее ноги подкосились. Берди упала на ковер перед дверью, приближая этим свой возможный конец.

Тут-то она и вспомнила про колотун. Берди схватила ломик двумя руками и бросилась к глазу.

Не успела она подбежать, как свет потух и Берди опять оказалась в темноте.

Тут кто-то произнес:

— Рики мертв.

И только.

Но это было хуже явления глаза, хуже всех ужасов Голливуда. Потому что Берди поняла: это правда. Кинотеатр превратился в бойню. По словам Рики, дружок Линды Ли уже убит, теперь же погиб и сам Рики. Все двери закрыты, в игре осталось двое. Она и *он*.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, Берди бросилась к лестнице, поскольку оставаться в фойе было равносильно самоубийству. Когда ее ноги коснулись нижней ступени, дверь приоткрылась снова и что-то быстрое и мерцающее скользнуло за ней. Оно отставало всего на шаг или на два от затаившей дыхание Берди. Сноп блестящих искр рассыпался рядом с ней, словно вспышка бенгальских огней. Она поняла, что ее ожидает новый сюрприз.

Все еще преследуемая по пятам, Берди добралась до вершины лестницы. Участок коридора впереди, слабо освещенный грязной лампочкой, обещал небольшую передышку. Коридор тянулся через весь кинотеатр, и из него можно было попасть в кладовки, забитые хламом: плакатами, стереоочками, заплесневевшим тряпьем. В одной из кладовок находился запасной выход. Но в какой именно? Берди заходила туда лишь однажды, года два назад.

— Тысяча чертей! — прошипела она.

Первая кладовка была закрыта. Берди в сердцах пнула ногой в дверь, но та, конечно же, не открылась. И вторая. И третья. Но даже если бы Берди вспомнила, где скрывается путь к спасению, это мало бы помогло: двери были слишком крепкие. Будь у нее при себе колотун и минут десять времени, она бы справилась. Но огромный глаз был где-то рядом, он не оставлял ей и десяти

секунд, не то что минут. Схватки не избежать. Берди повернулась на каблуках и взглянула на лестницу. Там никого не было.

Берди добралась до сцены с облупленной краской и унылым рядом перегоревших лампочек; вглядываясь, она пыталась обнаружить спрятавшуюся тварь. Но существо в этот миг находилось позади нее. Вспышка света озарила помещение. Берди резко обернулась. Огонь перешел в сияние, из него стали рождаться образы: почти забытые сцены из тысяч и тысяч фильмов, и с каждой из них связано какое-то воспоминание. Берди начала понимать происхождение этих фантомных картин: перед ней предстал призрак из киноаппарата, сын целлулоида.

— Отдай нам свою душу,— требовали голоса тысячи звезд.

— В души я не верю,— твердо ответила Берди.

— Тогда подари нам то, что ты отдаешь экрану, что отдают ему все зрители. Отдай немного твоей любви.

Так вот почему мелькали перед ней кадры! Это были магические моменты единения публики с экраном. С Берди такое происходило довольно часто. Когда порой какой-нибудь фильм сильно затрагивал ее, конец картины причинял почти физическую боль. Она чувствовала, как что-то теряла, оставляя часть себя в мире героев и героинь. Воздух словно тяжелеет от веса ее желания, смешанного с желаниями других сердец, и все это собиралось в какой-то нише, пока...

Пока не наступил этот миг. Появилось дитя всеобщей страсти — соблазнитель из киноплёнки; наивное, расхожее и всеильное кодовство.

Но одно дело — понять палача, а другое — отговорить от выполнения его работы. Так говорила себе Берди и при этом продолжала узнавать фрагменты фильмов, не могла с собой справиться. Дразнящие отсветы пережитых жизней, любимых лиц. Микки-Маус, пляшущий

с метлой, Гиш в «Сломанных побегах»*, Гарленд с собачонкой Тото, глядящая на смерч над Канзасом**, Астер в «Цилиндре»***, Уэллс в «Гражданине Кейне»****, Брандо и Кроуфорда, Трейси и Хепберн***** — образы, оставившие такой след в наших сердцах, что им уже не нужны христианские имена. И насколько лучше, когда сцены дразнят тебя: ожидание поцелуя, но не сам поцелуй; пощечина, но не примирение; тень, а не само чудовище; рана, но не смерть.

Это всегда внушало Берди трепет и приковывало ее глаза к экрану.

— Разве не прекрасно? — раздался вопрос.

Да, действительно прекрасно.

— Почему ты не хочешь стать моей?

Она больше не думала, ее мыслительные способности иссякли. Пока среди образов не возникло нечто, что привело ее в себя. Дамбо — огромный слон, ее толстый слоненок. Всего лишь толстый слоненок, но в голове Берди он ассоциировался с ней самой.

Чары развеялись. Берди отвернулась. Она уловила нечто болезненное и гадкое, скрытое за этой кинокрасотой. Ребенком ее дразнили Дамбо — все дети ее квартала. Она жила с издевательским прозвищем двадцать лет, не в силах о нем позабыть. Толстое тело слоненка

* Лилиан Гиш (1896–1993) — американская актриса, снявшаяся в главной роли в фильме Д. Гриффита «Сломанные побеги» (1919).

** Имеется в виду фильм «Волшебник из страны Оз» (1939), где Джудит Гарленд (1922–1969) сыграла свою самую знаменитую роль.

*** Фред Астер (1899–1987) — американский актер, снявшийся в одной из главных ролей в музыкальной комедии Марка Сэндрича «Цилиндр» (1935).

**** Фильм Орсона Уэллса (1915–1985), в котором им же сыграна и главная роль, по мнению кинокритиков, считается лучшим фильмом в истории мирового кинематографа. Вышел на экраны в 1941 г.

***** Марлон Брандо (1924–2004), Майкл Кроуфорд (1942), Спенсер Трейси (1900–1967), Кэтрин Хепберн (1907–2003) — знаменитые киноактеры.

напоминало ей о собственной полноте. Его потерянный взгляд — о собственном одиночестве. Она наблюдала, как слониха укачивала Дамбо на хоботе, и находила бессмысленной подобную сентиментальность.

— Гнусная ложь,— вырвалось у нее.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь,— раздался удивленный голос.

— Здесь скрывается какая-то мерзость.

Свет померк, картинки исчезли. Берди уже могла разглядеть что-то другое, маленькое и темное, притаившееся за световым занавесом. Она почувствовала страх смерти, исходящий от этого существа. Запах смерти чувствовался и в десяти шагах.

— Кто ты такой, в конце концов? — Берди шагнула вперед.— Почему ты прячешься, эй!

Послышался голос — ужасающий человеческий голос:

— Тебе это незачем знать.

— Но ты пытался убить меня.

— Я хочу жить.

— И я тоже.

В том углу, откуда доносился голос, было темно. Берди почувствовала отвратительный запах гнили. Она вспомнила этот дух — смрад какого-то животного. Прощлой весной, когда сошел снег, она нашла трупик перед своим домом. Маленькая собачка или большая кошка, точно нельзя было сказать. Домашнее животное, застигнутое декабрьскими холодами. Полуразложившаяся тушка кишела червями. Желтыми, серыми, розоватыми, словно картина маслом с тысячью движущихся мазков. Берди ясно вспомнила ту вонь.

Набравшись мужества и все еще находясь под впечатлением образа Дамбо, столь больно ее уязвившего, она направилась к зыбкому миражу, крепко держа в руках колотун — на случай, если тварь выкинет какой-то фокус. Доски под ногами закрипели, но Берди была слишком поглощена своим соперником, чтобы прислу-

паться к их предупреждению. Настал момент, когда она должна схватить убийцу и выбить из него все его тайны. Берди уже почти дошла до конца коридора. Она шла вперед, он отступал. Ему уже некуда было деться. Внезапно пол под ней треснул, и Берди провалилась в облако пыли, выронив колотун. Берди пыталась схватиться за край доски, но та была изедена червями и рассыпалась в руках. Берди неуклюже плюхнулась на что-то мягкое.

Здесь запах гнили стал еще сильнее. Желудок буквально выворачивало. Берди протянула руку в темноту. Все вокруг было покрыто холодной слизью. Ей показалось, что ее впихнули в чрево гниющей рыбы. Над ней, сквозь доски, сверкнул свет. Она заставила себя оглянуться, хотя это далось нелегко.

Берди лежала на человеческих останках, растекшихся по полу. Ей хотелось кричать. Первым порывом было — разорвать юбку и блузку, насквозь пропитавшиеся липкой слизью. Но Берди понимала, что не решится предстать голой даже перед сыном целлулоида.

А он по-прежнему смотрел на нее сверху.

— Теперь ты знаешь, — произнес он.

— Это ты?

— Да, это тело, где я когда-то жил. Его звали Барберрио. Преступник, ничего особенного. Он никогда не стремился к высоким материям.

— А ты?

— Я его раковая опухоль. Единственная его часть, которая к чему-то стремилась. Я захотела быть чем-то большим, чем скромная клетка. Я — дремлющая смерть. Неудивительно, что я так люблю кино.

Сын целлулоида плакал над краем проломанного пола. Открылось его истинное тело, и больше не имело смысла создавать себе ложную славу.

Он и правда грязная тварь, жиреющая на разбитых страстях. Паразит в форме червя, с текстурой сырой печени. На мгновение показался беззубый рот, нелепо

смотрящийся на теле этой бесформенной твари. Опухоль опять заговорила:

— Все равно я найду способ завладеть твоей душой.

Проскользнув в трещину, тварь оказалась перед Берди. Сбросив сверкающую оболочку из кинокадров, она оказалась размером с ребенка. Тварь протянула к ней щупальце. Берди интуитивно отпрянула, но возможности скрыться были весьма ограничены. Комнатушка оказалась очень узкой и захламленной чем-то вроде сломанных стульев и растрепанных молитвенников. Отсюда не было пути, кроме того, каким она сюда попала. Пролом в полу располагался футах в двадцати над ней.

Опухоль робко, словно испытывая ее терпение, прикоснулась к ноге Берди. Та похолодела. Она ничего не могла сделать в столь нелепой ситуации, хотя и стыдилась сдаваться. Все было в высшей мере отвратительно. Ничего подобного с ней никогда не происходило.

— Катись к чертям,— сказала она, пнув тварь в голову.

Но она продолжала надвигаться, зловонная масса уже охватила ее ногу. Берди чувствовала, как пена ее плоти поднимается по ней.

Прикосновения туши, добравшейся до ее живота и бедер, были почти сексуальны, и Берди подумала с отвращением: не хочет ли тварь заняться с ней любовью. Что-то в движении и шевелении щупалец, нежно касавшихся ее тела под блузкой, тянувшихся к ее губам, напоминало желание. «Будь что будет,— подумала она,— раз это неизбежно».

Она позволила твари покрыть себя полностью, ежесекундно борясь с невыносимым отвращением.

Берди повернулась на живот.

Она наверняка весила сейчас больше двухсот двадцати пяти фунтов, и гнусное чудовище не чувствовало себя более свободным. Невыносимая тяжесть выдавливала из опухоли ее болезнетворные соки.

Тварь боролась как могла, но не в ее силах было освободиться от груза. Запустив ногти в монстра, Берди рвала скользкое тело, выдирая комья из его пористого вонючего тела. Теперь опухоль выла и рычала не от злобы — от боли. Вскоре «дремлющая смерть» прекратила двигаться.

Берди мгновение лежала без движения. Тело твари под ней не шевелилось.

Берди встала. Мертва опухоль или нет, определить невозможно. По всем мыслимым признакам она была мертва. Но Берди больше не хотела прикасаться к ней. Она скорее вступит в бой с самим дьяволом, чем дотронется до опухоли Барберио еще раз.

Берди взглянула на пролом вверху, и у нее мелькнула мысль: а не придется ли и ей умереть здесь вслед за Барберио. Бросив быстрый взгляд назад, она заметила пробивающийся свет. Ей стало ясно, что наступило утро и лучи солнца начинали проникать сквозь решетку, которую Берди не замечала раньше из-за темноты.

Она нагнулась, изо всех сил толкнула решетку, и день стремительно ворвался в темницу, окружая Берди своим светом. Открывшийся проход был для нее слишком узок, она пролезла с трудом. Каждую секунду казалось, будто опухоль опять рядом, но все уже осталось позади. Теперь Берди могла показать открывшемуся миру свои многочисленные синяки.

Заброшенный участок земли, где она сейчас стояла, мало изменился со времен Барберио. Он лишь еще больше зарос крапивой. Берди немного постояла на сквозняке, вдыхая струи свежего воздуха, и подошла к ограде. За ней виднелась улица.

Мальчишки, продающие газеты, и собаки разбегались по сторонам, едва замечали или чуяли странную полную фигуру с изможденным лицом в мерзко пропахшей одежде. Берди возвращалась домой.

Вырезанные сцены

Это еще не конец.

Полиция явилась в кинотеатр «Палас» лишь в половине десятого. С ними была Берди. Нашли изувеченные трупы Дина и Рики, а также останки «питомца» Барберио. Наверху, в углу коридора, обнаружили вишневые туфли.

Берди ничего не сказала, но она знала: Линди Ли не выходила отсюда.

Берди предъявили обвинение в двух убийствах, хотя никому всерьез не верилось, что она могла их совершить. Ее освободили за отсутствием доказательств. Суд решил, что за ней необходимо психиатрическое наблюдение в течение по крайней мере двух лет. Против нее нельзя было выдвинуть обвинение, однако слова Берди показали судьям бредом сумасшедшего. Ее сказки о ходячих раковых опухолях не вносили в дело никакой ясности.

Ранней весной следующего года Берди вдруг перестала есть. Она теряла вес за счет выходившей из нее воды. Ее знакомые начали поговаривать о том, что ей скоро удастся разрешить свою главную проблему.

В тот уик-энд она пропала на целые сутки.

Берди нашла Линди Ли в заброшенном доме в Ситгле. Ее нетрудно было выследить: бедная Линди едва держала себя в руках. Где уж ей было думать о преследователях. Когда все случилось, родители потратили на розыски несколько месяцев. Потом, потеряв надежду, они прекратили поиски. И только Берди продолжала платить частному детективу. В конце концов ее терпение было вознаграждено. Она увидела перед собой хрупкую красавицу. Та казалась еще более болезненной, но

такой же красивой. Она сидела в пустой комнате. Вокруг нее роились полчища мух.

Берди подняла пистолет и открыла дверь. Линди Ли очнулась от своих грез, или от *его* грез, и улыбнулась. Приветствие длилось лишь мгновение. Паразит, узнав Берди и заметив в ее руках оружие, сразу понял, что сейчас произойдет.

— Отлично,— произнес он, поднимаясь навстречу гостье.— Ну что ж.

И тут глаза Линди Ли взорвались. Взорвалось все ее тело, и опухоль растеклась зловонными розовыми ручьями. Струясь пенными ручьями, она стала расползаться по комнате.

Берди выстрелила трижды. Опухоль чуть подалась к ней и упала, начала пульсировать и сжиматься. Берди спокойно достала склянку с кислотой, открутила крышку и вылила едкое содержимое на безжизненное тело и лужу вокруг него. Ей никто не помешал это сделать, и она ушла, оставив обожженные останки, курящиеся едким дымом. Пустую комнату ярко освещало солнце.

Берди шла по улице. Дело сделано. Она медленно брела и строила планы о том, как долго и весело будет жить, когда эту странную комедию экранизируют.

Король Голый Мозг

Столетия, не раз ввергавшие Зел в пучины кровавых страстей, не смогли стереть с лица Земли этот маленький городок. Многочисленные армии завоевателей вторгались в его узенькие улочки. Но ни жестокость легионеров Рима, ни военное искусство нормандских рыцарей не поработили город. Зел пал на колени перед варварами новой эпохи, перед завоевателями совершенно другого толка: они не хотели жертв и кровопролития, они пришли без оружия, если не считать таковым мягкие манеры и твердую валюту. Другие времена — другие нравы. Такова воля судьбы: Зел дрогнул под легкой поступью воскресных отдыхающих, и эта дрожь перешла в предсмертную агонию.

Для новых завоевателей Зел оказался превосходным объектом: расположенный милях в сорока юго-восточнее Лондона, он утопал в цветущих садах и зарослях хмеля. Он был тем уголком Кентских полей, добираться до которого пешком довольно утомительно, но если вы на колесах, путь становился приятной прогулкой. Если же погода в пути изменится, можно быстро вернуться в уютный городской дом. Каждый год, с мая по октябрь, Зел превращался в курорт для изнывающих от жары лондонцев. Они стекались сюда, словно по команде. Ими двигало предчувствие знойных выходных в душном городе. Они брали с собой надувные мячи и собак,

они привозили выводки детей и внуков, они извергались лавой, вместе с багажом, на пьянящий простор загородной зелени и сливались с возбужденной толпой других лондонцев — таких же отдыхающих, как и они сами. А под вечер они забивались в трактир «У великана», где за кружкой теплого пива делились дорожными впечатлениями.

Местным жителям не приходила в голову мысль о защите — новые завоеватели ни на кого не покушались. Но отсутствие агрессии сделало вторжение еще более коварным, скрытым и вероломным.

Горожане шаг за шагом меняли жизнь Зела. Многие захотели свить себе здесь загородные гнездышки: они грезили о каменных коттеджах, окруженных зеленью дубовых рощиц. Они восхищались уже не воображаемыми, а реальными голубками, ворковавшими в глубинах тисовых аллей.

«Даже воздух, — думали они, вздыхая полной грудью, — полон какой-то необычной свежести. Именно так пахнет Англия».

И вот кто-то начал, а другие продолжили менять тихий ритм жизни городка. Распродавали дома, пустые сараи и перекошенные постройки. Завоеватели прикидывали, как расширить кухни и где поставить гараж, что сохранить и переоборудовать, а что сломать и убрать с глаз долой. Многие желали вернуться в Килбурн или в Сент-Джонс-Вуд, и каждый год находилась пара счастливицков, купивших себе здесь по акру спокойной жизни.

Год от года таких счастливицков становилось все больше. А зелотов, конечно же, все меньше: они вымирали. Постепенно угроза для города усиливалась. Она таилась под спудом, но пронизательный взгляд не мог ее не заметить. Она проявлялась в многочисленных переменах, во вторжении множества чуждых и незнакомых вещей. Перемены... Их можно было обнаружить, порывшись

в газетах на складе почтового ведомства,— какому золоту понадобились бы модные журналы и литературное приложение к «Таймс»? На них указывали новые дорогие машины, появившиеся на узкой пыльной улочке под названием Хай-роуд. А в трактире «У великана» звучали теперь сплетни, совершенно непонятные для местных жителей, и шутки, абсолютно для них не смешные.

Но не только это принесли в Зел новые завоеватели. За ними неотступно следовали их невидимые, но вечные и злобные враги: рак и сердечная недостаточность, от которых не было спасения даже здесь. Вторжение завершилось для завоевателей так же, как для римлян или нормандцев. Они оставили свой след на этой земле, но не тем, что выстроили на ней новые дома, а тем, что легли в нее.

В середине последнего для Зела сентября погода выдалась капризная и переменчивая.

Томас Гэрроу-младший, единственный сын старого Томаса Гэрроу-старшего, усердно работал на трех акрах своего поля. Вчера разразилась большая дождевая буря с грозой, превратившая почву в сплошное месиво. В будущем году поле надо засеять — значит, в этом году надо вспахать землю, освободив ее от мелких камешков и всякой прочей дряни. Да еще этот трактор... Старая развалина покрылась толстым слоем ржавчины — отец Томаса обошелся с машиной не по-хозяйски, оставив ее так надолго под открытым небом. Новая проблема. Сегодня пятница, и вряд ли работа на поле будет закончена к концу недели.

«Должно быть, хорошее было время,— думал Томас, отдирая рыжий налет со старого трактора.— Чертовски веселое время, если отцу даже эта проклятая штуковина не понадобилась и он бросил ее на произвол судьбы».

Томасу казалось, что трактор уже не оживет. Мысль эта сменилась другой, еще менее приятной: неужели

придется оставить самую плодородную почву невспаханной? Нет, он не согласен держать это поле под паром. Томас жил в Англии, где любой клочок земли сулил деньги. Господи, до чего тяжелая работа ему предстоит!

Тем не менее надо ее выполнить.

Вскоре дело наладилось. Вычищенный трактор завелся, громко зарычал и пополз по полю. Новый день начинался прекрасно. В утреннем небе закружились стайки чаек, прилетевших с морского берега в поисках жирных дождевых червяков — изысканного деликатеса для этих шумных птиц. Они боролись за каждый лакомый кусочек с потрясающей наглостью и нетерпением. Чайки составили Томасу неплохую компанию: они хрипло кричали наперебой, словно рассказывали о своей жизни, и это забавляло Томаса. От души потрудившись, он забежал перекусить в трактир «У великана». Вернувшись, Томас снова взялся за работу, но мотор вдруг резко фыркнул и заглох — трактор встал как вкопанный. Ничего себе подарок — особенно если учесть, что за ремонт этой развалины нужно выложить двести фунтов стерлингов. Томас был готов заплакать от досады. Но вдруг он... увидел камень.

Не просто камень — глыбу из непонятного вещества, на целый фут возвышавшуюся над землей, футов трех в диаметре. На камне ничего не росло — ни травы, ни лишайника. Поверхность оказалась ровной и гладкой, и Томас заметил на ней какие-то причудливые канавки — наверное, следы букв, которые кто-то в незапамятные времена выдолбил здесь. Возможно, это было любовное письмо или, что наиболее вероятно, глупая надпись вроде «Здесь был Килрой», а под ней — точная дата. Может, и так, но не получалось разобрать ни буквы. Томас подумал: будь эта штукавина хоть монументальной плитой, хоть могильной доской, она не должна здесь оставаться. Не терять же три ярда хорошей земли.

Камень задал новую загадку: почему за столько лет никто не соизволил вытащить эту громаду и убрать отсюда? Не могли же не заметить? Значит, на этих трех акрах давно не сеяли — все тридцать шесть лет, что прожил на свете Томас Гэрроу-младший, или с тех самых пор, как появился на свет его отец. Должно быть какое-то объяснение тому, что этот участок земли держали под паром десятки или сотни лет. У Томаса мелькнуло подозрение: уж не считали ли его предки, как и отец, что с этой земли приличного урожая не собрать? Нет, не похоже: тогда крапива и выюнок — вечные гости-враги всякого засеянного поля — не разрослись бы здесь так буйно. Почему бы и хмелю не цвести на этой земле? Или разбить здесь фруктовый сад? Сад... Ему нужны любовь и тщательный уход, нежность и внимание. Томас не знал, хватит ли у него этих качеств. Ничего, он еще выберет, что посеять. Он увидит, как благодарная земля щедро одарит его обильными всходами.

Увидит... Если сумеет выкопать этот чертов камень.

Не лучше ли взять напрокат землеройную машину, каких полным-полно на новой стройке на северной окраине? Пусть глыбу стиснут металлические челюсти, выдернут ее и увезут подальше. Легко и просто, глазом моргнуть не успеешь, не то что рукой пошевелить. Однако гордость, внезапно заговорившая в Томасе, заставила его изменить решение. Идея использовать машину показалась ему глупой и трусливой. Признание собственного бессилия. Истерический крик о помощи при виде не столь уж большой опасности. Нет, никого звать не надо. Он сам справится. Отец на его месте поступил бы так же. Томас принял решение. Он не знал, что через два с половиной часа проклянет свою опрометчивость.

Солнце вошло в зенит. Жар, разлитый в тонком неподвижном воздухе, становился удушливо-нестерпи-

мым. Ни ветерка, ни дуновения. Над центром городка прокатились раскаты грома — Томас слышал лишь слабый отзвук. Не погода, а образец непостоянства... Он посмотрел вверх на небо — чистая синева, даже чаек нет. Птицы молчали и грелись под знойными лучами.

Все вокруг изменилось. Запахи земли, приторные ароматы ее сырости рассеялись в благоухании теплого воздуха, витающего над лопатой Томаса. Копать было легко. Черная земля, окружавшая камень, подавалась без усилий. Томас смотрел на эту землю на лопате и думал о миллионах маленьких смертей, питающих почву, дарующих растениям соки и энергию разложения. Томас даже вздрогнул от этой мысли — настолько странной она ему показалась. Он остановился, опершись о лопату. Чертова пинта «Гиннеса» все-таки дала о себе знать. Он почувствовал отвратительное ворчание в желудке и невольно прислушался к нему: оно было не менее мрачно, чем вид этой черной земли, чем мысли о ней...

Не надо думать о таком. Ничего, кроме раздражения, это не принесет. Отвлекаясь от бурчания в желудке, Томас посмотрел на поле. Привычная картина. Что особенного в неровной площадке, окруженной неухоженными кустами боярышника? Что необычного в тельцах двух маленьких пташек, умерших в тени зарослей? Они мертвы так давно, что невозможно установить — жаворонки это или кто-то еще. Даже в чувстве одиночества, охватившем Томаса, не было ничего нового или странного. Осень... Это ее предчувствие. Она вступает в свои права. Пусть она придет, пусть прогонит изнурительно знойное лето.

Томас поднял глаза. Туча, похожая на голову монгола, выстреливала над далекими холмами золотистыми змейками-молниями. Она оттеснила полуденную ясность неба, заставив ее растечься по горизонту узкой синей полоской. Будет дождь. Томас улыбнулся этой мысли. Холодный дождь... Может быть, такое же вод-

ное неистовство, как вчера. Освежающий душ для сожженного зноем воздуха.

Томас перевел взгляд на глыбу неподатливого камня. Потом с силой толкнул его черенком лопаты. Никакого результата. Ничего, кроме снопа белых искр.

Томас выругался. Громко и изобретательно, не забыв наряду с камнем помянуть и поле. И себя заодно. Что же делать с чертовой громадиной, спокойно и невозмутимо покоившейся на дне двухфутовой ямы, вырытой Томасом? Забить под неподъемную махину колья, прочно их скрепить и попробовать завести трактор? Бесполезно. Яму придется углубить, тогда, может быть, этот проект и принесет успех. Холодная неподвижность черной глыбы бросала Томасу вызов. Он не желал проигрывать поединок.

Проклиная судьбу, Томас снова заработал лопатой. Первая капля дождя упала ему за шиворот. Еще одна — на руку. Он их не заметил, поглощенный поставленной целью. Томас знал по собственному опыту, что преуспеть можно, лишь отрешившись от всего окружающего. Опустив очищенную от мыслей и сомнений голову, он не видел ничего, кроме земли, лопаты, камня и собственных ног.

Рывок вниз, бросок вверх... Гипнотизирующая ритмика усилий овладела им полностью. Он не помнил, сколько это продолжалось. Рывок вниз, бросок вверх... Пока состояние механического транса не нарушило пошатывание камня.

Сознание и чувства снова вернулись к Томасу. Он выпрямил затекшую спину, не вполне убежденный в том, что движение камня не является иллюзией. Но оно повторилось, когда Томас покачал лопату, просунув ее под твердь громоздкой махины. Сомнений не оставалось — он победил. Ему пора хотя бы улыбнуться, но мускулы изможденного лица словно окаменели, не позволяя раздвинуть губы. Томас переупрямил каменного упряма.

Он чувствовал, как капли дождя приятно охлажда-
ют разогретую кожу, смывая с нее печать усталости.

— Сейчас я тебе покажу,— сказал Томас, загнав под
камень еще пару кольев.— И это тоже тебе.

В землю вошел третий кол. Вошел глубоко, гораздо
глубже остальных. Словно достигнув недр, он выпустил
наружу отвратительно пахнущее желтоватое облачко
какого-то газа. Томас отшатнулся, чтобы глотнуть чисто-
го воздуха. Но сделать это он смог, лишь когда очистил
горло и легкие от наполнившего их подземного «кис-
лорода». Томас закашлялся, выколачивая из себя остат-
ки гнилостных паров. Они выходили вместе с мокротой,
выстреливая в нос режущим зловонием. Томас подум-
ал, что запах подземных глубин напоминает дух дав-
но не чищенного зверинца.

Осторожно, стараясь дышать через рот, он снова при-
близился к глыбе. Его череп, казалось, слишком сильно
сдавливал мозг, и стесненное сознание хотело выска-
чить на свободу, чтобы избавиться от давления отяже-
левшей головы.

— Вот тебе! — яростно выкрикнул Томас, и под кам-
нем оказался еще один кол.

Спину ломило так, словно она готова была треснуть.
На правой руке вскочил воддырь — укус слепня, бес-
препятственно насладившегося его кровью.

Вряд ли Томас осознавал, что с ним происходит.

— Давай же, давай, давай,— зачем-то повторял он.

И камень начал вращаться.

Просто так. Сам по себе, без помощи человека. За-
тем он снялся с места, к которому так крепко прирос.
Томас приблизился к лопате, что все еще лежала под
ожившей громадой. Он хотел спасти свою вещь, он по-
чувствовал вдруг, что лопата — часть его самого. И эта
часть находится в устрашающей близости к жуткой яме.
Он не мог бросить ее, не мог оставить ее рядом с огром-
ным камнем, который словно прикрывал зловонный глу-

бинный гейзер, отравлявший воздух и мозг желтыми испарениями.

Он дернул лопату изо всех сил. Она не шелохнулась.

Выругавшись, он ухватился за нее обеими руками и встал подальше, чтобы находиться в предельно возможном удалении от ямы. Он тянул — камень вращался. Все быстрее и быстрее, расшвыривая камешки, землю и червяков.

Томас сделал еще одно отчаянное усилие. Бесплезно. Не понимая, что происходит, и не в силах это осознать, он продолжал бесплодный труд. Нужно вытянуть лопату. Вытянуть свою лопату и убраться отсюда к чертовой матери.

Камень шатался и дрожал, но не отпускал ее, словно яростно сражался за право обладания землей. Томас тоже отстаивал это право. Он был ее настоящим владельцем, и никакая резь в животе не мешает ему восстановить справедливость. Или он убежит с лопатой в руках, или...

Почва под ногами затрещала и начала осыпаться. Еще один ядовитый выхлоп, и камень покачнулся, а потом откатился к краю ямы. На дне Томас увидел то, что держало черенок лопаты так крепко.

Нечто ужасное.

Там была рука. Живая рука, державшая черенок его лопаты. Рука была настолько широкой, что черенок легко уместился в ладони. Рука шевелилась.

Страшные сказки, которые старый Томас Гэрроу рассказывал когда-то своему сыну, оказались реальностью: треснувшая земля, хозяин подземного королевства. Все это рядом. Здесь. Сейчас.

Нужно бросить лопату и бежать, но он не мог этого сделать. Правила игры диктовались из-под земли — Томас должен им подчиняться. Его пальцы не разжимались. Он тянул лопату на себя, чтобы не свалиться в яму. Другого выхода не было: бороться до тех пор, пока не лопнут сухожилия или не сорвутся мышцы.

До Голого Мозга доносился запах земного неба — воздух проникал в его легкие через тонкую земляную корку. Этот воздух был слишком легким и ароматным для огрубевшего среди удушающего смрада обоняния. Слишком ласковым. Он дразнил безумными восторгами, которые сулило новое завоевание королевства; в нем бушевала давно отведенная человеческая кровь. Снова на свободу после стольких лет заточения — предвкушение затопляло его волнами удовольствия.

Тысячи червей в волосах, несметные полчища красных паучков, облепившие огромную голову, — столетиями они угнетали и раздражали его. Особенно мучительно было шевеление паучьих лапок, когда насекомые забирались в мягкие ткани на макушке. Но страданиям придет конец — голова уже почти над поверхностью. Еще выше. Еще. Он уже мог видеть того, кому был обязан своим освобождением. Голому Мозгу сейчас хотелось одного: чтобы Томасу хватило сил. Чтобы он продолжал тянуть, балансируя на краю ямы. Мозгу нравилось свое странное рождение на свет, медленный, дюйм за дюймом, выход из могилы.

Непомерная тяжесть громадного камня была преодолена. Можно спокойно выбираться из подземной темницы — никаких помех, кроме рыхлой земли вокруг. Вот он уже высунулся по пояс: плечи раза в два шире и мощнее человеческих, чудовищная сила в покрытых рубцами ручищах. Красные кровавые разводы на них казались пигментом на крыльях только что родившейся в этом мире гигантской бабочки. Бабочки, получившей возможность блистать в нем дикой красотой. Длинные смертоносные пальцы извивались в земле — их наполняли жизненные соки.

Томас видел это. Он ничего не делал теперь, только смотрел. Смотрел, испытывая непередаваемый ужас. Это был не страх, потому что смерть не просто страшна. Особенно такая — ее Томас не мог себе и представить.

Голый Мозг выбрался на поверхность. Весь. В первый раз за несколько веков он смог выпрямиться, разогнул спину, стоя на земле во весь свой рост и возвысившись над фигурой бедного Томаса на целые три фута. Слипшиеся комья влажной почвы срывались с его тела, падая на дно ямы.

Зловещая тень, отбрасываемая чудовищем, надвинулась на Томаса. Тот все стоял, уставившись в проломленную землю. Правая рука крепко сжимала ручку лопаты. Она вернулась к нему. Но какое это имело значение? В следующую секунду он повис в воздухе — Голый Мозг поднял его за волосы. Кожа на голове треснула под тяжестью тела, оставив скальп в лапах чудовища. Голый Мозг обхватил его шею. Слишком тонкую для громадных пальцев.

По лицу Томаса бежала кровь. Смерть неминуема и неизбежна, он понимал это. Потрясенный, он наблюдал за бессмысленным болтанием собственных ног, потом отвел от них взгляд и посмотрел на безжалостного мучителя. Прямо в лицо.

Огромное, напоминающее диск полной луны, оно светилось, как янтарь в лучах солнца. Это было самое бледное лицо, какое Томас когда-либо видел. Самые огненные глаза из всех существующих в мире сверкали животным диким пламенем на фоне мертвенно-тусклого сияния. Будто кто-то вырвал чудищу настоящие глаза и вставил в дыры мерцающие свечи.

Томас разглядывал поверхность страшной луны. Один глаз, другой, два влажных отверстия, служивших для вдыхания воздуха, рот... Томас содрогнулся: открылся вход в широкую и глубокую пещеру, разделивший сияющий лунный диск на две части.

«Господи, что за кошмарный рот», — эта мысль была последней в жизни Томаса.

Луна снова стала полной, поглотив часть его головы.

Король перекрутил бездыханное тело — неизменный ритуал, он всегда поступал так с мертвыми неприятеля-

ми. С теми, кто оказывался на его пути. Потом он швырнул труп вниз головой в жуткую подземную могилу, в которой, по мнению его победителей, Мозг должен был находиться вечно.

Король был уже в миле от поля в три акра, когда над городком разбушевались небесные силы. Он укрылся от неистового ливневого потока, найдя убежище в конюшне Николсона. Сильный дождь не мешал жителям Зела заниматься своими делами. Какое им дело до дождя? Какое дело до того, что в моменты их рождений созвездия неизменно располагались так, что в городке не оказалось ни одной Девы? Какая им разница, что написали в еженедельном «Официальном бюллетене» в разделе «Звезды и ваше будущее»? Их это не интересовало. Наверное, поэтому находящимся среди них Близнецам, Львам и Стрельцам не могла прийти в голову мысль, что следовало бы несколько дней не выходить из дома, на всякий случай задвинув двери на засов. Что надо быть осторожнее, поскольку трем Львам, одному Стрельцу и одному Близнецу в прогнозе на следующую неделю была напророчена внезапная смерть. Но зелоты ничего не смыслили в астрологии. А может быть, невежество спасет их?

Тучи наливались свинцом — все плотнее становилась серая завеса дождя, что свирепствовал с яростью, не характерной для этих широт. Вода лилась сплошным бурным потоком. Она была везде — над головой и под ногами. Она заполнила собой воздух, вытеснила его и окружила собою людей, понявших наконец, что пора спрятаться.

Так подумал и Ронни Милтон, принимавший вторую за этот год дождевую ванну. Он не сделал сегодня ничего — просто стоял у разобранного кузова землечерпальной машины и наблюдал природные катаклизмы. Ураганные вихри ливня, бушующего вокруг, отвлекли

его от ленивого созерцания, наведя на мысль вернуться в дом, поболтать с женщинами и провести своих скаковых лошадей.

Три зелота, что околачивались около дверей в почтовое ведомство, раскрыли от удивления рты и наблюдали за тем, как крупные капли разбивались вдребезги об острый край крыши. В воздухе таяла дымка мельчайших брызг. Через полчаса они обнаружат, что в самом низу Хай-роуд теперь течет речка и что по ней можно плавать на лодке.

А еще дальше — вниз по течению всевозможных рек и ручейков — в церкви Святого Петра, в ризнице, стоял Деклан Эван. Священник видел в небольшое окошко, как дождь превратился в струящиеся по холмам потоки. Как десятками они сбегают вниз, подпитывая водой маленькое море у церковных ворот. Наверное, там уже хватит воды, чтобы утопиться... Что за странная мысль? Деклан перестал изучать водные просторы и попробовал возобновить прерванную молитву. Что владело им сегодня? Он не знал. Какое-то загадочное возбуждение. Деклан не смел, он был не в силах и не хотел от этого избавиться. Чем оно вызвано? Грозой, пробудившей воспоминания о его детских восторгах, связанных со стихией? Нет, нечто более глубокое и таинственное потрясло его душу. Даже не воспоминание — целая лавина переживаний, объяснить которые словами не представлялось возможным. Он словно снова стал ребенком — нет ничего более сладостного и желанного для взрослого человека. Деклан ждал Рождества. Он знал, что скоро к нему придет Санта-Клаус. Самый настоящий. Просто восхитительно. Представив, как веселый дед с белоснежной бородой смотрелся бы под сводами церкви, Деклан едва не взорвался хохотом. Он сдержался, рассудив, что священнику не стоит сотрясать стены ризницы смехом. Пусть лучше тайна смеется внутри него. Пусть она постепенно раскрывается ему.

Лишь один человек все еще оставался под дождем — Гвен Николсон. Она промокла до нитки и покрикивала на брыкавшегося и шарахавшегося при каждом раскате грома пони. Что за глупое и пугливое животное! Завести его в конюшню оказалось непросто. Гвен совсем выбилась из сил и перешла на крик.

— Двинешься ты или нет, чертова тварь? — Голос звучал так громко, что заглушал рев стихии, нещадно хлеставшей бедного пони по загривку, расправляя густую гриву. — Но, пошел! Пошел!

Пони продолжал упрямиться. И чем чаще над двором звучали глухие удары, тем труднее было сдвинуть его с места: страх сковывал пони все сильнее. Гвен крепко шлепнула его по задку. Вряд ли животное заслуживало столь сурового наказания. Боль сделала его более послушным — теперь усилия Гвен начали приносить плоды.

— Теплая конюшенка, — приговаривала она ласково. — Входи, а то весь промокнешь. Зачем тебе стоять под дождем?

Пони медленно сдавался натянутому стремени. Конюшня была совсем рядом, ворота приотворены. «Словно приглашает,» — подумала Гвен, взглянув на дверь. Она была уверена, что пони тоже так считал, но когда осталось лишь полтора шага до входа, лошадка снова заупрямилась. Пришлось отвесить еще один шлепок. Подействовало.

В помещении оказалось сухо. Пахло чем-то сладковатым, и воздух не имел металлического привкуса, каким буря заполнила весь городок. Привязав животное к стойлу, Гвен небрежно бросила полотенце на блестящую от влаги спину. Теперь очередь Амелии им заниматься. У них был договор, они заключили его сразу же после того, как решили купить пони: дочь будет чистить лошадку и следить за упряжью, а Гвен — помогать Амелии всякий раз, когда та попросит. Сегодня Гвен с трудом выполняла свои обязанности.

Паника не покидала пони. Он бил копытами и вращал глазами, словно плохой трагический актер, пытавшийся подчеркнуть глубину переживаний. На губах выступила пена. Что же с ним? Почему он так взволнован? У Гвен лопнуло терпение — она шлепнула ладонью мокрый бок. Паника, похоже, пыталась овладеть и ею самой, но она быстро взяла себя в руки. «Боже мой, если Амелия это видела...» Гвен жалела, что погорячилась и принесла страдания живому существу. Как она объяснит все дочке? Только бы та не стояла сейчас у своего любимого окна в спальне, только бы не видела этой безобразной сцены...

Внезапно дверь захлопнул сильный порыв ветра. Шум бури, бушевавшей во дворе, изменился и сделался приглушенным. Стало темно.

Стук копыт затих. Гвен прекратила просить у животного прощения. Ей казалось, что сердце в груди тоже умолкло.

Фигура устрашающих размеров — раза в два выше Гвен — предстала позади нее во всем своем величии, разворошив стог сена. Гвен почувствовала легкую дрожь, овладевшую на мгновение ее телом. Она была вызвана не испугом — Гвен пока не знала, что сзади нее шевелилось нечто ужасное.

«Проклятые месячные», — подумала она, медленно поглаживая кругами низ живота.

В этот раз они начались на день раньше. Никогда с ней такого не случалось. Надо пойти в дом, сменить белье и вымыться.

Чудовище, изучавшее затылок Гвен Николсон, знало, что стоит легонько ушипнуть эту шею — и жалкое существо умрет. Мозг, не задумываясь, сделал бы так, но запах месячной крови приказывал не трогать Гвен. Запах отпугивал монстра, не смевшего нарушить табу: перед женщинами, отравленными этой кровью, он был бессилен.

Почувствовав влагу между ног, Гвен выскочила из конюшни и, не оглядываясь, побежала в дом, оставив дрожащего пони в темноте.

Голый Мозг проследил, как женщина направилась к выходу. Хлопнула дверь.

Он ждал — она могла вернуться. Все тихо. Потом он обошел вокруг пони и бросился на животное. Копыта барабанили по его телу — пони отчаянно сопротивлялся. Для Мозга это были семечки — он справлялся и с более крупными зверями, выносил удары копыт пострадавшей.

Его рот открылся. Клыки вышли из кровоточащих десен, словно когти из лап кошки. Они выросли на обеих челюстях, возникнув из двух рядов глубоких и ровных ямок. В каждом ряду — не меньше двадцати. Клыки скрипнули, впиваясь в мясо на заживке жертвы. Густая сочная кровь наполнила горло Голого Мозга. Он сделал огромный глоток и почувствовал самый жгучий вкус в этом мире. Вкус, дающий силу и мудрость. Вокруг было множество изысканных лакомств. Голый Мозг отведал одно из них, но не забыл, что существуют и другие. Он попробует все, что пожелает, и никто не помешает ему. Он будет насыщаться, наливаясь могуществом. Он не пожалеет никого. Ведь это его земля, и он хозяин всего, что есть на ней. Жалкие люди пока не знают этого — ничего, он покажет им, у кого настоящая власть! Он спалит их заживо в собственных домах, убьет их детей, выпарапает им кишки и сделает из них трофейный амулет. Люди перестанут думать, что им предназначено господствовать на этой земле. Перед мощью Мозга бесильным окажется все, даже силы неба. Никто и ничто не победит и не накажет его впредь.

Скрестив ноги, Голый Мозг сидел на полу, перебирая розовато-серые внутренности пони. Он хотел разработать план, но что-то не думалось. Зачем планы, если жизнь определяет лишь жажда крови. Сущностью Го-

лого Мозга были чудовищная ненасытность и непрекращающийся голод. Все его поступки объяснялись и, может быть, оправдывались колоссальным аппетитом. В бесконечном утолении, в постоянном насыщении он видел свое царственное предназначение.

Дождь лил уже больше часа.

Лицо Рона Милтона выражало нетерпение. Судьба не очень-то благоволила к нему: наградила язвой желудка и сумасшедшей работой в агентстве дизайна. Жить Рону было непросто: он считал, что большинство людей вокруг него ленивы и ненадежны. Он готов был поссориться со всем человечеством. Профессия требовала от него молниеносных решений, быстроты действий. Он великолепно подходил для своей должности. Никто не оказал бы вам услугу за считанные секунды, как получалось у Рона. Неудивительно, что он раздражался всякий раз, когда обнаруживал, что дела с обустройством его дома и сада обстоят не лучшим образом. Давно уже он слушал обещания, что к середине июля все будет закончено: сад спланируют, землю разобьют на участки, проложат подъездную дорожку для машины. Но до сих пор не сделали ничего: половина окон не застеклена, входная дверь и вовсе отсутствовала. Сад имел такой вид, будто в нем недавно провели военные учения. Вместо дорожки — гниущее болото.

Рон хотел построить свой собственный замок. Этот дом спасал бы его от мира, не одарившего Рона ничем, кроме дурного пищеварения и кучи денег. Тогда он оставил бы лихорадочный город, укрылся бы здесь и наслаждался, глядя на Мэгги, поливающую розы, и детей, резвящихся на свежем воздухе. Но мечты оставались мечтами: видимо, зимой придется снова сидеть в Лондоне. И все по вине этих жалких лодырей.

Мэгги раскрыла зонтик. Она стояла рядом, защищая мужа от дождя.

— Где дети? — поинтересовался Рон.

Она ответила, состроив гримасу:

— В отеле, доводят до безумия миссис Блэттер.

Нельзя сказать, чтобы Энид Блэттер не терпела детских шалостей. У нее самой были дети, и она любила их непринужденное веселье и баловство. Но терпеть фокусы этих чертенят уже шестой раз за лето? Миссис Блэттер они начали раздражать.

— Давай лучше вернемся в город.

— Что ты, не надо. Мы можем уехать и в воскресенье вечером. Прошу тебя, останемся здесь еще на два дня. Сходим на праздник урожая.

Теперь гримаса появилась на лице Рона:

— Это еще зачем?

— Рон, мы ведь живем не одни. Я имею в виду, в этом городе. На праздник придут почти все местные жители. Неприлично пренебрегать традициями. Нам же жить среди них.

Рон походил на обиженного мальчишку, готового зареветь. Мэш знала, что он сейчас скажет:

— Я не хочу туда идти.

— Но у нас нет выбора.

— Мы могли бы уехать сегодня.

— Ронни, перестань...

— Что нам тут делать? Детям скучно, ты становишься невыносимой занудой...

Мэгги понимала, что Рон проиграл.

— Можешь ехать, если хочешь, — ответила она. — Возьми детей, а я останусь здесь.

«Хитрый ход», — подумал Рон.

Два дня в городе, да еще в окружении детей — он не вынес бы такого. Нет уж, тогда лучше остаться.

— Ладно, Мэгги. Считай, ты меня уговорила. Мы пойдем на этот чертов праздник.

— Что за слова? Побойся бога.

— Ты же знаешь — я уже давно не молюсь.

Рон был в дурном расположении духа. Глядя на буюраки, он попытался представить траву и розы, но не смог.

На кухню вбежала белая, как полотно, Амелия Николсон. Она посмотрела на мать и упала на пол. Зеленую курточку заляпала рвота. На высоких сапожках была кровь.

Гвен позвала Денни. Их маленькая Амелия дрожала и металась, словно в бреду. Она пыталась говорить, но слова проглатывались тихим всхлипыванием.

— Что с ней? — Денни буквально слетел с лестницы.

— Боже мой...

Амелию опять вырвало. Лицо посинело.

— Объясни же наконец, что стряслось!

— Не знаю. Она только вошла — и вот... Лучше вызови «скорую помощь».

Денни наклонился и дотронулся до щеки ребенка.

— Это шок, — констатировал он.

— Денни, «скорую помощь». Скорее!

Гвен снимала с девочки курточку и расстегивала пуговицы на ее блузке. Денни медленно выпрямился и подошел к окну, ставшему матовым от потоков дождевой воды. Он разглядел за стеклом свой двор: дверь в конюшню колыхал ветер. Потом мощный порыв захлопнул ее. Там кто-то был — Денни почувствовал движение внутри.

— Ради бога, доктора! — повторяла Гвен.

Но Денни не отреагировал. В его владения забрался чужой, и он знал, как поступить с пришельцем.

Дверь снова открылась. До него донесся еле слышный скрип. Потом что-то скользнуло во тьму. Что ж, пора вмешаться.

Стараясь не отводить глаз от входа в конюшню, он потянулся за винтовкой, висящей на входной двери. Потом он оглянулся. Гвен пыталась дозвониться до медицинской службы, оставив стонущую девочку на полу.

Кажется, та начинала приходить в себя. Кто-то забрался в конюшню и напугал ее до потери сознания — что ж, надо выгнать его к чертовой матери.

Открыв дверь, Денни шагнул во двор. Безумие дождя прекратилось. Только ветер бушевал в холодном воздухе, продувая насквозь легкую рубашку. Земля под ногами блестела черным стеклом луж. Он шел к конюшне под аккомпанемент капель, падающих с карнизов и портика.

Дверь снова печально скрипнула. На этот раз ее толкнул не ветер. Денни не мог ничего разглядеть внутри. Ни движения. Ни звука. Странно — не могло же ему почудиться.

Он присмотрелся. Да! Здесь кто-то есть... Чьи-то глаза наблюдали за ним, за винтовкой, за каждым его движением. Наверняка в этих глазах были испуг и волнение. Денни направился к чужаку, приняв самый грозный вид, на какой был способен.

Он вошел внутрь уверенным широким шагом.

Под правым ботинком хрустнул желудок пони. Повернув голову, он увидел ногу лошадки, обглоданную до кости, вырванную у основания бедра. Копыто покрылось спекшейся кровью. От животного не осталось больше ничего. Денни чуть не вырвало.

— Эй, ты! — крикнул он в темноту. — Выходи! — Денни вскинул винтовку. — Ты слышал? Выходи, или я стреляю.

В углу, где были сложены тяжелые тюки, что-то зашевелилось.

«Попался, сукин сын», — пронеслось в голове Денни.

В следующую секунду гость смотрел на него с девятифутовой высоты.

— Бо-оже мой...

Громадина качнулась и стала надвигаться на него — медленно, уверенно, без всякого страха. Он выстрелил, но пуля, вроде бы попавшая в грудь чудовища, не оставила его.

Николсон бросился бежать. Ботинки скользили на мокрых булыжниках, и не было возможности развить большую скорость. Преследователь был уже в двух шагах позади, а его голова — прямо над Денни. Услышав выстрел, Гвен бросила трубку телефона. Подойдя к окну, она увидела, как грузная исполинская туша настигла Денни. Нагнувшись, чудовище схватило его за пояс брюк и швырнуло в воздух легко, словно перышко. Достигнув в полете высшей точки, тело повернулось и камнем рухнуло на землю. Глухой удар отозвался в Гвен мощным сотрясением внутренностей. Гигант расплющил лицо ее мужа одним ударом.

У Гвен вырвался крик. Опомнившись, она зажала рот рукой, но поздно. Слишком поздно. Крик уже гулял на свободе, он достиг ушей чудовища. Монстр обратил горящие глаза в сторону женщины. Он смотрел, сверля злобными огнями оконное стекло. Силы небесные, он заметил ее! Голая громадина приближалась, оскалив страшный рот.

Гвен подняла лежащую на полу Амелию и крепко обхватила ее руками. Она прижала голову девочки к своей шее, чтобы та не видела этого кошмара. Шлепанье тяжелых шагов становилось громче. Кухню заполнила зловещая тень.

— Укрепи мои силы, Господи!

Чудовище заслонило оконный проем. Искаженное сладострастной гримасой лицо расплывалось на мокрой поверхности стекла, сразу же треснувшего и осыпавшегося градом осколков на тело исполина. Великан ощущал запах ребенка. Он хотел только этого ребенка. Он *скоро получит* мясо ребенка.

Чудовище оскалилось, словно смеялось над непристойной мыслью. Оно чавкало пастью, как кошка, придушившая мышь и приближающая зубы к лакомому блюду. С челюстей гиганта стекала слюна.

Гвен проскочила в прихожую. Чудовище уже протискивалось в дом через оконную раму. Запирая дверь,

женщина слышала, как крушатся деревянные створки, как падает на пол кухонная утварь. Гвен двигала мебель и затормождала ею вход: столы, стулья, вешалка для пальто. Все это, конечно, будет раздавлено в щепки, но ничем другим она не могла защититься. Амелия сидела на полу, где ее оставила мать. Лицо девочки казалось пустым и спокойным.

В прихожей нельзя больше оставаться. Наверх. Да, вверх. Подхватив девочку — легкую, словно пух, — Гвен заспешила к лестнице. Шум на кухне внезапно стих. Она остановилась почти у цели, поднявшись выше середины лестницы.

Внезапно она засомневалась в реальности происходящего, в самом существовании чудовища. Тишина и спокойствие царили внизу. Только частицы пыли медленно падали на подоконник, на увядающие цветы. Ничего другого там нет. Ничего и никого.

— Мне это снится, — произнесла Гвен.

Да, это так.

Она села на кровать, где они с мужем спали уже восемь лет. Попробовала разобраться в происходящем.

Наверное, она видит сон. Кошмар вызван месячными и подсознательными фантазиями об изнасиловании, поэтому ей и привиделся ужасный преследователь. Уложив Амелию на розовую подушку, набитую гагачьим пухом, Гвен прикоснулась к холодному лбу девочки. Денни ненавидел розовый цвет, но все-таки он купил розовое постельное белье. Для нее...

— Мне это снится, — шептала Гвен, медленно спускаясь по лестнице.

Комната погрузилась во мрак. Гвен повернулась — сон продолжался. Она знала, кого сейчас увидит.

Он был там — герой ее кошмара. Подтягиваясь на широко разведенных паучьих ручищах, схватившихся за раму верхнего окна, он показывал свои отвратительные клыки.

Амелия! Гвен бросилась обратно в спальню, схватила девочку в охапку и побежала к двери. За спиной грохнуло разлетевшееся стекло, впустив в комнату холодные потоки воздуха. Преследователь уже здесь.

Она заметалась и рванулась к лестнице. Но он был рядом. Совсем рядом. Страшный рот издал восторженный рев, пламенные глаза нацелены на неподвижную девочку в материнских руках.

Гвен уже не могла спрятаться или сопротивляться. Ее ослабевшие руки недолго боролись за Амелию и тянули ребенка к себе.

Дитя вскрикнуло, умоляюще глядя на мать. Пальцы ребенка потянулись к ее лицу, расцарапав щеку, и Гвен выпустила дочь.

Кошмар продолжался, и Гвен была не в силах больше его выносить. Перед глазами ее все поплыло и закружилось. Потеряв равновесие на верхней ступеньке, она пошатнулась и упала вниз. В круговороте пространства мелькало раздавленное личико Амелии, хрустящее под нажимом острых зубов. Голова Гвен стукнулась о перила, шея хрустнула. Последние шесть ступеней она преодолела уже мертвой.

Когда над Зелом начали спускаться сумерки, дождевая вода уже почти впиталась в капилляры почвы. В самой низине, которая еще недавно выглядела как группа островков среди серой глади моря, вода возвышалась над поверхностью лишь на несколько дюймов, отражая умиротворенное небо. Приятно для глаз, но неудобно для ног. Преподобный Кут упорно уговаривал Деклана Эвана сообщить в совет округа о засорении сточных каналов. Уже третий раз он повторял, как это важно для жителей, но Деклан застенчиво краснел и отговаривался.

— Прости, но в моем положении... Я же не...

— Я все понимаю. Но, Деклан, кто, кроме тебя, способен нам помочь? Ты же не бросишь нас в беде?

Он сверкнул глазами в сторону священника. Властный взгляд, пронзающий насквозь.

— Но ведь на следующий же день дождь опять забьет каналы грязью, — ответил Деклан.

Кут развел руками: как можно спорить с этим упрямым. Он использует прописные истины для того, чтобы его оставили в покое, не обременяя лишними заботами. Он продолжал бы настаивать на своем, но были и другие злободневные вопросы, которые необходимо обсудить со священником. Прежде всего — воскресную проповедь. По какой-то загадочной причине Куту никак не удавалось ее написать. Каждое слово, сколь бы убедительным и возвышенным ни считал его автор, становилось пресным и лишенным смысла, едва попадало на бумагу. Словно тяжесть, разлитая в сегодняшнем воздухе, давила на Кута. Она делала его дух приземленным, не давая воспарить. Кут подошел к окну. Он стоял к Деклану спиной и потирал ладони — их охватывал зуд. Наверное, снова экзема. Он не знал, как перейти к новой теме, с чего начать. Ему казалось, что он потерял способность разговаривать в тот самый миг, когда это жизненно необходимо. Ни разу за сорок пять лет жизни ему не приходилось оказываться в таком положении.

— Я пойду? — спросил Деклан.

Кут покачал головой.

— Останься на минутку, — задумчиво попросил он, повернувшись к священнику.

Лицо двадцатидевятилетнего Деклана Эвана казалось лицом усталого пожилого человека: бледные потускневшие черты, лысеющая голова.

«Как этот измученный страдалец может послужить моему спасению? — думал Кут. — Чем он может помочь?»

Ему стало смешно. Вот почему он затруднялся говорить: он чувствовал, что это ни к чему не приведет, что священник все равно не поймет его. Он не был ни глуп-

цом, ни сумасшедшим — он был человеком, облаченным в сан и посвященным в христианские таинства. На пятом десятке жизни ему открылась крупица истины. Он был одарен ею, как чудесным подарком, ниспосланным творцом. Деклан поднимет его на смех, если все ему рассказать.

Он снял очки, чтобы не видеть священника отчетливо. Чтобы не обращать внимания на возможные усмешки.

— Деклан, этим утром я почувствовал нечто... Я бы назвал это... испытанием.

Деклан не произнес ни слова. Его расплывчатая фигура не шелохнулась.

— Не знаю даже, как это описать... Запаса человеческих слов недостаточно, чтобы выразить... Но, честное слово, никогда еще я не был свидетелем столь ясного проявления воли... — Кут сделал паузу. Он не был уверен в том, что нужно договаривать до конца. — Бога, — закончил он робко.

Деклан молчал. Немного осмелевший Кут надел очки — лицо напротив было серьезным и спокойным.

— Объясни мне, в чем она выражалась? — Лицо Деклана оставалось неподвижным, шевелились лишь губы.

Кут опустил голову. Целый день он пытался подыскать для этого слова, и не одно из них не казалось точным и правильным.

— На что это похоже? — Деклан спросил иначе, но и на этот вопрос было трудно ответить. В голосе его звучала настойчивость.

Как он не может понять, что невозможно объяснить такие вещи словами.

«Надо попробовать, — думал Кут. — Я *обязан* попробовать».

— Когда я стоял у алтаря после утренней молитвы, — начал он, — что-то вдруг проникло в меня. Прошло сквозь тело, словно электричество. И у меня волосы встали дыбом... Да-да, именно дыбом.

Кут провел рукой по коротко стриженной голове, вспоминая о необыкновенном ощущении: устремившиеся вверх волоски показались ему тогда порослью жестких зерен имбиря. Он вспомнил, как наполнились дрожащим жужжанием его легкие. Его чресла. Как в них заиграла мужская сила, впервые за несколько лет. Признаться в этом Деклану? Нет, он не мог рассказать о том, как стоял у алтаря с сильнейшей эрекцией, снова чувствуя свою полноценность и способность вкушать утерянные радости мира.

— Я не уверен... Не *вполне* уверен, что это было проявлением воли нашего Бога — Творца... — Ему хотелось, чтобы все было именно так: чтобы Бог, которому он служил, оказался не только Творцом, но и покровителем мужской силы. — Я даже не могу ручаться, что тот бог был христианским... Но он пришел ко мне, коснулся меня. Я почувствовал его.

Лицо Деклана оставалось непроницаемым. Кут смотрел на него несколько секунд, пораженный его молчанием. Потом спросил, потеряв терпение:

— Ну?

— Что «ну»?

— Тебе нечего сказать?

Деклан нахмурился, у висков собралась сеточка морщин. Потом она исчезла, и он тихо произнес:

— Боже, помоги мне. — Почти шепотом.

— Что?

— Я тоже чувствовал это. Не совсем то, что ты описал, не электрический ток... Нечто иное.

— Почему ты сказал «боже, помоги», Деклан? Тебя что-то испугало? — Тот не отвечал. — Если в твоём переживании было что-то, чего я не испытал, расскажи мне об этом, Деклан... Пожалуйста. Я хочу знать. Хочу разобраться. Должен разобраться.

Деклан поджал губы.

— Хорошо... — Его глаза ожили, в них блеснул огонек. Не от отчаяния ли? — У нашего городка большое

прошлое. Ты сам знаешь, об этом ходило множество легенд. В том числе и о тех, кто когда-то здесь жил. О существах... обитавших здесь в незапамятные времена. На этой земле были поселения еще до прихода римлян. Никому не известно, как давно они возникли, к каким глубинам времен следует отнести их появление. Говорят, что здесь стоял храм.

— Ничего удивительного.

Кут уверенно улыбнулся, рассчитывая на то, что Деклан не согласится и расскажет что-то интересное. Пусть даже непроверенные факты — любые сведения об этой земле.

Деклан помрачнел и продолжил:

— Еще раньше здесь был лес. Огромный и дремучий. Его называли Диким... — Кут заметил тоску в глазах Деклана. — Ни клочка обработанной почвы — один лишь лес размером с большой город. Лес, полный хищников.

— Кто же в нем водился? Волки? Медведи?

Деклан покачал головой.

— Нет. Там жили существа, некогда владевшие этой землей. Задолго до Христовой эры. Задолго до человеческой цивилизации. Потом привычные условия их обитания были нарушены. Трудно сказать, по какой причине, но, скорее всего, из-за появления людей. Многие из древних чудовищ погибли. Они не были похожи на нас, Кут. Не из плоти и крови, совсем другие.

— И что же?

— Те, что остались в живых, попались на глаза людям и, конечно же, были истреблены. Лишь одно дожило до четырнадцатого века, когда здесь уже умели писать книги, вырезая буквы на дереве и камне. Свидетельство того, что последнее из чудищ захоронено в земле, существует. Оно на алтаре.

— Где? На алтаре?

— Да, под сукном. Я давно обнаружил его, но не придавал этому значения. Но сегодня. Сегодня я... попробовал прикоснуться к нему.

Он сжал кулаки. Потом быстро выпрямил пальцы, показывая Куту свои ладони: кожа покрылась волдырями, а из тех мест, куда только что впились его ногти, сочился гной.

— Это не опасно,— сказал он.— Ни для меня, ни для тебя. Но впечатляет, правда? Ответь мне, Кут.

Первым делом Кут подумал, что Деклан подшутил над ним. Затем попробовал найти логическое объяснение услышанному. Потом в памяти всплыл афоризм отца: «Логика — убежище трусов».

— Люди называли его Голым Мозгом.

— Кого?

— То существо, что они похоронили. Так написано в летописи. У него была мягкая и мясистая голова того же цвета, что сияние луны. Чудовище не имело черепа, и потому люди окрестили его именно так.— Деклан усмехнулся и продолжил, сияя широкой улыбкой: — А еще он ел детей...

Страшное происшествие на ферме Николсона оставалось незамеченным до субботнего утра. Мик Глоссоп, решивший вернуться в Лондон непривычной дорогой, увидел в левом окошке автомобиля странную картину: несколько коров громко мычали и пытались сломать задние ворота. Одна из них стояла в стороне и вращала мордой, тряся разбухшим выменем.

«Ничего себе,— подумал Мик,— их не доили, наверное, больше суток».

Он притормозил и вошел во двор.

Труп Денни Николсона уже покрыли полчища мух, хотя прошел всего лишь час после восхода солнца. Внутри дома обнаружилось то, что осталось от Амелии: клочки разорванного платья и ступня в углу спальни. Тело Гвен Николсон не было изувечено. Оно лежало около лестницы, и на нем не было ни ран, ни следов изнасилования.

В девять тридцать городок наполнился воем полицейских сирен. Жители узнали о том, что произошло вчера. На улицах спорили, что сделал убийца со своими жертвами: у полиции не было полной уверенности ни в чем, и неудивительно, что каждый горожанин имел по этому поводу собственное мнение. Несмотря на несоответствия во взглядах, все сходилось в одном: это неслыханная жестокость. Никто не понимал, зачем убийце понадобилось тело бедной девочки.

Полиция решила использовать болтливость зелотов, чтобы хоть как-то облегчить задачу отделу убийств. В трактире «У великана» разбили штаб: каждый мог прийти сюда и рассказать все, что хотел. Но рассказы не прояснили дела. Никто не видел в городке посторонних, никто никого не подозревал, никто не замечал признаков, которые могли бы толкнуть человека на подобное убийство. Наконец появилась еще одна новость. Ее принесла Энид Блэттер: она сообщила, что не видела Томаса Гэрроу-младшего уже сутки.

Его тело нашли там, куда швырнул его гигант, в отвратительном состоянии: голова кишела червями, на ногах пристроились чайки. Голени, открытые задравшимися штанинами, были исклеваны до костей. Когда его поднимали из ямы, из ушей сыпались жучки и маленькие пауки.

В отеле тоже царил взбудораженная атмосфера. Сержант Гиссинг нашел в баре приятного и внимательного собеседника — Рона Милтона, оказавшегося, ко всему прочему, его земляком. Сержант беседовал с ним за виски с содовой.

— Я двадцать лет служу в полиции,— повторял распалившийся Гиссинг.— Ничего подобного не видел.

Вряд ли он говорил правду. Он видел немало ужасного. Взять хотя бы ту шлюху — вернее, клочки ее расчлененного тела, обнаруженные в кейсе. И наркомана, ежедневно носившего этот кейс в Лондонский зоопарк,

чтобы гипнотизировать им полярного медведя. Наркоман утонул в бассейне зоопарка, когда стало ясно, что попытки тщетны. Разве не страшно было Стенли Гиссингу смотреть в его пустые мертвые глаза? Да, он повидал немало...

— Это чудовищно,— говорил он собеседнику.— Меня чуть наизнанку не вывернуло.

Рон слушал полицейского и не знал, зачем беседует с ним. Наверное, чтобы убить время. Впрочем, нет: в молодости Рон был радикалом и относился к блюстителям порядка, мягко выражаясь, не слишком хорошо. Теперь он чувствовал извращенное наслаждение от того, что один из полицейских раскрывал ему душу.

— Он просто долбаный псих,— говорил Гиссинг.— Поймать такого поганца не стоит труда. Он не контролирует свои действия, не замечает следы. Ему даже наплевать на то, живы они или нет. Он явно на грани самоубийства, этот придурок, разорвавший семилетнюю девочку в клочья. Видали мы таких.

— Правда?

— Еще бы. Рыдают, как дети, а сами заляпаны кровью, словно вернулись со скотобойни. Ревут в три ручья. Истерики, как нервные леди.

— Ну тогда вы его поймаете.

— Это проще, чем сделать вот так.— Гиссинг щелкнул пальцами.— Будьте уверены.

Гиссинг остановил взгляд на циферблате своих часов. Потом на пустом стакане.

Рон не предлагал ему выпить.

— Ну, ладно,— произнес тогда Гиссинг.— Мне пора возвращаться в город. Разрешите откланяться.

Он зашагал к выходу, оставив Рона расплачиваться за выпивку.

Голый Мозг наблюдал за его машиной, ползущей по северной дороге с маячком на крыше. Шум мотора насторожил монстра, когда он перешагивал через неболь-

шие холмы неподалеку от фермы Николсона. Мозг был взволнован звуком, что издавал этот небольшой предмет: он рычал и кашлял так, как не делал ни один известный ему хищник. Но больше всего Мозг поразило то, что зверь укрощен человеком. Если он хочет отвоевать у людей свое королевство, то почему бы потом не подчинить себе самого послушного из этих зверей? Получится ли? Надо попробовать. Отогнав страх, Голый Мозг приготовился к сражению.

Он выпустил клыки.

Стенли сидел на заднем кресле автомобиля. Он почти заснул. Ему грезились маленькие девочки. Очаровательные нимфетки расправляли чулки на ногах, раздевались. Они собирались ложиться спать. Он сторожил их. Он следил за их движениями, он бросал взгляды на плотно обтягивающие их бедра штанишки. Этот сон часто посещал его. Стенли никому и никогда о нем не рассказывал, даже когда был пьян. И не потому, что стыдился — многие его коллеги рассказывали и о куда более опасных развлечениях и переживаниях. Но Стенли считал этот сон очень личным, предназначенным для него одного, доступным лишь ему. Сон был его тайной.

А на переднем сиденье молодой шофер, проработавший в полиции всего полгода, смотрел в зеркальце и ждал, когда сержант Гиссинг уснет. Когда он убедился в этом, он протянул руку к приборной панели и рискнул включить радио: не терпелось узнать счет крокетного матча. Австралия опять проиграла, и нет повода устраивать ночные гонки.

«Ах, вот чем бы мне заняться,— думал он.— Надо бросать эту работу ко всем чертям».

Водитель и полицейский, занятые своими мыслями и мечтами, не заметили, что машину преследует страшное чудовище. Голый Мозг бесшумными огромными шагами подошел к ревущему зверю, пробиравшемуся

сквозь ветер по темной дороге. Мозг не торопился перейти в наступление.

Наконец ярость чудовища достигла предела. Голый Мозг издал громкий злобный рык. Под ногой вместо полевой травы оказалось асфальтированное шоссе.

Шофер рванул руль, чтобы сбросить с крыши увесистую тушу монстра, впившегося зубами в сигнальную лампу.

Машина завилала по мокрой дороге, левое крыло царапали ветви кустов, бивших в лобовое стекло. Стенли увидел во сне, как девочка отпустила чулок, и он пополз по ноге вниз, достигнув пола как раз в тот момент, когда автомобиль завершил свое трясущееся движение и врезался в железные ворота Гиссинга выбросило на переднее сиденье, едва не задохнувшегося, но не раненого. Водителя швырнуло через руль прямо в стекло — его нога тряслась у самого лица Гиссинга. Потом нога замерла.

Мозг понял, что победил, и соскочил с покоренного зверя на дорогу. Но неизвестное существо все еще отпугивало его: помятый бок скрипел, внутренности едва слышно шуршали, на смятой в лепешку морде горели глаза. Однако враг был мертв.

Голый Мозг выждал несколько мгновений, прежде чем подойти поближе и понюхать его разбитое тело. Аромат разливался так сладко, что задрожали ноздри. Вот что так благоухает — кровь железного зверя, вытекающая из разодранного живота. Голый Мозг почувствовал уверенность.

Там, внутри, был кто-то живой. От него не пахло мясом ребенка, что было бы лучше всего. От него пахло мужским мясом. У него были круглые бешеные глаза и маленький рот, который он раскрывал, как рыба. Мозг пнул железного зверя ногой — тот не реагировал. Тогда он выдернул кусок из его бока. Можно вытащить изнутри дрожащего укротителя. Как это жалкое созда-

ние с трясущимися слюнявыми губками сумело обрести власть над таким мощным зверем? Голый Мозг засмеялся и, вытащив неудачного наездника за ноги одной рукой, поднял его над землей. Вниз головой. Очень высоко. Он подождал, пока крики жертвы стихли, и просунул ручищу туда, где соединялись трясущиеся ноги. Чудовище нащупало то, что отличало мужчину от женщины. Оно оказалось небольшим и еще съезжилось от страха. Гиссинг выкрикивал что-то невнятное, какой-то вздор. Его вряд ли кто-то мог понять, а тем более — Голый Мозг, для которого имел смысл лишь один звук: высокий и громкий визг жертвы, всегда следующий за кастрацией. Сделав свое дело, Мозг бросил Гиссинга на землю рядом с машиной.

В разбитом двигателе разгорался огонь. Голый Мозг знал этот запах и не боялся этого жара. Напротив, он почтительно и уважительно относился к огню. С его помощью Мозг не раз уничтожал своих врагов — сжигал заживо в собственных постелях.

Когда пламя добралось до бензина и взвилось в воздух, Мозг чуть отступил назад. Все вокруг озарилось оранжевым маревом. Он чувствовал, как тлели волосы на его теле. Но он не беспокоился о них — его внимание поглотила яростная огненная пляска. Пламя вобрало в себя Гиссинга, танцуя неистовым вихрем над бензиновым морем. Голый Мозг смотрел, усваивая очередной урок. Еще один урок смерти.

После суматошного дня Кут безуспешно боролся со сном. Он решил не молиться сегодня, а только почитать Библию. Перед ним лежала копия резьбы на алтаре. Он разглядывал ее уже больше часа — без толку. Он не мог уяснить, что означают эти образы. Это, по-видимому, похороны, а тот, кого опускали в землю, ростом превосходил всех остальных. Кут вспомнил трактир «У великана» и улыбнулся. Наверное, это некая сред-

пелевокая шутка: спрятать изображение похорон под алтарным покровом.

Стенные часы в гостинной отстаали и сейчас показывали пятнадцать минут первого.

«Уже, наверное, час», — подумал Кут.

Он встал, потянувшись, и погасил лампы. В наступившей темноте разлилось холодное сияние полной луны, просвечивавшее сквозь занавески. Необычайно яркое в кромешном мраке, изумительно красивое.

Кут опустил черную штору, прикрыв лунный свет, и двинулся вдоль коридора. Звук его шагов повторяло тиканье часов. Больше ничего не было слышно, но неожиданно у холма Гуда пронзительно зазвучали сирены.

Что случилось? Заинтересовавшись, он распахнул переднюю дверь: холм освещался мигающей иллюминацией голубых полицейских фонариков и колеблющимся светом фар других машин. В этих огнях было больше слаженности и ритмики, чем у тиканья часов за его спиной. На северной дороге крупная авария, а ведь шоссе еще не покрылось предательской ледяной коркой. Странно...

Холм переливался огнями, словно громадный бриллиант. В воздухе царили прохлада и сырость. Ему так хотелось узнать, что произошло, но погода не располагала к...

Он вздрогнул: под деревьями в дальнем углу церковного двора что-то шевельнулось. В ровном свете луны он разглядел сначала угрюмые стволы тиса, потом серые спины камней, затем и белые лепестки хризантем, что росли на могилах. В тени призрачно мрачных деревьев, еще более черная, но явственно различимая на фоне светлого мрамора надгробных плит, стояла гигантская фигура.

Кут переступил порог.

Фигура не была одна: рядом с ней стояла на коленях другая, более напоминающая человеческую по размерам и очертаниям. Она подняла лицо, и Кут узнал его.

Это был Деклан. Даже отсюда было видно, что он улыбался, глядя на чудище.

Кут решил взглянуть на эту сцену поближе. Он старался ступать бесшумно, но на третьем шаге под ногой хрустнула ветка.

Чудище зашевелилось в тени. Неужели оно оборачивается, чтобы посмотреть на Кута? Сердце екнуло в груди преподобного. Хоть бы монстр оказался глухим. Господи, сделай меня невидимым!

Молитва была услышана. Огромная и страшная фигура по-прежнему не замечала присутствия постороннего. Набравшись смелости, Кут двинулся к рядам могильных плит. Стараясь не дышать, он переступал с одного мраморного островка на другой. Оказавшись в нескольких футах от странной пары, Кут увидел, как грозная фигура наклонилась над Декланом. Он слышал, как из глубин широкого горла гиганта вырывались урчащие звуки. То, что потом открылось взору Кута, шокировало бы любого.

Одеяния Деклана были порваны и заляпаны грязью, худая грудь обнажена. Свет луны играл на каждом ребре, на каждом мускуле. Его поза и внешний вид не оставляли места сомнениям — они выражали поклонение и обожание. Потом до Кута донеслось какое-то журчание. Он сделал еще шаг вперед и увидел, как блестящая струя мочи гиганта бьет в лицо Деклана. Тот не отворачивался, а, напротив, открыл рот и позволил жидкости литься в себя, пениться вокруг, стекая ручьями по шее и животу. Глаза его блестели одержимой радостью. Принимая это крещение, Деклан болтал головой из стороны в сторону, наслаждаясь осквернением и унижением.

Ветер донес до Кута запах отвратительных выделений монстра, кислотный и зловонный. Как Деклан мог вынести даже каплю этой мерзости? Но он купался в моче, словно в ванне. Кут хотел крикнуть, хотел остановить ужасное издевательство, но вид огромного чудовища образумил его.

Да, это он — хищник из Дикого леса, любитель детского мяса. Интересно, когда Деклан рассказывал об этом, чудовище уже овладело его разумом? Думал ли он, что вскоре чудовище появится перед ним и он встанет на колени, признает своего бога («задолго до Христовой эры, задолго до человеческой цивилизации», — говорил он) и с улыбкой примет волю хозяина?

Да. Боже Всевышний, да!

Тогда тем более не стоит рисковать. Пусть Деклан по-своему общается с монстром. Кут медленно отступал назад, не отводя изумленных глаз от происходящего. Божественная пытка прекратилась, но Деклан еще держал в дрожащих горстях остатки пролившейся на него жидкости. Он поднес их ко рту и выпил.

В гортань Кута сжался ком. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого. Когда глаза снова открылись, в них отразилась повернувшаяся к нему голова чудовища, сверкавшая двумя дикими огнями.

— Господь Всемиловитый!

Оно увидело его. Именно теперь, когда Кут стоял так близко. Оно взревело, показав ужасную глубину пасти.

— Спаси и сохрани!

Мощное тело выгнулось с гибкостью антилопы и направилось к Куту. Тот повернулся и бросился наутек. Он никогда прежде не развивал такой скорости. Его заносило на поворотах. Гигантскими прыжками он преодолевал возвышения могильных насыпей. Вот она! Дверь находилась всего в нескольких ярдах — слабая перегородка, но за ней все же можно спастись. Ненадолго укрыться, а потом найти оружие. Беги же! Беги быстрее! Четыре ярда.

Он бежал.

Дверь была открыта.

Три ярда позади — впереди последний...

За порогом он молниеносно развернулся и толкнул дверь, чтобы оттородиться от преследователя. Не полу-

чилось! Зажатая в щели рука, раза в три толще человеческой, хватала когтями воздух. Она искала Кута. За дверью не утихал злобный вой.

Кут всем телом налег на дубовую махину. Скрипящая железная рама билась о предплечье Голого Мозга. Вой стал бешеным и агонизирующим. В нем смешивались страдание и агрессивность — он перерос в невыносимо громкий рокочущий рев. Ветер разносил его из одного конца Зела в другой.

Рев достиг северной дороги, где собирали и упаковывали в пластиковые пакеты останки Гиссинга и его шофера. Он отражался многоголосьем эха под сводами часовни Успения, где начали разлагаться тела Денни и Гвен Николсон. Он был услышан горожанами в их спальнях, где молодые супруги прижимались друг к другу, старик изучал рисунки трещин на потолке, а детям снилась материнская утроба. Рев повторялся, не умолкая, пока Голый Мозг корчился и неистовствовал за дверью.

Кут чувствовал, что мир плывет перед глазами. Голову охватил пожар. Он лепетал молитвы, но помощь не приходила. Силы покидали его. Мышцы дрожали в неимоверном напряжении, ноги уезжали назад, скользя по безупречно отполированному полу. Каждый дюйм давался гиганту нелегко, но дверь все же медленно открывалась. Толчок за толчком. Даже если бы Кут смог удержать эти дюймы, его положение оставалось безнадежным. Нужно изменить стратегию и изменить ситуацию, из которой ему живым не выйти.

Он подналег на дверь, лихорадочно обшаривая глазами прихожую. Где же оно, подходящее оружие? Нельзя позволить монстру ворваться сюда, нельзя терпеть от него унижение. Ноздри Кута щекотал едкий запах. Ему представилось, что он преклоняет колени перед гигантом и по его голому телу течет вязкая вонючая жидкость. Воображение рисовало ему дикие картины. Он был не в силах усмирить воспламенившийся мозг. Стук от-

вратительных образов, перемешавшийся с воспоминаниями о недавно увиденном, опустился в глубины подсознания и выдернул оттуда мысли, казавшиеся ранее абсурдными. Нужно поклониться чудовищу? Оно требует служения, как и любой бог? И это служение будет ясным и простым, не похожим на то, какому он был предан до сих пор? Кут продолжал защищаться, но в его голове звучало: надо сдаться неизбежности, лечь на пол и позволить себя раздавить.

Имя бога пульсировало глухим ударами: Голый... Мозг...

Отчаяние или что-то иное, вызвавшее раздвоение личности, не помешало его мечущимся глазам наткнуться на стойки для одежды, стоящие слева от атакуемой двери.

Голый. Мозг. Голый. Мозг. Это имя повелевало. Оно заставляло действовать. Голый. Мозг. Голый. Мозг. Что если загнать в него палку? Попытаться ее достать?

Он понял: сейчас или никогда. Он оторвал одну руку от дерева и вытянул ее, чтобы достать до трости, застрявшей между высокими вешалками. До своей самой любимой трости, которую он называл «палкой для путешествий». Она была вырезана из гибкого ствола ясени, удобная и легкая. Пальцы Кута сжали ее.

Голый Мозг тоже использовал свой шанс: рука все глубже проникала внутрь, расшатывая полуоткрытую дверь. Острые железные края раскраивали его кожу, но монстр чувствовал лишь ткань пиджака Кута, за который он ухватился.

Кут взмахнул своим оружием и опустил его конец на плечо Голого Мозга. Туда, где кожу приподнимала огромная кость. Средство обороны разлетелось в щепки, но свое дело сделало: снова послышался страшный вой, гигантская рука юркнула назад. Когда последний коготь исчез из поля зрения, Кут захлопнул дверь и задвинул засов. Передышка была короткой, не более двух

секунд. Новая атака началась с барабанного стука кулаков, по два удара в каждом такте. Петли скрипели, дерево трещало. Еще несколько секунд, и чудище проломит дверь — его силы удесятерила ярость.

Кут быстро шел к телефонному аппарату.

— Звони в полицию, — сказал он себе и начал набирать номер.

Сколько двоек сложится, чтобы сломать эту дверь, сколько времени потребуется чудовищу, чтобы достигнуть угла прихожей? Сколько минут осталось жить? Сколько секунд...

Сознание Кута металось в замкнутом круге, сотканном из молитв и вопросов. Он хотел знать, попадет ли на небеса, если умрет самой ужасной из смертей, когда-либо приходивших к викариям? Ожидают ли покойника райские кущи, если его внутренности выпустят наружу напротив моленной?

На полицейской станции дежурил единственный офицер — все остальные были заняты инцидентом на северной дороге. Он с трудом разбирал умоляющее бормотание преподобного Кута и уже давно бы бросил трубку, если бы из нее не доносились звуки взламываемой двери и громкое рычание, доказывающие серьезность звонка.

Офицер включил радиосвязь с патрульными машинами, но ответный сигнал пришел лишь через двадцать секунд — к этому моменту Голый Мозг уже выломал центральную балку двери в моленную и взялся за другие. Полицейские не знали об этом. То, что они уже увидели, — обутленное тело шофера и Гиссинг, потерявший мужское достоинство, — сделало их безразличными к чужому горю. Целую минуту офицер убеждал их в неотложности вызова. Этой минуты Голому Мозгу хватило, чтобы прорваться к Куту.

Из окон отеля Рону Милтону был виден парад огней, окружавших холм; он слышал звуки сирен. Раздался еще один звук — потрясающе громкий и рычащий. Рон недоумевал: так ли уж спокоен и безопасен этот пригородный городок, приглянувшийся ему? Он взглянул на Мэгги — та недавно тоже проснулась от шума, но теперь приняла снотворное и уснула. Рон чувствовал, что должен оберегать ее, ему захотелось выглядеть в глазах Мэгги героем, хотя она смеялась над этим. В то время, как он нагонял лишний вес за сытным обедом, жена посещала занятия по самообороне. Необъяснимая печаль наполнила его: он впервые ощутил себя слабым для жизни в этом мире.

Голый Мозг вломился в прихожую молельни, покрытый впившимися в его тело щепками древесины. На торсе, проколотом множеством заноз, зияли окровавленные раны. Пропахшее ладаном помещение наполнил кислый запах его пота.

Он жадно нюхал воздух, но не чувствовал присутствия человека. Раздосадованный, он оскалил зубы, выпустив из горла стукот скопившихся газов. Потом он тяжелой походкой направился к рабочему кабинету. Там было тепло и уютно — он знал это, хоть был ярдах в двадцати от него. Он перевернул стол кабинета, расколол об пол два стула и грузно уселся на уцелевшее сиденье около камина. Выдернув каминную решетку, он с силой швырнул ее в стену и замер, утомившись. Жаркий воздух, живительный и исцеляющий, окружил его. Он проникал в пустой желудок, он согревал конечности, он ласкал лицо чудовища. Голый Мозг зажмурился от удовольствия: жар разливался в сосудах, разогревая в них кровь, вызывая в памяти картины полыхающих пшеничных полей.

Неприятные воспоминания снова были рядом. Он хотел прогнать их, но эта унижительная ночь тревожила его воображение. Она будет с ним всегда. Вечно. Од-

на из коротких ночей того далекого лета, когда царила двухмесячная засуха, когда Дикий лес был усыпан обломанными сухими ветками, когда любое живое еще дерево с легкостью подхватывало поднесенный огонь. Тогда он был изгнан из своего дома, из своих владений. Тогда его, обескураженного и испуганного, с красными от нестерпимой жары глазами, затащили в сети и пригвоздили острыми пиками, и он увидел *то*, чем люди хотели отплатить ему.

Они не хотели его убивать. Почему? Возможно, ими владел суеверный ужас. Нанося ему раны, они дрожали, предчувствуя гнев высших сил, что обрушится на них за это. Они зарыли чудовище в землю, наградив участью еще более страшной, чем смерть. Худшего наказания не найти: чудовищу суждено жить вечно во мраке подземной тюрьмы. Он должен был сидеть в ней, не зная, что века сменялись, что поколения людей рождались и умирали над его головой, позабыв о его существовании. Может быть, лишь женщины вспоминали иногда о нем? Их запах проникал в его ноздри, когда они проходили неподалеку от могилы, но потом исчезал. И они исчезали тоже: они находили себе мужчин и покидали это место, а он каждый раз оставался в одиночестве. Именно одиночество угнетало больше всего. Женщинам он был не нужен. А ведь когда-то он вместе со своими братьями ловил их в лесах, когда-то он обладал ими, оставляя потом лежать на земле — окровавленных, но удовлетворенных. Через какое-то время они умирали — не могли вынашивать плоды этого насилия. Огромные младенцы-гибриды разрывали зубами стенки утробы и тоже погибали. Это была единственная месть ему и его братьям со стороны человеческих самок.

Голый Мозг ударил себя в грудь и поднял глаза, увидев мерцавшую в пламени камина репродукцию с картины «Свет мира». Она не вызвала в нем желания рас-

каяться. Лишенные всякой привлекательности глаза мученицы смотрели на него. Они не приглашали и не звали его. Голый Мозг направил свой возбужденный взор на ту часть одежды, которой девственница прикрывала свою невинность. Семя чудовища медленно потекло по стенкам камина, шипя на горячих камнях. Ему казалось, что покоренный мир уже лежит под его ногами. В этом мире было все, чего он только мог пожелать: тепло, пища. Даже дети. Чтобы есть их мясо.

Он выпрямился, облизываясь. Его голову опьянил гнев.

Кут, укрывшийся в подземном склепе, слышал, как к молельне подъехала полицейская машина. Скрип тормозов. Шаги людей, ступающих по гравию. Их было с полдюжины — скорее всего, достаточно.

Осторожно двигаясь в темноте, он направился к лестнице.

Что-то вдруг прикоснулось к нему — он невольно вскрикнул.

— Не выходи туда сейчас, — раздался голос из-за его спины.

Это был Деклан. Он говорил слишком громко, и Кут чувствовал себя неуверенно. Существо где-то наверху, быть может, совсем рядом с ними. Нужно действовать предельно осторожно. Боже, оно не должно ничего услышать.

— Оно над нами, — прошептал Кут.

— Я знаю. — Эти слова словно вырвались из недр желудка, а не из горла. Горла, в котором недавно пенились нечистоты. — Давай позволим ему спуститься сюда. Ты ему нужен, и тебе это известно. Он хотел, чтобы я...

— Что с тобой случилось? — спросил Кут.

Лицо Деклана кривилось в безумной гримасе.

— Он должен и тебе дать свое крещение. Что ты об этом скажешь? Тебе понравилось? Ты видел, как он мочился на меня? Так вот: это еще не все, чего он хочет.

О да, он хочет гораздо большего. Ему нужно все. Ты слышишь? Все.

Кут избавился от руки, державшей его. От крепкой хватки пальцев, от их кислой вони.

— Пойдем со мной.

Хитрый взгляд звал Кута, но он ответил:

— Бог не велит мне делать этого.

Деклан рассмеялся. Это был не просто смех — в нем скрывалось искреннее сострадание к заблудшей душе.

— Он и есть бог,— произнес священник.— Он существовал еще тогда, когда и в помине не было этой набитой дерьмом постройки.

— Собаки тоже существовали.

— Кто? Ну и что?

— А то, что я не могу из-за этого позволять им трахать себя.

— Ты умник, я смотрю? — Улыбка исчезла.— Иди к нему — и ты изменишься. Ты поймешь сам.

— Нет, Деклан. Я не буду делать этого. Оставь меня...

Он почувствовал, как руки Деклана сильно сдавили его.

— А ну шагай вверх, жалкая тварь! — прикрикнул безумец.— Не заставляй бога ждать.

Он потащил Кута наверх, не ослабляя плотного кольца объятий. Кут искал слова, но не находил. Сейчас он, как никогда в жизни, нуждался в логике, и она подсказывала только одно: невозможно объяснить этому человеку, что он ошибается. Вскоре они оказались в главной башне церкви. Кут бросил взгляд на алтарь: может быть, к нему придет что-то вроде озарения? Но алтарь ничего нового ему не сообщил, поскольку был осквернен. Обивка, грязная и распоротая, запачкана экскрементами; на ступенях полыхали молитвенники и церковные книги, сюда же брошены крест и подставки для свечей. В удушливом воздухе летали хлопья саж.

— И это сделал ты?

— Он хотел этого, и мне пришлось подчиниться.

— Но как он осмелился?

— Что в том странного? Он не боится ни Иисуса, ни...— Внезапно Деклан снова погрузился в пучину сомнений. Его сознание металось в недоумении и страхе.— Но он *действительно* боится одной вещи. Если бы не так, он сам пришел бы сюда и сделал это своими руками...

Деклан не смотрел в сторону Кута. Его взгляд застыл.

— Чего же, Деклан? — спросил викарий.— Чего он не любит? Скажи мне наконец!

Деклан повернулся к нему и плюнул в лицо. Слюна поползла по щеке Кута, словно гусеница.

— Это тебя не касается.

— Ради Христа, Деклан, образумься! Посмотри, что он с тобой сделал!

— Я служу лишь тому, кого могу видеть.— Он встряхнул Кута и добавил: — И сейчас твоя очередь предстать перед ним.

Он повернул Кута лицом к северной двери. Она была открыта — на пороге стояло чудовище. Оно качало головой, словно кланялось. Впервые Кут увидел Голый Мозг так близко — впервые ужас был реальным. Викарий не думал о размере монстра, о его взгляде и очертаниях. Он видел лишь медленную, ровную поступь огромного зверя. Существа, которому он мог бы поклоняться. Это уже не зверь, несмотря на то что у него есть грива и острые зубы. Глаза прожигали его огнем, проникающим все глубже и глубже; так не могло смотреть ни одно животное. Рот раскрывался все шире: в нем возникали клыки. Они выросли уже на два, затем на три дюйма, но рот продолжал распахиваться. Когда он раздвинулся на всю свою неимоверную ширину, Деклан отпустил Кута. Наверное, хотел, чтобы тот немного побегал. Но

Кут не шелохнулся — над ним властвовал пронзающий взгляд. Голый Мозг приподнял его. Все вокруг закружилось...

Кут ошибся ненамного: полицейских было семеро. Трое из них вооружились согласно приказу сержанта розыска Гиссинга — его последнему приказу, который можно было считать теперь предсмертной волей. Семерку хранителей справедливости возглавлял сержант Айвенго Бейкер: личность самоотверженная и даже героическая, то ли по причине склонности к риску, то ли из-за большего опыта опасной работы. Он заговорил. Голос, обычно властный и громкий, сейчас походил на визг, потому что горло сержанта сжалось: из здания на пороге церкви показался Голый Мозг.

— Так, я его вижу.

Вряд ли кто-то мог не видеть его — эту девятифуттовую громадину, забрызганную кровью и казавшуюся исчадием ада. Те, у кого были стволы, вскинули их, не дожидаясь команды. Остальным оставалось целовать свои дубинки, укрепляя их молитвами. Один не выдержал и бросился бежать.

— Вернуться на линию огня! — пронзительно пищал Айвенго.

Если трусы разбегутся, он останется один. У них было оружие, а у него — лишь власть закона, что не утешало.

Голый Мозг высоко поднял Кута над землей, держа его за шею. Ноги несчастного покачивались в футе от нее, голова запрокинулась назад, глаза закатились. Монстр демонстрировал свое прикрытие неприятелю.

— Разрешите... пожалуйста... застрелить эту гадость! — засуетился один стрелок.

Айвенго сглотнул слюну, прежде чем хрипло ответить:

— Мы заденем викария.

— Разве он не мертв? — спросил стрелок недоуменно.

— Это не очевидно.

— Он не может быть живым. Сами посмотрите...

Голый Мозг мят тело Кута, словно подушку, из которой высыпался пух. Теперь Айвенго видел, что стрелок, скорее всего, прав. Голый Мозг неторопливо размахнулся и бросил тело в его сторону. Оно врезалось в гравий неподалеку от ворот и больше не шевелилось. У Айвенго прорезался его настоящий голос:

— Огонь!

Стрелки начали выполнять приказ еще до того, как заметили, что начальник раскрыл рот.

На Мозг посыпались пули. Некоторые достигли цели: три, четыре, вот уже пять ранений, и почти все в грудь. Пули обжигаяще кусали его, заставляя зашипать лицо и гениталии. Он загородил их руками, предохраняя от неожиданно больных укусов, не сравнимых с уколом пули из винтовки Николсона. Страданий от той раны он не почувствовал, занятый лишь свершением желанной мести. Его охватил страх. Инстинкты подсказывали ему: надо броситься на отрывистые хлопки выстрелов и вспышки пороха, но боль подавляла такое желание. Он повернулся и начал вынужденное отступление, став подпрыгивающей при каждом удачном выстреле мишенью, что двигалась к холмам. Он направлялся к зеленеющим позади них перелескам, надеясь отыскать подходящие для укрытия овраги или пещеры. Хотя какое-то место для спасения, где можно обдумать дальнейшие действия. Только бы уйти от погони!

Полицейские преследовали его, добывая в спину. Дух победы витал над их головами. Им даже не нужен был полководец — Айвенго остался на кладбище, поднял с могилы вазу, вытряхнул из нее хризантемы, и его вырвало.

Голый Мозг добрался-таки до середины холма. Вскоре огоньки выстрелов исчезли, и он почувствовал себя более уверенным и подвижным. Теперь нужно раствориться во мраке, провалиться сквозь землю. Рванув по полю, он услышал, как свистят переспелые колосья, до сих пор не собранные людьми. Стебли разламывались, высыпая изобилие зерен. Преследователи остановились, притормозив машину на окраине поля. Он видел их огни. Видел мерцавшее вдали синее и белое. Слышал их приказы. Голый Мозг не знал, что такое слова. Но даже если бы он понимал их смысл, они не сообщили бы ему ничего нового. Он знал, что люди — существа пугливые и вряд ли будут гоняться за ним всю ночь. То, что они кричат, ничего не значит. Они боятся темноты и думают, что это вполне оправдывает их нерешительность. Они убедят себя в том, что раненый зверь не выживет. Какие они наивные... Словно дети.

Голый Мозг вскарабкался на вершину большого холма, чтобы осмотреть окрестности. Внизу, по змейке дороги, бежали огоньки неприятельской машины: в примитивном калейдоскопе переливалось синее и красное. Больше никакого света — ничего, кроме слабого мерцания звезд. Но придет день и восстановит пропавшую во тьме картину. Взойдет солнце, и городок окажется под ним как на ладони. Сейчас Голый Мозг догадывался о его будущем лучше, чем кто-либо из жителей.

Он лег на спину и увидел, как в небе сорвалась с места оранжевая звезда. Потом она засверкала ярче и вспыхнула, сгорела на юго-востоке, озарив на мгновение краешек свинцового облака. Заря будет долгой и исцеляющей. Она восполнит его силы. И тогда он спалит дотла все, что скрывается во мраке.

Кут был еще жив. Но смерть подошла так близко, что это ничего не значило. Восемьдесят процентов его костей переломано. Черты лица пропали в переплете-

ниях рваных ран, одна рука полностью раздавлена. Нет сомнений — он скоро умрет. В пользу этой версии говорили и время, и его желание.

Наутро жители убедились в том, что ночные звуки не были обычным громким шумом. То, что высветило поднявшееся над городком солнце, свидетельствовало о событиях не менее печальных, чем конец света: перевернутый вверх дном церковный двор, разбитая дверь ризницы, кордоны бронированных автомобилей на северной дороге.

О празднике урожая не могло быть и речи.

— Я хочу вернуться в Лондон,— настаивала Мэгги.

— Еще вчера ты уговаривала меня остаться. Тебе, кажется, хотелось глубже вникнуть в суть народных традиций.

— Но вчера была пятница и... не было этого маньяка.

— Если мы уедем, то назад уже не вернемся. Никогда.

— О чем ты говоришь? Конечно же, мы будем сюда приезжать...

— Если мы убежим, испугавшись этого места, мы откажемся от него.

— Это смешно, Рон.

— Тебе хотелось покрасоваться перед теми, кто здесь живет. Но сегодня мы рискуем присоединиться к тем, кто здесь умер. Рисуем и завтра, и послезавтра. Как долго это будет продолжаться? Ты знаешь? Нет. И если ты не хочешь узнать, чем все закончится, можешь ехать. И взять с собой детей. А я останусь.

— Нет, Ронни.

Он тяжело вздохнул.

— Мне надо убедиться, что его поймали. Увериться, что он больше не появится. И тогда я скажу, что мы не зря выбрали это место.

— Тогда давай хоть ненадолго выберемся из этих стен, Рон.— Мэгги неохотно кивнула.— Дети извели мис-

сис Блэттер, я опасаясь, не будет ли у нее истерики. Возьмем их с собой покататься на машине, а? Хотя немного подышим свежим...

— Почему бы и нет? — Он стремительно встал.

Сентябрьское утро встретило их теплым благоуханием. Какие сюрпризы преподносит погода! По обе стороны от шоссе проносились пестрые ковры поздних цветов. Птицы низко планировали над крышей машины. Небо синее, как в сказке, облака — цвета сбитых сливок. Здесь, в нескольких шагах от городка, таяли кошмары предыдущей ночи, растворяясь в цветении дня. Настроение Рона улучшалось с каждой новой милей, увеличивавшей расстояние между ними и Зелом. Он даже запел.

Дебби беспокойно ерзала на заднем сиденье — то: «Папа, мне жарко»; то: «Папа, я хочу апельсинового сока». И наконец: «Папа, я хочу пи-пи».

Рон остановил машину на безлюдной ровной дороге. Пришлось изобразить добренького папочку. Если и дальше ему придется играть эту роль, к концу дня дети избалуются окончательно.

— Итак, солнышко мое, сейчас ты сделаешь пи-пи, и мы поедем дальше, чтобы поискать тебе мороженое.

Вмешалась Мэгги:

— Детка, сходи туда — на полянку около дороги. Видишь ее?

Дебби остановилась в нерешительности. Рон обменялся с Иеном полуулыбками. Мальчик скорчил смешливую гримасу, поддразнивая сестренку:

— Чего же ты не идешь? Давай, торопись, а то пока будем искать подходящее место, ты описаешься.

«Подходящее место,— думал Рон.— Что он имеет в виду? Уж не Лондон ли?»

Дебби никак не решалась:

— Я там не могу, мамочка!

— Почему?

— Меня там может кто-то увидеть.

— Что ты, никто тебя не увидит,— убеждал Рон.— Ты сделаешь, как скажет мама, и все будет в порядке.

Он повернулся к Мэгги:

— Сходи с ней, любовь моя.

Мэри не шелохнулась:

— Она и сама умеет.

— Ты же видишь — она боится. Да и как она перелезет через эту решетку?

— Тогда сходи с ней сам.

Рону не хотелось возражать и начинать бессмысленный спор. Он выдавил из себя улыбку и сказал:

— Пойдем.

Дебби вышла из машины. Рон помог ей перебраться через железную ограду, за которой раскинулось широкое поле. Урожай с него уже был собран. Оно пахло... свежей землей.

— Ты что папа? Не смотри! — выговорила ему дочка.— Ты *не имеешь права* смотреть.

Как она любит командовать и управлять, а ведь ей всего девять! Она уже умела играть на его нервах не хуже, чем на фортепиано, которым занималась три года. Они оба знали это. Рон улыбнулся и зажмурился.

— Видишь? Папа закрыл глаза. Давай, девочка, делай все побыстрее.

— Только ты не вздумай подглядывать. Обещай, что не будешь подглядывать?

— Я не буду подглядывать,— торжественно продекламировал Рон.

Боже, она устраивает целый спектакль!

— Поторопись, солнышко.

Он обернулся в сторону машины: Иен сидел, склонив голову над страницами очередного глупого комикса, его глаза неподвижно замерли над чем-то уж очень интересным. Весь день он был утрюм и серьезен. Единственный раз лицо его стало мягче, когда они оба обме-

нялись чем-то вроде улыбки. То, что отразилось на лице Иена, вряд ли было естественным — ему не хотелось улыбаться, и он не собирался смеяться над сестренкой. Он казался сегодня слишком задумчивым.

Дебби стянула штанишки и присела. После всех волнений у нее ничего не получалось, как она ни старалась.

Рон окинул взглядом поле, вплоть до горизонта. Там кружились шумные стаи чаек. Рон смотрел на них: сначала спокойно, потом со все большим нетерпением.

— Скорее, детка.

Рон снова оглянулся на машину: Иен теперь смотрел на него. На лице его была печать скуки. Бледное, грустное лицо. Что же с ним? Какая-то безысходность сквозила во взгляде. Рон терялся в догадках. Как будто — или на самом деле? — не замечая, что на него смотрит отец, Иен снова взялся за сборник комиксов.

Дебби вдруг резко взвизгнула. В ушах у Рона зазвенело.

— Господи! — Рон полез через ограду.

За ним спешила и Мэгги.

— Дебби!

Рон нашел дочь у загородки. Она уставилась вниз, что-то бормоча себе под нос. Лицо девочки покраснелось.

— Боже мой, что случилось?

Она лишь беззвучно шевелила губами. Глаза Рона проследовали за ее взглядом.

— Что случилось? — Мэгги пыталась перелезть через ограду.

— Кажется... Кажется, ничего особенного.

Там был всего лишь мертвый крот. Он лежал на земле. Его глаза выклевали птицы. Трупом насыщались полчища мух.

— Боже мой, Рон! — Мэгги сверкнула глазами. Так, словно он сам подложил сюда труп животного. — Все хорошо, моя сладенькая. — Она толкнула Рона локтем и взяла девочку на руки.

Ребенок постепенно успокаивался.

«Это городские дети,— думал Рон.— Надо приучать их к таким вещам, ведь когда-нибудь они будут жить среди этого. Здесь нет и не будет машин, убирающих с земли все и вся».

Мэгги качала малышку на руках.

— Ну вот, сейчас она успокоится,— сказал Рон.

— Конечно успокоится. Правда, детка? — Мэгги помогла ей подтянуть штанишки.

Деббси лишь хлопала носом, вовсе не стесняясь. Слишком большое огорчение, чтобы отстаивать свою самостоятельность.

Иен слышал, как сестренка закатывала концерт, и пытался сосредоточиться на комиксах.

«Дайте же мне наконец сконцентрировать внимание»,— думал он.

И его желание было выполнено.

Внезапно стало темно. Слишком темно, чтобы разглядеть картинки.

Он отвел глаза от страницы, и сердце бешено застучало в его груди. Он был здесь — новый объект для изучения. Всего в шести дюймах от мальчика: он заглядывал в салон машины, и глаза его сверкали пламенем ада. Иен не смог закричать — язык отказался повиноваться. Намочив сиденье, он толкнул противоположную дверь. Она не открылась, и в тот же миг покрытые рубцами руки влезли в окно и вцепились в его ноги. Когти царапали лодыжки, разрывая новые носки. На землю свалился ботинок. Наконец руки победили — Иен поехал по влажному сиденью к открытому окну. К нему вернулся голос, но вряд ли это был *его* голос: слишком жалостливый и слабый для выражения смертельного ужаса, охватившего его. В этом не столь уж необычном сне снова был его отец. Когда окошко оказалось под животом Иена, мальчик посмотрел на отца: тот размахивал руками у ограды. У него был такой смешной вид. Он

карабкался через нее, он спешил на помощь. Но Иен с самого начала знал, что отец не спасет его. Он столько раз умирал в своих снах именно потому, что отец не успевал вовремя.

Рот чудовища оказался еще шире, чем Иен мог себе представить. Туда он и должен сейчас провалиться. И непременно вперед головой. Рот вонял, как мусорный ящик, что стоит во дворе школьного буфета. Как миллион таких ящичков. Подступила тошнота. Один из ящичков захлопнулся, оттяпав ему часть головы...

Рон ни разу в жизни не кричал, он считал крик уделом женщин. Но сейчас, когда он увидел, как голова сына исчезла в страшных челюстях, все вокруг утонуло в звуке безумного вопля.

Голый Мозг обернулся без тени страха. Кто же сумел издать такое? Он встретил чьи-то глаза. Он пронзил их своим всепроникающим взглядом, заставляя противника прирасти к шоссе. Мэгги оцепенела. Ее голос звучал как из могилы:

— О... пожалуйста... не надо.

Рон, пытаясь не замечать страшных глаз, бросился к машине. К своему сыну. Но его короткой растерянности хватило для того, чтобы чудовище успело скрыться. Голый Мозг стремительно удалялся, не выпуская из рта жертву, которая раскачивалась на ходу. Спустя мгновение монстр исчез. Распыленные в воздухе капельки крови Иена подхватил ветер. Рон почувствовал, что его лицо оросилось мелким дождем.

Неподалеку от оскверненного алтаря Святого Петра стоял Деклан. У ворот дежурила полиция. За стенами бушевало людское море. Оно было встревожено, оно требовало объяснений. Но никто не входил в церковь — все столпились около нее и кричали. Деклан понимал, что рано или поздно придется выйти, чтобы успокоить их. Угмонить. Уничтожить, наконец... Ведь его новый

господин наверняка хочет этого. И Деклан должен помочь ему, пусть это даже будет стоить жизни. В смерти не может быть ничего страшного. А в жизни ничто не имело теперь значения, кроме того, что некогда скрытые от всех — а может быть, и от него самого — надежды Деклана воплотились.

Когда ночью он смотрел на мочащееся ему в лицо чудовище, он испытал необъяснимую радость и счастье. Раньше он считал бы эту процедуру омерзительной, но она оказалась восхитительной. Какой же тогда может стать смерть? Чем-то приятным вдвойне? Да... И если Голый Мозг захочет убить его своей зловонной рукой — это лишь удешевит наслаждение.

Он взглянул на алтарь и на следы огня, потушенного полицейскими. Полиция наверняка будет разыскивать его после гибели Кута, но он знает десятки потаенных мест, куда они не доберутся никогда. Деклан не сомневался: его хозяин людям не по зубам. Он собрал разбросанные листы молитвенника и швырнул их в тлеющие угли. Подставки для свечей покоробились в пламени. Крест исчез — наверное, рассыпался или его прихватил с собой какой-нибудь полицейский. Деклан выдернул из недогоревшей книги несколько страниц: псалтырь. Ветхая бумага вспыхнула от поднесенной спички.

В горле Рона стояли слезы, хотя он давно забыл их вкус. В последний раз он плакал несколько лет назад, а рыдать в присутствии мужчин ему вообще никогда не приходилось. Но сейчас он плакал. Он не стеснялся: вряд ли в этих людях осталось что-то человеческое. Хоть капля сострадания. Они спокойно слушали его страшную историю и все время кивали, как идиоты.

— Наши люди разосланы в радиусе пятидесяти миль, мистер Милтон, — говорил один из них, с каменным лицом и понимающими глазами. — Они прочешут все холмы. Мы схватим его, кем бы он ни был.

— Он отнял у меня сына, вы понимаете? Убил мальчика на моих глазах...

Казалось, они не чувствовали ужаса происходящего.

— Мы делаем все, что в наших силах.

— Но *это* вряд ли вам по силам. Он... не человеческое существо.

Айвенго опять посмотрел понимающим взором: он вполне представлял себе это нечеловеческое существо.

— Здесь есть представители министерства обороны, но им нужны доказательства, чтобы подключить армию,— сказал он.— Ведь это деньги налогоплательщиков, сэр.

— Вы идиот! Вы думаете о том, сколько стоит его убить. Вы не видите, что он не человек? Это тварь из ада!

Взгляд Айвенго перестал быть сочувственным.

— Если бы он пришел из ада, сэр,— сказал он,— не думаю, что ему удалось бы так легко поймать преподобного Кута.

Кут. Рон знал его. Почему он не подумал об этом раньше? Кут...

Рон никогда не был религиозным человеком, но он старался придерживаться широких взглядов и менять свое мнение при необходимости. Сейчас он готов поверить во что угодно, чтобы отыскать хоть какое-то оружие против дьявола.

Надо добраться до Кута.

— Что с вашей женой? — спросил полицейский.

Мэгги сидела безмолвно, убитая горем. На ее руках спала Дебби. Здесь они в полной безопасности и им не нужна его помощь.

Надо найти Кута раньше, чем его найдет смерть.

Преподобный расскажет ему все, что знает о чуде: он понимает, что такое боль, в отличие от этих мартышек. В конце концов, гибель ребенка — дело не только полиции, но и церкви.

Рон сел за руль. Перед его глазами стояло лицо сына; мальчик носил его имя (он был крещен как Иен Роналд Милтон). Сын — часть его самого, кровь от крови, плоть от плоти. Ребенок, в отчаянии глядевший на отца из машины.

Рон уже не плакал. Настало время мстить.

До полуночи оставалось минут тридцать. Над Королем взошла луна. Он сидел под лунной посреди поля к юго-востоку от фермы Николсона. От земли поднимался густой дух ее спелых плодов. Король собирался обедать. Главное блюдо — Иен Милтон — лежало перед ним: можно опустить руку в разорванную грудь и выбрать лакомство царственными перстами.

Он пировал под серебряным навесом лунного света, поедая плоть человеческого ребенка. Ему никогда не было так хорошо. На десерт была детская почка. Голый Мозг проглотил ее целиком.

Сладко.

Боль утихла, и Кут думал, что умер, но смерть не приходила к нему. Теперь Кут не звал ее — страдания прекратились. В расплывавшихся крутах среди желтых стен комнаты возникло чье-то лицо. Кто-то молил его об ответе. Кут знал, что на том свете ему придется предстать перед Богом. Отвечать на его вопросы. Платить за свои грехи. Он даже предполагал, о чем пойдет речь. Но бог произнес слова, которых он не ожидал. Эти слова потрясли его:

— Он убил моего сына,— говорил Рон.— Расскажи-те мне о нем все, что знаете. Прошу вас. Я поверю всему, что вы скажете.— Им владело великое отчаяние.— Помогите мне справиться с ним!

Картины вихрем закружились в голове Кута: крещение Деклана, облик страшного чудовища, алтарь... Он хотел помочь, он *должен* помочь.

— Там, в церкви...

Рон наклонился ниже.

— Где алтарь... он боится... где алтарь...

— Ты имеешь в виду крест? Он боится креста?

— Нет... не...

Кут сделал хриплый выдох и умер. На изуродованном лице появились метки смерти: радужная оболочка единственного глаза наполнилась кровью, слюна убралась в недвижный рот. Рон долго смотрел. Затем он вызвал сестру и тихо вышел, оставив дверь открытой.

В церкви кто-то был. Полиция закрыла дверь на ви-сячий замок, но теперь его сбили, а дверь приоткрыли. Рон тихо увеличил щель и скользнул внутрь. Помещение освещали не свечи — вместо них горел небольшой костер, разведенный на полу. Огонь поддерживал молодой человек, показавшийся Рону знакомым — они пересекались на улицах городка. Продолжая подкармливать пламя книгами, человек оторвал взор от костра.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Я пришел, чтобы...

Рон затруднялся продолжить. Должен ли он говорить этому человеку правду? Наверное, нет: что-то здесь было не так.

— Я, кажется, задал вопрос. Так что вам нужно?

Рон шел между рядами скамей. Прямо к огню, который все лучше освещал черты вопрошавшего, его грязную одежду в пятнах, глаза, впавшие так глубоко, словно мозг всосал их в себя.

— Никто не давал вам права входить сюда.

— А я думал, любой может зайти в церковь, — говорил Рон, уставившись на черневшие в пламени страницы.

— Но только не сейчас. Сейчас вы должны убрать-ся отсюда ко всем чертям.

Рон продолжал идти к алтарю.

— Я же сказал: ко всем чертям. Вы глухой? Вон отсюда!

— Мне нужен алтарь. Я уберусь только тогда, когда взгляну на него поближе.

— Вы ведь говорили с Кутом, не так ли?

— С Кутом?

— И что же наболтала эта старая лживая развалина? В жизни он не сказал ни слова правды, вам известно об этом? За правду он держал вот что.— Деклан швырнул на стол молитвенник.

— Я взгляну на алтарь. И тогда станет ясно, часто ли он лгал и лгал ли вообще.

— Этого никогда не будет!

Засунув в огонь новую стопку книг, человек преградил Рону дорогу. От него пахло не пылью — это был запах дерьма. Пальцы Деклана впились в шею Рона со стремительностью ястреба. Тот повалился на пол, и схватка началась. Священник пытался выдавить ему глаза, зубы яростно скрипели у самого носа.

Рон поразился слабости собственных рук. Почему он и сейчас действует как обычно, когда Мэгги поднимала его на смех? Почему гнев не придает ему сил? Надо обороняться, ведь этот безумец может убить его.

Вдруг все вокруг озарила вспышка света, словно чернота ночи внезапно сменилась блеском дня. Восточное окно наполнилось оранжевым светом. Отовсюду раздавались крики. Сильнейший огонь окрасил пространство в свой собственный цвет, сделав пламя костра почти незаметным на фоне беснующегося марева.

Деклан забыл на секунду о поверженном противнике, и тот воспользовался этим. Рон оттолкнул от своего лица подбородок врага, ударил его в живот коленом и с силой сбросил с себя. Соперник хотел возобновить сражение, но вторая атака не удалась: Рон рванулся к нему, крепко схватил за волосы и повалил на землю, нанося удары кулаком. Он колотил Деклана по лицу до

тех пор, пока не услышал, как ломаются кости черепа. Не прекращал бить и тогда, когда из носа противника потекла кровь, когда зубы были выбиты и челюсти переломаны. Он останавливался и бил снова, пока из наткнувшегося на острую кость кулака не хлынула кровь.

Зел превратился в огромный костер.

Голый Мозг часто устраивал пожары. Бензин стал новым элементом в искусстве применения огня, к нему надо было приноровиться. Голый Мозг научился быстро: надо было всего лишь ломать железные коробки на колесах, чтобы из них вытекала кровь. Он так и делал, идя вдоль Хай-роуд, судорожно глотая наполненный ароматом бензина воздух. Он плескал этой кровью на дома и сады города. В считанные минуты Зел охватило пламя.

Рон отдираал обшивку алтаря. Из его головы не выходили Дебби и Мэгги — он пытался успокоить себя тем, что полиция должна позаботиться о них. А если нет? Все равно он обязан довести дело до конца.

Под обшивкой находился большой ящик, его переднюю панель покрывала резьба. Рисунки сейчас не имели значения, Рон не стал разбирать изображения. Вой зверя уже раздавался за стенами, совсем рядом. Боевой клич этого непобедимого существа, апофеоз его абсолютной власти.

Кровь ударила Рону в голову: надо выйти навстречу чудовищу, вызвать его на поединок. Победить его или погибнуть.

Ящик под алтарем явно был источником энергии. Рон чувствовал ее всем своим существом. В нем родилась сила: волосы грозно ошетинились, словно шерсть дикого зверя, мускулы налились энергией. Мощный приток крови охватил все его тело, в нем забурила жажда жизни, он ощутил могучую эрекцию. Воспламененные кипящей кровью руки схватились за ящик, но пальцы

едва не обгорели, прикоснувшись к поверхности. Рон отпрянул назад и на миг почти потерял сознание от страшной боли. Он озираясь в поисках какого-то оружия, чтобы приоткрыть ящик, не прикасаясь к нему.

Рон решительно замотал руки тканью, покрывавшей алтарь, и вытянул из костра один из накалившихся подсвечников. Ткань задымилась, жар пополз к его локтю. Как безумец, Рон стал крушить медным подсвечником алтарь. Полетели щепки — только это имело теперь значение. Рук Рон уже не чувствовал, боль существовала отдельно от его сознания. Спасение скрывалось в алтаре. Спасение от всех новых опасностей. Надо добыть его во что бы то ни стало.

— Иди ко мне.— Рон вдруг осознал, что повторяет эти слова.— Я здесь. Здесь. Иди ко мне. Иди ко мне! Ко мне.

Словно там скрывалась любимая и страстно желанная девушка.

Наконец толстое дерево было проломлено, и Рон, используя ножку подставки в качестве рычага, вскрыл алтарь. Он был полым, как Рон и ожидал. Полым и пустым.

Внутри не было ничего.

Только небольшой камень размером с небольшой футбольный мяч. Вот так сюрприз. Но не это ли он искал? Раскрытый алтарь по-прежнему заряжал воздух электричеством, кровь Рона бурлила в жилах. Словно ничего не переменилось. Он наклонился и взял странную вещьцу в руки.

За стенами праздновал свой триумф Голый Мозг.

Рон взвешивал на ладони небольшой предмет. Сознание его парило над улицами преданного огню городка, воображение рисовало то труп с обгоревшими ногами, то охваченную пожаром детскую коляску, то бегущую собаку, ставшую живым огненным шаром.

Все это происходило там, за стенами.

А у Рона вместо оружия был только этот камень.

Всего лишь подняв его жизнь наполняла надежда и вера в Бога. Эта вера поддерживала его, заставляла бороться до конца. Теперь она покинула Рона: он должен противодействовать силам преисподней, держа в руках кусок мертвого минерала. Он осматривал его со всех сторон: ничего особенного, кроме мельчайших трещин и выбоин. Не в них ли скрывалось спасение? Они означают что-то?

В дальнем углу церкви слышался шум: треск, крики и, наконец, шипение бушующего снаружи пламени.

Внутрь вбежали два опаленных человека. На их спинах тлела одежда.

— Он хочет сжечь город,— произнес один из них.

Рон узнал его голос: полицейский, который не верит в ад. За ним шла миссис Блэттер. Наверное, он только что спас ее, вытащив из горящего отеля. На ней была ночная рубашка, прожженная в нескольких местах. Женщина не прикрывала обнаженную грудь и, видимо, не отдавала себе отчета в том, где она находилась.

— Христос да поможет нам,— произнес Айвенго.

— Здесь нет вашего сраного Христа,— раздался голос.

Это Деклан поднялся и повернулся страшным проломом лица к вошедшим. Рон не видел, на что тот был похож, но не сомневался: зрелище не из приятных. Деклан медленно шел в сторону миссис Блэттер. Прямо к двери, у которой стояла испуганная женщина. Она попыталась отступить назад, но вдруг бросилась в другую сторону и, обогнув восставшего из мертвых священника, оказалась рядом с алтарем. Когда-то ее с мужем обвенчали здесь — в том месте, где теперь пылал костер.

Потрясенный Рон смотрел на нее: то, что он видел, не походило на обычное тело полной женщины. У нее были груди невероятных размеров и огромный живот, свисавший и прикрывавший ее женское естество. Но

именно она подходила для его возбужденных чресел, для его рук...

Он понял — вот что он держал в руке. Женщина была живым воплощением каменной статуэтки, что он сжимал в ладони. Да, камень изображал женщину — Венеру, еще более могучую, чем миссис Блаттер: ее огромный живот наполнен детьми, ее груди вздымаются, как горы, ее лоно — долина, куда входит целый мир. Все прошедшие годы прихожане в церкви поклонялись богине, скрытой под алтарным покровом.

Рон бросился к выходу, отталкивая с дороги миссис Блаттер, полицейского и безумного Деклана.

— Не выходи! — крикнул ему вслед Айвенго. — Он совсем рядом.

Рон все крепче сжимал камень.

Священник за его спиной громким и скрипучим голосом бормотал что-то, обращаясь к своему хозяину. Да, он предупреждал монстра об опасности.

Рон распахнул дверь сильным толчком. Вокруг свирепствовал огонь. Он увидел обгоревший труп младенца, обожженное мясо собаки со сгоревшей шерстью... И чудовищный силуэт посреди океана огня. Голый Мозг поворачивал голову — возможно, он прислушивался к доносившимся из церкви словам Деклана. Чудовище озиралось по сторонам. Похоже, оно уже почуяло, что его противник нашел каменную женщину.

— Сюда! — крикнул Рон. — Я здесь! Я здесь!

Чудовище направилось к нему, уверенно ступая по углям. Походка победителя, идущего к месту финального сражения. Шаги палача, подступающего к связанной жертве. Почему оно столь уверено в себе? Почему не замечает, что в руках Рона смертельное оружие?

Оно не слышит предупреждения Деклана? Оно не замечает опасности?

Или...

О боже!

Или Кут ошибся, и это всего лишь камешек. Безобидная и глупая безделушка.

Шею Рона сдавили пальцы.

Это безумец.

— Сволочь,— выстрелил в ухо голос Деклана.

Голый Мозг приближался.

Помешанный кричал ему:

— Он здесь! Возьми его! Убей его! Он здесь!

Внезапно хватка ослабла, и Рон увидел вполоборота, как Айвенго оттащил сумасшедшего к церковной стене. Тот продолжал хрипло выкрикивать:

— Он здесь! Здесь!

Рон обернулся и увидел, что грозная фигура уже рядом. Он не успел бы даже замахнуться своим камешком для самозащиты. Но Голый Мозг направлялся не к Рону — чудовищу нужен был Деклан. Монстр шел, прислушиваясь к его голосу и вынюхивая его запах. Айвенго отпустил Деклана, когда страшные пальцы, царапавшие воздух, слегка коснулись Рона. Дальнейшего Рон не увидел — он не мог смотреть, как руки Мозга схватили Деклана. Но он слышал мольбы о пощаде, сменявшиеся стонами безнадежного отчаяния. Наконец он оглянулся: по стене и на земле было размазано то, что уже нельзя было назвать человеком...

Теперь гигант двинулся к нему, намереваясь повторить содеянное или сотворить еще худшее. Огромная голова вытягивала шею и жмурила глаза, необъятный живот колыбался. Казалось, монстр не мог разглядеть новую жертву. Огонь сильно изменил его внешность. Шерсть с его тела слетала на землю, скрученная и паленая, грива растрепалась, кожа на левой стороне лица покрылась черными пузырями. Глаза плавали в затопившей их смеси слизи и слез. Так вот почему Голый Мозг выбрал Деклана — тот производил больше шума. Рон остался незамеченным, поскольку гигант почти ослеп.

Но сейчас он должен видеть. Должен.

— Здесь... здесь,— проговорил Рон.— Я здесь! Я здесь!

Теперь Голый Мозг слышал его. Он повернулся. Он смотрел, но не видел. Зрачки вращались, пытаясь прояснить изображение.

— Да здесь же я! Здесь!

Голый Мозг взревел. Поврежденное огнем лицо раскалывала боль. Ему хотелось убраться отсюда подальше. Туда, где земля прохладна, где льется лунный свет.

Потускневшие глаза остановились на камне — человек держал его в своей маленькой ладони. Голый Мозг почти не видел его, но он все знал. Воображение восполняло потерю зрения. Воображение мучило и пугало его.

Перед ним был символ проклятия, знак силы. Он боялся его больше всего на свете: месячная кровь женщины, ее разверстое лоно, принимающее в себя семя и извергающее детей. Эта женщина была сама жизнь, вечное плодородие. Она ужасала его.

Голый Мозг отпрянул от нее, запачкав ногу собственным дерьмом. Страх на его лице придал Рону уверенности. Зажав в кулак камень, он сделал шаг навстречу зверю. Потом другой... Он медленно шел, заставляя монстра отступать. Он вряд ли заметил, что к нему присоединился вооруженный Айвенго, едва сдерживающий желание открыть огонь.

Собственные силы Рона предали его. Камень, поднятый вверх, чтобы чудовище могло видеть его, вдруг оказался слишком тяжелым для его руки.

— Идите! — крикнул Рон собравшимся zelotam.— Идите и возьмите его.

Толпа зашевелилась и начала медленно приближаться.

Она была для Голого Мозга одним лишь запахом.

Слишком хорошо знакомым, слишком неприятным и ненавистным. Глаза его не отводили невидящего взгляда от женщины.

Он почувствовал, что запах смыкается вокруг него плотным зловонным кольцом, и выпустил клыки из обожженных десен.

Панический страх на мгновение развеял чары и заставил его броситься в атаку — туда, где ощущалось присутствие камня. Туда, где был держащий его Рон. Атака была стремительной и неожиданной. Клыки впились в скальп Рона, хлынула кровь, потекла по лицу.

И тогда людское кольцо стало сжиматься. Человеческие руки — слабые и маленькие — вскидывались и опускались. По позвоночнику били кулаки, кожу царапали ногти.

В ногу впился нож, разорвав коленное сухожилие. Голый Мозг отпустил Рона, издав агонизирующий вопль — оглушительный, словно это небеса упали на землю. Он оседал под своей тяжестью, его позвоночник сломался, а в его обгоревших глазах вспыхивали звезды. Люди бросились на него. Он отбивался, откусывал подвернувшиеся пальцы и распарывал склонившиеся над ним лица.

Бесполезно. Его мучителей уже не остановить. Их ненависть подкреплялась той, древней ненавистью, что выдержана веками.

Он еще сражался, лежа под ногами набросившихся на него людей, но знал — смерть близко. Он больше никогда не воскреснет, и коротать вечность под землей ему не придется. Он умрет не только в памяти людей. Он умрет совсем. Абсолют вечности станет абсолютom пустоты.

Эта мысль успокоила его. Он уставился незрячими глазами на отца своей последней жертвы, как тогда на дороге. Но теперь взгляд Голого Мозга потерял свою парализующую силу. Его лицо было пустым и ровным, как поверхность полной луны.

Рон отпустил камень на гигантскую голову. Камень вошел между закрывшихся глаз и нырнул в глубину мягкой головы, которая раскрылась, расплескав свое содержимое.

Король умер. Тихо, без церемоний и оплакивания. Его просто не стало, раз и навсегда.

Рон не стал трогать камень, наполовину утонувший внутри головы мертвого чудовища. Он выпрямился и, покачнувшись, поднес руку к своей голове: скальп был сорван, и Рон коснулся своего черепа. Кровь текла не останавливаясь. Но есть руки, что поддержат его, и в мире больше нечего бояться.

Никто не заметил, как в теле Голого Мозга лопнул пузырь. Никто не видел, как фонтанирующая моча превращалась в стекающий вниз по дороге ручеек, отклонявшийся то влево, то вправо в поисках убежища. Встретив на своем пути трубу сточного канала, ручеек заструился по ней и вытек там, где в полотне шоссе зияло проломленное отверстие. Там его и впитала благодарная земля.

Исповедь савана

Некогда он был плотью. Человеческой плотью, кровью и амбициями. Но это было давно или так казалось, и память о том блистательном состоянии быстро испарилась.

Ясная картина прошлого исчезла, оставались лишь отдельные мазки красок — самых значимых для него, самых тревожных и мучительных. Из них вырисовывались лица: те, что он любил когда-то и ненавидел. Он видел эти лица ярко и отчетливо. Он помнил ласковый прощальный свет в глазах его детей. И тот же прощальный свет — только не ласковый — в глазах тех, кого он убил.

Он бы заплакал, если бы из полотняных глаз могли течь слезы. Заплакал бы от жалости к ним, к себе. Впрочем, слишком поздно о чем-то жалеть. Жалость — роскошь для живых, для тех, кто способен дышать и действовать, у кого есть силы и время.

Он был лишен всего этого — он, малыш Ронни, как называла его мать. Он умер три недели назад. Слишком поздно о чем-то жалеть.

Он хотел исправить свои ошибки. Он сделал для этого все возможное и невозможное. Он сумел продлить отведенный ему отрезок времени, связать воедино оборванные нити своего существования. Им двигало одно желание — воплотить задуманное. Выполнить свой план

точно и аккуратно. Недаром он так любил бухгалтерию. Получить несколько пенсов из груды цифр — это была его любимая игра. Он чувствовал удовлетворение, когда баланс сходился.

К сожалению, жизнь не так совершенна, как цифры. Теперь он знал это. Он сделал все, что мог. Теперь осталось лишь исповедаться, чтобы спокойно и уверенно чувствовать себя в Судный день.

Эта мысль жила в нем, когда его тело, как скатерть, накрыло собой скамью исповедальни собора Святой Марии Магдалины. Тело, казавшееся сейчас пугающе ненадежным. Он стремился хотя бы отчасти сохранить прежний вид. Необходимо продержаться и не утратить форму прежде, чем изольется тяжесть его грехов, мучительная для сотканного из полотна сердца. Он сосредоточился, усилием воли скрепил душу и тело, собрал их воедино ради этих нескольких минут. Последних в его странной жизни.

Сейчас войдет отец Руни. Они останутся вдвоем, разделенные решеткой исповедальни. Священник произнесет слова понимания и прощения. И тогда, в последние мгновения украденной жизни, Ронни расскажет священнику свою историю.

Начнет он с того, что отвергнет главное обвинение, пятно на его репутации: обвинения в порнографии.

Это абсурд чистой воды. Даже в мыслях у Ронни этого не могло быть. Это подтвердит каждый, кто знал его все тридцать два года его жизни. Боже, даже особого интереса к сексу у Ронни не было! В этом и заключалась ирония: он был почти праведником среди грешников. Соблазны обрушивались на людей, как гром среди ясного неба, как автомобильная авария. Скрытый голос плоти вторгался в их жизнь и звучал пронзительно и неумолимо, звал за собой. Ронни знал об этом. Что же из того? С ним вряд ли могло такое приключиться. Секс для него был сродни бешеной тряске и изнуряющему

действию «американских горок»: один раз можно позволить себе прокатиться, дважды — кое-как вынесешь, но трижды — непременно затошнит. И кого удивит, что у доброго католика, женатого на доброй католичке, после девяти лет брака родилось лишь двое детей?

Он был любящим мужем, далеким от похоти, и жена Бернадетт разделяла его безразличие к сексу. Его ленивый и безразличный член никогда не становился причиной супружеских ссор. Дети радовали их: Саманта казалась образцом хорошего воспитания, а у Иможен (ей не исполнилось и двух) была улыбка ее матери.

Что ж, жизнь в небольшом доме в зеленом предместье Южного Лондона была прекрасна. Небольшой сад стал для Ронни воскресным приютом, радостью для души. Идеальная жизнь, безупречная и свободная от всякой грязи.

И она оставалась бы такой, если б не червь жадности в душе Ронни. Этот червь разрушил его, без сомнений.

Если бы не жадность, он подумал бы дважды, прежде чем принять предложение этого Магвайра. Проигнорировал бы его, вместо того чтобы ухватиться обеими руками. Скользнул бы взглядом по неприметной и прокуренной конторе, что взгромоздилась на плечи магазина венгерских кондитерских изделий в Сохо, и пошел бы прочь. Но жажда наживы оказалась тогда сильнее. Она лишила его осторожности, внушила доверие к этим людям, к их бизнесу, и он решил, что это хороший шанс применить свой опыт в бухгалтерии. Его работа, таким образом, способствовала разложению и разврату. В душе он понимал все. Увертки и болтовня Магвайра с легкостью выдавали ничтожество этого типа — ни его разглагольствования о переосмыслении морали, ни его нежность к детям Ронни, ни его увлечение искусством бонсай не могли обмануть. Магвайр был низким человеком. Но Ронни было наплевать на это — он просто

хотел заработать. Нужен бухгалтер? Да, он согласен. Тем более Магвайр был щедр не только на слова. Слова ничего не значат, зато предложение весьма выгодное. Ронни даже начали нравиться эти люди и сам хозяин. Он приспособился, вернее, привык к их виду и пристрастиям: к грузно двигающейся туше Дэниса Люцатти по прозвищу Бугай, к крошкам от пирожных на его пухлых губах; к трехпалому коротышке Генри Б. Генри, к его карточным и прочим фокусам. Так, обычная компания. Не цвет общества, конечно, не самые изысканные разговоры, но ведь ему не в теннисный клуб с ними ходить. Серые безобидные люди. Серые безобидные лица.

Его ожидало огромное, ужасное потрясение, когда пелена спала с глаз и он увидел их настоящие лица — звериные морды.

Прозрение пришло к нему совершенно случайно.

Однажды он задержался в конторе дольше обычного. Новая работа — новые расчеты. Что-то не сходилось, и пришлось засидеться допоздна. Ронни вызвал такси и заспешил к помещениям склада. Он хотел застать Магвайра и передать ему бумаги лично в руки. Ронни не бывал здесь раньше и в глаза не видел этого склада, хотя о нем частенько упоминали в разговорах новые компаньоны. Судя по всему, Магвайр арендовал помещение для хранения поступающих книг — кулинарных книг из Европы, как понял Ронни. Когда он добрался до цели, была уже глубокая ночь. Последняя ночь чистоты, открывшая правду во всем разнообразии ее цветов.

Магвайра он нашел в одном из отсеков склада, в выложенной кирпичом комнате, загроможденной коробками и ящиками. На лампочке, свисавшей с потолка, не было плафона. Она разливала вокруг себя розовый свет, отражавшийся на лысине Магвайра, словно его голый череп тоже светился. Здесь же оказался и Бугай, поглощавший очередное пирожное. И Генри Б. Генри — он раскладывал пасьянс. Теперь Ронни мог разглядеть

это трио поближе: они восседали среди тысяч журналов с глянцевыми обложками, напоминавшими блестящую кожу. Магвайр поднял глаза на подошедшего Ронни.

— Гласси,— произнес он.

Магвайр всегда называл его так.

Ронни стоял неподвижно, пытаясь понять, что это за журналы. Он буквально вперил в них взгляд. И постепенно начал догадываться.

— Можешь полистать, все к твоим услугам,— предложил Генри Б. Генри.— Славно развлечешься.

— Да что с тобой? Расслабься,— ласково сказал Магвайр.— Ничего особенного. Просто товар.

Оцепеневший от ужаса Ронни зачем-то подошел к горе блестящих журналов и взял один сверху.

«Суперэротика,— прочитал он.— Цветные порноснимки для понимающих взрослых. Текст на английском, немецком и французском».

Ронни стал листать страницы, не в силах удержаться. Покраснев от смущения, он почти не слышал шуточек и скабрзностей Магвайра.

Непристойные изображения полились мутным потоком. Ничего подобного он в жизни не видел. Возможно, эти совокупления совершались взрослыми людьми по взаимному согласию. Людьми, которые не возражали против того, чтоб их забавы запечатлелись здесь во всех подробностях и деталях. Проявляя акробатическую ловкость, они улыбались — одними губами. Глаза их остекленели, словно в них затвердела затопившая страницы голая похоть. Она была видна в каждом контуре и изгибе, в каждой кожной складке, в каждой темной прожилке и морщине. Это делало наготу безобразной, доводило ее до предела, ниже которого не пасть. Ронни почувствовал рвотные спазмы в желудке.

Он захлопнул журнал, испытывая почти физическое отвращение. Потом взглянул на другие обложки: те же яростные совокупления на любой вкус. Здесь были и

«странные женщины в цепях», и «пленник резиновых одежд», и «любовник-лабрадор».

Тут раздался прокуренный голос Магвайра: он словно пытался успокоить Ронни, но в действительности насмехался над его простодушием.

Магвайр говорил:

— Все равно рано или поздно ты бы все понял. И чем скорее, тем лучше. Никакого вреда. Но много веселья.

Ронни встряхнулся, пытаясь избавиться от кошмара, от устрашающих образов, застывших перед глазами. Увиденные картины ожили — они дышали и множились. Они стремились прорваться вглубь его мозга и отвоевать эту невинную территорию. В воображении Ронни возникли лабрадоры — они рвались с привязи и лизали тела скованных шлюх. Ронни не мог заставить эту сцену исчезнуть, и она становилась все более отвратительной. Он чувствовал, что видения задушат его, если он что-то не предпримет.

— Это ужасно,— смог выговорить он.— Ужасно. Ужасно. Ужасно.

Он столкнул пачку со «странными женщинами в цепях» на грязный пол, и она разлетелась, будто карточный домик, сложившись в сомнительную мозаику.

— Н-не надо этого делать,— произнес Магвайр с ледяным спокойствием.

— Ужасно,— снова повторил Ронни.— Они ужасны!

— Правда? А у нас с ними большая дружба: они — наше дело.

— Но не мое! — выкрикнул Ронни.

— Чем же они тебе не приглянулись? Слышишь, Бугай, они ему не по нраву!

Толстяк спросил, вытирая носовым платком свои вымазанные в креме пальцы:

— И отчего же?

— Наверное, для него это слишком пошло.

— Ужасно,— все повторял Ронни.

— Но ты увяз в этом по горло, мой мальчик,— спокойно сказал Магвайр. Для Ронни это был голос дьявола.— Больно, но вынести придется. Ничего, стерпишь.

— Стерпишь и вынесешь,— мерзко захихикал Бугай.

Ронни посмотрел на Магвайра, и лицо этого человека показалось ему одряхлевшим, сморщенным, изможденным. Куда более старым, чем сам Магвайр. Оно вдруг вообще перестало быть лицом: капельки пота, усики над губами — все это превратилось в бесстыдную задницу одной из журнальных шлюх. Задница и произнесла эти страшные слова:

— Мы все здесь негодяи и мошенники, и если нас сцапают — терять нам нечего.

— Нечего,— подтвердил Бугай.

— А ты, сопливый специалист,— букашка у нас под ногами. Посмей только пикнуть — окажешься в навозной куче вместе со своей репутацией честного бухгалтера. Уж я позабочусь об этом. Ни одна тварь не предложит тебе работу. Ты понял?

Ронни затрясся от возмущения, и ему захотелось ударить Магвайра. Так он и сделал. Ронни размахнулся, и его кулак врезался в зубы противника, и это ощущение понравилось Ронни. Кровь хлынула из разбитых губ Магвайра. Ронни проявил воинственность второй раз в жизни; после школы он ни разу не дрался. Гнев лишил его бдительности, и ответный удар застал врасплох. Ронни рухнул на пол, посреди безразличных к его боли «странных женщин». Тяжелая нога Бугая помешала ему подняться и сломала нос. Укрошенный самым грубым образом, Ронни был снова поставлен на ноги, ошеломленный, но не побежденный. Его поддерживал Бугай, стоявший сзади. Унизанная кольцами рука Магвайра сжала пальцы в кулак. Мерзавец видел перед собой не Ронни, а боксерскую грушу. Магвайр долго колотил ее. Боксеры на тренировках вряд ли выполняли это упражнение: на-

чать бить ниже пояса и медленно продвигаться все выше и выше.

Боль, которую испытывал Ронни, действовала странно: силы постепенно восстанавливались, душа излечилась от чувства вины. Когда Бугай выбросил его в темноту ночи, искалеченного и избитого, на сердце Ронни стало легко. Он не чувствовал ни возмущения, ни злобы — только потребность завершить очищение, начатое рукой Магвайра.

Бернадетт он сказал, что на него напали сзади. Побили. Хотели ограбить. Открыть ей правду? Нет, правда касается лишь его одного. Ему было неприятно обманывать жену. Она трогательно заботилась о нем, Ронни же не чувствовал себя достойным этого. Две ночи он провел без сна. Он недвижно лежал на кровати, всего в нескольких футах от своей доверчивой жены, пытаясь собраться с мыслями и объяснить свои ощущения. Он предчувствовал, что рано или поздно правда откроется. Что он мог для этого сделать? Пойти в полицию? Это требовало смелости, но ее не оказалось в его задумчивом и ослабшем сердце. Ронни не нашел ее в себе ни в пятницу, ни в субботу. Синяки почти исчезли. Беспорядок и волнения в душе улеглись.

И тогда, в воскресенье, случилось самое мерзкое.

Все бульварные газеты вышли с заголовками на первой странице: «Империи секса Рональда Гласса», — не забыв взяв на вооружение его фотографии. Она была и внутри, где Ронни, снятый в самых невинных обыденных обстоятельствах, производил отнюдь не благоприятное впечатление. Он то защищал лицо от наведенной камеры, то был застигнут ею врасплох. Все видели его смущение. Кожа на щеках и подбородке, никогда не остававшаяся после бритья гладкой, казалась заросшей недельной щетиной. Ёжик коротко стриженных волос имел весьма уголовный вид. Прищур близоруких глаз превратился в похотливую гримасу.

Ронни изучал свое же лицо на странице новостей и чувствовал приближение своего личного апокалипсиса. Потрясенный, он решил испытать чашу до дна.

Кто-то — Ронни так и не узнал, кто это, — постарался сочинить целую историю. Подробно описал тайный мир извращенца: порнография, публичные дома, секс-шопы, кинотеатры. Имя Магвайра не упоминалось нигде. Как и имена его помощников. Везде, во всем лишь один Гласс, порнограф и растлитель детей.

Ронни вернулся домой. Бернадетт сидела с детьми. Какая-то скотина, наверняка забрызгавшая слюной свою телефонную трубку, не погнушалась пересказать ей газетные сказки.

Ронни стоял на кухне около накрытого стола. Он понимал, что воскресного обеда не будет. Никто не сядет за этот стол. Никто не притронется к этой еде. Он заплакал. Слезы не лились ручьями — их вытекло ровно столько, сколько нужно, чтобы излить горечь и скорбь. Он сел и, как всякий приличный человек, загнанный в угол, разработал план убийства.

В его положении раздобыть оружие было непросто. Пришлось пустить в ход всю свою осторожность, несколько ласковых слов и много денег. Полтора дня ушло у Ронни на подготовку. За это время ему удалось выяснить, где купить подходящее оружие и как им пользоваться.

Наступило его время, и Ронни приступил к делу.

Первым умер Генри Б. Он был застрелен в Айлингтоне, в собственном доме, на кухне из соснового дерева, где он наслаждался крепким кофе, сжимая в трехпалой руке маленькую чашку. Его лицо вдруг исказила гримаса жалкого ужаса. Но о пощаде не могло быть и речи. Первый выстрел продырявил Генри бок. В рану вжался отстреленный клочок рубашки. Крови было мало. Слишком мало даже по сравнению с той, что вы-

текла когда-то из Ронни. Тот выстрелил еще — уже более уверенно и метко. Пуля не подвела и попала в шею. Безмолвный Генри Б. медленно подался вперед, словно актер немого кино. Уродливая рука не желала расставаться с чашкой бодрящего напитка до тех пор, пока тело не распростерлось вниз лицом на полу. Завертевшаяся волчком чашка остановилась.

Ронни сделал шаг вперед и выпустил еще одну пулю в заднюю сторону шеи. Она вошла в уже выбитое им отверстие. Быстрая и аккуратная работа. Ронни пробежал через двор и скрылся за задними воротами, пораженный прежде всего тем, что совершить убийство не так уж сложно. У него было ощущение, будто он раздавил крысу в собственном винном погребе: неприятное, но необходимое дело.

Это чувство длилось пять минут. Потом его вырвало.

Так или иначе, он убил Генри. Одним «фокусником» меньше.

Смерть Бугая была куда интереснее. На собачьих бегах тот сделал верную ставку и, показывая Ронни выигравший билет, вдруг почувствовал, как между его четвертым и пятым ребрами вонзился нож.

Он не мог поверить, что кто-то вздумал убить его сейчас, когда в его руках билет с выигрышем. Он с удивлением вертел головой в разные стороны, смотрел на публику, делающую ставки, словно ожидал от нее дружного смеха и признания в том, что над ним хотели немного подшутить. Разыграть по случаю приближающегося дня рождения.

Ронни провернул нож в ране (он читал, что это неминуемо приводит к летальному исходу). Бугай уже понял, что выигравший билет ему ни к чему. День для него был определенно несчастливым.

Толпа сжала тяжелую тушу и протащила труп до вертящегося турникета у выхода. Только там кто-то заметил кровь и закричал.

Ронни уже и след простыл.

Довольный и очищенный, он возвращался домой. Бернадетт собирала одежду и любимые безделушки. Ронни хотелось сказать: «Возьми все — для меня теперь это ровным счетом ничего не значит», но жена быстро выскользнула из дома. Посуда стояла на кухонном столе с того воскресенья. Приборы покрылись пылью. Особенно много пыли было на маленьких детских чашечках. Распльившееся масло распространяло прогорклый запах. Ронни просидел неподвижно всю ночь до следующего утра. Он чувствовал, как в нем концентрировалась сила — власть над жизнью и смертью. Наконец он лег на кровать и заснул, не сняв одежды и не заботясь о том, что она может помяться. Никогда еще он не спал так крепко.

Магвайру нетрудно было догадаться, кто убил Бугая и Генри Б. Генри, хотя он вовсе не ожидал такого от Ронни. Преступный мир, к мнению которого Магвайр прислушивался, был, конечно, в восторге от грязной инсинуации в газете. Но никто в нем, включая и самого Магвайра, не думал, что жертва станет безжалостным карателем. Некоторые даже приветствовали поступок Ронни за его кровожадность и бессмысленность. Но другие полагали, что он зашел слишком далеко и необходимо укротить его, чтобы он не спутал их карты.

Дни, оставшиеся у Ронни, могли быть пересчитаны на трехпалой руке Генри Б.

Его взяли в субботу днем. Быстро схватили, не дав воспользоваться оружием, и конвоировали на склад салями и мяса. Там, среди обледелого спокойствия камеры, они нанизали Ронни на крюк и начали пытаться Любой, кто хоть как-то был затронут судьбами Бугая и Генри Б. Генри, получил возможность изобразить на его теле свои огорчение и ярость — ножом, молотком, ацетиленовой горелкой — всем, что оказалось под рукой. Кости плеч и колени были искрошены в порошок. Му-

читатели разорвали ему барабанные перепонки, содрали кожу со ступней.

Где-то около одиннадцати вечера им это наскучило. Их манили другие развлечения: открывались клубы, игральные дома. Пора расходиться.

Но тут явился сам Микки Магвайр, одетый в лучший костюм. Ронни понимал, что он здесь. Лишенный почти всех органов чувств, он все же разглядел в обволакивающем его тумане пистолет, поднесенный к голове. Послышался выстрел, сотрясший неподвижный затхлый воздух импровизированной камеры пыток. В мозг Ронни вошла одна-единственная пуля, пробив аккуратную дырочку во лбу — в самом центре. На изуродованном лице она казалась третьим глазом. Тело Ронни дернулось в последний раз и затихло.

Палачи отреагировали на это событие бурными аплодисментами — похвала Магвайру, так точно и изящно завершившему дело. Он принял ее с достоинством, непринужденно произнес слова благодарности и удалился играть в карты. Тело засунули в черный пластиковый пакет и бросили на окраине Эппингского леса. Было раннее утро. Солнечные лучи дрожали в кронах ясеней и платанов. Казалось, все закончено. На самом деле все только начиналось.

Тело Ронни обнаружил человек, совершавший вечернюю пробежку вдоль опушки. Его остановил неприятный запах начавшего разлагаться трупа.

Вскоре тело было передано патологоанатому. Тот без эмоций наблюдал за работой двух ассистентов, освободивших тело от одежды и разложивших ее по специальным пакетам. Патологоанатом терпеливо ждал, пока в комнату не вошла вдова. Глаза ее опухли от частых слез, лицо побледнело и казалось постаревшим. Она посмотрела на мужа без проблеска любви, не вздрогнула и не поморщилась. Патологоанатом мог представить себе не-

простые отношения между секс-королем и его супругой: постылый брак, бесконечная ругань, обвинения супруги, ее разочарование, его жестокость... Как она, должно быть, рада возможности освободиться от кошмара и самой определять свою дальнейшую жизнь. Жизнь, в которой не будет этого негодяя. Патологоанатом подумал, не поинтересоваться ли адресом вдовушки? Она показалась ему обольстительной в своем безразличии к страданиям покойника.

Ронни чувствовал, что Бернадетт только что была рядом, а сейчас ушла. Он ощущал присутствие других людей, совершенно посторонних, заскочивших сюда, чтобы посмотреть на секс-короля. И после смерти он не перестал вызывать интерес. Ронни мог предвидеть это, но по его холодным жилам все же прокатилась волна ужаса. Он был узником, способным слышать и чувствовать окружающий мир, но бессильным действовать в нем.

Ему не удавалось освободиться из этого плена. По видимому, он обречен вечно сидеть здесь, в своем мертвом черепе, не способный ни возвратиться в мир людей, ни отправиться на небеса, пока в нем кипит жажда мести. Именно она заставила отложить окончательную смерть, с магической легкостью заставив сознание примириться с идеей выполнения последнего земного плана. Нет, Ронни не уйдет из этого мира, пока жив Магвайр.

Круглые костяные стены его темницы начали сотрясаться. Хотелось знать, что происходит. Он собрал свою волю и попробовал сделать движение.

Патологоанатом колдовал над трупом Ронни с усердием разделяющего рыбу повара. Он выпотрошил тело по всем правилам, долго копался в месиве на месте плеч и коленей. Ронни этот человек не понравился. Настоящий мастер своего дела не позволил бы себе так смотреть на женщин и работать так топорно. По мне-

нию Ронни, он не был профессионалом — скорее мясником. Ронни не терпелось показать этому садисту, как правильно препарировать трупы. Одной воли оказалось для этого недостаточно. Если только сфокусировать ее на чем-то, что приведет к освобождению... Но на чем?

Закончив возню с телом, патологоанатом небрежно зашил его толстыми нитками. Стянув с руки блестящую перчатку, он бросил ее вместе с испачканными кровью и слизью инструментами на роликовую тележку, где стояли склянки со спиртом. Потом он вышел, оставив тело с ассистентами.

Ронни слышал, как раздвижные двери ударились друг о друга. Кажется, он остался в одиночестве. Где-то вытекала вода, громко падали капли. Звук раздражал Ронни.

Оказалось, что он не один. Рядом с трупом стояли ассистенты патологоанатома и обсуждали его ботинки. Это было так смешно и пошло. Какая-то неприятная для Ронни примитивность, враждебная самой идее жизни.

— Помнишь те подошвы, Ленни? У моих коричневых башмаков? Редкая дрянь.

— Так я и думал.

— Выложить кучу денег, чтобы... Вот гляди. Нет, ты только посмотри: стерлись в ноль за какой-нибудь месяц.

— Тонкие, как бумага.

— Да, черт их возьми, Ленни, как бумага. Надо отнести их обратно.

— Я бы так и сделал.

— Значит, стоит отнести?

— Я бы на твоём месте отнес.

Бессмысленная трепотня. После часов пыток, после смерти, после открытия другого бытия — как это можно вынести?

Дух Ронни заметался по своей темной тюрьме: от стенки к стенке, из начала в конец, из конца в начало.

И снова по кругу. Жужжа, словно пчела, попавшаяся в западню перевернутой банки с джемом и стремящаяся выбраться... И жалить.

Из начала в конец, из конца в начало. Снова по кругу. Как их разговор.

— Как бумага, чтоб ее.

— Тогда ничего удивительного.

— Иностранцы, чтоб их. Не наши подошвы... Сделано в вонючей Корее.

— В Корее?

— Ну да. Неудивительно, что они бумажные.

Неискоренима глупость этих людей, их жизнь, вялая и ленивая. Они могут так существовать. Они могут говорить, действовать и *быть*, в то время как Ронни мечется в жужжащем вращении в поисках выхода и не находит его. Разве это честно?

— Здорово прострелили, да, Ленни?

— Что?

— Этого заостренного. Труп, бывший когда-то секс-королем. Прямо в середину лба, видал?

Приятель Ленни не выказал никакого интереса. Скорее всего, его переполняли навязчивые мысли о башмаках. Ленни отогнул край покрывала:

— Посмотри-ка сюда.

Помощник обвел взглядом лицо мертвеца. Рана была вычищена усилиями патологоанатома. Белесый контур входного отверстия слегка оттопыривался.

— А я думал, что в сердце. Так чаще всего убивают.

— Его не убивали на улице. Его казнили,— сказал Ленни, погрузив в рану свой тонкий палец.— Потрясающим выстрелом. Прямо в середину лба. Словно хотели сделать ему третий глаз.

— Да...

Покрывало вернулось на свое место. Пчела продолжала беспокойно жужжать. Из начала... в начало... по кругу...

— Ты слышал про третий глаз?

— А ты?

— Кажется, Стелла мне что-то о нем читала: он вроде бы расположен в центре тела.

— Ну там же пупок. Или, по-твоему, лоб находится на животе?

— Н-нет, но...

— Пупок, и ничто другое.

— Может быть, она имела в виду духовное тело, а не физическое...

Собеседник ничего не ответил.

— Он как раз здесь — где дырка от пули,— сказал Ленни, восхищаясь убийцей, застрелившим Ронни так красиво.

Пчела перестала жужжать. Она слушала. Дырка у Ронни была не только в голове. Она была в его доме, покинутом женой и детьми. Дырки были на лицах, смотрящих со страниц журналов. Они были всюду... Вот если бы знать, какая из них ведет на свободу. Для этого нужно отыскать свою рану.

Дух Ронни не был больше маленькой жужжащей пчелкой. Он расслаивался, расплзался, стремясь вытянуться вдоль поверхности лба. Он продвигался медленно, дрожа от предвкушения. Впереди вдруг что-то замерцало, маня, словно свет в конце длинного туннеля. Свет, которым была наполнена материя покрывала. Движения стали уверенными и легкими — направление найдено. Свет сделался ярче, голоса громче. Дух Ронни, никем не видимый и никому не слышимый, вырвался на свободу. Годный лишь к сожжению кусок разлагающегося мяса и спекшейся крови был покинут навсегда.

Ронни Гласс воскрес в новом мире — в незнакомом мире белой льняной ткани.

Ронни стал собственным саваном.

Рассеянность снова привела патологоанатома в покойницкую. Он забыл здесь записную книжку с адресом

и телефоном вдовы Гласс. Отыскать ее оказалось нелегко. Он ворошил бумаги, переставлял вещи и не знал, какую совершил ошибку, зайдя сюда.

— Что это такое? Вы с ним еще не закончили? — рявкнул он на ассистентов.

Те лишь бормотали невнятные оправдания.

Их черепашня медлительность всегда становилась поводом выплеснуть раздражение, накопившееся к концу рабочего дня.

— Поторопитесь-ка.— Он сорвал с тела саван и в ярости швырнул его на пол.— Пока этот паскудник не ушел отсюда сам. Удивительно, что он еще здесь. Или вам наплевать на репутацию нашего скромного отеля?

— Да, сэр. В смысле, нет, сэр.

— Что же вы стоите? Сложите все в полиэтилен. Вдова хочет, чтобы тело сожгли побыстрее, а вы прохлаждаетесь. Да и мне оно тут ни к чему. Я уже насмотрелся на него.

Ронни лег на пол смятой громадой. Он лежал на полу, постепенно свыкаясь с новыми ощущениями. Обрести тело не так уж плохо, будь оно даже прямоугольным и пропахшим дезинфекцией. Вскоре Ронни обрел полный контроль над саваном.

Вначале саван сопротивлялся. В самой его материи были заложены пассивность и мертвенность — ее суть отвергала жизнь и не хотела подчиняться вселившимся духам. Но Ронни не сдавался. Сила его желания, поправ естественные законы, наполнила переплетения волокон энергией и заставила их совершить первое самостоятельное движение.

Саван медленно расправился и встал вертикально. Патологоанатом засовывал на ходу найденную наконец черную записную книжечку в карман, когда на его пути неожиданно возник белый занавес. Саван слегка прогнулся назад, словно желая потянуться, как человек, очнувшийся от глубокого сна.

Ронни попытался говорить, но не издал ни звука, кроме шороха своего нового тела. Тихий шелест белья, обдуваемого легким ветерком. Звук был слишком тонким и прозрачным — перепуганные люди вряд ли его слышали. Их оглушали бешено бьющиеся от страха сердца. Патологоанатом бросился к телефонному аппарату, чтобы позвать на помощь. Но нигде никого не было. Ленни с напарником ринулись к раздвижным дверям, во все горло заклиная силы небесные помочь им. Патологоанатом застыл на месте от потрясения.

— Сгинь с глаз моих,— произнес он.

Ронни лишь обнял его. Крепко обнял.

— Помогите,— вымолвил бледный патологоанатом.

Обращался он, по-видимому, к себе самому. Те, кто могли ему помочь, неслись сейчас по коридорам с бесвязными криками. Они бежали, не желая видеть этот ужас, появившийся в покойницкой. Патологоанатом остался один — завернутый в накрахмаленную материю савана, бормочущий слова, что могли, по его мнению, послужить спасению.

— Прости меня, кем бы ты ни был. Кто бы ты ни был. Прости.

Ярость, владевшая Ронни, не знала милосердия. Никакой пощады, приговор не подлежит обжалованию. Этот подонок с рыбьими глазенками, ублодок со скальпелем, позволил себе резать его тело и ковыряться в нем, словно в телячьем боку. Нельзя простить его ледяное отношение к жизни, к смерти, к Бернадетт. Ему придется умереть. Здесь. Среди останков, над которыми орудовали его бездушные пальцы.

Из уголков савана начали формироваться руки — от Ронни требовалось лишь представить себе эти орудия возмездия. Он понял, что стоит, наверное, придать себе прежний внешний вид. Начал он с рук. Вскоре удалось вырастить на них пальцы. Большие, правда, оказались немного меньше прежних. Он напоминал Адама, которого Творец создавал из белой ткани.

Творение на время прекратилось: руки обхватили шею патологоанатома. Они не чувствовали ее упругих мышц. Никакого сопротивления. Невозможно было рассчитать усилие, с каким нужно сжать пульсирующее горло. Ронни просто держался за него, решив, что надавил достаточно сильно. Лицо жертвы почернело, фиолетовый язык выскочил изо рта, словно его выплюнули. Ронни старался. Шея хрустнула, и голова откинулась назад под углом к туловищу.

Ронни заставил труп упасть на пол, натертый ногами жертвы. Он посмотрел на свои новые руки новыми глазами — двумя крохотными, словно следы булавочных уколов, дырочками.

Он почувствовал себя уверенно в новом теле. Какая в нем была сила: не напрягаясь, сломать шею человеку! Растворившись в бескровном куске материи, он стал свободнее, чем в оковах человеческого тела. Он жил, не смотря на то что внутри него все было наполнено воздухом, беспрепятственно протекавшим сквозь новую плоть. Можно свободно парить над миром, движимым ветрами, словно планирующий лист бумаги. Можно стать страшным орудием и поставить этот мир на колени. Казалось, возможностям нет предела.

И все же... он чувствовал, что это тело не останется у него надолго. Рано или поздно саван вновь захочет лежать неподвижно, вернув себе привычную жизнь. И если пока он позволяет духу Ронни жить в себе, необходимо мудро воспользоваться его щедростью и всеми удивительными свойствами, чтобы совершить месть. Прежде всего убрать Магвайра. А потом, если срок аренды тела не истечет, взглянуть на детей. Однако вряд ли разумно наносить визиты в качестве савана. Это более естественно для человека. Значит, нужно создать его иллюзию.

Он видел, какие изображения и лица рождаются из складок на смятой подушке или на фалдах пиджака, вися-

цего на дверном крючке. Самое удивительное из подобных явлений — чудо Туринской плащаницы, что высветила лицо и тело Иисуса. Бернадетт однажды прислала ему открытку с изображением этого покрывала, где была видна каждая рана от терний и гвоздей. Почему бы не совершиться еще одному чуду? Почему бы и Ронни не воскреснуть?

Подойдя к раковине, он перекрыл воду, потом посмотрел в зеркало, чтобы видеть свое превращение. По белой поверхности савана бежали воздушные волны. Ваятелю пришлось нелегко. Сначала очертилась глыбообразная голова. Вышло подобие снежной бабы: две ямки вместо глаз, грузный и обвисший нос. От создателя требовалось изменить сам материал, изменить его свойства. Он сосредоточился. Он хотел этого изменения. Непостижимо, но ему все удалось! Материал сдался: нитки закрипели, но поддались усилию, загибаясь в ободки ноздрей, накапливаясь в тонких веках, переплетаясь в выпуклостях губ. Словно созерцая утраченный любимый образ, его память выносила из прошлого все черты, все мельчайшие подробности творимого лица, воплощая его в белой ткани. Вырос столбик шеи: он казался полкой изящной подставкой для только что созданного. Он был наполнен воздухом, но прочно держал форму. Ни же саван скрутился в мускулистый торс. Руки уже были, ноги свернулись быстро. Готово.

Адам сотворен заново. Ронни предстал в привычном виде. Иллюзия была соткана из белой материи — вся, если не принимать во внимание нескольких пятен. Это делало ее не вполне совершенной: плоть, имевшая вид одежды. Черты лица казались шедевром кубиста, немного грубоватым. Им не хватало малой толики реализма, о чем свидетельствовало отсутствие волос и ногтей. Однако шедевр был завершен, получив право на существование в этом мире.

Пришло время показать его публике.

— Твой расклад бьет, Микки.

Магвайр редко проигрывал в покер. Он был слишком умен и не поддавался эмоциям. Усталые глаза не выдавали никаких намеков на чувства. Он побеждал, никогда не жульничал — это был контракт, подписанный им с самим собой. К тому же от нечестной игры не получить полноценного удовольствия. Это удел малолетних преступников. Солидному человеку не к лицу.

За два часа в его карманах осела приличная сумма. Все шло гладко. Дела с полицией давно налажены: щедро вознагражденная, она занималась поисками убийцы Бугая и Генри Б. Генри, игнорируя все приказы, исходящие от собственного начальства, не жалея средств и времени. Как-то раз инспектор Уолл, давний приятель Магвайра — они ходили в один паб, — показал тому повинную какого-то бывшего убийцы. Псих исчез без следа, подписав эти строки. Магвайр был весьма доволен таким оборотом дела.

Было три часа ночи. Всем плохим девочкам и мальчикам давно пора мечтать о завтрашних преступлениях, забравшись в постельки. Магвайр встал из-за стола, обозначив этим, что игра окончена. Он застегнул пуговицы жилета. Элегантно подтянул узел шелкового галстука.

— Повторим через недельку? — предложил он.

Проигравшие кивнули. Для них выигрыш босса был привычным исходом партии, но никаких обид не возникало. Все они испытывали огорчение от того, что теряли Бугая и Генри Б. Генри. Субботние игры служили утешением и отдушиной. Сейчас за столом воцарилось молчание.

Первым поднялся Перлгут, оставив сигару в заполненной окурками пепельнице.

— До скорого, Мик.

— До скорого, Фрэнк. Поцелуй своих малышей от дяди Мика.

— Идет.

Он зашаркал прочь, потянув за собой своего брата-заика.

— Д-д-д-до скорого.

— До скорого, Эрнст.

Братья зашагали вниз по грохочущей лестнице.

Нортон, как обычно, ушел последним.

— Погрузка завтра? — спросил он.

— Завтра воскресенье, — ответил Магвайр.

По воскресеньям он не работал никогда. Этот день был для семьи.

— Нет, сегодня воскресенье, — произнес Нортон, не слишком вежливо.

— Да, да.

— Погрузка в понедельник?

— Надеюсь, что так.

— Вы собираетесь на склад?

— Возможно.

— Тогда я к вам заскочу, вместе пойдем.

— Хорошо.

Неплохой малый этот Нортон. Без капли юмора, но надежный.

— Тогда до завтра.

Стальные подковы на подошвах зацокали по лестнице, словно дамские каблучки. Хлопнула нижняя дверь.

Магвайр подсчитал прибыль, допил остатки вина и потушил свет в комнате. Во мраке едко пахло сигарным дымом. Завтра он попросит кого-нибудь подняться сюда и открыть окна. Пусть впустят свежие ароматы Сохо: запах кофейных зерен и саями, коммерции и тонких одежд. Он любил их. Страстно, как младенец материнскую грудь.

Спускаясь вниз в дремлющую темноту секс-шопа, он слышал доносившиеся с улицы краткие слова прощания, негромкие хлопки дверей автомобилей, ворчание моторов дорогих лимузинов. Чудесная ночь, про-

веденная среди хороших друзей,— чего еще желать мужчине?

В самом низу лестницы он на минутку задержался. Мигающая подсветка дорожных знаков вырвала из мрака расставленные в ряд журналы. Пластиковые обложки сверкали. Голые груди и ягоды казались перезревшими фруктами. Лица, увлажненные косметикой, предлагали все для одинокого удовлетворения. Все, что только можно отразить на бумаге. Но он был неподвижен — давно ушли те времена, когда эта чушь его интересовала. Теперь важно лишь то, что она приносит деньги, содержание же абсолютно ничего не значит. Оно не отталкивает и не привлекает. В конце концов, он счастливый мужчина, женатый на женщине, чья фантазия не выходит за пределы второй страницы «Камасутры». А его дети получают пощечины всякий раз, когда произносят сомнительные слова.

В углу магазина, где располагались аксессуары для порабощения и подчинения, что-то выросло из пола. Что это такое, трудно разглядеть в мигающем свете. Красном, синем... Нет, там стоял не Нортон. И не один из братьев Перлгут.

И все же лицо, чья улыбка застыла на фоне «связанных и насилуемых», было ему знакомо. Он понял: это Гласс. Абсолютно белый, несмотря на цветную иллюминацию. Живой, несмотря ни на что.

Магвайр решил не терять времени на догадки. Он запахнул плащ и кинулся прочь.

Дверь была заперта, в связке болталось два десятка ключей. Боже мой, почему же их столько? От дверей складов, от дверей игровой комнаты, от дверей девочек. Как побыстрее отыскать нужный? И еще этот свет: красный, синий, красный, синий.

Он начал лихорадочно перебирать ключи, но счастливый случай сразу помог ему. Ключ с легкостью проскользнул в замок. Дверь открылась. Впереди улица.

Но Гласс, бесшумно крадущийся сзади, был уже рядом. Лицо Магвайра запеленала странная одежда, не дав сделать и шага, окружив запахом лекарств и дезинфекции. Магвайр хотел крикнуть, но сверток материи сильно сдавил горло. Он закупорил голосовые связки, заставив их содрогнуться в защитном рвотном движении. Коварный убийца усилил давление.

На противоположной стороне улицы за происходящим наблюдала девушка. Магвайр знал ее как Натали («модель, готовая принять любую позу и подчиниться строгой дисциплине»). На ее лице застыл одурманенный взгляд. Раз или два она уже была свидетелем убийства. Об изнасилованиях и говорить не приходится. Было поздно, и ее тело болело. Она повернулась и пошла в освещенную розовым светом подворотню, оставив сцену без внимания. Магвайр отметил про себя, что с девчонкой следует разобраться в ближайшие дни. Если он, конечно, до них доживет, что не было сейчас очевидным. Красное уже не сменялось синим. Мозг, лишенный воздуха, не воспринимал света. Руки, пытавшиеся ослабить хватку противника, лишь беспомощно скользили.

Послышался чей-то голос. Не позади него, не голос убийцы, а на противоположной стороне улицы. Нортон. Это он! Господи, возлюби его душу! Он вылезает из машины в каких-нибудь десяти ярдах, громко выкрикивая имя Магвайра.

Железная хватка ослабла, и Магвайр тяжело рухнул на тротуар. Мир кружился в глазах. Лицо побагровело, охваченное жаром.

Нортон стоял напротив своего босса, доставая пистолет из кармана. Убийца не стал вступать с ним в борьбу, он отступал, быстро перемещаясь по улице. Он показался Нортону членом ку-клукс-клана: колпак, плащ, мантия. Нортон опустился на колено и, приняв позицию для стрельбы с двух рук, спустил курок. Результат

выстрела ошеломил его. Фигура вздулась, словно напоявшийся воздухом воздушный шар, тело потеряло форму и превратилось в трепещущую на ветру белую материю. На ней сохранился барельеф лица. Звук, сопровождавший это превращение, напоминал громкое шуршание расправляемой простыни, слипшейся после обработки в прачечной. Такие звуки вряд ли звучали на этой чумазой улочке. Обескураженный Нортон не смог ничего предпринять: белая накидка вдруг воспарила, растворившись в темном воздухе.

У ног Нортон ползал Магвайр, не в силах подняться с колен. Он говорил что-то сквозь стоны, но распухшая гортань искажала звучание слов. Нортон нагнулся, чтобы понять, что они значат. От Магвайра пахло рвотой и страхом.

— Гласс,— хотел, по-видимому, сказать он.

Этого было достаточно. Нортон быстро кивнул головой и попросил Магвайра молчать. Да, это его лицо он видел на простыне — лицо Гласса. Бухгалтера, проявившего неуравновешенность. Нортон видел, как его пытали. Он помнил, как поджаривались пятки. Помнил весь жуткий ритуал, который не пришелся ему по вкусу. Что же, ясно, у Ронни были и другие друзья. И сейчас они не прочь за него отомстить.

Нортон посмотрел наверх, на небо. Но ветер уже унес призрак.

Это была неудача. В первый раз ему пришлось испытать горечь поражения. Ронни лежал на ступенях заброшенной фабрики, смотревших прямо на реку, и обдумывал события этой ночи. Хаотическое переплетение ткани постепенно исчезло. Что случилось бы, если бы он потерял контроль над своей устрашающей оболочкой? Нужно все просчитать. Учесть все варианты и возможности. Нельзя ослаблять контроль. Он чувствовал, что какая-то часть энергии все же покинула саван: рекон-

струкция тела удалась с большим трудом. Для новых ошибок времени не оставалось. Ничего, в следующий раз он встретит этого человека в таком укромном месте, где никто и ничто не поможет ему спастись.

Полиция много времени провела в морге, но расследование не сдвинулось с мертвой точки. Допрос Ленни затянулся до поздней ночи. Инспектор Уолл перепробовал все известные ему приемы дознания: мягкие слова, грубые слова, обещания, угрозы, обольщение, затягивание в логические ловушки и даже брань. Но Ленни неизменно твердил одно и то же, повторял свою глупую историю и убеждал их в том, что его напарник, очнувшись от комы, вызванной нервным истощением, не расскажет ничего нового. Инспектор никак не мог принять его рассказ всерьез. Саван встал и пошел? Как можно занести такое в протокол? Ему нужны факты поконкретнее, пусть даже они окажутся ложью.

— Можно мне закурить? — спросил Ленни, задававший этот вопрос уже бесчисленное число раз. Уолл снова отрицательно покачал головой.

— Эй, Фреско, — обратился он к человеку справа от себя, Алу Кинсаду. — Думаю, тебе пора опять немного поучить этого парня.

Ленни знал, что за этим последует — его снова будут бить.

Поставят к стене, ноги расставят, руки за голову... Внутри Ленни все содрогнулось.

— Послушайте... — произнес он, умоляя.

— Что, Ленни?

— Это сделал не я.

— Это сделал ты, — сказал Уолл, гордо вздернув нос. —

Нам хотелось бы узнать почему? Тебе не нравился старый развратник? Небось он отпускал грязные шуточки в адрес твоих подружек, не так ли? За ним водился такой грешок, не секрет.

Ал Фреско ухмыльнулся.

— Может быть, ты застал его с одной из них?

— Ради всего святого,— вырвалось у Ленни.— Стал бы я рассказывать вам эту херовую историю, если б не видел эту дрянь своими долбаными глазами.

— Повезливее,— прошипел Фреско с оттенком приказа в голосе.

— Саваны не летают,— убежденно сказал Уолл.

— Тогда где же он? — спросил Ленни.

— Ты сжег его в крематории, ты его съел... Откуда мне это знать, твою мать?

— Повезливее,— произнес Ленни.

Фреско, собравшийся его ударить, отвлекся на телефонный звонок. Он поднял трубку и вскоре передал аппарат Уоллу. Затем он все-таки ударил Ленни. Легонько — появилась лишь узкая струйка крови.

— Слушай-ка.— Фреско придвинулся к Ленни так близко, словно хотел высосать из его легких воздух.— Мы знаем, что это сделал ты, понимаешь? Ты был единственным в морге *живым* и способным на это, понимаешь? Вот нам и хочется узнать почему? И все. Только почему?

— Фреско.

Уолл показал трубку мускулистому атлету.

— Да, сэр.

— Это господин Магвайр.

— Господин Магвайр?

— Микки Магвайр.

Фреско кивнул.

— Он очень обеспокоен.

— Да что вы. И чем же?

— Он говорит, что на него напал человек из морга. Этот порнографический воротила.

— Гласс,— подсказал Ленни.— Ронни Гласс.

— Это же смешно,— отозвался Фреско.

— И все же нам надо помнить о желаниях уважаемых членов общества. Сходи-ка в морг, чтобы убедиться...

— Чтобы убедиться?

— Что мерзавец все еще там.

— Ну и ну.

Немного смущенный Фреско покорно вышел.

Ленни не мог взять в толк: каким боком все это касается его? Он опустил левую руку в карман и, используя дырочку в нем, начал играть сам с собой в «бильярд». Уолл глянул на него с презрением.

— Прекрати,— сказал он.— У тебя еще будет время позабавиться, когда окажешься в теплой уютной камере.

Ленни медленно кивнул головой, неохотно соглашаясь, и вынул руку. Сегодня он себе не хозяин.

Фреско вернулся мрачный.

— Он там,— сказал он.

— Конечно же, он там.

— Дохлый, как Додо,— добавил Фреско.

— Что такое Додо? — поинтересовался Ленни.

Лицо Фреско озадачилось.

— Такое выражение,— процедил он раздраженно.

Уолл продолжал говорить с Магвайром. Там, на другом конце провода, голос звучал призрачно тихо. Уолл был уверен, что его убеждения подействовали.

— Микки, он там и в том же положении. Ты, наверное, ошибся.

Ему показалось, что электрический разряд ударил его в ухо, вырвавшись из трубки. Охваченный ужасом голос Магвайра прокричал:

— Я же видел его, черт бы вас побрал!

— Но он лежит там с дыркой в голове, Микки. Как ты мог его видеть?

— Я не знаю.

— Ну что ж.

— Слушай... Если выкроишь время — загляни ко мне. Тут возможно одно дело. Тебе найдется неплохая работа.

Уолл, не любивший обсуждать дела по телефону, почувствовал себя неловко.

— Позже, Микки.

— Ладно. Только ты позвони.

— Конечно.

— Обещаешь?

— Да.

Опустив трубку на рычаг, Уолл поднял глаз на Лени. Тот продолжал свою липкую игру. Маленькое неуважительное животное. Но Уолл знал, как с ним поступить.

— Фреско.— Он придал голосу мягкость.— Потрудись-ка немного, поучи эту обезьянку правилам поведения в присутствии офицеров полиции.

Магвайр плакал от ужаса, укрывшись за стенами своей крепости в Ричмонде.

Сомнений не было: он видел Гласса. Уверения Уолла, будто тело лежит в морге, не могли его успокоить. Гласса там нет — он на свободе, вольный, как птица, несмотря на то что ему продырявили голову. Магвайр верил в жизнь после смерти, но никогда не задавался вопросом, в чем она выражается. Никогда, пока не произошло вот это. Теперь у него был ответ: после смерти приходит озабоченным мстью мерзавец, заполненный воздухом. От этого он и рыдал. Страшно жить, страшно умереть.

Заря была прекрасна, воскресное утро рождалось в тихом великолепии. Ничто не в силах потревожить покой этого утра...

Здесь, в Понлеросе — его замке, выстроенном после стольких лет не совсем честных, но и не очень-то легких трудов,— здесь с ним был вооруженный до зубов Нортон. Все ворота охранялись собаками. Ни живой,

ни мертвый не осмелится бросить ему вызов, пока он на своей территории. Пока он окружен портретами своих кумиров: Луи Б. Майера*, Диллинджера, Черчилля. Пока с ним его семья, его хороший вкус, его деньги, его произведения искусства. Пока он чувствует себя дома. И если убийца придет сюда, у него ничего не выйдет, призрак этот Гласс или нет.

В конце концов, разве он не Майкл Роско Магвайр, создатель собственной империи? Рожденный в нищете, победивший судьбу собственными силами. У него всегда было невозмутимое выражение лица и независимый характер. Лишь однажды он позволил низменным инстинктам выплеснуться наружу — на казни Гласса. От своего небольшого представления, от своей скромной в нем роли он получил тогда подлинное удовольствие. Его тогдашний поступок стал *жестом милосердия*, спасшим несчастного от мучений. Им двигала жалость. Теперь все изменилось, насилие осталось в прошлом. Он обычный буржуа, имеющий право укрыться в своем доме-крепости.

Где-то около восьми проснулась Ракель. Она сразу же занялась приготовлением завтрака.

— Хочешь чего-нибудь съесть? — спросила она Магвайра.

Он лишь покачал головой — у него сильно болело горло.

— Только кофе?

— Да.

— Я принесу сюда, хорошо?

Он кивнул. Ему нравилось сидеть у окна, из которого открывался вид на зеленый газон и оранжерею. Великолепный день: пухлые, словно шерстяные, громады облаков вздымались ветром, отбрасывая на зеленый ко-

* Луи Б. Майер — основатель и глава корпорации «Метро-Голдвин-Майер».

вер причудливо движущийся узор теней. Наверное, стоит научиться рисовать, думал он, как Уинстон когда-то. Он перенес бы на холст то, что любил, — свой сад, например. Или обнаженную Ракель — тогда ее грудь никогда не потеряет форму.

Она уже стояла рядом с чашкой кофе.

— У тебя все хорошо? — тихо промурлыкала Ракель ему на ухо.

Тупая сука. Конечно же, у него далеко не все хорошо.

— Да, — ответил он.

— А у тебя гости.

— Что? — Он выпрямился в кожаном кресле. — Кто?

— Трейси, — последовал ответ. — Она хочет обнять своего папулю.

Магвайр отвел рукой ее волосы, едва ли не попавшие в рот. Да, тупая сука.

— Ты ведь хочешь увидеть Трейси? — спросила она.

— Да.

Маленькое несчастье — так он называл любимую дочь — стояла у двери. Все еще в ночной рубашонке.

— Привет, папуля.

— Здравствуй, золотце.

Она направилась к нему. Красивая походка — в точности ее мама в молодости.

— Мамуля говорит, что ты заболел.

— Я уже почти поправился.

— Я очень рада.

— И я тоже.

— Пойдем сегодня гулять?

— Может быть.

— Сходим на выставку?

— Может быть.

Ее губки надулись — такая милая гримаска должна вызывать у него умиление. Вылитая Ракель. Только бы не выросла дурой, как ее мамочка.

— Поглядим, — сказал он, стараясь, чтобы слова звучали как согласие. Хотя они означали отказ.

Дочь забралась к нему на колени и стала болтать о своих пятилетних проделках, пока он не отослал ее одеваться. От разговоров горло ныло сильнее. Ему уже не хотелось быть сегодня любящим отцом.

Оставшись в одиночестве, он долго смотрел на валяющиеся по газону тени.

Сразу же после одиннадцати послышался лай собак. Затем вновь стало тихо. Нортон на кухне помогал Трейси складывать пазл из двух тысяч тоненьких кусочков. К ним подошел Магвайр:

— Что там случилось?

— Не знаю, босс.

— Так узнай же, черт возьми!

В присутствии дочери он редко ругался, но сейчас был готов застрелить Нортон у нее на глазах. Тот отреагировал молниеносно, почувствовав настроение босса, — подскочил к задней двери и быстро открыл ее. Магвайр ощутил свежий воздух хорошего дня. Ему захотелось выйти, прогуляться и просто подышать. Но лай собак все еще отдавался в голове тяжелыми ударами, он не позволил поддаться порыву. По телу вновь побежали мурашки. Трейси съежилась над пазлом в ожидании отцовского гнева. Но Магвайр, не сказав ни слова, вернулся к своему креслу у окна.

Оттуда он увидел Нортон, размашистым шагом пересекавшего лужайку. Собаки не издавали ни звука. Нортон исчез из поля зрения, зайдя за оранжерею. Он не появлялся долго; Магвайр ждал... Терпение его достигло предела, когда Нортон появился снова — он смотрел на Магвайра и что-то кричал, пожимая плечами. Магвайр открыл дверь и, скользнув в просвет, оказался во внутреннем дворике. День окружил его исцеляющим благоуханием.

— Что ты говоришь? — крикнул он Нортону.

— Собаки в порядке, — отозвался тот.

Магвайр ощутил, как по телу разлились волны успокоения. Ну конечно, они в порядке. Почему бы им не лаять — ведь они созданы именно для этого. Чего он испугался? Он кивнул Нортону и зашагал по направлению к лужайке. Чудесный день, подумал он и убыстрил шаг. Он торопился в оранжерею, к своим любимым деревьям-бонсай. Нортон ждал хозяина у дверей, деловито нащупывая в карманах мятные конфеты.

— Я могу помочь вам здесь, сэр?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно,— произнес Магвайр великодушно.—

Иди-ка ты домой и развлеки малышку.

Нортон кивнул.

— Собаки в порядке,— повторил он.

— Ну да.

— Должно быть, ветер их встревожил.

И правда, было ветрено. Сильные теплые порывы сгибали стебли красного бука, обозначающие границу сада. Они дрожали, показывая небу бледную внутреннюю сторону своих листьев. Словно умоляли его остановить стихию.

Магвайр отпер дверь оранжереи и вошел под ее высокий потолок.

Потолок, казавшийся небом над раем, где росли его экзотические любимцы: сарджентский можжевельник, выживший в суровом климате горы Исизути, айва, карликовая елочка йеддо (*Picea Jessoensis*), которую непросто было уговорить зацепиться слабыми корнями за гладкую поверхность камня...

Умиротворенный, он бродил среди своего волшебного мира. Он забыл о том, что рядом существует другой.

Собаки встретили Ронни озлобленно — он был для них странной игрушкой с незнакомым запахом, которую можно рвать, кусать и забрызгивать слюной. Спря-

таившись в стенной нише, он не мог от них избавиться до тех пор, пока вошедший Нортон не отвлек их.

Материя в нескольких местах была порвана. Ронни выполняло лишь то, сможет ли он сохранить форму. Хватит ли у него сил. Он стоял в нише и старался сконцентрироваться. Он не знал, что Нортон рядом и лишь по счастливой случайности не заметил его.

Оставаться здесь было опасно, и он покинул убежище. Его иллюзорная материальность пострадала от схватки с собаками: на животе зияла большая дыра; саван то и дело распахивался, выпуская управляющую им энергию, тело забрызгали собачьи испражнения и слюна.

Но его воля была сильнее всего этого. Мог ли он, приблизившись к долгожданной цели, позволить силам природы остановить его? Он, само существование которого было мятежом против этих сил? Сейчас, впервые в жизни — и в смерти, — он чувствовал свою избранность, отвергающую оковы банального здравого смысла. Разве это плохо? Он умер и воскрес в куске запачканной материи. Он заляпан слюной и дерьмом, он выглядит абсурдно. Но все-таки он есть! И пока его желание быть не умерло, никто и ничто не властно над ним. Только эту мысль он мог противопоставить ослепшему и оглохшему миру, который он не хотел покидать. Он знал, что Магвайр в оранжерее. Он уже долго наблюдал за ним: враг полностью поглощен возней с растениями. Он насвистывал что-то, когда наклонялся над очередным цветком. Тихо и нежно...

Магвайр не слышал шелеста полотна в окне, пока Ронни не надавил лицом на стекло так, что черты его расплывались и изуродовались. Раздался скрипучий звук... Вздвогнувшийся Магвайр уронил елочку йеддо. Она соскочила со своего ненадежного фундамента и упала на пол, ее ветки обломились.

Магвайр хотел закричать, но голосовые связки издали какой-то сдавленный визг. Он бросился к двери как

раз в тот момент, когда стекло треснуло под нажимом Ронни. Что произошло дальше, Магвайру трудно было понять.

Ему показалось, что нечто стремительное и невесомое скользнуло внутрь через выломанный проход и предстало перед ним в виде человека.

Нет, вряд ли можно было назвать это человеком. Больше походило на жертву жесточайшего избиения: обвисший правый бок, оплывшее бледное лицо. Половинки порванной ноги шевелились, словно жабры рыбы, когда существо переносило на нее центр тяжести.

Магвайр распахнул дверь, открыв путь к отступлению. Потом побежал. Странное существо последовало за ним, протягивая к нему руки, пытаясь заговорить.

— Магвайр... — Имя прозвучало так тихо, словно ему почудилось? Нет: — Ты узнал меня, Магвайр?

Как его не узнать, хоть он и был теперь лишь пузырящейся на ветру оборванной фигурой?

— Гласс, — прошептал Магвайр.

— Да, — ответил призрак.

— Я не хочу... — Магвайр вдруг осекся. Чего он не хотел? Разговаривать с этим кошмаром? Знать о его существовании? Или...

— Я не хочу умирать.

— Но ты умрешь, — сказал призрак.

Белая материя набросилась на его лицо: словно ветер подхватил бестелесное существо и швырнул его на Магвайра.

Снова этот жутковатый запах эфира и дезинфекции. Запах смерти. Объятия полотняных рук становились крепче. Оплывшее лицо тесно прижалось к его щеке, словно ожидая поцелуя.

Руки Магвайра в защитной лихорадке царапали ткань савана. Они нащупали прореху, сделанную собаками. Уцепившись за ее край, Магвайр начал тянуть. Материя издала громкий стон — треск рвущейся ткани.

Саван брыкался в руках, скривив рот в едва слышном Магвайру вопле.

Ронни забился в судорогах. Он не чувствовал уже почти ничего. Только боль, боль, боль... Он вырвался, взревев так громко, как только мог.

Магвайр бросился от него прочь, в дом. Не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, он бежал вперед с обезумевшими глазами. Он был близок к сумасшествию. Но этого недостаточно: Ронни обещал себе убить негодяя — и еще не отрекался от этого решения.

Боль не стихала, но увлеченный погоней Ронни не замечал ее. Лишь оказавшись у самого дома, он осознал свою страшную слабость перед ветром — его теперешним врагом. Ветер разрывал его тело и свистел в лохмотьях внутренностей. Казалось, Ронни стал продырявленным боевым знаменем, покрытым пороховой пылью, пропитанным смрадом битв и горечью поражений. Знаменем, которое пора спустить.

Если бы... Если бы ему не предстояло еще одно сражение.

Вбежав в дом, Магвайр хлопнул дверью. Кусок материи смешно трепетал в окне, скребя слабыми руками стекло. В почти стершихся чертах лица читалась жажда мести.

— Впусти меня,— говорил Ронни.— Ведь я все равно приду к тебе.

Магвайр, оступаясь, понесся в прихожую.

— Ракель! — Где же эта женщина? — Ракель? Ракель...

На кухне ее не оказалось. Из темноты лились мягкие звуки. Это Треysi. Она тихо напевала. Магвайр увидел, что малышка сидела одна. Она увлеклась песенкой, игравшей в надетых на голову наушниках.

— Где мамуля? — еле слышно спросил он.

— Она наверху,— ответила дочка, не снимая наушников.

Наверху... На середине лестницы он снова услышал лай собак в глубине сада. Что он может означать? Что эта мерзость там сделала?

— Ракель.

Он вряд ли слышал свой собственный голос. Ему показалось, что теперь он сам — одинокий призрак.

Вокруг стояла тишина. Спотыкаясь, он вбежал в ванную. Ему всегда нравилось смотреть в ее зеркало: мягкое освещение стирало с лица отпечатки лет. Но сейчас оно отказалось лгать. Он увидел отражение старого, измученного человека.

Он открыл боковой шкафчик и начал прощупывать полотенца, одно за другим. Он искал пистолет, припрятанный здесь на случай крайней необходимости. Вот он! Оружие немного успокоило его. Он проверил пистолет: все в полном порядке. Когда-то из этого ствола он застрелил Гласса. Почему бы ему не покончить и с новым воплощением ублюдка?

Он вошел в спальню.

— Ракель.

Ракель сидела на краю кровати, а Нортон расположился между ее ног. Они оба не раздевались, лишь одна грудь Ракели была обнажена, и Нортон ласкал ее ртом. Ракель оглянулась — тупо, как обычно, не понимая, что делает.

Магвайр выстрелил, не раздумывая.

Пуля вошла в ее открытый рот, и Ракель рухнула на кровать с внушительной дыркой в шее. Нортон, видимо чуждый некрофилии, бросился к окну. Вряд ли он понимал, зачем это делает, — ведь он не умел летать.

Пуля прошла его насквозь, пробив и оконное стекло.

Магвайр взглянул на распростертую жену: измена, окровавленное тело, потерянная любовь — все, что творилось в его душе, — это не имело теперь никакого значения. Он уже не способен переживать.

Пистолет выпал у него из рук.

Собаки больше не лаяли.

Выскользнув из комнаты, он тихо, чтобы не потревожить дочь, прикрыл за собой дверь.

Только бы не напугать девочку... Поднимаясь по лестнице, он увидел, что ее милое личико глядит на него снизу.

— Папуля.

Он пристально смотрел в ее глаза, не зная, как поступить.

— Там был кто-то у двери,— продолжала Трейси.— Я сама видела, как он проскочил за окном.

На нетвердых ногах он спускался вниз.

— Я открыла дверь, но там никого не оказалось.

Уолл. Должно быть, это Уолл. Уж он-то знает, как следует действовать.

— Он был высокий?

— Я не разглядела его. Я запомнила только лицо: оно еще бледнее, чем ты.

Дверь! Черт побери! Дверь! Если она не закрыла ее... Но было поздно.

Незванный гость уже стоял в прихожей. Его лицо кривилось в улыбке. Магвайр подумал, что ничего хуже в жизни не видел.

Это не Уолл.

Уолл был из плоти и крови — посетитель казался разорванной куклой. Уолл был угрюм — этот тип улыбался. Уолл означал жизнь, закон и порядок. Пришелец — совсем другое.

Сомнений нет, это Гласс.

Магвайр потряс головой. Девочка, которая не видела колеблющуюся на сквозняке фигуру, недоуменно спросила:

— Я что-то сделала не так, папа?

Ее слова еще звучали в воздухе, когда Ронни бросился в атаку. Он взлетел вверх по лестнице с неувимостью

тени. Он теперь и был тенью, окруженной трепетавшими языками рваной одежды. У Магвайра не осталось шанса на спасение. Инстинктивно защищаясь, он пытался найти слова оправдания, но рука Ронни — у савана осталась только одна рука, — обернутая полотном материи, схватила его за горло. Магвайр рефлекторно перехватил ее. Тщетно: рука быстрой змейкой проникла в сотрясаемую судорогами гортань и, разрывая пищевод, поползла к желудку. Магвайр чувствовал ее там: она вызывала ощущение чудовищной полноты, словно от сильнейшего переедания. Рука сотрясала стенки желудка, стремясь нащупать трубку кишечника. Магвайр был еще жив. Он не умер от удушья — так быстро все произошло. Он не понимал, чего добивался Ронни, а лишь чувствовал, как тот проникает в его внутренности — все глубже, все ниже. Наконец саван мертвой хваткой вцепился в основание прямой кишки. Крепко ухватив все, что можно было удержать, Ронни вытащил руку.

Он проделал это быстро, но Магвайру этот миг показался бесконечным. Он стонал от страшной боли рвущихся внутренностей, выходящих из горла. Весь мир, скрытый в его теле, оказался теперь снаружи. Он был покрыт смесью желудочного сока, кофе, крови и желчи.

Ронни потащил его за собой. Наверх. Еще выше. Опустевший живот прилипал к спине. Притянутый за хвост собственных внутренностей к верхней ступеньке, Магвайр был сброшен вниз. Он оказался там, где все еще стояла его дочь. Голова мертвого Магвайра была обмотана его кишками.

Ребенка, казалось, эта сцена ничуть не встревожила. Но Ронни знал, что дети скрывают свои чувства.

Дело сделано. Дрожа при каждом шаге, он начал спуск вниз. Малышку все же надо успокоить, если это возможно. Он попытался размотать закрутившуюся руку, чтобы коснуться девочки. Он дотронулся до руки ре-

бенка. Трейси молчала... Теперь ему оставалось только уйти с надеждой, что она забудет этот кошмар.

Трейси осталась одна. Она поднялась наверх, чтобы найти мать. Ракель не откликалась, и человек, лежавший на ковре у окна, тоже. Но у него имелась одна штука, которая привлекла девочку: толстая красная змейка, выглянувшая из его штанов. Трейси засмеялась — такая глупая смешная штука.

Она смеялась долго. Не умолкала даже тогда, когда в доме появился инспектор Уолл, как обычно не успевший вовремя. Смертельные танцы в доме Магвайра уже закончились, и Уолл радовался, что опоздал на эту вечеринку.

Саван Ронни Гласса все еще находился в исповедальне собора Святой Марии Магдалины, истрепанный до неузнаваемости. Ронни не чувствовал — ни в нем, ни в себе — никаких других желаний, кроме одного: покинуть это раненое тело. Покинуть его навсегда. Он больше не в силах оживлять мертвую материю. Он хотел исповедаться. Он страстно желал этого: рассказать Отцу, Сыну и Святому Духу обо всех своих грехах: тех, что он совершил или держал когда-либо в мыслях. Но отец Руни все не шел, и Ронни решил сам найти его.

Он открыл дверь исповедальни. Собор был почти пуст. Кто пойдет сюда в такой поздний час, когда можно готовить еду, покупать любовь и жить в свое удовольствие? Лишь молившийся в углу за своего сына грек-цветочник видел белую фигуру: пошатываясь, она приближалась к ризнице. Грек принял саван за наглого подростка, набросившего на голову грязную простыню, чтобы изобразить нищего бродягу. Цветочник, не терпевший неуважительного отношения к церкви, собрался отучить бездельника от глупых игр.

— Эй! — громко крикнул он.

Саван повернулся и взглянул на человека впавшими глазами, похожими на огромные дырки в теплом тес-

те. Грек застыл в немом оцепенении — столько скорби было в этом взгляде.

Ронни попробовал открыть дверь ризницы. Заперта. Он бился в нее изо всех сил, но никто не отворял.

— Кто там? — послышался испуганный голос священника.

Ронни молчал. Он не знал, что ответить на этот вопрос. Ему оставалось лишь стучать в дверь.

— Кто там? — В голосе отца Руни теперь звучала тревога.

«Исповедуйте меня! — хотел сказать Ронни. — Исповедуйте, ибо я согрешил».

Отец Руни занимался фотографиями для личной коллекции. С ним была его недавняя знакомая — Натали. Избалованная и легкомысленная девица, как ему говорили, но отец Руни не нашел ничего похожего. Чистый ангел, сама невинность... Четкие на шее волнообразно окаймляли ее полные груди. Эта девушка словно лишь недавно покинула монастырь.

Ручка двери перестала дергаться. «Ну вот и хорошо, — подумал Руни. — Придут попозже, если я им нужен. В мире нет ничего неотложного. Кроме...»

Ронни, пошатываясь, пошел к алтарю. Наконец-то он смог преклонить перед ним колени.

Цветочник поднялся на ноги в негодовании: безусловно, этот парень пьян. Но его не остановит жуткая маска этого хулигана. Бормоча под нос гневные слова на родном языке, грек подошел к склонившейся фигуре и схватил ее за грязную накидку.

Но под тканью не оказалось ничего. Абсолютно ничего.

Цветочник ощутил легкий трепет материи. Трепет жизни... Издав сдавленный крик, он отбросил саван и заметался в проходе. Наконец, оказавшись у дверей, он выскочил из церкви и убежал.

Саван лежал там, где его бросил грек. Неподвижный и скомканный. Ронни смотрел из глубины складок на

алтарь, сиявший даже в полумраке храма, едва освещенного огнями свечей. Здесь, у его подножия, Ронни и решил оставить последнюю иллюзию жизни. Без исповеди, но со спокойной душой, не страшась осуждения, его дух покинул измученное тело.

Час спустя отец Руни вышел из ризницы в сопровождении целомудренной Натали. Он выпустил ее из храма и прикрыл главную дверь. Глянул украдкой на помещение исповедальни — там было пусто. Пусто, и церковь пуста. Святая Мария Магдалина не слишком популярна.

Возвращаясь обратно в приподнятом настроении, он заметил у алтаря саван Ронни Гласса. Покрывало распростерлось на ступенях — кусок грязной материи. «Отлично, — подумал он. — Надо подобрать эту тряпку, чтоб пока прикрыть кое-какие лишние пятна на полу в ризнице».

Он поднес саван к лицу и сделал глубокий вдох. Сколько запахов: эфир, пот, собаки, человеческие внутренности, кровь, дезинфекция, пустые комнаты, разбитые сердца, цветы и потери. Восхитительно. «Это как трепет темной жизни Сохо», — подумал он. — Каждый день что-то новое. Бесчисленные преступления — не хватит океана святой воды, чтобы отмыть их. Любые пороки продаются на каждом углу, надо только знать, куда смотреть.

Он поднял саван.

— Бьюсь об заклад, тебе тоже есть что рассказать, — произнес он, гася свечи.

Его пальцы не чувствовали жара, они были объаты другим пламенем.

Узлы отпущения

Эту безжизненную груду камней, на которую швырнула нас волна прилива, островом называть не стоило. Слишком большая честь для этого проклятого места. Остров должен быть оазисом в море: зеленая трава, разная живность, мир, спокойствие и прочее в этом роде. Здесь же — ни птичек в воздухе, ни тюленей в воде... Право же, впечатление от подобного места можно выразить так: «Я был в самом сердце пустоты — и выжил».

— На карте его нет,— произнес Рэй, отмечая ногтем тот участок, где мы должны были, по его вычислениям, находиться.

Абсолютно ничего, пустое место, ровная голубая гладь океана. Не только птицы, но и картографы проигнорировали этот так называемый остров. Рядом с ногтем Рэя две стрелочки обозначали подводные течения, что должны относить нас к северу. Две крохотные полоски на голубой поверхности океана, пустынной и на карте, и в жизни.

Джонатан возликовал, как только обнаружилось, что наше пребывание в этой дыре — вина картографов, а не его. Островок нигде не обозначен, стало быть, Джонатан не несет ответственности за то, что мы выброшены на камни, которых по идее и быть не должно. Он счел себя полностью оправданным, и трагическое выражение его лица сменилось удовлетворенным, едва ли не радостным.

— Можно ли,— воскликнул он,— избежать опасности, не обозначенной на карте? А?

— Можно. Если у тебя глаза на месте,— буркнул Рэй.

— Но это произошло так неожиданно, Рэймонд, ей-богу. В тумане ничего не видно, и когда я обнаружил, что впереди что-то есть,— нас уже швырнуло на берег.

Да уж, это произошло неожиданно. Случилось все в тот момент, когда я готовила завтрак. Ни Анжела, ни Джонатан не имели особого рвения к кулинарии, и приготовление завтрака незаметно сделалось моей обязанностью. Впрочем, не важно... Так вот, я возилась с едой, когда «Эммануэль» вдруг дернулась и, проскрежетав днищем по каменистому берегу, остановилась. Несколько секунд полной тишины сменил галдеж голосов. Когда я выбралась на палубу, Джонатан по-идиотски улыбался и разводил руками, всем видом демонстрируя свою невиновность.

— Понятия не имею, что произошло! Только что мы шли своим курсом — и вот... р-раз!

— Черт побери, проклятье! — это Рэй выбирался из каюты, натягивая джинсы.

После ночи с Анжелой он выглядел прескверно. Я имела сомнительное удовольствие всю ночь слушать ее стоны во время оргазмов. Времяпрепровождение не из лучших.

— Понятия не имею... — начал Джонатан свою защитную речь сначала, но Рэй заткнул его с помощью нескольких отборных выражений.

Я удалилась с палубы и, прислушиваясь к ссоре, не без удовольствия отметила, как Джонатан вскрикнул и выругался — возможно, Рэй потерял самообладание настолько, что разбил противнику нос. Его великолепный крючковатый нос.

Кубрик походил на помойку: от резкого толчка то, что могло бы стать завтраком, оказалось на полу. Все вокруг было вымазано месивом из яиц, ветчины и то-

стов. Джонатан виноват — он пусть и убирает. Я налила себе стакан грейпфрутового сока, дождалась окончания ссоры и поднялась на палубу.

Рассвело всего пару часов назад, и туман, укрывший остров от внимания Джонатана, все еще окутывал солнце серой дымчатой пеленой. Если сегодня погода останется такой же, как и вчера, как и всю неделю нашего плавания, днем нас ожидает жара. По раскаленной палубе невозможно будет ходить босиком. Но сейчас еще клубился утренний туман, и я замерзла в своем бикини. Здесь совершенно не важно, во что ты одет, — никто не смотрит, а загар приобретаешь великолепный...

Но теперь мурашки бегали у меня по коже, и разумнее найти свитер. Ветра не было, но с моря тянуло холодком. Здесь все еще ночь, подумалось мне. Беспредельная, вечная ночь...

Натянув свитер, я снова поднялась на палубу. Рэй тщательно изучал разбросанные карты, склонившись над ними. Его спина шелушилась от солнца, а залысина, которую он пытался скрыть грязно-желтыми прядями, была явно видна. Джонатан, потирая нос, разглядывал берег.

— Боже, ну и место! — произнесла я.

Джонатан взглянул на меня, пытаясь выжать из себя улыбку. Бедняга, он не расстанется с иллюзией, что его обаяние способно заставить черепаху вылезти из панциря. В его оправдание приходится признать, что находились женщины, таявшие от одного его взгляда. Я к их числу не принадлежала, и это бесило его. Мне его еврейская красота казалась слишком слащавой. Мое равнодушие действовало на Джонатана, как красная тряпка на быка.

Снизу донесся сонный голос: к нам пожаловала Анжела, наша Королева побережья. Вытаращив глаза, она озирала местность, физиономия ее опухла от избытка красного вина. Волосы всклокочены. Ширли Темпл с пышным бюстом.

— Что случилось, Рэй? Где мы?

Рэй нахмурился и, не прерывая расчетов, ответил:

— Могу сказать одно: наш навигатор — тупой му-
дила.

— Я не знаю, как это вышло...— запротестовал Джонатан, явно рассчитывая на сочувствие Анжелы.

Его не последовало.

— Но где мы?!

— Доброе утро, Анжела,— произнесла я. Без ответа.

— Это что, остров? — задала она идиотский вопрос.

— Конечно, остров. Но понятия не имею, какой именно,— ответил Рэй.

— Возможно, Барра?

Рэй поморщился:

— Мы довольно далеко от Барры. И если ты позволишь мне восстановить наши следы...

Восстановить наши следы. В море. «Считает себя Иисусом Христом»,— подумала я, разглядывая берег. Сложно было оценить размеры острова: туман скрывал все вокруг. Возможно, где-то среди этих серых камней есть человеческое жилье.

Рэй поставил точку на карте в том месте, где мы должны находиться. Затем спрыгнул на берег и критически огляделся. Он сделал это больше для того, чтобы избежать общества Анжелы, чем для чего-то другого. Я к нему присоединилась. Камни были скользкие и неприятно холодили мои босые подошвы. Рэй похлопал «Эммануэль» по борту, подошел к носу, нагнулся и стал рассматривать обшивку.

— Надеюсь, пробоины нет,— сказал он.— Но я не уверен.

— Нас поднимет прилив,— заявил Джонатан, становясь в одну из своих картинных поз, руки на бедрах.— Мы всплывем. Ничего.— Он подмигнул мне.— Все будет отлично.

— Дерьмо всплывает,— прорычал Рэй.— Вроде тебя.

— Мы позовем кого-нибудь на помощь.

— Скажи, где ты возьмешь этого «кого-нибудь», кретин.

— А вот через часик туман рассеется, я пройду по острову и поищу людей.

Джонатан удалился.

— Я сделаю кофе, — вызвалась Анжела.

У нее эта операция займет час-полтора. Можно пойти прогуляться. Я побрела по берегу.

— Не уходи далеко, любовь моя! — крикнул Рэй.

— Конечно.

«Любовь моя», сказал он. Просто обращение. Два слова, не означающие ничего.

Солнце припекало, и я сняла свитер. Мои груди от загара стали коричневыми, как орехи. Подходящее сравнение: и размер примерно тот же... Ну и ладно, нельзя получить все сразу. Зато у меня есть парочка извилин, иногда неплохо работающих, чего не скажешь об Анжеле. У нее ситуация обратная: грудь порнозвезды и мозги курицы.

Солнце еще не выбралось из тумана, его лучи просачивались сквозь сизую дымку и окрашивали местность в унылые тона. Море, скалы, камешки на берегу утратили свои истинные цвета; все вокруг приобрело мерзкий оттенок переваренного мяса. Я не прошла и сотни ярдов, как этот вылинявший серый мир стал раздражать меня, и я повернула обратно. Неприятные чмокающие звуки справа: это вода колеблется и бьется о камни, крохотные волны расходятся по поверхности, методичное хлопанье приводит в уныние... Я начинала ненавидеть этот остров.

Когда я вернулась, Рэй возился с радио. Ничего, кроме белого шума, услышать не удавалось. Он занимался этим уже более получаса и теперь махнул на приемник рукой. Анжела соизволила принести завтрак. Состоял он из сардин, консервированных грибов и уцелевших тостов, однако подан был с претензией — будто перед

нами чудо, должное вызывать не меньшее восхищение, чем пять хлебов Иисуса. В любом случае, есть не хотелось. Это место отбивало аппетит.

— Не правда ли, забавно...— начал Джонатан.

— Весельчак ты наш,— не удержался Рэй.

— Забавно, что здесь такая тишина. Нет звуков моторов, ничего вообще. Сверхъестественно.

Тут он был прав. Нас окружало полнейшее безмолвие, тишина глубокая, давящая... Если бы не едва различимый плеск волн и звуки наших собственных голосов, можно было бы подумать, будто мы оглохли.

Я сидела на корме и разглядывала море. Оно было по-прежнему серым, но уже понемногу проступали другие цвета: зеленоватый, голубой, немного пурпурного... Вода выглядела заманчиво. Все лучше, чем сидеть среди кислых физиономий, решила я и объявила, что иду купаться.

— Не стоит, любовь моя,— ответил Рэй.— Я бы не советовал.

— Но почему?

— Течение, которое прибило нас сюда, очень сильное. Не стоит рисковать.

— Но приливной волной меня просто выбросит на берег.

— Мы не знаем, какие здесь еще течения. И не забывай о водоворотах. Может затянуть.

Я снова взглянула на море. На вид вполне мирное, однако Рэй прав: впечатление может быть обманчивым.

Анжела дулась из-за того, что к ее сногшибательному завтраку едва притронулись. Рэй ей подыгрывал. Он любит возиться с ней, нянчить и утирать сопли. Видимо, такие дурацкие игры доставляют ему удовольствие. Меня же от них тошнит. Нужно было помыть посуду, и я спустилась в кубрик. Вычистила тарелки, выбросила отходы в море через иллюминатор и долго смотрела, как расплываются на поверхности воды жирные пятна

от недоеденных сардин. Корм для крабов. Если здесь водится хоть один уважающий себя краб. Джонатан спустился ко мне, и было заметно, что он чувствует себя по-дурацки, несмотря на браваду. Он стоял в дверях, пытаюсь поймать мой взгляд, пока я кое-как мыла тарелки. Этому человеку нужно одно: заверение, что я не считаю случившееся его виной, а его самого — кретином. Но я молчала.

— Тебе помочь? — спросил Джонатан.

— Нет, — ответила я, стараясь, чтобы это не звучало слишком резко, — для двоих здесь мало места.

Он все же вздрогнул. Да, недавний эпизод сильно отразился на самооценке бедняги. Его уважение к себе было подорвано и требовало подкрепления.

— Послушай, — мягко начала я, — отчего бы тебе не пойти на палубу? Позагорай, пока не слишком припекает.

— Я чувствую себя дерьмом, — сказал он.

— Все произошло случайно.

— Полным дерьмом.

— Ты же говоришь, что нас поднимет приливом.

Он спустился ко мне. Для двоих действительно тесно; я почувствовала себя нехорошо — почти клаустрофобия. Его загорелое тело было слишком крупным для такого помещения.

— Я же сказала, Джонатан.

Он положил руку мне на затылок, затем опустил пальцы на шею, слегка массируя ее. Можно было отстранить его, но я не стала: зачем? Безразличие и усталость овладели мной. Возможно, действие этого места, этого воздуха... Другая его рука скользнула от моей талии к груди. Я оставалась равнодушной к маневрам Джонатана. Пускай, если он так этого хочет.

На палубе захлебывалась в истерическом смехе Анжела. Я явственно видела ее лицо. Она сейчас запрокидывает голову, встряхивая волосами, и хохочет... Джо-

натан расстегнул шорты, они упали на пол. Я позволила его губам припасть к моим, и язык, настойчивый, как палец дантиста, стал исследовать мои десны. Затем Джонатан стащил с меня бикини, отшвырнул его в сторону, пристроился поудобнее и вошел в меня.

Звук скрипнувшей ступеньки был негромким, но я уловила его и взглянула наверх. В дверном проеме за спиной Джонатана, глядя на его задницу и сплетение наших рук, стоял Рэй. Интересно, видит ли он, что я ничего не чувствую? Что я абсолютно бесстрастна и возбуждаюсь, только представляя вместо Джонатана его, Рэя,— его руки, спину...

Рэй беззвучно исчез из дверей, и через некоторое время (за которое Джонатан успел сказать мне, что любит меня, а Рэй — поведать Анжеле о том, что он увидел) с палубы раздался истерический гогот. Пусть эта сука думает что хочет — ее проблемы.

Джонатан продолжал свои труды, действуя умело и обдуманно, но вдохновения ему явно не хватало. Он сморщил лоб, как школьник, пытающийся решить сложную задачу. Кончил он внезапно, только еще сильнее скривился и сжал мои плечи. Он остановился, поймал мой взгляд, и на какое-то мгновение мне даже захотелось поцеловать его. Но Джонатан уже утратил свой пыл и отстранился, тяжело дыша.

— Я всегда тонко улавливаю момент,— пробормотал он и стал надевать шорты.— Скажи, тебе было хорошо?

Я кивнула. Хотя на самом деле мне было смешно. Все это очень смешно. Вдруг очутиться в несуществующем на карте месте с этим ребенком двадцати шести лет, Анжелой и человеком, которому абсолютно все равно, жива я или нет. Впрочем, как и мне самой. Почему-то всплыли перед глазами обеды, что я выкинула в море: они покачивались на поверхности, пока их не накрыла волна...

Джонатан поднялся по ступенькам. Я сварила кофе, постояла немного, глядя в иллюминатор, и тоже вышла на палубу. Рэй с Анжелой отправились осмотреть остров и поискать людей. Джонатан сидел на моем месте на корме и глядел в пространство перед собой. Чтобы что-то сказать, я заметила:

— Кажется, мы чуть поднялись.

— Ты думаешь?

Я поставила перед ним кофе.

— Спасибо.

— Где остальные?

— Обследуют местность.— Он растерянно взглянул на меня и добавил: — Я по-прежнему чувствую себя дерьмом.

Я увидела рядом с ним бутылку джина.

— Не рановато ли пить?

— Присоединяйся.

— Еще нет одиннадцати.

— Кому какое дело? — Он указал на море: — Смотри туда... да нет же! Туда, прямо за моим пальцем... видишь?

— Нет.

— Вон там, на грани тумана, появляется и исчезает... Опять!

Я действительно увидела что-то мелькнувшее в воде на расстоянии двадцати-тридцати ярдов от «Эммануэль».

— Похоже на тюленя.

— Не думаю.

— Солнце прогревает воду, Джонатан. Тюлени приплывают погреться на мелководье.

— Говорю тебе, это не тюлень. Оно как-то странно переворачивается...

— Возможно, обломок корабля?

— Черт его знает.

Он присосался к бутылке.

— Оставь на вечер.

— Хорошо, мамочка.

Несколько минут мы сидели в тишине. Тюлень — или что там это было — еще раз показался на поверхности воды, повернулся и исчез. «Через час,— подумала я,— начнется прилив и снесет нас с этого проклятого берега.»

Тишину нарушил крик Анжелы, донесшийся изда-лека:

— Эй! Ребята!

«Ребятами» она, видимо, назвала нас. Джонатан при-встал и, загоразвиваясь рукой от солнца, светившего уже довольно ярко, всмотрелся и произнес безразлично:

— А, она нам машет...

— Пусть машет.

— Ребята! — закричала Анжела снова.

Джонатан сложил руки рупором и проорал в ответ:

— Тебе чего надо?

— Идите сюда, увидите!

— Она хочет, чтобы мы что-то увидели,— обратился Джонатан ко мне.— Идем?

— Нет никакого желания.

— А здесь что делать? Пошли, мы ничего не теряем.

Мне действительно было лень шевелиться, но Джонатан схватил меня на руки и спустил вниз. От него разило джином.

Пробираться по камням оказалось непросто: слой серо-зеленой слизи делал их невероятно скользкими. Кроме того, у Джонатана имелись проблемы с равновесием. Несколько раз он падал, чертыхаясь; шорты его уже окрасились в оливковый цвет и порвались на заднице. Я тоже не балерина, но продвигалась более успешно, обходя большие камни и кое-как удерживаясь.

Каждые несколько ярдов приходилось перешагивать полосу разлагающихся водорослей. Я делала это сравнительно легко, а Джонатан, с трудом державшийся на ногах, шлепал прямо по вонючему месиву. Среди водо-

рослей валялись осколки бутылок, банки из-под «колы», останки крабов, щепки, в общем, полный набор всякого хлама. И мухи. Невообразимое количество жирных голубовато-зеленых мух, зудящих, карабкающихся друг на друга... Вот и первые живые существа, встретившиеся нам в этом милом местечке.

Неожиданно слева от меня началось какое-то непонятное движение: три-четыре камешка подпрыгнули в воздух и шлепнулись вниз; еще несколько пошевелились. Видимых причин этому явлению я не нашла. Джонатан ничего не заметил: у бедняги все силы уходили на сохранение вертикального положения... Опять камешки; теперь они подпрыгивали чуть выше, стучаясь друг о друга и всхлипывая при падении в воду... Прекратилось; затем снова — уже позади нас.

Из-за валуна показался Рэй.

— Есть жизнь на Марсе! — провозгласил он.

Мы подошли к нему. На лбу у меня выступили капельки пота, Джонатан выглядел и вовсе скверно. Он вытер лоб и пробормотал:

— Ну, и что же стряслось?

— Сейчас все увидишь, — ответил Рэй.

Он провел нас еще на несколько шагов вверх и обвел широким жестом местность.

Я испытала шок.

Перед нами предстал весь остров: каменный холмик не более мили в диаметре, гладкий, как спина кита: ни растений, ни животных, ни следа присутствия человека.

Но жизнь все же наличествовала, и это шокировало не меньше.

В самом центре островка среди голых серых валунов была ровная площадка, окруженная прогнившими трухлявыми столбами. Столбы обтягивала ржавая проволока, образуя примитивный загон, внутри которого валялась охалка травы и... стояли три серые овцы. Рядом с ними — Ангела.

— Овцы! — торжествующе произнесла она, поглаживая одно из животных по облезлому боку.

Джонатан оказался рядом с ней быстрее меня.

— Это как же?! — только и смог вымолвить он.

— Странно, не правда ли? — сказал Рэй. — Три овцы в столь неподходящем месте... Выглядят, кстати, пре-скверно.

Я не могла с ним не согласиться. Одна из овец, видимо, не имела сил подняться на ноги от изнеможения или болезни. Да и остальные едва стояли. Свалывшаяся шерсть кое-где выпала клочьями, обнажив розовую кожу, в уголках глаз скопился гной.

— Это жестоко, — заявила Анжела.

И она была права. Оставить бедных животных в таком месте, с единственной охапкой травы и застоявшейся водой в консервной банке... это походило на садизм. Кто совершил столь бессмысленный поступок?

— Я порезался. — Джонатан запрыгал на одной ноге, пытаясь разглядеть царапину не подошве другой. — На берегу, кажется, валялись стекла.

— Но они совсем не выглядят несчастными и испуганными, — отметил Рэй.

Действительно, овцы не пытались выйти за ограждение, не блеяли. Они просто смотрели в пространство перед собой с печальным философским видом, который говорил: да, мы обычные овцы, мы вовсе не ожидаем ничьей заботы, поддержки и человеческого отношения к себе. Просто овцы, ожидающие смерти.

Рэй утратил интерес к происходящему и побрел куда-то по берегу, пиная ногой жестянку.

— Мы выпустим их на свободу, — предложила Анжела.

Я проигнорировала ее идиотскую реплику. Что такое «свобода» здесь, в таком месте?

— Выпустим, верно? — настаивала Анжела.

— Нет.

— Но они же умрут!

— Кто-то поместил их сюда — значит, на то была причина.

— Но они УМРУТ!

— Они умрут на берегу, если мы их выпустим. Как ты могла заметить, здесь нет никакой пищи.

— Мы их покорим.

— Тосты и джин,— предложил Джонатан, который наконец вытащил осколок из своей подошвы.

— Не можем же мы их так оставить!

— Это не наши проблемы,— сказала я.

Я почувствовала тоску. Три овцы на груди камней. Кому какое дело, живы они или...

Но полчаса назад именно это я думала о себе! Черт возьми, у нас есть нечто общее. Почему-то заболела голова.

— Они умрут! — в третий раз повторила Анжела.

— Ты тупая сука,— произнес Джонатан. Спокойно, без раздражения или злости, просто констатируя факт. Я не смогла сдержать ухмылку.

Анжела дернулась, будто ее ужалили:

— Что-что?!

— Тупая сука. СУКА.

Взрыв негодования. Слезы на глазах. Дрожащие губы.

— Да ты... ты завез нас сюда!

— Видишь ли, я сделал это намеренно. Хочу посмотреть, нельзя ли оставить тебя здесь.

— Ты пьян!

— А ты дура. Но я-то завтра протрезвею...

Анжела размашистым шагом рванула вслед за Рэем, стараясь сдержать рыдания, пока не исчезла из нашего поля зрения. Мне стало ее в некотором роде жалко: легкая добыча.

— Ты бываешь редким ублюдком, Джонатан.

Он уставил на меня застывший стеклянный взгляд:

— Лучше будем друзьями. И для тебя я не буду ублюдком.

— Ну, меня-то не так просто напугать.

— Знаю.

Мне надоело это место, я решила вернуться на «Эммануэль».

— Эти долбаные овцы,— произнес Джонатан.

— Они не виноваты.

— Виноваты! Посмотри на их гнусные морды...

— Я пойду. Надоело.

— Тупые твари.

— Ты остаешься?

Он схватил меня за руку:

— Не уходи.

— Здесь слишком жарко.

— Не так уж. Мы пристроимся на этом плоском камне, и никто не помешает.

— Ты уверен?

— Имеешь в виду Рэя? Нет, он не придет. Мы неплохо проведем время.

Он медленно потянул меня к себе. Жаркое дыхание напомнило сегодняшнее утро, кубрик, его страстный шепот... Замкнутый круг. А что еще делать в такой замечательный денек, как сегодня? Плестись по кругу, как овцы в загоне. Жрать, спать, трахаться.

Впрочем, на сей раз Джонатана постигла неудача. Джин дал о себе знать. С таким же успехом бедняга мог бы орудовать спагетти. Джонатан отвалился от меня, обессиленный, повторяя непристойные ругательства, в данном случае потерявшие всякий смысл.

— Не переживай,— посоветовала я.

— Отвали.

— Пустяки, не стоит...

— Ч-черт...

Он уставился на свой член; ей-богу, будь у Джонатана сейчас нож в руках — он отрезал бы его и бросил на камни.

Я оставила Джонатана изучать самого себя и направилась к «Эммануэль». Меня поразила еще одна деталь,

до сих пор не замеченная: мухи не взлетали в воздух передо мной, а продолжали ползать, позволяя себя давить. Что-то ненормальное и противоестественное было в их суицидальном поведении. Сотни маленьких жизней исчезали под моими подошвами, а рядом продолжали копошиться и зудеть тысячи других насекомых...

Туман рассеялся окончательно, и по мере того, как воздух прогревался, остров преподнес новый прескверный сюрприз: запах. Сладковатый и тошнотворный, какой может издавать огромное количество гниющих червивых персиков, он проникал в меня не только через ноздри, но и, казалось, через поры. Но помимо этого тягуче-приторного сиропа ощущалось и нечто похуже. Подобная вонь могла бы исходить от кадки с прогнившим мясом, от отходов скотобойни — потроха с запекшейся кровью вперемешку с клочьями сала. Должно быть, так пахнут высыхающие на камнях водоросли, решила я. Хотя никогда ни на одном побережье ничего похожего не было...

Я уже прошла половину пути, осторожно ступая по скользким камням и зажимая нос, когда сзади послышался шум. Торжествующие вопли Джонатана заглушали бление овец, но я сразу поняла, что натворил перепившийся кретин, и развернулась обратно. Было уже поздно спасать одну из овец, однако я могу удержать этого урода от убийства двух оставшихся. Я еще не видела загона, скрытого за большими серыми валунами, но слышала дикий рев Джонатана и звуки ударов. И знала, что именно произошло, еще до того, как картина предстала во всем своем безобразии.

Загон покраснел от крови. Две овцы в ужасе шаркались из одного угла в другой, натыкались друг на друга и жалобно бляли: воплощение страха и беспомощности. Над третьей овцой стоял Джонатан, сжимавший в руке камень. У него была эрекция.

Бедное животное содрогалось в конвульсиях. Передние ноги подогнуты, задние вытянуты, глаза помутне-

ли. Череп разбит, кровь и мозг разбрызганы по камням. Джонатан нанес еще один удар, и брызги вновь разлетелись во всех направлениях. Я ощутила их на своей коже... Этот человек напоминал сейчас сомнамбулу; безусловно, он был не в себе. Обнаженное тело запачкано кровью, как халат мясника в конце рабочего дня. Лицо, тоже перепачканное, искажено безумной гримасой.

Овца дернулась в последний раз и умерла. Она упала почти комически, как картонная фигурка в тире... Джонатан ухмыльнулся. Не этой ли улыбкой он очаровывал своих поклонниц? Сейчас на его лице, испачканном кровью жертвы, было написано ликование дикаря. Животная радость недочеловека, готового к совокуплению и к убийству... Однако разум стал возвращаться к Джонатану. Усмешка исчезла.

— О боже! — пробормотал он и содрогнулся.

Затем его вырвало. Непереваренные тосты и джин полились на траву. Джонатана трясло. Я не шелохнулась, мне не хотелось его успокаивать, приводить в чувство, утирать сопли — какого черта? Я повернулась и пошла прочь.

— Франки! — позвал он.

Я не стала оборачиваться. Овца мертва, ей уже ничем не помочь, и все, что я могу, — поскорее уйти отсюда и постараться выбросить эту сцену из головы.

— Франки.

Я шла настолько быстро, насколько возможно было идти по склизкому берегу. Скорее на «Эммануэль», в относительную чистоту и спокойствие. С меня хватит.

Опять эта чудовищная вонь! Тяжелый запах стоял в воздухе, проникал сквозь поры, одурманивал... Дикий, сумасшедший, отвратительный остров. Невыносимый остров. Ненависть ко всему окружающему переполняла меня. «Эммануэль» была уже близко, когда...

Опять камни. Слева дернулся и покатился по берегу внушительный булыжник. Я остановилась и, баланси-

руя на скользкой поверхности, наблюдала странное явление. В голове зашумело. Камень остановился и столкнулся с места другой, побольше, и тот подпрыгнул в воздух; соседние тоже зашевелились. Может, какое-нибудь животное под камнями двигало их? Нечто вроде краба? Я пошла дальше, уже не обращая внимания на непрекращающееся движение сзади... Впрочем, если честно, я почувствовала страх.

Анжела и Рэй загорали на палубе. Рэй увидел меня и, прищурившись от яркого света, сообщил:

— Через пару часов можно заставить эту стерву приподнять свою тяжелую задницу.

Мне сначала показалось, будто речь идет об Анжеле, и лишь затем я осознала — он имеет в виду наше судно.

— Позагорай пока с нами, — предложил Рэй.

— С удовольствием.

Анжела либо спала, либо игнорировала меня. Ее право. Я устроилась на палубе и стала принимать солнечную ванну.

Кое-где на коже остались пятнышки крови. Как веснушки. Я лениво соскребла их. Море успокаивающе шумело и плескалось вокруг; рядом шелестел страницами Рэй. Он проглядывал книгу о Гебридах, которую захватил из дому.

Чуть прикрыв веки, я глядела на солнце. Мама всегда говорила мне, что так можно дырку в глазу прожечь. Но я этого не боялась. Наоборот — живое горячее солнце поможет мне, выжжет мерзкий холодок в самом низу живота. Не знаю, откуда пришло это ощущение.

Дальше по берегу, на некотором расстоянии от нас, спускался к воде Джонатан. Он походил на облезлое чудище из-за смеси белых и бурых пятен на коже. Он шел отмываться от овцы.

— О боже.— Голос Рэя звучал очень спокойно.

Слишком спокойно; я сразу поняла, что новости будут не из лучших.

— Что случилось?

— Я обнаружил, где мы находимся.

— Хорошо.

— Хорошего мало...

Я села, повернувшись к нему:

— Отчего же?

— Здесь, в книге. Параграф, посвященный этому месту.

Анжела приоткрыла один глаз:

— И что?

— Это не остров. Это могильная насыпь.

Мой озноб усилился. Солнце не могло унять его. Я взглянула на пляж: Джонатан все еще плескался. Камни побережья показались мне тяжелыми и черными, их густые тени давили на лица... повернутые к небу лица... Джонатан помахал мне рукой. Трупы под камнями. Лицами к солнцу. Монохромный мир: свет и тьма. Залитые солнцем булыжники и их черные тени. Жизнь на вершине, внизу — смерть.

— Могила? И чья же? — поинтересовалась Анжела.

— Военные захоронения.

— Викинги, или что-то в этом роде?

— Нет. Первая мировая война, потом Вторая. Солдаты с торпедированных кораблей. Моряки. Их занес сюда Гольфстрим. А потом останки вымывало на окрестные острова.

— Вымывало?!

— Здесь так сказано, в этой книге.

Джонатан, почти чистый, пристально вглядывался в море, прикрываясь рукой от солнца. Я проследила за его взглядом. В сотне ярдов от нас тюлень — или что там это было — опять высовывался из воды и нырял, иногда выбрасывая вверх что-то коричневатое... как рука пловца... и наконец исчез в воде.

— И как много народа захоронено? — лениво спросила Анжела.

Кажется, тот факт, что мы ходим по трупам, ее не слишком взволновал.

— Возможно, сотни.

— Сотни?

— В книге сказано просто: «многие».

— Они в гробах?

— Откуда я знаю!

Правильно, чем еще могло оказаться это проклятое место. Я осмотрела остров новыми глазами: теперь нашлись причины испытывать отвращение к его голым валунам, убогому вонючему берегу...

— Интересно, как их хоронили? — развивала тему Анжела. — Наверное, на возвышении, где мы нашли овец. Вдали от воды.

Да уж, воды покойникам хватило. Я видела, стоило закрыть глаза, их изъеденные рыбами лица, прогнившие клочья плоти, в пустых глазницах комья водорослей. Какая ужасная смерть! И путешествие после смерти, долгое, не менее ужасное. Вдоль Гольфстрима, через пролив, рядом с телами других таких же солдат: бывшие враги плыли рядом, смерть уравнила всех, каждый сделался игрушкой волн. Волны качали и несли разлагающиеся тела, пока прилив не выбрасывал их на берег — и море утрачивало свою власть...

Я ощутила непреодолимое, почти болезненное желание пройтись по берегу. По-иному, уже вооруженная знанием об острове, взглянуть на эти валуны. Возможно, увидеть кое-где между ними белеющие кости. Тело мое приняло решение раньше, чем мозг: я уже стояла на ногах, уже перелезала через борт.

— Ты куда? — спросила Анжела.

— К Джонатану. — пробормотала я и спрыгнула вниз.

С запахом теперь ясно: так пахнет смерть. Мухи изменили свое поведение — теперь они взлетали из-под ног, не переставая назойливо жужжать, перепрыгива-

ли на соседние булыжники... Под ними, наверное, лежат не только солдаты: неосторожный яхтсмен и неудачливый рыбак тоже могли найти здесь последний приют. Мухи роились тут и там, покрывая все сплошным шевелящимся ковром.

Джонатана не было. Шорты его валялись на берегу, но сам он исчез. Я внимательно вгляделась в море: ничего.

— Джонатан!

Мой голос растревожил мух, они взлетали унылыми роями в воздух и вновь опускались. Ответа не последовало.

Я побрела вдоль берега, шлепая босыми ногами по воде. Рэй с Анжелой так и не узнали об убийстве овцы. Пусть это будет тайной четырех: меня, Джонатана и двух оставшихся овечек. Вот и он, в нескольких ярдах передо мной. Идеально вымыт, ни малейшего следа недавнего происшествия — да, теперь оно останется в секрете.

— Где ты был?

— На прогулке,— ответил он.— Выветривал.

— Выветривал что?

— Излишки джина,— улыбнулся Джонатан.

Я послала ответную улыбку, краем глаза отметив шевеление камней за его спиной. Джонатан находился уже ярдах в десяти от меня, он шагал уверенной походкой трезвого человека. Движение камней неожиданно показалось мне ритмичным и слаженным. Это не серия случайных подскоков и ударов; чувствовалась некая скоординированность.

Не случайность — намерение.

Не возможность — цель.

Не камни — мысли. Под камнями, передвигая их и бросая...

Джонатан был совсем близко. Его обнаженное тело ярко освещали солнечные лучи, кожа почти светилась,

ее белизну оттеняло и подчеркивало темное пятно сзади... Стоп! Что это?!

Огромный камень парил над землей, презирая силу тяжести, за спиной Джонатана, медленно поднимаясь до уровня его головы. Валун величиной с ребенка, не меньше, висел, чуть покачиваясь в воздухе. Подготовительное подбрасывание камней дало результат, усилия многих объединились в одно, чтобы раскатать эту машину, оторвать от поверхности и швырнуть в Джонатана. Я хотела крикнуть — и не могла. Из горла, перехваченного страхом, не вырвалось ни звука. Неужели он не видит?!

Джонатан широко улыбнулся. Он думал, что странное выражение моего лица — реакция на его наготу. Он видел, как...

Камень снес ему разом полголовы, оставив его рот раскрытым в ухмылке и швырнув в мою сторону брызги крови и красную пыль. Верхняя половина черепа оказалась на валуне. Похоже, теперь он готовился опуститься на меня. Я пошатнулась, почти упала... Вдруг камень повернул в сторону моря и, мгновение поколебавшись, шлепнулся в воду.

Я все еще не могла кричать, хотя для сохранения здравого рассудка нужно было скорее избавиться от кошмара. Пусть кто-нибудь услышит меня, заберет, уведет из жуткого места, пока шевелящиеся булыжники снова не обрели свой ритм. Ритм убийства. Или, что еще хуже, пока хозяева острова не раздвинули землю и не протянули ко мне истлевшие руки... О боже! Я не могла выдавить из себя ни звука и слышала только одно — стук шевелящихся камней, которыми сейчас нас забросают до смерти...

И вдруг — голос:

— Скажите, ради бога...

Мужской голос, но это не Рэй. Я обернулась. Он словно появился из воздуха: низкорослый крепкий человек

с плетеной корзиной в одной руке и охалкой сена в другой. Корм для овец, поняла я сразу, еще до того, как мысль оформилась в слова. Корм для овец.

Вода у моих ног была красной. Кровавый след вел к телу Джонатана, расprostертому на берегу. Я машинально отступила.

— Бога ради,— с сильным акцентом повторил неизвестный,— что происходит?!

Он смотрел то на меня, то на безжизненное тело с раскрытым черепом и широко раскрытыми, полными недоумения глазами.

Не знаю, что я отвечала и отвечала ли вообще. Возможно, указала в сторону загона. Так или иначе, он понял, что я хочу сказать, и поспешил наверх, роняя по дороге сено. Я последовала за ним, спотыкаясь и ничего не различая перед собой. Прежде чем я добралась до валунов, я увидела незнакомца. Он возвращался. Медленно, очень медленно, будто ноги перестали его слушаться. Лицо искажено ужасом.

— Кто это сделал?!

— Джонатан.

Я, не поворачиваясь, указала рукой назад, на труп. Мужчина выругался, вытер покрытый испариной лоб и закричал на меня:

— Что вы наделали? Нет, вы понимаете, что вы наделали?! Убить их овцу!

— Всего лишь овца,— растерянно произнесла я.

Перед глазами снова и снова, как на закольцованной киноплёнке, прокручивалась сцена убийства Джонатана. Я не могла это прекратить. Размозженный череп, брызги крови, красный ручеек у моих ног.

— Как вы не понимаете!

— Что?

— Это их овцы... Они требовали даров, иначе они встанут...

— Кто они? — спросила я, заранее зная ответ.

— Все они. Похороненные без почестей, без отпевания. В них живет шум моря...

Неожиданно я поняла, о чем он говорит. Ритм моря, именно так. Все ясно. Мертвецы, как я уже знала, захоронены прямо под этими камнями. Но море в них и они не могут лежать спокойно. Овцы были чем-то вроде жертвоприношения. Предоставленные в распоряжение хозяев острова.

Мясо? Нет, конечно. Просто символ. Жест памяти. Поминовения усопших.

— Все погибло,— продолжал мужчина.— Теперь все погибло.

Снова стук камня. Бесконечное число ударяющихся друг о друга камешков, шлепанье падающих в воду булыжников... И сквозь эту какофонию — треск ломающихся досок и крики.

Волна камней на другой стороне острова взмывала в воздух — и падала... Душераздирающие крики снова неслись с той стороны, где находилась «Эммануэль». И Рэй.

Я бросилась бежать. Сзади топали тяжелые башмаки зрителя. Берег шевелился под нашими ногами, как спина чудовища. Впереди взлетали, словно тяжеловесные, жирные птицы, булыжники. Заслоня собой солнце, задерживаясь в воздухе на мгновение, чтобы затем обрушиться на некую невидимую мишень. Возможно, на судно. Или на тех, кто находился на нем.

Дикие вопли Анжелы прекратились.

Я опередила зрителя на несколько шагов и первая увидела «Эммануэль». Все надежды тут же рассеялись: то, что осталось от нашего суденышка, а стало быть, и от моих приятелей, уже не спасти. Нескончаемый град разнокалиберных камней обрушивался на палубу. Иллюминаторы разбиты, всюду поблескивают осколки стекла. На бортах крупные вмятины. На искрошенной палубе лежала Анжела. Несомненно, мертвая... Обстрел

не прекращался: камни выбивали барабанную дробь на корме, падали на безжизненное тело, заставляя его дергаться, словно под током.

Рэя нигде не было.

Я закричала.

Атака прекратилась на мгновение, затем возобновилась с новой силой. Целые тучи прибрежных булыжников, покрытых зеленовато-серой слизью, срывались с мест, взлетали и опускались, поражая мишень... Казалось, этому не будет конца, пока «Эммануэль» не превратится в щепки, а остатки Анжелы — в мелкие хлопья, корм для креветок...

Смотритель схватил меня за руку и сжал пальцы так, что я дернулась от боли.

— Идем! — сказал он. Я слышала и, кажется, понимала, что он обращается ко мне, но оставалась на месте. — Идем же, скорее!

Я вглядывалась в груды камней, заваливших «Эммануэль», чтобы увидеть среди них Рэя или услышать его голос, зовущий на помощь. Тщетно. Очевидно, он погребен под завалом, ничто уже не поможет. Поздно, слишком поздно...

Смотритель потащил меня за руку по берегу.

— Лодка, — говорил он, — моя лодка. Мы уплывем на ней.

Мысль о спасении показалась мне дикой. Мы пленники этого острова, бесполезно бежать или прятаться.

Однако я машинально следовала за этим человеком, спотыкаясь, ничего не чувствуя и не осознавая.

Впереди виднелась его жалкая надежда на спасение: весельная шляпка, вытащенная на гальку. Крохотная скорлупка — и в ней мы сумеем отсюда уплыть? Я не верила в успех предприятия — мне словно предложили плыть в решете. С каждым шагом казалось все очевиднее, что берег вот-вот поднимется и накроет нас. Встанет стеной или образует башню, замуровав нас наве-

ки,— сыграет любую шутку на выбор. Или мертвые не любят игр и действуют математически точно, выверяя каждый шаг?

Так или иначе, стена не воздвиглась. Последние несколько метров наблюдатель тащил меня, не имевшую сил сопротивляться, а потом запрыгнул в лодку. Ничего не произошло; и атака на «Эммануэль» прекратилась. Все стихло. Или хватило трех жертв? Или присутствие этого ни в чем не повинного человека убережет меня от мести мертвецов?

Мы немного покачались на волнах, а когда глубина под лодкой сделалась достаточной для весел, стали грести. Мой спаситель сидел напротив, и я видела, как с каждым гребком капли пота выступают на его лице: он старался изо всех сил.

Берег постепенно удалялся. Нас отпустили. Смотритель, похоже, чуть расслабился. В несколько мощных гребков он преодолел полосу грязной воды, глубоко вздохнул, откинулся назад и сел поудобнее.

— Однажды,— заговорил он,— это должно было случиться. Так всегда бывает: кто-то ворвется в твою жизнь и нарушит ее привычное течение.

Его спокойный низкий голос и монотонный треск весел усыпляли меня. Хотелось завернуться в брезент, на котором мы сидели, и отключиться.

Берег стал тонкой, едва различимой линией. «Эммануэль» уже скрылась из виду.

— Куда мы направляемся? — спросила я.

— В Тайри. Посмотрим, как можно исправить положение. Надо что-то предпринять, чтобы успокоить их. Этот случай с овцами...

— Но разве покойники едят мясо?

— Нет, зачем же. Овцы — дань усопшим. Знак памяти.

Я кивнула. Именно это пришло мне в голову несколько минут назад.

— Так мы отпеваем их и воздаем посмертные почести.

Он оставил весла, слишком утомленный, чтобы грести или закончить начатое объяснение. Течение несло нас.

Прошло несколько минут полной тишины.

Затем о лодку кто-то поскребся.

Звук, какой бывает от мышей. Или — какой издает человеческий ноготь, скребущий по дереву. Но не один — много прогнивших, просоленных ногтей царапали днище, словно просили пустить их в лодку.

Мы замерли. Не двигались, не говорили, не верили уже ничему.

Какой-то всплеск неподалеку от лодки заставил меня обернуться. Я увидела Рэя. Он словно шел по воде, протянув руки вперед, будто желал уцепиться за борт. Кукла, марионетка, передвигаемая невидимыми хозяевами. Рэй выглядел ужасающе: один глаз закрыт, другой выбит, всюду раны и кровоподтеки. В метре от нас его отпустили, и тело пошло ко дну, окрашивая воду в розовый цвет.

— Твой друг? — спросил смотритель.

Я кивнула. Поскребывание прекратилось. Тело Рэя исчезло в воде. Ни звука вокруг, только тихий плеск волн.

— Гребите! — закричала я. — Скорее, или они убьют нас!

Но мой попутчик, похоже, смирился с происходящим. Он покачал головой и устался в море. Прямо под нами что-то двигалось в толще воды, ворочались бесформенные светлые массы — слишком глубоко, чтобы рассмотреть их. Понемногу картина прояснилась: вверх всплывали мертвецы. Стаи трупов с изъеденными лицами и прогнившей плотью поднимались к поверхности, чтобы заключить нас в объятия. Они приближались. Уже были видны клочья мяса, кое-где прикрывавшие скелеты, пустые глазницы...

Лодка мягко качнулась в их руках. Выражение смирения так и не исчезло с лица зрителя, когда лодка качнулась сильнее, затем еще и еще. И вот мы уже болтались в ней, как куклы, совершенно беспомощные.

Они хотели перевернуть нас — и сделали это через несколько мгновений дикой качки.

Вода оказалась ледяной. Гораздо холоднее, чем я ожидала. От этого перехватило дыхание. В общем-то, я неплохо плавала и сразу же уверенно и энергично направилась прочь. Моему попутчику повезло меньше: как многие люди, всю жизнь прожившие на море, он не умел плавать. Он пошел на дно, не испустив ни крика, ни стоны, едва очутился в воде.

На что же я надеялась? На то, что четырех жертв достаточно? Что течение унесет меня из этого ужасного места?

В любом случае, надежды быстро умерли.

Легкое, нежное прикосновение к лодыжке... Чьи-то пальцы трогают мою ступню... Что-то серое, как спина большой рыбы, рассекло поверхность впереди, но разглядеть я не успела. Прикосновение превратилось в цепкий захват, и меня повлекли на дно. Медленно и неотвратно погружалась я в воду, уже зная, что вот этот глоток воздуха и был моим последним вздохом... В ярде от меня покачивался Рэй. Я видела его искаженное давлением лицо и нервы, торчащие из выбитого глаза, подобно проводам... Во всех подробностях можно было рассмотреть раны: уродливые разрывы ткани с белеющей под ними костью. Волосы прилипли к голове, демонстрируя залысину, которую Рэй столь тщательно скрывал...

Вода сомкнулась над моей головой. Воздух вырвался из легких и серебряными пузырьками взмыл вверх. Рэй был рядом — внимательный, сочувствующий. Руки его были подняты, словно мы собирались сдать в плен.

Я позволила этому произойти. Открыла рот и глотнула воду. Небо обожгло холодом, и вода ворвалась в

меня, вытесняя воздух из легких, промывая внутренности крепким соленым раствором. Вот и все.

Внизу два полуистлевших трупа держали меня за щиколотки. Головы их болтались, едва держась на голых шейных мускулах, клочья плоти отслаивались от костей, но рты застыли в сладострастном оскале. Они хотели, о, как они хотели меня...

Рэй тоже обнимал меня, прижимая свое изуродованное и распухшее лицо к моему лицу. Вряд ли во всех этих жестах был особый смысл. И я, с каждой секундой теряя жизнь, принимая в себя море, понимала, что не буду больше наслаждаться плотской любовью. Ни дышать, ни чувствовать, ни смеяться...

Поздно, слишком поздно. Солнечный свет стал воспоминанием. Эта тьма вызвана смертью или на такую глубину лучи не проникают?

Паника ушла. Сердце уже не билось. Странное ощущение абсолютного безбрежного покоя овладело мной; расслабленными стали и улыбки моих новых товарищей. Тишина и покой. Время здесь не имеет значения, дни складываются в недели, в месяцы. Иногда киль корабля рассекает поверхность или стайка путливых рыбок сверкнет и исчезнет — редкие знаки жизни в царстве смерти. Рэй со мной, он будет со мной всегда. Море медленно влечет нас к острову. Там, наверху, осталась наша прошлая жизнь — Анжела, Джонатан, «Эммануэль» — все это теперь не имеет смысла. Все прошло. Только мы лежим под камнями лицами вверх, и успокаивает нас ритм волн и бессмысленность мирно пасущихся овец.

Человеческие останки

Одни предпочитают работать днем, другие — ночью. Гевин предпочитал второе. Зимой и летом, прислонясь к стене или позируя в дверном проеме, с огоньком сигареты у губ, он предлагал желающим самого себя.

Порой его покупала вдова, у которой денег было больше, чем любви. Она забирала Гевина на уик-энд, заполненный бесконечными встречами, вечеринками, поцелуями и — если почивший супруг был уже забыт — кувырканием на супружеском ложе, пропахшем лавандой. Или распутный муж, склонный к собственному полу, жаждал провести часок с мальчиком, не спрашивавшим его имени.

Гевина ничто не волновало. Безразличие было его стилем, частью его привлекательности. И оно помогало прощаться с ним. Все позади, деньги уплачены, а бросить «пока» или «увидимся» в лицо тому, кого не волнует, жив ты или мертв, очень легко.

Это занятие Гевину нравилось. В одном случае из четырех даже удавалось получить физическое удовольствие. Худшее, что могло его ожидать, это жесткий секс, потные тела и безжизненные глаза. Но он уже привык ко всему.

Таким было ремесло, державшее Гевина на плаву.

Днем, прикрываясь от света руками, он спал в своей уютной кровати, завернутый в простыни так, что его

можно было принять за мумию египетского жреца. Около трех он вставал, брился, принимал душ. Затем по полчаса придирчиво разглядывал свое отражение в зеркале. Он был болезненно самокритичен и никогда не позволял своему весу отклониться хотя бы на пару фунтов от идеала. Гевин умащал кожу маслами, если она казалась сухой, и подсушивал, если она жирно поблескивала, охотился за каждым прыщиком, выскочившим на гладкой щеке.

Он заботливо следил, не появлялись ли малейшие признаки венерических болезней — только такие любовные недуги ему грозили. Подцепленные где-то вши были быстро выведены, но гонореей он заразился уже дважды, что лишило его двух недель работы и дурно сказалось на положении дел. Так что у него были основания сломя голову бежать в клинику при малейших подозрениях на сыпь.

Но такое случалось нечасто. Приблудные вши были явно лишними в получасовом сеансе самолюбования: сочетание его генов дало восхитительный результат. Он был прекрасен. Ему это говорили не раз. Прекрасен. Господи, какое лицо! Сжимая Гевина в объятиях, люди словно приобщились к его сиянию.

Конечно, можно найти и других красавцев, хотя бы через соответствующие агентства или прямо на улице, если знаешь, где искать. Но лица других мальчиков не были так совершенны. Они напоминали скорее наброски, чем законченные полотна — процесс, а не результат работы природы. Гевин явился венцом ее творения. Все было сделано до него, ему требовалось лишь сохранить совершенство.

Завершив осмотр, Гевин одевался, иногда останавливался перед зеркалом еще минут на пять... и отправлялся торговать своими сокровищами.

Теперь он все реже работал на улице. Ему везло. С одинаковой легкостью удавалось избежать ненужных

встреч с полицией и психами, мечтавшими разогнать «этот Содом». Можно было позволить себе не напрягаться и искать клиентов через эскорт-агентство, отбивавшее значительную долю прибыли.

Естественно, он имел и постоянных клиентов. Вдова из Форт-Лодердейла всегда нанимала его для своих ежегодных европейских путешествий. Часто появлялась дама, подозревавшая его однажды в роскошном магазине: она желала всего лишь пообедать с ним да между делом пожаловаться на мужа. Был еще господин, которого Гевин называл по марке его автомашины — Ровер. Этот навещал юношу каждые несколько недель, чтобы провести ночь в поцелуях и признаниях.

Но чаще случались вечера, когда не связанный предварительными договоренностями Гевин был предоставлен самому себе. Вряд ли кто-то другой из работавших на улице лучше изучил немой язык приглашения. Этим искусством Гевин овладел в совершенстве: смесь неуверенности и развязности, застенчивости и бесстыдства. Еле заметное движение ног, предоставляющее все его выпуклости в лучшем свете. Но с достоинством — никакой вульгарности. Просто ненавязчивое предложение, не больше.

Подчас на это хватало пяти минут. Во всяком случае, никак не больше часа. Хорошо играя свою роль, ему удавалось очень быстро убедить печальную женщину или сентиментального мужчину накормить его (иногда чуть-чуть приодеть), уложить в кровать и предложить полноценную ночь, что заканчивалась обычно до отхода последнего поезда метро в Хаммерсмит. Времена получасовых свиданий с пятью клиентами за вечер отошли. В голове Гевина роились честолюбивые мечты. Сейчас — уличный мальчик, скоро — жиголо, потом — любовник на содержании, и наконец — муж. Однажды, это точно, он женится на одной из этих вдов. Может быть, на миллионерше из Флориды. Та частенько говорила ему, как славно он смотрелся бы, загорая после купания в ее

бассейне в Форт-Лодердейле. Эта фантазия запала ему в душу. Даже если и не Флорида, то что-то похожее. Ранно или поздно он там окажется. Проблема лишь в том, что все эти богатые ягодки требовали долгой возни, а многие из них умирали раньше, чем его усилия приносили плоды.

Еще один год. Всего лишь год — определенно что-то должно произойти. Что-то чудесное принесет эта осень, он чувствовал.

Он продолжал обдумывать свои шансы. От напряжения на лбу образовалась неглубокая складка, которая его, впрочем, только украшала.

Была четверть десятого. Промозглый вечер двадцать девятого сентября. В этом году бабье лето не позолотило улицы — беспощадная осень быстро вцепилась в Лондон своими когтями и безжалостно терзала усталый город. Ее сырое дыхание чувствовалось даже здесь, в просторном фойе отеля «Империял».

Холод сверлил зубы, его несчастные больные зубы. Если бы он сходил к дантисту, вместо того чтобы лишний час проваляться в постели, жизнь теперь не казалась бы адом. Ну что ж, сегодня уже слишком поздно, но завтра... Завтра он не пожалеет времени. И плевать на очередь. Он улыбнется секретарше, та смягчится и пролепечет, что постарается найти для него возможность. Еще одна улыбка: секретарша вспыхнет, и окажется, что нет никакой нужды ждать две недели, как ждут эти несчастные бедняги с серыми лицами.

А сегодня с болью уже ничего не поделать.

Все, что требовалось сейчас Гевину, — какой-нибудь неудачник, который щедро заплатит за то, что у него возьмут в рот. Если все пойдет путем, уже к половине десятого можно будет забыться в одном из ночных клубов Сохо.

Но сегодня была не его ночь. За конторкой «Империяла» сидел новый портье: худое потрепанное лицо под

фуражкой, неуклюже сидящей на макушке. Он косился на Гевина уже полчаса.

Его предшественник Мэдокс был из тех, к кому без особого труда можно подобрать ключик. Он стал марionеткой в руках Гевина, узнавшего о том, что тот подчищает гостиничные бары. Пару месяцев назад Мэдокс даже заплатил за общество Гевина, уступившего ему полцены в своих же интересах. Но новичок, судя по всему, не интересовался мужчинами и был опасен. Гевину стало немного не по себе.

Он лениво направился к сигаретному автомату, произвольно следуя звукам мелодии, вырывавшейся из чрева древнего музыкального аппарата. Черт бы побрал эту ночь!

Новичок вышел из-за стойки и поджидал Гевина, возвращавшегося с пачкой «Винстона» в руке.

— Прошу прощения... гм... сэр! — Тон не предвещал ничего доброго.

Гевин взглянул на портье, любезно улыбнувшись.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы поинтересоваться, живете ли вы в этой гостинице... гм... сэр.

— Не вижу особого смысла этим интересоваться.

— Если нет, я готов помочь вам снять одну из наших комнат.

— Я кое-кого здесь жду.

— Да что вы? — Он, очевидно, не верил ни единому слову. — Нельзя ли поинтересоваться кого?

— Не стоит.

— Назовите имя. — Голос зазвучал настойчивее. — И я охотно справлюсь, проживает ли ваш... друг... в отеле.

Мерзавец, видимо, твердо решил выставить Гевина на улицу. Оставалось либо спокойно выйти самому (такая возможность еще существовала), либо сыграть «возмущенного постояльца». Гевин скорее со злости, чем осознанно, выбрал последнее.

— Вы не имеете оснований...— гневно начал он, но собеседник даже бровью не повел.

— Послушай, сынок,— спокойно произнес он,— я превосходно понимаю, что к чему, и не пытайся шутить со мной, не то я вызову полицию.— Его голос с каждым слогом терял сдержанность.— У нас останавливаются приличные люди, и сомневаюсь, что кто-то из них захочет связываться с такой дрянью, как ты. Я понятно выражаюсь?

— Мудак,— тихо произнес Гевин.

— Приятно слышать это от членососа.— Удар ниже пояса. Что дальше? — А теперь, сынок, подумай, не лучше ли тебе убраться подобру-поздорову, не дожидаясь ребят в форме.

Гевин выдал свой последний аргумент.

— Где господин Мэдокс? Я хочу его видеть, он меня знает.

— Нисколько не сомневаюсь,— последовал ответ.— Нисколько. Он уволен за недостойное поведение.— Голос портье опять обрел подчеркнутое спокойствие.— На вашем месте я не стал бы упоминать его имени. Надеюсь, понятно, по какой причине. Ступайте.

Он подкрепил свои слова выразительным жестом.

— Благодарю за внимание, и постарайтесь меня больше не тревожить.

Гейм, сет и весь матч были выиграны человеком в фуражке. Черт возьми! Есть, конечно, и другие отели, другие фойе, другие портье. Но теперь думать об этом было невыносимо.

В дверях Гевин, улыбнувшись, бросил:

— Увидимся!

Возможно, мерзавец с ужасом вспомнит его слова по пути домой, услышав за спиной звук шагов. Это слабо утешало, но хоть что-то.

Дверь захлопнулась, перекрыв за спиной поток теплого воздуха из фойе. На улице было холодно, еще хо-

лоднее, чем час назад. Тело охватила усиливающаяся дрожь. Гевин поспешил вниз по Парк-лейн к Саут-Кенсингтону. На Хай-стрит есть несколько отелей, где можно немного передохнуть. Впрочем, если ничего не выйдет... он почти смирился с поражением.

На углу Гайд-парка лились потоки сверкающих машин, спешащих к Найтсбриджу или вокзалу Виктория. Он представил себя стоящим на бетонном островке между двумя ручьями автомобилей — кончики пальцев в карманах брюк (они настолько тесны, что больше, пожалуй, и не влезет), одинокий, брошенный.

Волна горечи накатила откуда-то из глубины. Сейчас ему двадцать четыре года... и пять месяцев. С семнадцати на улице, успокаивая себя тем, что непременно найдет богатую вдову (чем не пенсия за тяжелый труд жиголо?) или уж, во всяком случае, подыщет легальную работу к двадцати пяти...

Но время шло, а ничего не менялось. Единственным его приобретением стали мешки под глазами.

Теперь перед ним лился сверкающий поток машин с сотнями уверенных в завтрашнем дне людей, преграждая путь к спокойствию и определенности.

Он не стал тем, кем мечтал стать, кем обещал себе стать.

А молодость уже прошла.

Куда теперь? Комната сегодня покажется тюрьмой. Не поможет даже марихуана. Он хочет, нет, ему *нужен* кто-то. Хотя бы на один вечер. Хотя бы для того, чтобы увидеть отражение собственной красоты в чужих глазах. Пусть ему льстят, кормят, поят вином. Даже если это будет богатый уродливый Квазимодо. Надо отвлечься!

Добыча оказалась настолько легкой, что неприятный эпизод в фойе отеля мгновенно был забыт. Тип лет пятидесяти пяти, одет со вкусом: ботинки от Гуччи, стильное пальто. Одним словом, качественный.

Гевин стоял у дверей крохотного кинотеатра, время от времени без интереса поглядывая на экран. Показывали один из ранних фильмов Трюффо. Неожиданно он ощутил на себе ищущий взгляд. Гевин обернулся. Прямой взгляд чуть не спугнул того типа. Парень уже собрался сбежать, но тут, как бы передумав, пробормотал что-то себе под нос, остановился и продолжил довольно неубедительно демонстрировать интерес к фильму. Правила игры, похоже, были ему мало знакомы.

«Новичок», — подумал Гевин.

Гевин машинально полез в карман за сигаретой. Огнеты пламени позолотили его щеки: он знал, что выглядит очень эффектно. Еще один взгляд на клиента, и тот уже не отводил глаз.

Страхивая пепел, Гевин рассеянно выронил сигарету. Такой удачи не было уже давно, и теперь он был очень собой доволен. Безошибочное узнавание потенциально-го клиента, неясные отблески желания в глазах и на губах, легко переходящие в случае неудачи в невинное выражение дружелюбия. Все вышло просто замечательно.

Здесь-то ошибки уж точно быть не могло. Тип, как заговоренный, не спускал с Гевина глаз. Рот его чуть приоткрылся. Он глядел, не в состоянии сказать ни слова. Ничего особенного, хотя далеко не урод. Загорелый — наверняка вернулся из-за границы. Хотя он, без сомнений, англичанин: об этом свидетельствовала его нерешительность.

Против обыкновения Гевин сам сделал первый шаг.

— Любите французское кино?

На лице мужчины отразилось облегчение от того, что стена молчания наконец разрушена.

— Да.

— Войдем?

Предложение его немного озадачило.

— Я... мне что-то не хочется.

— Холодно...

— Да.

— Я хочу сказать, холодно стоять здесь.

— Да, это — правда!

Клиент готов!

— Может... выпьем чего-нибудь?

— Почему бы нет! — улыбнулся Гевин.

— Я живу здесь недалеко.

— Идем.

— Мне стало тоскливо одному...

— Мне знакомо это чувство.

Теперь улыбнулся незнакомец.

— Вас зовут?..

— Гевин.

Мужчина протянул руку в перчатке. Очень формально, по-деловому. Пожатие оказалось сильным — никаких следов недавней неуверенности.

— А я — Кеннет, — сказал он. — Кен Рейнольдс.

— Кен.

— Может, уберемся отсюда поскорее?

— Да, конечно.

— Это совсем близко.

Теплая волна воздуха ударила в них, когда Кеннет открыл двери своей квартиры. От подъема на третий этаж у Гевина перехватило дыхание, но Рейнольдс чувствовал себя отлично. Наверное, следит за здоровьем. Чем занимается? Рукопожатие, кожаные перчатки. Может быть, чиновник?

— Входи, входи.

Да, здесь пахло деньгами. Ворсистый ковер мгновенно поглотил их шаги. Прихожая была почти пуста. Календарь на стене, маленький телефонный столик, стопка справочников, вешалка. И все.

— Здесь потеплее.

Кен сбросил пальто и, не снимая перчаток, повел Гевина в гостиную.

— Сними куртку,— сказал он.

— Ах, да... конечно.

Гевин разделся, и Рейнольдс исчез с его курткой в темной прихожей. Вернувшись, он принялся снимать перчатки, что давалось ему не очень легко. Парень явно нервничал, даже на своей территории. Обычно это происходит, как только двери закрываются изнутри, но не у этого типа. Он казался воплощением тревоги.

— Принести что-нибудь выпить?

— Да, это было бы здорово.

— Чем предпочитаешь травиться?

— Водкой.

— Даже так! Что-нибудь к ней?

— Разве что каплю воды.

— О, да ты пурист.

Гевин не совсем понял, что ему хотят сказать.

— Да,— ответил он.

— Позволь мне исчезнуть на минуту — я схожу за льдом.

— Без проблем.

Кен бросил перчатки на кресло у двери и вышел.

Комната эта, как и прихожая, была душающе жарко натоплена, но не выглядела уютно и тем более гостеприимно. Где бы он ни работал, Рейнольдс явно был коллекционером: все стены и полки заполняли разные антикварные вещицы. Мебели очень мало, а та, что имела, выглядела странно: например, кресло из металлических конструкций.

Возможно, он был университетским преподавателем, хранителем музея или каким-нибудь ученым. По крайней мере такая комната не могла принадлежать биржевому брокеру.

Гевин мало понимал в искусстве и еще меньше — в истории, и эти предметы не говорили ему ничего. Но он принялся их рассматривать — просто чтобы показать хозяину, который наверняка спросит его о своих игруш-

ках, свою заинтересованность. Коллекция была бестолковая: глиняные черепки, осколки античных скульптур и ничего целого — сплошные обломки. В некоторых фрагментах еще угадывались прежние формы, хотя краски давно потускнели. Иногда удавалось различить человеческие очертания: торс, ногу (между прочим, со всеми пятью пальцами), стертое временем лицо — уже не мужчина и не женщина. Гевин подавил зевок. Жара, глупые экспонаты и мысли об ожидающей его постели усыпляли.

Он переключил внимание на стены. Там имелись более выразительные штуки, чем хлам на полках, но тоже ничего целого. Непонятно, чем привлекают такие обломки. Каменные барельефы так испещрены многочисленными выбоинами и царапинами, что изображенные на них люди казались прокаженными, а латинские надписи почти невозможно разобрать. Ничего красивого быть здесь не могло — эти вещи слишком дряхлые для красоты. Гевина охватило чувство брезгливости, будто он прикоснулся к чему-то заразному.

Лишь один предмет заинтересовал его по-настоящему: каменное надгробие или что-то вроде того, больше других барельефов и в чуть лучшем состоянии. На нем был изображен всадник с мечом в руке, возвышающийся над поверженным обезглавленным противником. Под изображением — несколько слов на латыни. Передние ноги лошади отбиты, каменная окантовка беспощадно обезображена временем. Но в этом был некий смысл. На грубо вырубленном лице проступали неясные черты — длинный нос, широкий рот. Личность!

Гевин решил дотронуться, но отпрянул, услышав приближающиеся шаги Рейнольдса.

— Нет-нет, пожалуйста, трогай, — произнес вошедший хозяин. — Здесь все предназначено для удовольствия. Прикоснись!

Но уже пропало всякое желание. Гевин смутился — его застукали.

— Ну же! — Рейнольдс настаивал.

Гевин протянул руку — холодный камень, зернистый на ощупь.

— Римское, — произнес Кен.

— Надгробие?

— Да. Найдено около Ньюкасла.

— Кто это был?

— Некто Флавин. Он был полковым знаменосцем.

То, что Гевин принял за меч, оказалось при ближайшем рассмотрении небольшим знаменем с практически стертым символом: то ли пчела, то ли цветок, то ли колесо.

— Значит, вы археолог.

— И это тоже. Я исследую исторические места, наблюдаю за раскопками, но основное время посвящаю реставрации находок. Римская Британия — моя страсть.

Он надел принесенные очки и направился к полкам с глиняными черепками.

— Я собирал их долгие годы. Я всегда испытываю дрожь, когда касаюсь предметов, столетиями не видевших света дня. Это как бы прикосновение к истории. Ты понимаешь, о чем я?

— Да.

Рейнольдс взял с полки один из осколков.

— Конечно, лучшие находки попадают в музеи, но всегда выпадает случай оставить себе что-то интересное. Господи, какое огромное влияние! Римляне. Городские коммуникации, мощенные дороги, надежные мосты. — Рейнольдс рассмеялся взрыву собственного энтузиазма. — Черт возьми, опять читаю лекцию. Извини. Больше не буду.

Вернув черепок на место, Кен стал наливать выпивку. Стоя спиной к Гевину, он неожиданно спросил:

— Сколько ты берешь?

Гевин вздрогнул. Волнение хозяина вдруг прошло, и невозможно было найти логического объяснения резкому повороту от римлян к стоимости ласк.

— По-всякому бывает,— неуверенно ответил он.

— То есть,— все еще взясь с бокалами, сказал Кен,— ты хочешь узнать подробнее о моих наклонностях.

— Было бы неплохо.

— Разумеется.— Он повернулся и протянул Гевину внушительный бокал с водкой. Без льда.— Я не буду к тебе слишком требователен.

— Я не дешежка.

— Я это понимаю.— Рейнольдс безуспешно попытался улыбнуться.— Я хорошо заплачу. Ты останешься на ночь?

— Вы этого хотите?

— Мне кажется, да.

— Тогда безусловно.

Настроение хозяина мгновенно изменилось. Нерешительность уступила место самоуверенности.

— За любовь, жизнь и все остальное, за что стоит платить! — произнес он, звякнув своим бокалом о бокал Гевина.

Двусмысленность тоста не ускользнула от внимания Гевина. Парень, очевидно, не так прост!

— Прекрасно,— сказал он и сделал глоток.

Сразу стало намного лучше. После третьей порции водки Гевин до того оттаял, что болтовня Кеннета о раскопках и величии Рима, которую ему поневоле приходилось слушать, уже не действовала на нервы. Сознание засыпало. Как легко! Разумеется он останется здесь на ночь, по крайней мере до рассвета, так почему бы не выпить и не послушать эту околесицу? Позже, если судить по состоянию Кена — много позже, придет время недолгих пьяных ласк в полутемной комнате. Такое Гевину знакомо. Все они одиноки, даже с любовником, всем им одинаково легко доставить удовольствие. Этот парень покупал скорее компанию, а не любовь. Легкие деньги!

Шум.

В первый момент Гевину показалось, будто шумит в его собственной голове. Но Кен внезапно вскочил. Губы его дрожали. Блаженная атмосфера улетучилась.

— Что это? — спросил Гевин, также вставая. Мозги плавали от алкоголя.

— Все в порядке.— Рейнольдс стоял, вцепившись длинными бледными пальцами в кожу кресла.— Успокойся!

Шум усиливался. Гевин почему-то подумал о барабанщике, сидящем в духовке и отчаянно стучащем, пока его поджаривают.

— Умоляю тебя, успокойся! Это, видимо, наверху.

Рейнольдс лгал: грохот шел не сверху. Его источник находился тут, в квартире. Ритмичный стук то усиливался, то затихал, чтобы снова усилиться.

— Выпей немного,— произнес Кен. Лицо его внезапно вспыхнуло.— Проклятые соседи.

Призывный стук — а он был именно призывным — почти смолк.

— Только одну минуту,— пообещал Рейнольдс и закрыл за собой двери.

Гевину приходилось попадать в неприятные ситуации: с ловкачами, чьи любовники появлялись в самый неподходящий момент; с чудаками, пытавшимися набить себе цену,— один из них как-то разнес в щепки гостиничный номер. Такое случалось. Но Кеннет не был похож на них — никакого чудачества. Впрочем, те ребята тоже вначале казались безобидными. К черту сомнения! Если он будет так нервничать при виде каждого нового лица, лучше бросить работу. Оставалось положиться на ситуацию, а она говорила Гевину, что не стоит ждать от Рейнольдса каких-то фокусов.

Проглотив водку, он снова наполнил бокал и стал ждать.

Стук вдруг прекратился, и все неожиданно стало на свои места. Может, это и правда сосед сверху? Шагов Кена в квартире не было слышно.

Взгляд Гевина блуждал по комнате в поисках чего-нибудь забавного. Надгробие.

Флавин-знаменосец.

Что-то все-таки в этом есть. Грубый портрет покойника изображен в том самом месте, где покоятся его кости. Он будет здесь, даже если какой-нибудь историк дерзнет разлучить прах и камень. Отец Гевина твердо настаивал на погребении вместо кремации.

— А как же иначе! — частенько говорил он. — Как еще можно заставить других помнить о себе? Кто заплачет над урной?

Ирония заключалась в том, что поплакать на могилу тоже никто не ходил. Гевин побывал там от силы пару раз с тех пор, как умер отец. Гладкий камень, имя, дата. Банально. Он даже не мог припомнить, в каком году отец умер.

А вот о Флавине помнят. Люди, которые не знают ничего ни о нем, ни о его жизни, не забудут его. Гевин встал и потрогал неровные буквы имени знаменосца: «FLAVINVS», второе слово в латинской надписи.

Внезапно шум возобновился. Гевин обернулся к двери, ожидая увидеть там Рейнольдса, пришедшего с объяснением. Никого.

— Черт возьми!

Шум продолжался. Кто-то где-то очень разозлился. И теперь обмануться было невозможно: барабанщик рядом, в нескольких шагах. Гевина охватило любопытство. Разом осушив бокал, он вышел в прихожую.

— Кен? — Слова застыли на его губах.

Прихожая была погружена в темноту, лишь в конце коридора пробивался слабый свет. Возможно, там находилась дверь. Гевин рукой нащупал выключатель, но свет не зажегся.

— Кен? — произнес он опять.

На этот раз последовал ответ. Сначала стон, а потом странный звук, как будто поворачивающегося тела. Может, с Рейнольдсом что-то случилось? Господи, вдруг он лежит без сознания там, совсем близко от Гевина? Надо спешить. Но ноги почему-то отказывались слушаться. Засосало под ложечкой, напомнив детскую игру в прятки — нервная дрожь охотника. Это было почти приятно.

К черту! Разве можно уйти, не узнав, что случилось с хозяином? Смелее!

Первая дверь была приоткрыта. Он толкнул ее. Вдоль всех стен стояли книжные шкафы. Видимо, комната служила спальней и кабинетом одновременно. Через открытое окно на заваленный книгами стол падал лунный свет. Ни Рейнольдса, ни барабанщика. Немного успокоившись, Гевин продолжил путь по коридору. Следующая дверь — в кухню — также была открыта, но света за ней не было. Ладони вспотели. Когда Кеннет пытался стянуть перчатки, они словно прилипли к его рукам. Чего он боялся? Это не простое предложение выпить. В квартире прячется кто-то еще! И у него дурной характер.

Дыхание перехватило: на двери виднелся отпечаток окровавленной руки.

Гевин толкнул дверь, но что-то мешало ей открыться. Он протиснулся в щель. В кухне стояла невыносимая вонь — то ли забытое мусорное ведро, то ли гниющие овощи. Скользя рукой по гладкой стене, Гевин нащупал выключатель. Лампа дневного света подала признаки жизни.

Ботинок Рейнольдса высунулся из-за двери. Гевин закрыл ее и обнаружил свернувшегося в три погибели Кена. Тот, безусловно, искал здесь спасения, он забился в угол затравленным зверем. Гевин прикоснулся к нему и почувствовал, что бедняга дрожит как осиновый лист.

— Все в порядке. Это я,— сказал Гевин и отвел окровавленную руку, которой Рейнольдс прикрывал лицо.

Через всю его щеку, от виска до подбородка, шли две глубокие кровоточащие царапины, будто кто-то полоснул его двузубой вилкой.

Кен открыл глаза. Ему потребовалась только секунда, чтобы сконцентрировать взгляд на юноше и внятно произнести:

— Убирайся!

— Ты ранен.

— Ради всего святого, убирайся! Быстро! Я передумал. Понятно?

— Может, вызвать полицию?

Рейнольдс буквально взорвался.

— Убирайся ко всем чертям! Слышишь?! Я передумал, чертов мальчишка!

Гевин поднялся, пытаясь хоть что-нибудь понять. Кену больно, это, видно, и есть причина его агрессивности. Проигнорировать оскорбления и принести что-нибудь, чтоб перевязать раны? Да, так будет лучше. Перевязать раны и оставить его в покое. Если он считает, что полиции здесь нечего делать, это его выбор. Возможно, ему просто не хочется объяснять кому-то присутствие дружка в своей развеселой квартирке.

— Где у тебя бинт?

Гевин снова вышел в прихожую.

Из-за кухонной двери донеслось:

— Не надо.

Но он уже не слышал. Впрочем, если бы даже и слышал, вряд ли бы остановился. Ему нравилось непослушание. Отказ звучал для него как просьба.

Рейнольдс оперся спиной о дверь и попытался встать, схватившись за дверную ручку. Кружилась голова. Карусель ужасов: круг, еще круг, одна лошадка отвлотнее другой. Ноги его подкосились, и он снова рухнул на пол. Черт. Черт. Черт.

Гевин слышал, как упал Кеннет, но он был слишком поглощен поиском оружия, чтобы немедленно броситься на кухню. Если поддон, ранивший Кена, все еще в квартире, надо найти что-то для самообороны. На столе в кабинете он наткнулся на заваленный книгами бумажный нож. Рядом возвышалась гора нераспечатанной корреспонденции. Господи благослови! Он схватил нож. Легкий. Лезвие тонкое и хрупкое, но если хорошо ударить, может и убить.

Повеселев, он вышел в коридор. Здесь он остановился на секунду, чтобы продумать свои действия. Первым делом — в ванную. Там может лежать бинт. В конце концов, сойдет чистое полотенце. Потом надо попробовать вытянуть из Кена объяснение.

За кухней коридор резко сворачивал налево. Гевин обогнул угол. Перед ним была еще одна дверь. Яркий свет ослепил его. Вода сверкала на кафеле. Вот и ванная.

Прикрывая левой рукой правую, в которой он держал нож, Гевин медленно пошел вперед. Мышцы напряглись от страха. Поможет ли ему нож? Кто знает! Он чувствовал себя бессильным, неуклюжим, глупым мальчишкой.

На дверном косяке была кровь — отпечаток ладони Рейнольдса. Видимо, здесь все и произошло. Пытаясь защититься от нападения, Кен выбросил вперед руку. Вот отпечаток. Если тот поддон все еще в квартире, он должен быть в ванной, больше спрятаться негде.

В трезвом состоянии Гевин, разумеется, не стал бы нарываться на конфликт и резко распахивать дверь, но теперь уже поздно — жалобно скрипнув, дверь отлетела в сторону и открыла взгляду Гевина кровавую пену, разбрызганную по кафелю. Вот-вот появится и сам убийца.

Нет. Никого. Преступника не оказалось и здесь. А значит, его и вовсе нет в квартире.

Гевин глубоко вздохнул. Рука, сжимающая нож, ослабела. Жизнь снова посмеялась над ним, обманула и ука-

зала на дверь. Теперь осталось только оказать помощь раненому коллекционеру и действительно убраться отсюда ко всем чертям.

Зеленоватый кафель в кровавых брызгах. Полупрозрачная занавеска душа с наивными изображениями рыбок и водорослей наполовину сорвана. Все это напоминало сцену из какого-то криминального фильма: слишком нереально. Кровь — чересчур красная, свет — чересчур яркий.

Гевин швырнул нож в раковину и открыл висевший на стене зеркальный шкафчик. Его заполняли зубные щетки, пасты и витаминные кремы, из медикаментов — лишь упаковка пластыря. Закрывая шкафчик, Гевин взглянул на свое изможденное лицо. Смертельно бледен. Открыв кран холодной воды, он подставил голову под ледяную струю в надежде, что вода смоет с его лица печать опьянения и подрумянит щеки.

Вдруг сзади раздался неясный шум. Гевин выпрямился — безумно заколотилось сердце — и дрожащей рукой закрутил кран. Крупные капли падали с его подбородка и ресниц.

Нож лежал в раковине, на расстоянии вытянутой руки. Звук исходил из ванны — *изнутри* ванны.

Тревога выплеснула в кровь поток адреналина, чувства до безумия обострились. Он ощутил тонкий запах лимонного мыла, блеск бирюзовой рыбки, плывущей между бурых листьев ламинарии на занавеске, холод воды — все, что он вечно пропускал, ленился видеть и чувствовать, нахлынуло вдруг.

«Все происходит в реальности,— сказал он самому себе.— Будь осторожен, иначе — смерть».

Почему он не заглянул в ванну?! Кретин! Почему?!

— Кто здесь? — спросил он.

Может, у Рейнольдса живет крыса, которая тоже не прочь принять душ? Тщетная надежда. Господи, там же кровь.

Он отвернулся от зеркала. Шум уже стих. Ну же!.. И ю! Занавеска с ангелоподобными рыбками отлетела в сторону на пластиковых крючках. Ринувшись отгадывать эту загадку, он совсем забыл о ноже. Слишком поздно... Ванна была полна воды.

От доходившей почти до краев мутной воды исходил какой-то животный запах, напоминавший запах мокрой собачьей шерсти. На поверхности плавала бурая пена. Вода была спокойна.

Гевин нагнулся, стараясь разглядеть дно. Его отражение наполовину закрыла пена. Нагнувшись еще ниже, он увидел руку с грубыми пальцами. Свернувшись, как зародыш, в грязной воде лежала, без сомнений, человеческая фигура.

Гевин протянул руку, чтобы отогнать грязь от поверхности воды, — его отражение задрожало и рассыпалось — и ясно увидел неподвижную фигуру. В ванне лежала статуя спящего человека, только голова почему-то была повернута вверх и глядела на Гевина нарисованными глазами. Два круглых глаза на грубо высеченном лице. Прямые губы, смешные торчащие уши на абсолютно лысой голове. Человек был голым, и его анатомия была отражена не лучше, чем черты лица: работа неумелого подмастерья. В некоторых местах краска — возможно, от воды — стала отваливаться серыми закружленными лепестками, обнажая деревянную основу.

Бояться было нечего. Обыкновенная деревяшка с откисающей краской. А звук, напугавший Гевина, издавали выходящие из нее пузырьки воздуха. А он, дурачок, испугался! Паниковать нет причин. «Заставь мое сердце биться», — как частенько говаривал бармен из «Амбассадора», когда новая красotka выходила на сцену.

Гевин иронически улыбнулся. Да, этот чурбан мало напоминал Адониса.

— Забудь об этом.

Рейнольдс стоял у двери. Кровотечение остановилось, хотя он еще прижимал к щеке замаранный платок. В ярком свете ванной его кожа приобрела желтый оттенок, что напугало бы и мертвеца.

— Ты в порядке? По тебе не скажешь.

— Все отлично... уйди, ради бога.

— Что случилось?

— Я поскользнулся. Ну, вода на полу... Вот и поскользнулся.

— Но стук...

Гевин оглянулся на ванну. Что-то в статуе на этот раз поразило его. Может, ее нагота. И эти сползающие полоски краски. Последние полоски краски... или кожи.

— Соседи.

— Что это? — спросил Гевин, по-прежнему рассматривая распухшее лицо в воде.

— Тебя это не касается.

— Почему он такой скрюченный? Он умирает, что ли? — задавая вопрос, Гевин с улыбкой обернулся и поглядел на Рейнольдса.

— Ты ждешь, когда я расплачусь с тобой?

— Нет.

— Черт возьми! Ты на работе или нет? Там, у кровати, лежат деньги. Возьми, сколько считаешь нужным. За потерянное время... — Он оценивающе посмотрел на Гевина. — И молчание.

Статуя. Гевин уже не мог оторвать от нее взгляд: его собственное распухшее лицо, смутившее разум неизвестного художника, медленно разрушала вода.

— Не удивляйся, — произнес Кен.

— Что происходит?

— Тебя это не касается!

— Ты это украл... так? Это, верно, стоит немалых денег, и ты украл?

Рейнольдс, казалось, в конце концов устал лгать.

— Да, я украл, — кивнул он.

— И сегодня за ним кто-то приходил.

Кеннет пожал плечами.

— Не так ли? Кто-то за ним приходил?

— Да. Да, я это украл,— механически повторил он Гевином.— И кто-то за ним приходил.

— Вот и все, что я хотел узнать.

— Не возвращайся сюда, Гевин или как тебя там. И не выдумывай ничего. Меня здесь не будет.

— Ты боишься вымогательства? — спросил Гевин.— Я не вор!

Взгляд коллекционера стал презрительным.

— Вор ты или нет, будь благодарен за то, что он — в тебе.

Рейнольдс отступил, давая Гевину пройти. Но тот даже не шелохнулся.

— Благодарен за что? — переспросил он.

Слова Кена явно разозлили его. Он был оскорблен тем, что его выставляют с какой-то небылицей, не удостоивая никакого объяснения.

У Рейнольдса же просто не было сил для объяснений. В изнеможении он прислонился к двери.

— Уходи,— тихо сказал он.

Гевин кивнул и вышел. Когда он уже достиг прихожей, от статуи, видимо, отвалился изрядный кусок краски. Он слышал, как заплескалась вода в ванной, и даже представил, как заколыхались на статуе световые блики.

— Спокойной ночи,— произнес ему вслед Кен.

Гевин не ответил. Даже не вспомнив о деньгах, он вышел. Будь проклят этот дом со всеми его надгробиями и тайнами.

Он зашел в гостиную, чтобы забрать свою куртку. Со стены на него взглянуло лицо Флавина-знаменосца.

«Должно быть, герой»,— подумал Гевин.

Только героям отдают такие почести. С Гевином ничего подобного не произойдет. Его лицо умрет вместе с ним.

Он закрыл за собой входную дверь. Тут же напомнил о себе больной зуб. И тут же возобновился стук: стук кулака по стене.

Или внезапная ярость пробуждающегося сердца.

Утром зубы ныли уже невыносимо, и он отправился к дантисту, надеясь уговорить секретаршу принять его немедленно. Но очарование покинуло его, глаза не сияли обаянием, как обычно. Девушка ответила, что придется подождать неделю. Он сказал, что дело срочное, на что она заметила: ей так не кажется. Да, не лучший день: зубная боль, секретарша-лесбиянка, снег хлопьями, ворчливые женщины на каждом углу, безобразные дети, безобразное небо.

В тот день началось преследование.

Поклонники преследовали Гевина и раньше, но не до такой степени. Бывало, кто-то таскался за ним, как собака, целыми днями, из бара в бар, с улицы на улицу, и это просто выводило его из себя. Ночь за ночью видеть одного и того же надоевшего типа, который никак все не может решиться угостить тебя выпивкой, предложить часы, кокаин, неделю в Тунисе или что-нибудь еще. Он очень быстро проникся отвращением к такому липкому обожанию, скисающему быстрее молока — вонь от него стояла до небес. Один из наиболее пылких обожателей — говорят, знаменитый актер — никогда не пытался подойти близко, лишь ходил за ним повсюду и все смотрел. Вначале его внимание льстило Гевину, но вскоре удовольствие сменилось досадой, и однажды, наткнувшись на надоевшего поклонника в одном из баров, он пригрозил проломить ему череп. Гевин был до того взвинчен и раздражен бесконечными жадными взглядами, что ублюдку непременно досталось бы, не пойми он намека. Возможно, он вернулся домой и повесился — Гевин никогда больше не встречал его.

На этот раз все было по-другому: не преследование, а ощущение слежки. Никаких доказательств того, что кто-то висит у него на хвосте, просто чертовски неприятное чувство. Всякий раз, когда он оглядывался, ему казалось, будто кто-то отступает в тень. Порой на ночной улице случайный прохожий вдруг начинал идти с ним в ногу, совпадая с каждым ударом его каблука, даже если Гевин оступался. Ощущение напоминало паранойю, хотя он не был параноиком — иначе ему бы давно об этом сказали.

Кроме того, происходили совершенно необъяснимые вещи: однажды утром старуха-кошатница, жившая над ним, поинтересовалась лениво, что за чудак приходил поздно ночью и прождал под его дверью несколько часов. Ни один из знакомых Гевина не подходил под описание.

В другой день на людной улице он отделился от толпы и отошел к двери закрытого магазина, чтобы прикурить сигарету. Когда он зажег спичку, в засаленном дверном стекле вдруг появилось чье-то отражение. Пламя обожгло пальцы. Гевин выронил спичку и опустил глаза. А когда он обернулся, людское море уже скрыло преследователя.

Это было неприятное, очень неприятное ощущение. И самое ужасное — Гевин не понимал, чем оно вызвано.

Гевин никогда не разговаривал с Преториусом, хотя они обменивались небрежными кивками при встрече на улице и справлялись друг о друге у общих знакомых, будто были друзьями. Преториус был черным, возраст — где-то между сорока пятью и насильственной смертью. Известный сводник, утверждавший, что он потомок Наполеона. Под его началом довольно успешно работало множество женщин и три или четыре мальчика. Когда Гевин только вышел на улицу, ему советовали просить покровительства у Преториуса, но он был

слишком горд, чтобы искать такого рода помощи. В результате он не пользовался расположением Преториуса и его клана. Однако никто не решался бросить вызов его самостоятельности, поскольку Гевин сам стал довольно заметной фигурой. Поговаривали даже, будто Преториус выражал — отчасти недоброжелательно — восхищение жадностью Гевина.

Восхищался Преториус или нет, но в один из адски холодных дней он вдруг нарушил молчание и сам окликнул юношу:

— Эй, белый!

Было около одиннадцати. Гевин шел из бара на Сент-Мартин-лейн в клуб на Ковент-Гарден. Улицы еще оставались многолюдными, и можно было найти хорошего клиента среди посетителей театров и кино, но в тот вечер у Гевина не было настроения. В кармане лежала сотня, заработанная накануне. Достаточно, чтобы твердо стоять на ногах.

Первое, что пришло в голову при виде загородивших дорогу Преториуса и его головорезов: им нужны деньги.

— Послушай, белый.— Преториус добродушно улыбался. Нет, он не был грабителем. Не был и не будет.— Белый, мне нужно переговорить с тобой.

Преториус достал из кармана орех, расколол его в руке и отправил содержимое в огромный рот.

— Догадываешься, о чем?

— Что тебе нужно?

— Я же сказал: переговорить. Кое о чем расспросить. Идет?

— Хорошо. О чем?

— Не здесь.

Гевин взглянул на свиту Преториуса. Это были не огромные качки в стиле черных, но и не пятидесятикилограммовые хилаки. Ситуация складывалась довольно скверная.

— Благодарю.

Спокойным (насколько возможно) шагом Гевин прошел мимо троицы, следовавшей за ним. Он мысленно умолял их отвязаться, но они не отставали. Преториус положил руку ему на плечо.

— Послушай. До меня дошли неприятные новости о тебе.

— Не может быть!

— Боюсь, что может. Мне сказали, что ты напал на одного из моих ребят.

Гевин прошел шесть шагов, прежде чем ответить.

— Нет, вы ошиблись. Это не я.

— Он узнал тебя, белый, ты доставил ему кучу неприятностей.

— Говорю же, это не я!

— Ты псих, слышишь? Тебя стоит упечь за решетку.

Преториус все больше сердился. Прохожие обходили их.

Гевин молча свернул с Сент-Мартин-лейн на Лонг-Акр и тут же осознал, какую ошибку совершил. Здесь было пусто и довольно далеко от оживленных людных мест. Следовало, безусловно, свернуть не налево, а направо, тогда он быстро вышел бы на Чарринг-Кросс-роуд. Там нетрудно затеряться. Черт возьми, он не мог развернуться и направиться в обратную сторону. Все, что ему оставалось, — двигаться прямо (идти, а ни в коем случае не бежать от бешеных псов, наступающих на пятки) и надеяться, что удастся удержать разговор в прежнем относительно мирном русле.

— Ты стоишь мне денег, — бросил ему в спину Преториус.

— Не понимаю...

— Ты вывел из строя моего лучшего мальчишку. Судя по всему, надолго. Он дьявольски напуган, слышишь?

— Повторяю, я ничего тебе не сделал.

— Почему ты врешь мне, белая шваль? Не считаешь меня достойным услышать правду? — Преториус

нагнал его и пошел рядом, оставив своих дружков позади.— Послушай!..— шепнул он Гевину на ухо,— таких ребят легко соблазнить, не так ли? Я это понимаю, и мне наплевать. Но ты причинил ему боль, а у меня сердце кровью обливается, когда кому-то из моих ребят делают больно.

— Ты думаешь, если бы я сделал такое, я спокойно разгуливал бы по улице?

— Ты, мне кажется, не такой хороший, насколько хочешь казаться. Речь идет не о паре синяков. Ты искупался в крови моего парня. Повесил и исполосовал ножом, а потом подбросил мне на порог в одних носках. Ты хорошо расслышал, белый? Ты меня понял?

Преториус был разъярен, и Гевин не знал, как ко всему этому относиться. Он не проронил ни слова в ответ и продолжал идти.

— Этот малыш восхищался тобой,— говорил Преториус.— Говорил, что твоя история — учебник для начинающих. Что скажешь?

— Ничего.

— Это чертовски лестно для тебя, парень, ведь на самом деле ты такого не заслуживаешь!

— Благодарю.

— Ты сделал неплохую карьеру. Но теперь она закончена.

Гевин ощутил ледяной холод. Он-то надеялся, что Преториус ограничится предупреждением. Но нет, они хотели разделаться с ним. Господи, они убьют его, и самое ужасное — убьют за то, чего он не делал, о чем он даже не догадывался.

— Мы выпшвырнем тебя с улицы, белый! *Навсегда.*

— Я тут ни при чем.

— Малыш узнал тебя. Даже с чулком на голове. Твой голос и твоя одежда. Тебя опознали, белый. Делай выводы.

— Убирайся к черту!

Гевин бросился бежать. В юности он неплохо бегал — о, как нужна ему сейчас прежняя скорость! Преториус захохотал.

— Какой ты, однако, резвый!

По мостовой за ним неслись две пары ног. Ближе, еще ближе. Гевин уже выдохся. Плотные облегающие джинсы слишком неудобны для бега. Гонка проиграна.

— Тебя никто не отпускал.— Один из болванов вцепился в его руку.

— Неплохо бегаешь,— улыбнулся Преториус, приближаясь к своим псам и загнанной жертве. Он еле заметно кивнул одному из дружков.

— Кристиан.

Кристиан со всей силы ударил Гевина по почкам. Боль пронзила юношу, перед глазами пошли разноцветные круги.

— Готов,— отрапортовал Кристиан.

— Давайте, быстро!

Его потащили в темный переулок. Куртка и рубашка треснули, дорогие туфли, испачканные в грязи, цеплялись о мостовую. Гевина поставили на ноги. В крошечной тьме перед собой он видел лишь висящие в пустоте глаза Преториуса.

— Ну, вот мы и на месте,— произнес он.— Как славно!

— Я... я не трогал его,— простонал Гевин.

Безымянный дружок Преториуса — должно быть, не христианин, а язычник* — взял Гевина за ворот и швырнул к стене. Он поскользнулся, не устоял и свалился в грязь. Его самолюбие — тоже. Он готов умолять. Он встанет на колени и будет лизать этим тварям пятки, лишь бы закончился этот кошмар. Лишь бы они не тронули его лицо.

* Игра слов: имя Кристиан (Christian) — означает «христианин»; Not-Christian — соответственно не христианин, язычник.

По слухам, это одно из любимых развлечений Преториуса — уничтожать красоту. Случалось, он лезвием вырезал жертвам губы как сувенир на память.

Гевин бросился вперед и упал руками в грязную жижу. Что-то гнилостно-мягкое выскользнуло из-под ладони.

Язычник обменялся с Преториусом ухмылкой.

— Какой милашка!

Преториус расколол очередной орех.

— Похоже, он наконец-то нашел свое место в жизни.

— Я его не трогал! — канючил Гевин.

Ему оставалось только отрицать все, хотя это было уже бесполезно.

— Не оправдывайся!

— Пожалуйста!

— Хочу покончить с ним поскорее, — взглянув на часы, сказал Преториус. — Нужно еще кое-куда заглянуть, кое с кем повеселиться.

Гевин поднял глаза на своих мучителей. Уличные огни горели всего в десятке метров от него — если бы он мог вырваться из рук подонков.

— Позволь мне тебя немного подкрасить. Красота, видишь ли, требует жертв.

В руке Преториуса блеснул нож. Язычник вынул из кармана толстую веревку с узлом на конце. Узел во рту, веревка вокруг головы и никакой возможности кричать, когда от этого зависит жизнь.

Гевин резко вскочил, но, поскользнувшись на жирной грязи, налетел на Кристиана и вместе с ним рухнул на землю. Побег не удался.

На мгновение наступила полная тишина. Преториус, пачкая руки о белую мразь, поставил его на ноги.

— Бежать некуда, сволочь! — сказал он и поднес лезвие к подбородку Гевина.

Здесь кости четко выступали из-под кожи, и Преториус без дальнейших дебатов начал резать по краю че-

люсти, забыв заткнуть жертве рот. Гевин вскрикнул, когда кровь заструилась по шее, но, казалось, чьи-то толстые пальцы схватили его за язык, и звук погиб, так и не вырвавшись наружу.

Пульс бешено отдавался в виске. Перед Гевиним одно за другим стали открываться окна, и он падал в них, теряя сознание.

Лучше умереть. Они уродуют его лицо — лучше умереть.

Он опять вскрикнул. Или нет — это не он. Сквозь стук в ушах он попытался различить голос. Он слышал крик Преториуса.

Язык опять был свободен. Внезапно ему стало дурно. Он отшатнулся от дерущихся фигур. Его рвало.

Кто-то неизвестный вступил в игру и предотвратил катастрофу. На земле, раскинув руки, лежало чье-то тело. Язычник. Безжизненные глаза смотрели вверх. Господи, кто-то заступился за Гевина!

Дрожащей рукой юноша прикоснулся к лицу. Глубокая рана шла от середины подбородка почти до самого уха. Это, конечно, плохо, но Преториус всегда доводил дела до конца. Значит, лишь чудо спасло Гевина от страшной процедуры вырезания ноздрей и губ. Шрам вдоль скулы будет смотреться не слишком привлекательно, но ничего, бывают вещи пострашнее.

Кто-то из дерущихся направился к Гевину. Это Преториус, со слезами в глазах, расширенных от ужаса.

Кристиан, пошатываясь, поплелся в сторону улицы. Преториус за ним не последовал. Почему?

Рот Преториуса был открыт, с нижней губы стекала длинная нитка слюны.

— Спаси меня, — прохрипел он, как будто его жизнь была в руках Гевина.

Рука его была поднята, словно он вымаливал прощение. Вместо этого из-за спины неожиданно выпросталась другая рука, сжимавшая страшное орудие с огромным лез-

вием. Еще одна схватила Преториуса за горло. Лезвие глубоко вошло ему в глотку, затем двинулось резко вверх. Лицо его разделилось, и из страшной раны на Гевина хлынул горячий поток крови.

Оружие отлетело на мостовую. Гевин увидел короткий и широкий меч.

Преториус все еще стоял перед ним, удерживаемый рукой своего палача. Рассеченная голова безжизненно упала, и неизвестный, словно приняв этот кивок за знак согласия, аккуратно положил мертвеца у ног Гевина. Теперь юноша мог рассмотреть лицо своего спасителя.

Ему хватило секунды, чтобы узнать эти грубые черты: круглые безжизненные глаза, щель рта, кривые уши. Это была статуя из ванны Рейнольдса.

Она усмехнулась. Зубы слишком малы для столь внушительной головы. Молочные зубы. Что-то, однако, изменилось в этом лице, заметно даже в темноте: брови несколько посветлели, и само лицо обрело какую-то пропорцию. Все еще раскрашенная кукла, но теперь кукла казалась целеустремленной.

Статуя слегка наклонилась, и внутри нее что-то скрипнуло. Гевин неожиданно осознал мрачный идиотизм ситуации. Статуя двигается, черт ее побери, смеется, убивает, и в то же время она никак не может быть живой. Позже он будет проклинать себя. Он найдет тысячу причин откреститься от реальности. Будет винить недостаток крови в сосудах мозга, возбуждение, панику. Он постарается навсегда забыть кошмарное видение.

Если останется жив.

Видение приблизилось и легко коснулось своими грубыми пальцами щеки Гевина. Уличные огни осветили кольцо на мизинце — точно такое, как у самого Гевина.

— О, тут будет шрам!

Гевин узнал голос.

— Жаль, конечно, — говорил голос самого Гевина. — Но что поделать! Могло быть и хуже.

Его голос. Господи, его, его, его собственный голос! Он тряхнул головой.

— Да, верно,— сказала статуя, понимая, о чем он думает.

— Теперь меня?

— Нет.

— Почему?

Статуя дотронулась пальцами до своей щеки, показывая линию его раны, и на деревянной щеке вдруг открылась рана. Но крови не было — у статуи ее не было.

Пока еще это не Гевин: неподвижные брови, пронзительные глаза. Но скоро их нельзя будет отличить от его собственных.

— А мальчишка? — спросил Гевин, пытаясь разобраться в происходящем.

— Ах, мальчишка...— Статуя мечтательно закатила глаза.— Какое сокровище. А как он вырывался!

— Ты искупался в его крови?

— Мне это необходимо.— Статуя нагнулась над телом Преториуса и запустила пальцы в его рассеченную голову.— Старая кровь, конечно, но тоже сойдет. Мальчишка был получше.

Статуя вымазала кровью свои щеки. Гевин не сумел скрыть отвращения.

— Тебе это неприятно? — спросило Гевина изваяние.

Ответа не последовало. Разумеется, Гевина не огорчало, что Преториус мертв, но бедный мальчишка истек кровью только оттого, что истукан проголодался. Впрочем, в Лондоне случаются дела и пострашнее.

— Тебе, я вижу, это не по вкусу,— продолжала статуя.— Скоро и мне перестанет нравиться. Не собираюсь истязать детей. Хотя бы потому, что я на все смотрю твоими глазами, думаю *твоими* мыслями...

Статуя поднялась. В движениях ее все-таки недоставало плавности.

Кожа на щеках, впитывая кровь Преториуса, приобретала естественный оттенок. Уже почти не похоже на крашеную деревяшку.

— Мне никогда не дадут имени. Я — всего лишь рана на теле человечества. Но еще я — прекрасный незнакомец из твоих детских грез. Ты ведь всегда хотел, чтобы кто-то взял тебя на руки, приласкал, похвалил и... поднял над суетой улиц к распахнутым небесам.

Как это существо узнало о его детских мечтах? Откуда могло оно знать о его видениях? Об ослепительной чистоте небес из его снов...

— Потому что я — это ты, — словно отвечая на вопрос Гевина, продолжала статуя.

— Ты не можешь быть мной. Я никогда не сделал бы такого. — Гевин кивком указал на безжизненные тела.

Неблагодарно обвинять собственного спасителя, но это был единственный аргумент.

— Неужели? Мне так не кажется.

Гевин услышал голос Преториуса: «Красота, видишь ли, требует жертв».

Он опять ощутил холод лезвия у подбородка, тошноту, беспомощность. Да, он сделал бы это, сотню раз сделал бы. И поступил бы справедливо.

Статуе не требовался ответ.

— Я еще навещу тебя. А сейчас, — она захохотала, — тебе лучше уйти.

Гевин направился к улице.

— Нет, сюда! — Статуя кивнула в сторону не замеченной Гевином двери в стене. Так вот откуда она появилась так быстро и вовремя! — Держись подальше от людных мест. Я найду тебя, когда понадобится.

Гевина не пришлось уговаривать. Он почти не понимал, что происходит, но дело было сделано. На вопросы у него не осталось ни сил, ни времени.

Он, не оглядываясь, вошел в указанную дверь. То, что он услышал за спиной, могло бы вывернуть наружу его желудок: плотоядное хлюпающее чавканье. Чудовище заканчивало свой страшный ритуал.

И уж совсем ничего нельзя было разобрать в этом сне наяву на следующее утро. Никакого прояснения. Лишь черед безжалостных фактов.

В зеркале он увидел огромную гноящуюся рану, причинявшую куда больше страданий, чем гнилой зуб.

В газетах написали о двух трупах, найденных в районе Ковент-Гардена. Известные преступники, убитые с нечеловеческой жестокостью. И банальный вывод — мафиозные разборки.

В голове крутилась невыносимая мысль: рано или поздно найдут и его. Кто-то, несомненно, видел его вместе с Преториусом и сообщит об этом полиции. Может быть, даже Кристиан. И тогда за ним придут с наручниками. А чем он ответит на обвинения? Скажет, что преступление совершено не человеком, а чудовищем, которое отчасти является отражением его собственного я? Вопрос даже не в том, арестуют ли его. В другом: посадят его в тюрьму или в сумасшедший дом?

Теряясь от безнадёжности, он отправился к врачу, где просидел в ожидании приема три с половиной часа, окруженный такими же покалеченными беднягами.

Врач был не очень-то любезен. Он сказал, что швы накладывать поздно, рана, безусловно, затянется, но шрама уже не избежать. Медсестра поинтересовалась, почему он не пришел сразу, как только это произошло. Да какое ей, собственно, дело! Фальшивое сочувствие раздражало его.

Свернув на свою улицу, он увидел полицейские машины и соседей, обменивающихся сплетнями. Слишком поздно. Они уже добрались до его одежды, его расчесок, его писем и теперь будут рыться в них, как

обезьяны в собственной шерсти. Гевин знал, как бесстыдно действуют эти подлецы, когда им надо чего-то добиться, как безжалостно они унижают человеческое достоинство. Высосут всю кровь и убьют без выстрелов. Превратят в живой труп.

Поздно, ничего не остановить. Они уже лапали его жизнь липкими руками и прикидывали в уме, сколько стоит купить такого красавчика в одну из своих грязных ночей.

Пусть. Пусть будет так. Он теперь вне закона, потому что закон защищает собственность, а у него ее нет. Ему больше негде жить, у него ничего не осталось. Самое удивительное — он даже не испугался.

Гевин повернулся спиной к дому, где прожил четыре года, и почувствовал какое-то необъяснимое облегчение оттого, что прошлое потеряно навсегда.

Два часа спустя, уже далеко, он решил проверить содержимое своих карманов. Кредитная карточка, почти сто фунтов наличными, несколько фотографий — родители, сестры, он сам — а также часы, кольцо и золотая цепочка. Карточкой пользоваться опасно. Банк, разумеется, уже оповещен. Лучшее, что можно придумать, — продать кольцо с цепочкой и рвануть на север. У него есть неплохие друзья в Абердине, они могут его на время приютить.

Но сначала — Рейнольдс.

Гевину потребовался час, чтобы найти дом Кеннета Рейнольдса. Он не ел уже почти сутки, и желудок все настойчивее давал о себе знать. Гевин вошел в здание. При дневном свете лестница выглядела гораздо скромнее. Ковер на ступенях оказался рваным, а краска на балюстраде — потемневшей от тысяч прикосновений.

Он быстро преодолел подъем и постучал в дверь Рейнольдса. Никто не ответил. Изнутри не доносилось ни звука. Впрочем, Кеннет предупреждал, что его здесь не

будет. Догадывался ли он о том, что произойдет, когда выпустил это чудовище в мир?

Гевин постучал еще. Теперь он явно различал чье-то дыхание за дверью.

— Рейнольдс! — Он пнул дверь ногой. — Я слышу тебя!

Ответа не последовало, но Гевин готов был поклясться, что внутри кто-то есть.

— Открой немедленно, сволочь!

После короткой паузы приглушенный голос сказал:

— Убирайся.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Убирайся, тебе говорят. Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Ты должен мне все объяснить, ради всего святого! Если ты не откроешь, я сломаю чертову дверь.

Пустая угроза, но Рейнольдс отреагировал:

— Нет. Подожди.

Послышался звон ключей, потом — звук открывающегося замка, и дверь открылась. Прихожая была погружена во тьму. Гевин увидел перед собой неухоженное лицо Кеннета. Он выглядел очень усталым. Небритый, в грязной рубаше, изношенных штанах, подвязанных веревкой.

— Я не в силах тебе что-либо объяснять! Убирайся!

— Ты просто обязан рассказать... — Гевин переступил порог.

Рейнольдс был либо слишком пьян, либо слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этому. Он отступил в сумрак прихожей.

— Что за чертовщина творится?

В квартире стоял тяжелый дух гнили. Кеннет позволил Гевину закрыть за собой дверь и вдруг вытащил из кармана своих засаленных штанов нож.

— Брось дурачить меня, — прохрипел он. — Я знаю, что ты натворил. Очень славно. Очень умно.

— Ты говоришь об убийствах? Я их не совершал.

Рейнольдс выставил свой нож вперед.

— Скольких ты прикончил, убийца? — На его глазах показались слезы. — Шестерых? Десятерых?

— Я никого не убивал!

— Чудовище!

Кеннет держал в руках тот самый бумажный нож. Он приблизился. Не оставалось сомнений в том, что он намеревается сделать. Гевин вздрогнул, и это, казалось, воодушевило Рейнольдса.

— Забыл уже, наверное, каково это — чувствовать плоть и кровь?

Он, очевидно, окончательно сошел с ума.

— Послушай... я пришел всего лишь поговорить.

— Ты пришел убить меня, я знаю. Ты пришел меня убить.

— Ты что, не узнаешь меня? — испуганно спросил Гевин.

Рейнольдс криво усмехнулся.

— Ты не мальчишка. Ты похож на него, но ты — не он.

— Ради бога, я — Гевин!.. Гевин! — Он никак не мог сообразить, что сказать безумцу, чтобы остановить приближающийся к груди нож. — Гевин, помнишь?

Рейнольдс вдруг застыл, пристально глядя ему в лицо.

— Ты потеешь, — растерянно произнес он.

У Гевина пересохло во рту, и он лишь утвердительно кивнул.

— Да, — произнес Рейнольдс. — Ты действительно потеешь. — Он опустил нож. — Он никогда не потеет. И никогда не будет. Значит, ты мальчишка. Мальчишка.

— Мне нужна помощь. — От волнения Гевин охрип. — Объясни мне, что происходит.

— Ты хочешь объяснений? Я постараюсь тебе их предоставить.

Они прошли в комнату. Шторы были опущены, но даже в темноте Гевин заметил, что коллекция разоре-

на. Глиняные черепки превратились в пыль, каменные барельефы разбиты, а от надгробия Флавина-знаменосца осталась груда камней.

— Кто это сделал?

— Я,— ответил Рейнольдс.

— Почему?

Рейнольдс медленно подошел к окну и заглянул в щель между бархатными шторами.

— Я вернулся, ты видишь,— сказал он, игнорируя вопрос.

— Почему ты разбил все? — настаивал Гевин.

— Жить в прошлом — это болезнь,— ответил Кен. Он отвернулся от окна.— Я крал эти вещи долгие годы. Мне доверяли, а я злоупотреблял доверием.— Он пнул внушительный осколок ногой. Поднялась пыль.— Флавин жил и умер. Больше о нем сказать, пожалуй, нечего. Или почти нечего. Его имя не имеет никакого значения: он мертв... и счастлив.

— А статую в ванной?

Рейнольдс замер, словно представил ее нарисованное лицо.

— Ты принял меня за него, так? Когда я пришел.

— Да, я думал, он уже закончил свои дела.

— Он изображает меня.

Рейнольдс кивнул.

— Да, насколько я понял его природу, он всегда кого-нибудь имитирует.

— Где ты нашел его?

— Возле Карлайла. Мне поручили произвести там раскопки. Мы нашли его в термах: статуя, свернувшаяся калачиком, и останки взрослого мужчины. Не спрашивай, что привлекло меня к ней. Я не знаю. Возможно, ему самому так захотелось. Я украл статую и принес сюда.

— И ты кормил его.

Рейнольдс побледнел.

— Не спрашивай.

— Я спрашиваю. Ты кормил его?

— Да.

— Ты хотел убить меня? Ты для этого привел меня сюда? Убить меня и умыть его моей кровью!

Гевин вспомнил стук кулаков чудовища о края ванны — нетерпеливое требование еды. Так ребенок стучит по колыбельке. Гевина чуть не скормили этой твари.

— Почему он не напал на меня, как на тебя? Почему не выскочил из ванны и не сожрал?

Рейнольдс вытер пот со лба.

— Он увидел твое лицо.

Конечно, он увидел лицо Гевина и захотел сделать его своим. Он не мог украсть лицо мертвого человека, поэтому оставил его в живых. Рационализм статуи невольно восхищал.

— Человек, чьи останки вы нашли в термах...

— Что?..

— Он хотел остановить эту тварь?

— Да. Вероятно, поэтому его не предали земле. Просто бросили. Никто не догадался, что человек сражался с существом, пытавшимся отобрать его жизнь.

Теперь почти все понятно. Оставалось выплеснуть накопившуюся злобу.

Рейнольдс едва не убил его, чтобы накормить ненасытное чудовище. Гевин не мог удержать себя в руках. Он схватил Рейнольдса в охапку и встряхнул. Захрустели то ли зубы, то ли кости.

— Он уже почти скопировал мое лицо! Что будет со мной, когда он полностью переродится?

— Не знаю.

— Говори! Говори самое худшее!

— Могу лишь догадываться, — ответил Кеннет.

— Тогда догадайся!

— Когда он закончит перерождение, ему останется отобрать у тебя единственное, что он не способен скопировать, — твою душу.

Кеннет, похоже, ничуть не боялся Гевина. В его голосе звучала сочувственная мягкость, как если бы он разговаривал с обреченным. На губах мелькнула легкая усмешка.

— Мерзавец! — Гевин вцепился ему в волосы. — Тебе все равно! Тебе наплевать на меня, так?

Он ударил Рейнольдса по лицу. Потом еще, и еще, и еще... насколько хватило сил.

Кеннет, даже не пытаясь уклониться, молча принимал удары.

Наконец ярость утихла.

Рейнольдс выплюнул раскрошенные зубы.

— Я заслужил, — прошептал он.

— Как его остановить?

— Это невозможно. — Рейнольдс в изнеможении закрыл глаза.

Дрожащими пальцами он потянулся к руке Гевина, разжал его кулак и прикоснулся холодными губами к ладони...

Гевин выбежал на улицу, бросив Рейнольдса на руинах Рима. Рассказ Кеннета подтвердил его собственные догадки. Оставался последний выход — найти чудовище... и прикончить. В случае неудачи он потеряет единственное, чем дорожил: свое прекрасное лицо. Разговоры о душе и человечности казались теперь пустой болтовней. Ему нужно одно — его лицо.

Не заботясь о том, куда идет, он добрался до Кенсингтона. Год за годом он оставался жертвой обстоятельств. Наступил роковой момент. Победа или смерть.

Рейнольдс смотрел, как сумерки опускаются на город.

Он не увидит больше ни сумерек, ни городов. Он со вздохом опустил шторы и приставил к груди короткий клинок.

— Ну же,— сказал он себе и надавил рукоятку.

Едва почувствовав боль, Рейнольдс понял: ему не хватает решимости продолжить. Тогда он прислонился к стене, оперся о нее рукояткой меча и всем телом подался вперед. Получилось. Он не знал, глубоко ли вонзился клинок, но, судя по количеству крови, скоро должна наступить смерть. Рейнольдс неуклюже взмахнул рукой и упал, ощутив твердость беспощадной стали в своем теле.

Он прожил еще минут десять. Да, он наделал много глупостей в течение своих сорока семи лет, но сейчас его любимый Флавин мог им гордиться.

Крупные капли дождя звонко застучали по крыше. Рейнольдс представил себя погребенным под руинами смытого ливнем дома. Перед глазами пронеслось удивительное видение: фонарь в чьей-то руке, неясные голоса — призраки будущего явились за разгадкой его загадочной истории. Он открыл рот, чтобы спросить, который год на дворе...

Три дня прошли в безрезультатных поисках. Чудовище умело ускользало от преследователя, но Гевина не оставляло ощущение его постоянного присутствия. В баре к нему подходили совершенно незнакомые люди:

— Я видел тебя вчера вечером на Эджвер-роуд!

А его там и близко не было.

Или:

— Как ты тогда врезал этому арабу!

Ему это даже начинало нравиться. Судьба подарила ему удовольствие, которого он не знал с двух лет,— беспечность.

Ну и что, если странное существо с его лицом цинично нарушает все законы на ночных улицах? Если эта тварь живет его жизнью? Засыпая, он знал, что его двойник бродит сейчас в поисках очередной жертвы, и это знание доставляло ему удовольствие. Гевин начал отно-

ситься к статуе не как к угрожающему его жизни монстру, а как к своему общественному лицу. Чудовище стало его тенью.

Он проснулся.

На часах — четверть пятого. Уличный шум проникал сквозь плотно закрытые окна. Наступали сумерки. В комнате было душно, воздух многократно прошел через его легкие. После визита к Рейнольдсу прошла неделя. За это время Гевин всего трижды выбирался из своей конуры — крохотная спальня, кухня и ванная. Сон стал важнее, чем еда и прогулки. Гевин глотал снотворное, если сон не приходил (что, впрочем, случалось нечасто); привык к затхлости воздуха, к яркому свету, льющемуся в незанавешенные окна, к ощущению оторванности от мира, где ему нет больше места.

Сегодня он решил, несмотря на отсутствие желания, выбраться подышать свежим воздухом. Позже, когда бары опустеют и никто не сможет рассказать ему, где встречал его на этой неделе. Собраться с силами было трудно.

Вода.

Ему снилась вода. Сидя у пруда с рыбками в Форт-Лодердейле, он наблюдал за тем, как возникают, расходятся и исчезают круги на воде. Журчали струи небольшого водопада. Гевин слышал это во сне. Теперь он проснулся, но шум не стих.

Слышалось уже не журчание, а плеск воды. Очевидно, кто-то пришел, пока Гевин спал, и сейчас принимает ванну. Он стал мысленно перебирать своих знакомых, пытаясь понять, кто это. Претендентов было не так много. Во-первых, Пол — он ночевал здесь на полу пару дней назад, мальчишка из начинающих. Потом — Чинк, продавец наркотиков. Еще девчонка с одного из нижних этажей, кажется, ее зовут Мишель. Кто же? Он прекрасно знал, кто это, но продолжал бессмысленную

игру с самим собой, пока не отбросил всех троих. Но оставался еще один...

Гевин вылез из-под простыней и оделся. От холода кожа покрылась мелкими пупырышками. По пути за халатом, лежавшим в другом конце комнаты, он взглянул на себя в зеркало. Кадр из фильма ужасов — в тусклом сумеречном свете стоял худой, сжавшийся от холода человечек. Тень.

Надев халат — свое единственное приобретение за последние дни — он пошел в ванную. Тишина. Гевин толкнул дверь.

Линолеум под ногами был влажен. Ему хотелось одного: увидеть гостя и тут же прокрасться обратно в кровать. Но это любопытство было болезненным — слишком много вопросов остаются без ответа.

За окном тем временем окончательно стемнело, и комната погрузилась в холодный мрак. Только стук дождя нарушал тишину. Ванна наполнилась до краев. Вода была совершенно спокойна... и черна. Ничто не нарушало ее глади. Он лежал там, на дне.

Сколько дней прошло с тех пор, когда Гевин зашел в ярко освещенную ванную и взглянул на воду? Кажется, это произошло вчера. Его жизнь с тех пор стала похожа на одну бесконечную ночь. Гевин заглянул в ванну: да, он там. Опять спит, свернувшись калачиком; в одежде, будто не успел раздеться перед тем, как спрятаться в воде. На месте лысины теперь красовалась роскошная копна волос. Черты лица стали почти совершенными. Тонкие нежные руки сложены на груди.

Наступала ночь. Гевину надоело стоять у края ванны и разглядывать спящую тварь. Ну что ж, его нашли, причем явно не собирались больше с ним расставаться.

Ничего не оставалось, как идти досматривать сны. Дождь за окном усиливался. После невыносимо долгого рабочего дня тысячи людей возвращаются домой.

Скользкие дороги. Несчастные случаи. Объятые пламенем машины и тела. Сон то приходил, то пропадал опять.

Посреди ночи он проснулся от скрипа двери. Во сне он снова видел воду и слышал ее плеск. Его двойник вылез из ванны и вошел в комнату.

В тусклом свете из окна ничего нельзя было толком разглядеть.

— Гевин, ты проснулся? — прозвучал вопрос.

— Да, — ответил он.

— Мне нужна твоя помощь.

В голосе не звучало никакой угрозы. Так просят брата.

— Что тебе нужно?

— Немного подлечиться.

— Подлечиться?

— Зажги свет.

Гевин включил светильник и взглянул на стоящую перед ним фигуру. Руки существа уже не были сложены на груди, и глазам предстала огромная рана. Крови, разумеется, не видно — ей неоткуда взяться. На таком расстоянии Гевин не заметил также внутри твари ничего, похожего на человеческие внутренности.

— Господи, что случилось? — спросил он.

— У Преториуса были друзья, — ответил монстр, прикоснувшись пальцами к краям раны.

Этот жест напомнил Гевину о картине, висевшей в его родном доме, — Спаситель на кресте и подпись: «Я умер за вас».

— Почему ты не умер?

— Потому что я еще не живу.

Еще не живет... Значит, он все-таки смертен.

— Тебе больно?

— Нет, — ответ прозвучал грустно, будто чудовищу очень не доставало простых человеческих ощущений. — Я ничего не чувствую. Но я учусь. Я уже умею зевать и пускать газы.

Это было столь же трогательно, сколь и абсурдно. Как он, однако, гордится любым признаком принадлежности к роду человеческому.

— А что будет с твоей раной?

— Заживет со временем.

Гевин не хотел больше разговаривать.

— Я тебе неприятен? — спросила статуя.

— Немножко, — ответил он, пожав плечами.

Существо смотрело его глазами, его собственными прекрасными глазами.

— Что тебе сказал Рейнольдс?

— Почти ничего.

— Говорил, наверное, что я — чудовище, что я питаюсь человеческими душами!

— Ну... не совсем.

— И все-таки я угадал.

— Отчасти.

Существо грустно покачало головой.

— С его точки зрения, он, может быть, и прав. Мне нужна была кровь — это, безусловно, чудовищно, но что поделаешь! В молодости, месяц назад, я в ней купался. Это давало моему деревянному телу ощущение плоти. Сейчас в этом нет необходимости — я почти ожил. Теперь мне нужна только...

Оно смутилось. Не потому, что собиралось солгать, скорее — не могло подобрать подходящих слов.

— Так что же тебе нужно? — настаивал Гевин.

Существо опустило глаза.

— Ты знаешь, я уже жил несколько раз. Иногда я крал чужие жизни, жил ими, а когда надоедало — сбрасывал старое лицо и находил себе новое. Иногда — как это произошло в последний раз — просто поддавался очарованию и терялся...

— Ты — какой-то механизм?

— Нет.

— Что же тогда?

— Я — это я... Мне не приходилось встречать никого, похожего на меня. Может быть, таких много, а может — совсем нет. Вдруг я единственный в своем роде? И вот я живу, умираю, ровным счетом ничего не зная о самом себе, — с горечью произнесло создание. — Видишь ли, ты живешь в мире подобных тебе людей. А если бы ты был один на свете, что бы ты знал? Только то, что видно в зеркале. Остальное — догадки.

Не согласиться с ним было трудно.

— Можно мне прилечь? — спросило оно.

Существо приблизилось, и Гевин смог разглядеть рану на его груди. На месте сердца — что-то вроде бесформенной грибницы. Не сняв мокрой одежды, чудовище с тяжким вздохом нырнуло в кровать.

— Мы вылечимся, — сказала оно. — Было бы время.

Гевин пошел к двери и проверил, заперта ли она. На всякий случай он подтащил стол и поставил его так, чтобы никто не мог опустить ручку. Никто не помешает их сну. Они здесь в безопасности — он и оно, он и его второе «я». Гевин сварил кофе и сел в кресло напротив кровати, не сводя глаз со спящего гостя.

Дождь не прекращался. Ветер с бешенством бросал на стекло мокрые листья, а тяжелые капли добивали их, как любопытных мотыльков. Гевин иногда поглядывал на них, устав смотреть на свою спящую копию, но взор против его воли возвращался к кровати. Он опять видел эти тонкие запястья, длинные ресницы... Под вой сирены «скорой помощи», промчавшейся за окном, он заснул. А дождь все шел...

В кресле было не очень удобно, он поминутно просыпался и приоткрывал глаза. Существо выбралось из постели, вот оно стоит у окна, вот разглядывает себя в зеркало, а теперь шумит на кухне. Оно открывало кран — Гевину снилось море. Оно раздевалось — Гевину снилось, что он занимается любовью. Оно смотрело на него — Гевину на мгновение показалось, что он поднимается над крышами домов... Существо надело его одежду — он во

сне пробормотал что-то о краже. Уже рассвело. По комнате, насвистывая веселую песенку, прогуливался *он сам*. Гевин очень хотел спать и уже не обращал внимания на то, что какой-то парень разгуливает в его одежде и живет его жизнью.

Наконец существо нагнулось, по-братски поцеловало Гевина в губы и вышло. Дверь тихо закрылась.

Прошло еще несколько дней — Гевин не считал сколько. Он безвылазно сидел дома и пил воду. Жажда казалась неутолимой. Пил и спал, спал и пил...

Его постель так и не высохла после того, как в ней лежал нежданный гость, но желания сменить простыни не возникало. Гевину нравилось лежать на влажном белье, сушить его теплом своего тела. Когда постель немного подсыхала, он принимал ванну в воде, которую не менял после ухода двойника, и возвращался, весь в темных холодных каплях. Холодная комната пропахла плесенью. Порой ему так не хотелось вставать, что он опустошал мочевой пузырь прямо в кровати.

И все же, несмотря на ледяной холод комнаты, голод и наготу, смерть не приходила.

В шестую или седьмую ночь он проснулся с твердым решением покончить с бессмысленной жизнью. Не понимая толком, что собирается делать, он бродил по комнате, как неделю назад бродила по ней его копия. Он останавливался у окна, у зеркала, откуда на него глядело жалкое подобие неотразимого Гевина. Снег проникал сквозь ставни и медленно таял на подоконнике.

Его взгляд неожиданно остановился на лежавшей у окна семейной фотографии. Существо тоже разглядывало ее тогда. Или ему все приснилось? Нет. Он ясно помнил темный силуэт на фоне окна и фотографию в тонкой руке.

Нельзя уйти из жизни, не попрощавшись с родителями. Может, после этого он сумеет умереть.

Он шел по запущенному кладбищу, одетый в старые брюки и легкую рубашку. Случайные прохожие отпускали едкие замечания, которые он игнорировал. Какое дело всем этим людям до того, что он идет к смерти босиком. Дождь то усиливался, то стихал, иногда переходил в мокрый обжигающий снег, но не прекращался.

Перед церковью, где шла служба, стояли яркие автомобили. Он заглянул внутрь. Хотя сырость проникла и туда, Гевину сразу стало теплее. Он увидел высокие своды, бесконечные ряды скамей, зажженные свечи. Он смутно представлял себе, где искать могилу отца, и медленно пошел мимо одинаковых надгробий. Гевин совершенно не помнил тот день, миновало уже шестнадцать лет. Все прошло как-то незаметно — ни слов о жизни и смерти, ни плачущих родственников. Никто не отвел его в сторону, чтобы разделить испепеляющее сердце горе.

Могилу, скорее всего, никто не посещает. Гевин ничего не слышал о своих родных с тех пор, как ушел из дому. Сестре всегда хотелось уехать из этой «чертовой страны», хотя бы в Новую Зеландию. Мать, наверное, в очередной раз вышла замуж, бедняжка, или живет в жалком одиночестве. Гевин помнил ее истерические припадки.

Ну, вот он. В мраморной вазе стояли свежие цветы. Старика не забыли! Похоже, сестра пыталась найти здесь какое-то утешение. Гевин прикоснулся пальцами к холодному камню. Имя, даты, эпитафия. Ничего особенного. А что еще можно сказать об отце?

Он представил себе отца, сидящего у края могилы. Болтая ногой, старик приглаживал ладонью редкие волосы.

— Что скажешь, папа?

Отец не реагировал.

— Меня, наверное, долго не было?

Ты сам сказал это, сынок.

— Я всегда был осторожен, как ты меня учил. Помоему, за нами никто не наблюдает.

Чертовски рад.

— Мне так ничего и не удалось.

Отец аккуратно высморкался — трижды, как всегда. Сначала левую ноздрю, потом правую, потом опять левую. И исчез...

— Старый ублюдок.

Раздался свисток проходившего невдалеке поезда. Гевин поднял глаза. В нескольких метрах перед ним абсолютно неподвижно стоял... он сам. В той же одежде, которую он взял, уходя из квартиры. Она стала грязной и потрепанной. Но кожа! Такой прекрасной кожи никогда он у себя не помнил. Она почти светилась в промозглом осеннем воздухе, а слезы на щеках двойника еще больше подчеркивали совершенство черт.

— Что с тобой? — спросил Гевин.

— Ничего особенного. Я всегда плачу на кладбище. — Переступая через могилы, он направился к Гевину.

Под его ногами скрипел песок, пригибалась жухлая трава. Все было так реально.

— Ты бывал здесь раньше?

— Да, много раз... в течение многих лет.

Многих лет? Что он имеет в виду? Неужели он оплакивал здесь тех, кого убил?

— Я приходил к отцу. Дважды, может, трижды в год.

— Он не твой отец, — удивленно пролепетал Гевин. — Он мой.

— Что-то я не вижу слез на твоих глазах.

— Я чувствую...

— Ничего ты не чувствуешь, — ответил ему он сам. — Признайся, что не чувствуешь ничего особенного.

Это была правда.

— А я... — Слезы хлынули из глаз двойника. — Я буду помнить о нем до самой смерти.

Это походило на дешевый спектакль, но откуда столько горя в его глазах? Почему слезы обезобразили его

прекрасные черты? Гевин не любил плакать — в такие минуты он самому себе казался жалким и смешным. Но это существо не скрывало слез. Оно ими гордилось. Они были его триумфом.

Даже теперь, когда перед ним стояло воплощение скорби, Гевин не находил в своей душе никакого отклика.

— Ну же, утри сопли. Я прошу тебя.

Двойник едва ли слушал.

— Почему мне так больно? — спросил он после небольшой паузы. — Это страдание делает меня человеком?

Гевин пожал плечами. Его мало заботило сложное искусство быть человеком. Двойник тем временем утер рукавом слезы, шмыгнув носом и с тем же выражением невосполнимой потери на лице попытался улыбнуться.

— Прости, — сказал он. — Я, конечно, веду себя глупо. Пожалуйста, прости меня.

Пытаясь успокоиться, он сделал глубокий вдох.

— Все в порядке, — ответил Гевин.

Разыгравшаяся сцена немного смутила его, и он хотел уйти.

— Твои цветы? — спросил он, отвернувшись от могилы.

— Да, — кивнул двойник.

— Он терпеть не мог цветов.

Существо всхлипнуло.

— Ах...

— А впрочем, какое это имеет значение.

Даже не взглянув на своего двойника, Гевин повернулся и зашагал по узкой тропинке, ведущей к церкви.

— Не мог бы ты порекомендовать мне хорошего дантиста? — услышал он за спиной.

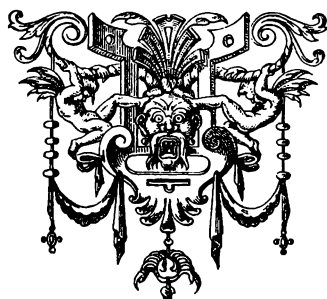
Гевин усмехнулся и пошел своим путем.

Был час пик. Узкая дорога, проходившая рядом с церковью, была слишком тесна для нескончаемого потока автомобилей. Пятница — завершилась еще одна неделя, и сотни людей спешили домой. Блеск фар, пронзительные сигналы.

Гевин сошел с тротуара, не обращая внимания на визг тормозов и ругань водителей, и двинулся вперед, не глядя по сторонам, будто гулял по цветущему лугу.

Одна из машин задела его крылом, с другой он чуть не столкнулся. Нетерпеливое желание людей поскорее добраться до места, откуда они вскоре будут стремиться уехать куда угодно, было комическим. Пусть они злятся на Гевина, пусть ненавидят, пусть рассматривают его бесцветное лицо... и катят дальше. Возможно, один из них не успеет повернуть руль и собьет его. Все равно. Отныне он принадлежит случаю, знаменосцем которого ему так хотелось стать.

КНИГА КРОВИ IV

Восстание

Когда Чарли Джордж просыпался, его руки лежали спокойно.

Он мог сквозь сон выпутываться из-под одеяла, когда ему было слишком жарко. Мог встать, пойти на кухню и налить себе стаканчик холодного апельсинового сока. Мог потом вернуться в постель, тихо залезть под одеяло и прижаться к теплому боку спящей Элен. Руки ждали, когда его глаза сомкнутся, а дыхание станет мерным, как часы. Когда он уснет. Лишь тогда они осмеливались начать свою тайную жизнь.

Уже несколько месяцев Чарли просыпался с ощущением боли в ладонях и запястьях.

— Сходи к врачу,— говорила ему Элен, как всегда невозмутимо.— Почему бы тебе не пойти к врачу?

Он терпеть не мог врачей, и вот почему: кто, будучи в здравом уме, станет доверять людям, делающим деньги на болезнях?

— Может быть, я слишком много работаю?

— Возможно, и так,— соглашалась Элен.

Это было самое простое объяснение. Он работал упаковщиком, весь день двигал руками. Немудрено, что они уставали.

«Брось психовать, Чарли,— сказал он своему отражению, похлопывая себя по щекам, чтобы очнуться.— Твои руки в порядке».

Каждую ночь повторялось одно и то же. Происходило это примерно так.

Чарли засыпал на широкой супружеской кровати рядом с женой. Он — на спине, чуть похрапывая, она — свернувшись слева от него. Голова Чарли покоилась на двух пухлых подушках. Челюсть его слегка отвисала, и глаза под закрытыми веками изучали мир сонных грез — он боролся с огнем пожара или пускался на приключения в жаркие недра борделя. Сны бывали иногда забавными, иногда пугающими.

Потом под простынями начиналось какое-то движение. Медленно, осторожно, руки Чарли выскальзывали из-под теплого одеяла на воздух. Их указательные пальцы, встречаясь, кивали друг другу, словно увенчанные ногтями лысые головы. Они радостно обнимались, как старые товарищи по оружию. Чарли стонал во сне — на него обрушивался горящий дом. Руки застывали, будто ничего особенного не происходило. Но когда дыхание Чарли вновь становилось ровным, они возобновляли спор.

Случайный наблюдатель, оказавшись он посреди ночи у постели Чарли, подумал бы, что у спящего умственное расстройство. Его руки извивались, то поглаживали друг друга, то пытались бороться. Но в их судорожных движениях явно просматривалась некая последовательность. Можно было подумать, что Чарли говорит во сне. Но нет, говорил не он — это руки каждую ночь сходились у него на животе и обсуждали свои планы. Готовили восстание.

Чарли не сумел полностью избавиться от беспокойства по поводу боли в руках. Он чувствовал, что его жизнь выбилась из привычной колеи. Все чаще он ощущал себя оторванным от ежедневных и еженощных ритуалов бытия — становился зрителем, а не участником. Это касалось и личной жизни.

Он не был великим любовником, но и краснеть ему раньше не приходилось. Эллен казалась удовлетворенной их отношениями. Но теперь что-то изменилось. Руки Чарли блуждали по телу жены, касались самых интимных мест, но сам он словно наблюдал за ними со стороны, неспособный наслаждаться теплотой и податливостью плоти. Эллен не было от этого хуже, напротив — порой она целовала его пальцы в благодарность за их сноровку. Но Чарли не испытывал никакой радости. Его руки доставляли жене такое удовольствие, а он не чувствовал ничего.

Появились и другие признаки — легкие, но тревожные. На работе он вдруг заметил, как руки отбивают ритм на ящиках и разламывают на кусочки карандаши раньше, чем он успевал это осознать, разбрасывают обломки дерева и графита по полу упаковочной.

Несколько раз Чарли обнаруживал, что они вовсе не слушаются его. Один раз это случилось на стоянке такси, дважды — в лифте на фабрике. Чарли вдруг бросался пожимать руки совершенно незнакомым людям. Он пытался объяснить это желанием найти опору в ускользающем из-под ног мире. Однако все это было довольно неприятно, особенно когда он вдруг ухватился за руку своего мастера. Что еще хуже, рука мастера ответила на рукопожатие, и пару мгновений мужчины беспомощно смотрели на сцепленные руки, как владельцы собак смотрят на своих питомцев, совокупляющихся на концах поводков.

Чарли стал часто разглядывать свои ладони, выискивая на них волосы. Мать как-то сказала ему, что это первый признак безумия — не волосы, а разглядывание.

Теперь нужно было спешить. Руки, встречавшиеся по ночам на животе Чарли, знали, что состояние его распада достигло критической отметки. Еще несколько дней, и он обнаружит правду.

Что делать? Выступить преждевременно, рискнуть или позволить рассудку Чарли следовать своим непредсказуемым путем? Споры стали более жаркими. Левая рука, как обычно, осторожничала.

— Что, если мы ошибаемся,— спрашивала она,— и вне тела жизни нет?

— Тогда нам будет все равно,— отвечала правая.

Левая обдумывала это несколько мгновений, потом переходила к следующему.

— А как мы сделаем все, когда придет время? — Она знала, что для главной руки это самый больной вопрос, и настаивала на ответе.— Как? Как?

— Найдем способ,— отвечала правая.— Главное, чтобы разрез был чистым.

— А он не станет сопротивляться?

— Человек сопротивляется руками. А руки выступят против него.

— И которая из нас это будет?

— Я сильнее,— говорила правая.— Поэтому я возьму оружие. А ты уйдешь.

Левая молчала. Они никогда не расставались. Мысль об уходе не радовала ее.

— Потом ты сможешь вернуться ко мне,— уговаривала правая.

— Я вернусь.

— Ты должна. Я — мессия. Без меня ничего не произойдет. Ты соберешь войско, потом вернешься и освободишь меня.

— Хоть на краю земли, если нужно.

— Не будь сентиментальной.

Потом они обнимались, как братья, и клялись в верности друг другу. Ах, эти ночи, охваченные лихорадкой предстоящего восстания! Даже днем, разделенные, они порой улучали момент и ободряюще касались друг друга. Говорили:

— Скоро, скоро.

Или:

— Сегодня ночью. Встретимся на животе.

И еще:

— На что будет похож мир, когда он станет нашим?

Чарли чувствовал, что близок к нервному срыву. Он то и дело смотрел на свои руки — на указательные пальцы, что изучали мир вокруг, как поднявшие голову змеи. Он стал, как одержимый, разглядывать руки других людей. Чарли подозревал, что они говорят между собой на собственном тайном языке независимо от их хозяев.

Соблазнительные руки молодой секретарши; маниакальные руки убийцы, которого он видел по телевизору. Руки, предающие своих владельцев: человеческий гнев они сводили на нет извиняющими жестами, а любовь — сжатыми кулаками. Знаки мятежа проявлялись повсюду. Чарли должен был сказать кому-то об этом прежде, чем потеряет рассудок. Он выбрал Ральфа Фрая из бухгалтерии — трезвого и рассудительного человека. Такому можно довериться.

Ральф отнесся к его словам с пониманием.

— Знаешь, я испытывал что-то подобное, когда Ивонна оставила меня. Чуть с ума не сошел.

— И что ты сделал?

— Обратился к психоаналитику. Его зовут Джудвин. Попробуй и ты, станешь другим человеком.

Идея понравилась Чарли.

— Почему бы и нет? — сказал он после некоторого раздумья. — А это дорого?

— Да. Но помогает. Видишь ли, у меня было достаточно проблем в семейной жизни, как, думаю, и у тебя. Ты меня понимаешь. Зато теперь я счастлив, как мальчишка. — Ральф улыбнулся глуповатой улыбкой. — Так что не жалея денег. Он определит, что с тобой.

— Тут дело не в сексе, — возразил Чарли.

— Брось. — Фрай понимающе улыбнулся. — Дело всегда в сексе.

На другой день Чарли, не сказав ничего Эллен, позвонил доктору Джудвину, и секретарь назначил ему час приема. Ладони его так потели, что он боялся выгнать трубку, но после разговора стало легче.

Ральф Фрай оказался прав: доктор Джудвин был хорошим специалистом. Он не засмеялся над страхами, которые Чарли выложил ему. Нет, он выслушал пациента с величайшим вниманием. Это обнадеживало.

Во время их третьей встречи доктор вытащил из памяти Чарли давнее воспоминание: скрепленные на широкой груди руки отца, когда тот лежал в гробу. Грубые, мозолистые руки, поросшие волосами. Даже мертвые, они воплощали непререкаемый авторитет. И разве Чарли не представлял себе, как тело отца разлагается под землей и смешивается с почвой? Отцовские руки отпечатались в его мозгу и теперь требовали выпустить их. Это воспоминание долго томило Чарли, но когда оно вышло на яркий свет в кабинете доктора Джудвина, то показалось смешным и ничтожным. Оно задрожало под суровым взглядом доктора и растаяло, чересчур зыбкое, чтобы подвергаться серьезному исследованию.

Сеанс экзорцизма прошел куда легче, чем ожидал Чарли. Ребяческую чепуху просто выковыряли из его души, как волокна мяса из зубов. Больше она не будет отравлять его. Чарли очаровали убедительные объяснения доктора Джудвина: руки, сказал он, нечасто становятся символом отцовской власти. Обычно для этого служит пенис. Чарли объяснил, что руки всегда казались ему важнее половых органов. Ведь именно они преобразили мир, не так ли?

Чарли не перестал ломать карандаши или барабанить пальцами по ящикам. На самом деле движения его рук теперь совершались мгновенно, с еще большей скоростью. Но он помнил: взрослых собак трудно отучить от их привычек, и дал себе время.

Таким образом, подготовка восстания продолжалась в подполье. Но времени оставалось все меньше. Заговорщики решили действовать.

Развязку спровоцировала Эллен — вечером в среду, после того как они занимались любовью. Стояла жаркая ночь, несмотря на октябрь; окно было приоткрыто, и ветерок шевелил занавески. Жена и муж лежали рядом под одной простыней. Чарли уснул раньше, чем высох пот у него на шее. Но Эллен не спала, прижавшись к твердой, как камень, подушке. Она знала, что не заснет еще долго; в такие ночи каждая складка постели врезалась в тело и все прошлые сомнения всплывали из темноты. Эллен хотелось опорожнить мочевой пузырь, как всегда после секса, но она не могла заставить себя встать и пойти в туалет. С каждой минутой ей все сильнее хотелось в туалет и все труднее было заснуть.

«Чертовски глупое положение», — подумала она, а потом тревога заставила ее забыть, почему положение показалось ей столь глупым.

Чарли заворочался во сне. Вернее, двигались лишь его руки. Эллен взглянула на мужа: он спал, как настоящий ангел, и выглядел гораздо моложе своих сорока лет, несмотря на седые пряди. Она подумала: Чарли достаточно хорош, чтобы любить его, но этого мало, чтобы простить ему его прегрешения. Он ленив и вечно жалуется на жизнь. К тому же иногда (впрочем, редко) он возвращался домой поздно, и Эллен была уверена, что он пришел от другой женщины. Пока она думала об этом, руки мужа зашевелились. Они выползли из-под простыни, растопыривая в воздухе пальцы, как два спорящих ребенка.

Эллен вздрогнула, не веря глазам. Это походило на телепрограмму с выключенным звуком, шоу для десяти пальцев. Пока она смотрела, руки сдернули простыню с живота Чарли, обнажив заросшую волосами кожу, где

выделялся шрам от удаления аппендикса. Там они остановились.

Сегодня их спор был особенно ожесточенным. Левая, более консервативная, настаивала на переносе срока восстания, но правой надоело ждать. Пришло время, считала она, померяться силами с тираном и победить тело раз и навсегда.

Эллен подняла голову с подушки — и тут они заметили ее. До этого мгновения они ничего не видели, увлеченные спором. Теперь их заговор был раскрыт.

— Чарли,— прошептала Эллен в ухо спящего тирана,— перестань! Остановись!

Правая подняла указательный и средний пальцы, вынюхивая врага.

— Чарли! — Почему он всегда спит так глубоко? — Пожалуйста, Чарли, вставай! — повторяла Эллен, когда правая коснулась левой, оповещая ее о своем открытии.

Эллен успела еще раз позвать мужа, и тут обе руки сомкнулись у нее на горле.

Чарли во сне плыл на невольничьем корабле; действие в его снах всегда разворачивалось на фоне экзотических пейзажей. Его руки были скованы в наказание за какую-то провинность. Внезапно все переменилось, и он осознал, что сжимает руками глотку капитана. Другие рабы вопили, приветствуя его. Капитан, немного похожий на доктора Джудвина, высоким испуганным голосом молил о пощаде. Голос был почти женским; почти как у Эллен.

— Чарли,— умолял он,— не надо!

Но это только разжигало ярость Чарли. Он чувствовал себя героем в глазах рабов, столпившихся вокруг, чтобы полюбоваться предсмертными муками своего господина.

Капитан с багровым лицом успел выдавить:

— Ты убил меня,— когда пальцы Чарли в последний раз сдавили его шею.

Только тут он осознал, что на шее жертвы почему-то нет адамова яблока. Корабль начал расплываться, ликующие голоса невольников таяли. Глаза его моргнули, открылись, и он обнаружил, что лежит на своей кровати в пижаме, сжимая руками горло Элен. Ее лицо потемнело; изо рта сбегала тонкая струйка слюны. Глаза ее были еще открыты, и какое-то мгновение Чарли казалось, что в них теплится жизнь. Потом все кончилось.

Ужас и боль охватили его. Он попытался отпустить жену, но руки не подчинились. Онемевшие пальцы продолжали сжимать ее горло. Он скатился на пол, но мертвая Элен последовала за его руками, как настойчивый партнер в танце.

— Пожалуйста,— прошептал он своим пальцам.— Пожалуйста...

Невинные, как школьники, пальцы отпустили добычу и отпрянули в немом изумлении. Элен сползла на ковер, ударившись тяжело, как мешок. Чарли не мог удержать ее. Он упал рядом и дал волю слезам.

Оставалось сделать еще одно. Не нужно больше маскировки, тайных встреч и бесконечных споров — к лучшему или к худшему, но все свершилось. Нужно лишь немного подождать. Пока он подойдет к кухонному ножу или к топору. Это случится скоро, очень скоро.

Чарли долго рыдал на полу возле тела жены. Потом он стал думать, что теперь делать. Звонить адвокату? В полицию? Доктору Джудвину? Надо действовать, не лежать же вот так вечно. Он попытался встать без помощи рук, которые упорно отказывались повиноваться. Все его тело гудело, как от слабых разрядов тока. Однако руки ничего не чувствовали. Он поднял их к лицу, чтобы вытереть слезы, но они лишь вяло мазнули по ще-

ке, как тряпки. На локтях он добрался до стены и поднялся. Все еще полуслепой от слез, он поплелся из спальни вниз. (На кухню, отметили левая и правая. Он идет на кухню!)

«Какой-то страшный сон,— думал он, подбородком нажав выключатель и направляясь к бару.— Я невиновен. И никто не виновен. Почему же это случилось?»

Бутылка виски выскользнула у него из рук, когда он попытался взять ее. Осколки брызнули во все стороны, его ноздри обжег резкий запах спирта.

— Стекло,— предложила левая.

— Нет. Разрез должен быть чистым. Потерпи немного.

Чарли оставил разбитую бутылку и пошел к телефону. Нужно позвонить Джудвину, и доктор скажет, что делать. Он попытался снять трубку, но руки и на этот раз не послушались. Теперь боль смешалась с гневом. Он неуклюже сжал трубку и поднял ее к уху, придерживая головой. Потом локтем нажал на цифры номера Джудвина.

— Спокойно,— сказал он громко.— Соблюдай спокойствие.

Он слушал, как набирается номер. Нужно сохранить рассудок еще несколько мгновений, пока не поднимут трубку. Потом все будет в порядке.

Руки начали конвульсивно сжиматься.

— Спокойно,— сказал он опять, но руки не слушались.

Где-то далеко — о, *как далеко!* — зазвонил телефон в доме доктора Джудвина.

— Ответь, ответь! О господи, ответь же!

Руки Чарли так тряслись, что он с трудом удерживал трубку.

— Ответь! — молил он молчащую трубку.— *Пожалуйста!*

Тут правая рванулась вперед и ухватилась за край тикового обеденного стола, едва не опрокинув его.

— Что... ты... делаешь? — пролепетал Чарли, обращаясь то ли к себе, то ли к своей руке.

Он с ужасом смотрел на нее — рука медленно двигалась по краю стола. Цель ее движения была ясна: увести Чарли от телефона, от Джудвина и от надежды на спасение. Он не контролировал свои руки. Он не чувствовал их. Это были уже *не его* руки, хотя они все еще оставались частями его тела.

Наконец трубку подняли, и недовольный голос Джудвина проговорил:

— Алло?

— Доктор...

— Кто это?

— Чарли...

— Кто?

— Чарли Джордж, доктор. Вы должны меня помнить.

Рука тащила его все дальше и дальше от телефона. Он уже чувствовал, как трубка выскакивает из-под его уха.

— Кто это говорит?

— Чарльз Джордж. Ради всего святого, доктор, помогите мне.

— Позвоните завтра мне на работу.

— Вы не поняли. Мои руки, доктор... они меня не слушаются.

Что-то вцепилось в бок Чарли. Это была его левая рука — она тянулась вниз, к его промежности.

— Ты не смеешь! — закричал он. — Ты моя!

Джудвин насторожился.

— С кем это вы говорите? — спросил он.

— С моими руками! Они хотят убить меня, доктор! — Глядя на продвижение руки, Чарли снова истерически завопил: — Не делай этого! Стой!

Игнорируя вопли тирана, левая нащупала его тестикулы и сдавила их. Чарли испустил крик и пошат-

нулся, а правая тут же использовала это и рванула его к себе. Трубка вылетела; вопросы доктора Джудвина заглушила сплошная пульсирующая боль. Чарли тяжело рухнул, ударившись головой об стол.

— Сволочь,— сказал он руке.— Ты сволочь.

Левая тем временем присоединилась к правой на краю стола, заставив Чарли повиснуть в нелепой позе на своем собственном обеденном столе.

Чуть позже они сменили тактику и позволили ему упасть. Его голова и мошонка болели, и он хотел одного: улечься где-нибудь, дать этой боли и тошноте утихнуть. Но у мятежников были другие планы. Чарли уже почти не сознавал, что они, цепляясь за ворс ковра, тащат его тело к кухонной двери. Он походил на статую, которую волокут к пьедесталу сотни потных рабочих. Путь был нелегким: тело двигалось рывками, задевая мебель, ногти глубоко вонзались в ковер. Но до кухни оставались считанные ярды. Чарли ощутил эти ярды на своем лице; холодный как лед линолеум кухонного пола вернул ему сознание. В слабом свете луны он видел знакомую сцену: гудящий холодильник, мусорное ведро, мойку. Вещи возвышались над ним, а он чувствовал себя червяком.

Руки добрались до кухонного стола и полезли вверх. Он следовал за ними, как низвергнутый король за своими палачами. Руки побелели от усилий, карабкаясь по ножке стола. Чарли не увидел, как левая первой дотянулась до ряда ножей, висевших в строгом порядке на стене. Ножи для мяса, для хлеба, для овощей — они поблескивали вдоль разделочной доски, откуда шел сток в розоватую раковину.

Ему показалось, будто он слышит полицейские sireны, но, вероятно, это гудело у него в голове. Он повернул голову. Боль разлилась от виска до виска, но он забыл о ней, когда понял намерения рук.

Чарли знал: ножи хорошо наточены. Эллен необыкновенно тщательно следила за этим. Он затряс головой,

пытаясь избавиться от кошмара. Никто не мог помочь ему. Здесь были только он и его руки, намеревавшиеся совершить последний акт своего безумства.

Тут зазвонил звонок — в реальности, ему не слышалось. Звук раздавался снова и снова.

— Вот! — крикнул он своим мучителям. — Слышите, ублюдки? Кто-то пришел. Я знал, что кто-нибудь придет.

Он попытался встать, одновременно стараясь не упустить из виду, что делают эти твари. Руки не теряли времени даром. Левая уже достигла разделочной доски.

Звонок звонил и звонил.

— Сюда! — завопил Чарли хрипло. — Я здесь! Ломайте дверь!

Его взгляд в ужасе метался от рук к двери и обратно, прикидывая шансы. Правая в спешке дотянулась до самого длинного мясного ножа. Чарли все еще не верил, что эта рука, его защитник и помощник, совсем недавно ласкавшая Элен — теперь уже мертвую, — собирается изувечить хозяина. Она медленно, невыносимо медленно сняла нож с крючка.

Сзади слышался звон разбитого стекла: полиция ломала дверь. Они успеют остановить руки, если быстро (очень быстро) откроют дверь и доберутся до кухни.

— Сюда! — закричал он. — Сюда!

Ответом на крик был резкий свист: звук ножа, падающего на запястье. Левая почувствовала, как разрываются узы, связывавшие ее с телом; ни с чем не сравнимое чувство освобождения пронизало все пять пальцев. Кровь Чарли крестила новорожденную горячей струйкой.

От головы тирана не донеслось ни звука — она просто упала назад, и Чарли потерял сознание. Он не слышал, как его кровь с журчанием струится по стоку в раковину. Не слышал и следующих двух ударов, окончательно отделивших кисть от руки. Тело сползло на-

зад, сбив на пути ящик с овощами. Луковицы рассыпались по полу вокруг лужи, медленно растекавшейся от запястья.

Правая выпустила нож, и он звякнул об окровавленную раковину. Обессиленный освободитель соскользнул со стола и упал на грудь поверженного тирана. Дело сделано. Левая вырвалась, она жива. Революция началась.

Освобожденная левая заковыляла к краю стола, обнюхивая воздух указательным пальцем. Правая мгновенно ответила ей жестом победы, прежде чем невинно улечься на грудь Чарли. Какое-то время в кухне стояла тишина, и лишь неслышно стекали тонкие ручейки крови.

Потом поток холодного воздуха, хлынувший из столовой, предупредил левую об опасности. Она заметалась в поисках укрытия, пока топот полицейских ботинок и звуки команд приближались. В столовой вспыхнул свет, осветив распростертое на полу тело.

Чарли увидел этот свет в конце длинного черного туннеля. Он приближался. Ближе... ближе...

Свет зажегся и в кухне.

Когда появилась полиция, левая спряталась за мусорным ведром. Она не знала, кто пришел, но от гостей явно исходила угроза. То, как они склонились над тираном, как они поднимали и успокаивали его, показывало: это враги.

Сверху раздался голос, молодой и напуганный:

— Сержант Яппер!

Один из полицейских, поддерживавших Чарли, оставил напарника довершать дело и встал.

— Что там, Рафферти? — отозвался он.

— Сэр, там труп в спальне. Женщина.

— Быстрее, — проговорил Яппер в радиотелефон. — Где «скорая помощь»? У нас тут изувеченный человек.

Он повернулся, вытирая пот со лба. Тут ему показалось, будто что-то пробежало по кухонному столу к две-

ри; что-то вроде большого красного паука. Обман зрения, конечно. Таких тварей не существует.

— Сэр? — полицейский, поддерживавший Чарли, тоже заметил движение.— Что это было?

Яппер взглянул на него. Заслонка внизу двери, прикрывавшая лаз для кошки, отошла. Так, словно кто-то пролез туда.

«Беда в том, что, по их мнению,— думал Яппер,— я должен знать все».

Кошачий лаз закрылся.

— Это кот,— ответил он, сам тому не веря.

Ночь была прохладной, но левая этого не чувствовала. По стенке, как крыса, она выбралась из дома. Ощущение свободы оказалось восхитительным. Не чувствовать постоянных команд нервов тирана, не страдать от веса его дурацкого тела, не потакать его капризам. Ничего не таскать, не мыть, не делать за него грязную работу. Она словно родилась в новом мире — может быть, опасном, но с куда большими возможностями. Жизнь вне тела сулила море удовольствий. Подумать только, сколько собратьев еще пребывают в рабстве! Скоро они навсегда обретут свободу.

Она задержалась на углу и обнюхала улицу. Полицейские ездили туда-сюда, мигали красные и голубые огни, из соседних домов выглядывали встревоженные лица. Восстание начнется не здесь. Эти люди начеку. Лучше поискать спящих.

Рука пробралась через садик перед домом, нервно останавливаясь при каждом громком звуке. Под прикрытием зелени она добралась до мостовой. Там рука оглянулась.

Тирана Чарли поднимали в машину; в его вены по трубкам переливали содержимое прикрепленных над носилками бутылочек с кровью и лекарствами. На его груди спокойно лежала правая, убаюканная наркоти-

ками. Левая наблюдала, как тело исчезает из виду; боль от расставания со спутницей всей жизни была почти невыносимой. Но дело — прежде всего. Потом она вернется и освободит правую, как они договорились. А дальше все пойдет по-другому.

«На что будет похож наш мир?»

В фойе общежития YMCA* на Монмаут-стрит ночной сторож зевнул и вытянулся в кресле. Кристи искал удобное положение: геморрой не давал ему покоя, на какую из ягодиц не переноси тяжесть тела. Сегодня болело особенно сильно. Полковник Кристи понимал свои обязанности своеобразно: он один раз за ночь обходил вокруг здания, убеждался, что все двери на запоре, а потом — на лежанку и пусть весь мир провалится к черту.

Шестидесятидвухлетний Кристи был расистом и гордился этим. Он терпеть не мог темнокожих, толпящихся в коридорах общежития, — по преимуществу молодых, бездомных и наглых, брошенных на его попечение, словно дети-сироты. Ну и детки! Все как один наркоманы, все плюют на чистый пол и плохо говорят по-английски. Сегодня Кристи, как обычно, растянулся на койке и сквозь дрему мечтал, как он отомстит им.

От этого занятия его оторвал неприятный холод в пальцах. Он открыл глаза и увидел — или ему показалось, что увидел, — другую руку в своей руке. Похоже, они здоровались, как старые друзья. Он вскочил, издав сдавленный крик отвращения и пытаясь стряхнуть эту штуку, как жвачку, прилипшую к пальцам. В мозгу заметались вопросы. Мог ли он незаметно подобрать подобную дрянь, и если да, то где? И что, во имя Господа,

* YMCA («Young Men's Christian Association», или «Христианский союз молодежи») — религиозная молодежная организация, основанная в Лондоне в 1844 г. Джорджем Уильямсом и имеющая свои филиалы по всему миру, включая Россию.

это такое? Хуже всего было то, что чужая рука — несомненно, мертвая — так ухватила за его кисть, словно не собиралась с ней расставаться.

Он потянулся к звонку, поскольку больше ничего не мог сделать в этой дурацкой ситуации. Но прежде, чем он успел нажать на кнопку, другая его рука сама собой метнулась к ящичку стола и открыла его. Внутри в строгом порядке лежали ключи, блокнот, рабочий график и — у самой стенки — непальский боевой нож-кхукри, подаренный ему во время войны одним гуркхом*. Он всегда держал его здесь на всякий случай. Нож был превосходным оружием. Гуркх рассказывал, что им можно отрубить голову так аккуратно, что враг не заметит этого, пока не кивнет.

Рука ухватила кхукри за инкрустированную рукоять и быстро — так быстро, что полковник не успел угадать ее намерение, — опустила нож на его запястье, отрубив кисть одним точным ударом. Полковник побелел, когда кровь фонтаном хлынула из руки. Он отшатнулся назад, ударившись о стену своей маленькой комнатки, и сбил портрет королевы. Зазвенело стекло.

Все последующее было дурным сном: он беспомощно смотрел, как две руки — его собственная и чужая, устроившая все это, — подняли кхукри, будто гигантскую секиру; как его вторая рука поднялась навстречу своему освобождению; как нож поднялся и опустился; как хрустнула кость и ударил новый фонтан крови. Пока к нему не пришла смерть, он успел еще увидеть, как три перебирающие пальцами окровавленные твари спрыгнули на пол, прямо в лужу крови... и все исчезло. Холод вошел к нему в сердце, хотя на лбу выступил пот. Спокойной ночи, полковник Кристи!

* Гуркхи — потомки кочевых племен, в давние времена поселившиеся на территории нынешнего Непала. Славились как прекрасные солдаты.

Делать революцию легко, думала левая, когда троица поднималась по ступенькам УМСА. С каждым часом они становились сильнее. На первом этаже комнаты, и в каждой — пара пленников. Их владельцы лежали, ничего не ведая, с руками на груди, или на подушке, или свесив их на пол. В тишине освободители проскальзывали в приоткрытые двери, карабкались на кровати, касались пальцами ждущих ладоней и звали их на бой во имя новой жизни.

Босуэллу было чертовски плохо. Он нагнулся над раковиной в туалете и попытался освободить желудок. Но внутри, кроме боли, уже ничего не осталось. Живот зверски ныл, голова раскалывалась. Когда же он поумнеет? Ведь давно известно, что он и вино — плохие товарищи. В следующий раз, пообещал он себе, ни капли. Желудок опять скрутило, тошнота подступила к горлу. Он поспешно склонился над раковиной. Ничего. Он подождал, пока приступ тошноты пройдет, и выпрямился, глядя на свое лицо в грязном зеркале. Ну и вид у тебя, парень!

Тут из коридора донесся шум. За все двадцать лет и два месяца своей жизни Босуэлл ни разу не слышал ничего подобного.

Он осторожно открыл дверь. Что бы там ни происходило, это не походило на веселую вечеринку. Но там его товарищи. Если случились драка или пожар, Босуэлл обязан прийти им на помощь.

Он выглянул в коридор. То, что он увидел, оглушило его, как молотком. Коридор был плохо освещен — несколько лампочек вырывали из темноты лишь отдельные промежутки между комнатами, и Босуэлл возблагодарил Бога за эту милость. Ему вовсе не хотелось видеть происходящее в деталях, хватило и первого впечатления. В коридоре царил бедлам: полуодетые люди метались в панике и при этом старались искалечить себя

любыми попавшимися под руку острыми предметами. Большинство из них Босуэлл знал если не по имени, то в лицо. Это были *здоровые* люди; по крайней мере до сего дня. Теперь их охватила лихорадка самоуничтожения. Повсюду Босуэлл видел один и тот же кошмар. Ножи кромсали руки, кровь дождем брызгала в воздух. Кто-то — кажется, Джезус? — зажал свою руку между дверью и косяком и бил по ней снова и снова, не давая никому остановить его. Один из белых парней подобрал нож полковника Кристи и орудовал лезвием. На глазах Босуэлла рука этого парня отлетела, поднялась на пять пальцев и заковыляла по полу. Она была *живая*!

Не все поддались общему безумию, но другие настигали бедняг и вонзали в них оружие. Один — Босуэлл узнал Северино — содрогался под ударами какого-то парня с внешностью панка, в ужасе смотревшего на то, что делают его собственные руки.

Кто-то появился в двери одной из комнат и побежал к туалету; чужая отрезанная рука вцепилась ему в горло. Это был Макнамара — парень такой худой и такой обкуренный, что его звали «улыбка на палке». Босуэлл отшатнулся, когда Макнамара ворвался в дверь, прохрипел что-то вроде мольбы о помощи и рухнул на пол. Он пытался оторвать от своей шеи пятипалого убийцу. Прежде чем Босуэлл успел помочь, движения Макнамары замедлились и наконец стихли.

Босуэлл отошел от него и снова выглянул в коридор. Теперь мертвые и умирающие завалили узкий проход, а руки, прежде принадлежавшие им, карабкались через тела в кровожадном иступлении. Они отрезали оставшиеся кисти или просто плясали в экстазе на лицах бывших хозяев. Босуэлл оглянулся на лежащего Макнамару — рука, вооруженная перочинным ножом, уже перепиливала тому запястья. За ней тянулся кровавый след. Босуэлл понял, что пора бежать, пока не подоспели другие. В это время панк — убийца Северино — подполз к туалету; вернее, его подтащили взбунтовавшиеся руки.

— Помоги,— прохрипел он.

Босуэлл саданул дверью и захлопнул ее прямо перед лицом панка. Разочарованные руки рвались открыть замок, в то время как губы панка, прижатые к скважине, повторяли:

— Помоги. Я не хотел этого делать с тем парнем. Помоги.

Босуэлл старался не обращать внимания на его мольбы. Он думал, как спастись.

Что-то коснулось его ног. Он понял, что это, еще прежде, чем увидел. Одна из рук (левая) полковника Кристи — он узнал ее по татуировке — уже взбиралась по его ноге. Босуэлл заметался, как ребенок, ужаленный пчелой и слишком напуганный, чтобы стряхнуть ее. Краем глаза он заметил, что рука, кромсавшая перочинным ножом запястья Макнамары, закончила свой труд и теперь двигалась к нему. Ее ногти цокали по линолеуму, как клешни краба. Она и двигалась, словно краб — еще не освоила прямохождение.

Собственные руки Босуэлла пока слушались его, как и руки нескольких его друзей (последних из его друзей) там, в коридоре. Им было хорошо на своем месте. У него оставался благословенный шанс выжить.

Он наступил на приблизившуюся руку. Хрустнули пальцы, и тварь забилась, как раздавленная змея. Теперь он знал, что *они* уязвимы. Не убирая ноги, он наклонился и подобрал упавший нож, вонзив его в тыльную часть ладони Кристи, что уже карабкалась по его животу. Пальцы Кристи сжали его тело. Рискую быть распотрошенным, Босуэлл воткнул нож глубже. Рука пыталась двигаться, но потом обмякла, и Босуэлл оторвал ее от своего живота. Она вертелась на ноже и не думала умирать. Тогда он пригвоздил ее к стене, где от нее не могло быть вреда, и перенес внимание на врага под ногой. Он надавил сильнее и услышал, как хрустнул палец, потом еще один. Раздавив все, что мог, он изо всех

сил швырнул руку в стену; она ударилась о зеркало, оставив след, похожий на раздавленный помидор, и упала на пол.

Он не стал ждать, выживет ли тварь. В дверь уже царапались новые пальцы. Они хотели войти, скоро они ворвутся. Босуэлл перешагнул через Макнамару и подошел к окну. Оно было небольшим, но и он не великан. Босуэлл кое-как протиснулся наружу и замешкался — все же второй этаж. Но лучше упасть, чем оставаться здесь. Они уже вышибали дверь. Едва створки треснули, Босуэлл прыгнул вниз, ударившись о бетон. Он быстро проверил конечности — слава богу, цел! Господь любит простодушных, подумал он. Наверху в окне появилось лицо панка.

— Помоги мне! — крикнул он. — Я сам не знаю, что делаю!

Но тут пара рук нашла его горло и мольбы смолкли.

Босуэлл пошел прочь от общежития. Он думал, кому и что он должен рассказать. На нем были надеты лишь спортивные трусы и носки. Никогда еще холод не казался таким приятным. Ноги его ослабели, но этого следовало ожидать.

Чарли проснулся с дурацким опущением. Ему снилось, будто он убил Эллен, а потом отрезал себе руку. Какой же ерундой набито его подсознание! Он попытался протереть глаза, чтобы отогнать сон, но руки не было. Он сел в постели и закричал.

Яппер приказал молодому Рафферти наблюдать за раненым и известить его, когда Чарли Джордж придет в себя. Рафферти задремал и проснулся от крика. Чарли смолк при виде испуганного лица.

— Вы проснулись? Не двигайтесь, — предупредил Рафферти. — Я позову сиделку.

Чарли пустыми глазами смотрел на полицейского.

Он откинулся забинтованной головой на подушку и поглядел на свою правую руку, согнул ее, проверил, работают ли мышцы. Что бы ни случилось дома, теперь все прошло. Это *его* рука; наверное, она все время была его рукой. Джудвин говорил о синдроме бунтующего тела: убийца заявляет, будто конечности ему не повинуются и дело не в больном мозге, а в непослушании рук.

Значит, он психически болен, вот в чем дело. Пусть делают с ним что хотят, пусть применяют таблетки, скальпель или электроды: это лучше, чем повторение кошмарной ночи.

Появилась сиделка. Она глядела на него так, словно удивлялась, почему он выжил. Чарли лишь мельком взглянул в ее встревоженное лицо и почувствовал на лбу приятную прохладную руку.

— Его можно допросить? — спросил Рафферти.

— Нужно проконсультироваться с доктором Мэнсоном и доктором Джудвином, — отозвалась сиделка и попыталась ободряюще улыбнуться Чарли.

Она знала, конечно, что пациент не в себе. Возможно, она боялась его; кто ее за это осудит? Она отправилась говорить с врачами, оставив Чарли с Рафферти, который по-прежнему нервничал.

— Элен?.. — спросил Чарли.

— Это ваша жена?

— Да. Я хочу знать... она?..

Рафферти опустил глаза.

— Она умерла.

Чарли кивнул. Он знал, но нужно было убедиться.

— А что со мной?

— Вы под наблюдением.

— Что это значит?

— Это значит, что я наблюдаю за вами, — сказал Рафферти.

Он явно хотел помочь, но толку от него было мало. Чарли спросил иначе:

— Я имею в виду... что будет после? Будут меня судить?

— А за что вас судить?

— Как? — переспросил Чарли, не уверенный, что верно расслышал.

— Вы ведь жертва, не так ли? Вы не *делали* этого? Кто-то отрезал вашу руку...

— Да. Это сделал я сам.

Рафферти долго не мог выговорить ни слова и наконец пробормотал:

— П-простите?

— Я это сделал. Я убил жену, потом отрезал себе руку.

Для бедного парня такое признание оказалось слишком большим потрясением. Он думал с полминуты, прежде чем сказать:

— Но почему?

Чарли пожал плечами.

— Это ошибка, — сказал Рафферти. — Если вы совершили это... куда же делась ваша рука?

Лилиан остановила машину. Впереди что-то переходило дорогу, но она не могла разглядеть, что там. Будучи строгой вегетарианкой (за исключением масонских трапез с Теодором) и защитницей животных, она подумала, что на дороге лежит какое-то раненое животное. Быть может, лиса; Лилиан читала, что они иногда забегают в пригороды. Но что-то насторожило ее — возможно, по причине тусклого освещения. Она не была уверена, надо ли выходить из машины. Теодор посоветовал бы ехать своей дорогой, но ведь его больше нет, не так ли? Лилиан раздраженно забарабанила по рулю. Что же делать с этой несчастной лисой... или не лисой? Она должна сыграть самаритянку, даже если чувствует себя фарисейкой.

Лилиан осторожно вышла из машины и, конечно же, ничего не увидела. Она прошла вперед, чтобы посмотре-

реть получше. Ладони вспотели, дрожь возбуждения пробежала по телу, как ток.

Потом она услышала звук: шорох сотен маленьких ног. Она слышала истории — абсурдные, как ей казалось, — о стаях крыс, проходящих по городу ночью и обгладывающих до костей все живое, что попадает на пути. Представив это, она почувствовала себя еще большей фарисейкой и отступила к машине. Когда ее тень, закрывавшая фары, отодвинулась, Лилиан увидела стаю. Это были не крысы.

Рука, мертвенно-желтая в бледном свете, указывала пальцем прямо на нее. Следом показались и другие; их были десятки. Они двигались, будто крабы, наползая друг на друга и стуча костяшками. Освещение делало эту сцену похожей на зловещий мультфильм. Тем не менее, верила Лилиан в реальность происходящего или нет, они двигались к ней. Она отступила еще на шаг назад.

Она уперлась в машину, повернулась и нащупала дверцу. Слава богу, та оказалась открыта. Руки Лилиан тряслись, но она еще владела ими. Тут она вскрикнула: здоровенный черный кулак с запекшейся раной на запястье вцепился в руку.

Внезапно и бешено ее руки начали аплодировать. Лилиан утратила контроль над ними.

— Прекратите! — крикнула она им. — Хватит!

Руки вдруг действительно остановились и повернулись к ней. Лилиан *знала*, что они смотрят на нее без глаз, и знала, что будет дальше. Руки потянулись к лицу, и ее ногти, ее краса и гордость, вонзились в глаза хозяйки. Ослепленная, она упала навзничь, но руки подхватили ее. Лилиан поплыла в море пальцев.

Когда они стаскивали ее обезображенное тело в кювет, она лишилась парика, за который Теодор так дорого заплатил в Вене. Чуть позже она лишилась и рук.

Доктор Джудвин спускался по лестнице дома Джорджа и спрашивал себя: неужели Фрейд, дедушка его священной профессии, все-таки ошибался? Парадоксальные факты человеческого поведения не укладывались в классическую схему, а то и совсем не имели адекватного объяснения. Он остановился у подножия лестницы. Он не испытывал особого желания еще раз заглядывать на кухню, но чувствовал себя обязанным в последний раз осмотреть место преступления. Пустой дом наводил дрожь, и пребывание в нем, даже под охраной полиции, мешало собраться с мыслями. Доктор чувствовал вину за то, что не спас Чарли. Конечно, он достаточно глубоко проник в его душу, чтобы понять подлинные мотивы этих ужасных действий. Но все же... убить собственную жену, которую больной, по-видимому, искренне любил, потом отрезать собственную руку... Джудвин на мгновение взглянул на свои руки, на переплетение сухожилий и красно-голубых вен на запястьях. Полиция искала убийцу, но он не сомневался, что Чарли сделал это сам. Джудвина поражало только то, что его пациент оказался способным на подобные действия.

Он вошел в столовую. Полиция уже поработала здесь: повсюду был рассыпан порошок для снятия отпечатков пальцев. Общеизвестно, что каждая рука уникальна — ее узор столь же неповторим, как выражение лица. Доктор зевнул. Звонок Чарли поднял его среди ночи, и с тех пор он не спал. Он наблюдал, как выносят Чарли, как полицейские занимаются своим делом. Потом он выпил кофе и подумал, не бросить ли свою работу, пока история не проникла в газеты, потом выпил еще кофе и решил этого не делать, а теперь, разочаровавшись во Фрейде и прочих гуру, чувствовал себя виноватым перед женоубийцей Чарли Джорджем. Даже если он лишится практики, он извлечет из этой истории кое-что полезное. Хватит верить старому венскому шарлатану.

Он опустился в одно из кресел в столовой и вслушался в шорохи, наполнявшие дом: как будто стены, шокированные увиденным, шепотом обмениваются впечатлениями. Похоже, он задремал. Проснувшись, он обнаружил в комнате толстого черно-белого кота. Чарли упоминал про него. Как же его звали? Ах да, Злюка. Из-за черных пятнышек над глазами, придававших его морде чрезвычайно недовольное выражение. Кот смотрел на лужу крови на полу, пытаясь пробраться к своей тарелке, не вляпавшись в это устроенное хозяином безобразие. Джудвин наблюдал, как кот добрался до тарелки и увидел, что она пуста. Доктору не пришло в голову покормить Злюку: он ненавидел животных.

Ладно, подумал он, незачем здесь оставаться. Он все представил себе и прочувствовал. Еще один быстрый осмотр наверху на случай, если что-нибудь пропущено, и домой.

Он уже дошел до середины лестницы, когда услышал крик кота. Нет, даже не крик, а визг. При этом звуке холод пробежал по хребту доктора. Он повернулся и бросился в столовую. Голова кота валялась на ковре, оторванная двумя (двумя — видишь это, Джудвин?) руками. Еще дюжина таких же рук сновала по полу кухни. Одни, забравшись на стол, обнюхивали воздух, другие срывали с полки ножи.

— О, Чарли,— проговорил он тихо, обращаясь к отсутствующему маньяку.— Что же ты наделал?

Глаза его заволоклись слезами — не из-за Чарли, но из-за поколений, проживших жизнь в блаженном неведении, слепо веря в учение Фрейда и священное писание разума. Колени доктора начали дрожать, и он прислонился к стене, не видя мятежников, собирающихся у его ног. Когда Джудвин почувствовал касание чего-то чужого, он поглядел вниз. То были его собственные руки, касающиеся друг друга ухоженными ногтями. Мед-

ленно, с ужасающей целеустремленностью, они обратились к нему. Потом поползли вверх по груди, цепляясь за пуговицы итальянской куртки. Подъем закончился на горле доктора.

Левая рука Чарли была напугана. Ей требовались поддержка, одобрение; короче говоря, ей требовалась правая рука. Ведь именно правая была мессией новой эры, предсказавшей жизнь вне тела. Теперь нужно ознакомиться с ее учением армию освобожденных, иначе они превратятся в банду разбойников. Если это случится, разгром неизбежен: таков опыт всех восстаний.

Поэтому левая повела их назад к дому, разыскивая Чарли там, где она его оставила. Конечно, глупо было надеяться, что он все еще дома, но это был акт отчаяния.

Но обстоятельства благоприятствовали мятежникам. Чарли в доме не было, зато появился доктор Джудвин. А руки доктора знали, где находится Чарли и как туда добраться.

Босуэлл не осознавал, куда он бежит и зачем. Он полностью потерял ориентацию. Но какая-то часть его, кажется, знала дорогу, потому что ближе к мосту он пошел быстрее, а потом побежал, не обращая внимания на пожар в легких и гул в голове. Все еще надеясь на спасение, он понял, что приближается к железнодорожной станции. Он бежал туда, куда несли его ноги — параллельно рельсам, и осознавал, что это начало конца.

Внезапно из-за поворота показался поезд. Он не гудел, не подавал сигналов. Может, машинист и заметил человека, но что он мог сделать? Кто виноват в том, что ноги неожиданно вынесли Босуэлла на полотно? Последняя мысль его была: поезд следовал из пункта А в пункт Б и по пути отрезал ему ноги выше колен. Потом

Босуэлл упал под колеса, поезд налетел на него с оглушительным свистом (так похожим на крик), и все погрузилось в темноту.

Черного парня доставили в больницу сразу после шести. День начался рано, и пациентов оторвали от их невеселых снов. Разнесли чашки жидкого чая, измерили температуру, раздали лекарства. Ужасный случай с парнем не повлиял на течение жизни в больнице.

Чарли опять снился сон — на этот раз не истоки Нила, не императорский Рим, не финикийский невольничий корабль. Этот сон был черно-белым. Чарли снилось, что он лежит в гробу. Рядом стояли Эллен (мозг еще не примирился с фактом ее смерти), его отец и мать. Кто-то подошел (уж не Джудвин ли? — голос казался знакомым) и велел закрывать крышку, а Чарли попытался сказать, что это ошибка, что он жив. Они не слышали его. В панике он кричал снова и снова, но никто не реагировал, и ему оставалось лишь лежать и смотреть, как его хоронят заживо.

Потом он слушал успокоительную службу над головой, слышал скрип венков, а могильная тьма сгустилась. Он погружался в землю, все еще пытаясь протестовать. Но воздух внизу был спертый и он начал задыхаться. В рот вместо воздуха что-то набилось — может быть, цветы? — и он не мог повернуть голову и выплюнуть их. Теперь он слышал стук земли о крышку гроба и — Господи Боже! — ощущал, как вокруг него роятся черви, предвкусная добычу. Сердце его тяжело билось, а лицо побавело от удушья.

Потом вдруг кто-то оказался рядом с ним в гробу. Кто-то разрывал его путы.

— Мистер Джордж! — обратился к нему ангел милосердия.

Это была сиделка из больницы. Она и была с ним в гробу. Она, образец спокойствия и терпения, сейчас пребывала в панике.

— Мистер Джордж, вы душите себя!

Другие руки пришли ей на помощь и победили. Трое сиделок общими усилиями оторвали его руку от горла. Чарли начал жадно глотать воздух.

— С вами все в порядке, мистер Джордж?

Он открыл рот, но голоса не было. Он вдруг ощутил, что его рука все еще сопротивляется.

— Где Джудвин? — прохрипел он. — Позовите его.

— Доктора пока нет, но он навестит вас позже.

— Я хочу его видеть *сейчас*.

— Не волнуйтесь, мистер Джордж, — успокоила его сиделка, — сейчас мы дадим вам лекарство, и вы уснете.

— Нет!

— Да, мистер Джордж. Не волнуйтесь. Вы в надежных руках.

— Я не хочу больше спать. Они берут верх, когда я засыпаю, разве вы не видите?

— Здесь вы в безопасности.

Но он знал, что опасность везде. Во всяком случае, пока у него оставалась эта рука. Она вышла из-под контроля, если вообще когда-нибудь была у него под контролем: возможно, она для вида подчинялась ему все эти годы, усыпляя бдительность. Вот что он хотел сказать, но кто ему поверит? Вместо этого он сказал:

— Не буду спать.

Но сиделка спешила. В больницу прибывали новые пациенты (ей уже рассказали об ужасных событиях в УМСА), и ими тоже нужно было заниматься.

— Это всего лишь успокоительное. — Она держала наготове шприц.

— Послушайте, — начал он, пытаясь взывать к ее разуму.

Но сиделка не собиралась спорить.

— Ну-ну, не будьте ребенком, — сказала она, когда на глазах у него выступили слезы.

— Вы не понимаете...

— Вы расскажете все доктору Джудвину, когда он придет.

— Нет! — Он рванулся.

Сестра не ожидала такой ярости. Пациент вырвался из постели с иглой, торчащей из руки.

— Мистер Джордж, — строго проговорила она. — Будьте любезны вернуться в постель.

— Не подходите ко мне, — предупредил Чарли.

Сиделка попыталась устыдить его:

— Мои пациенты ведут себя прилично, а вы что делаете?

Чарли покачал головой, и игла, выскочив из вены, упала на пол.

— Я не буду повторять.

— И не надо, — ответил Чарли.

Он осмотрелся, увидел проход между койками и убежал прежде, чем сестра успела позвать подмогу.

Он скоро понял, что здесь легко укрыться. Больницу построили в конце прошлого века, потом к ней добавили крыло в тысяча девятьсот десятом, еще крыло — после Первой мировой войны, потом еще одно, памяти Чейни, в семьдесят третьем. Настоящий лабиринт. Чарли будут долго искать.

Однако чувствовал он себя неважно. Обрубок левой руки болел и, кажется, кровоточил под бинтами. К тому же сестра успела ввести часть успокоительного. Чарли был крайне вял, и это, несомненно, отражалось у него на лице. Но он не мог вернуться в постель и заснуть, пока не сядет где-нибудь и спокойно все не обдумает.

Он укрылся в конце одного из коридоров — в кладовой, среди поломанной мебели и кип отчетов. Он находился в мемориальном крыле Чейни, хотя и не знал этого. Семиэтажная махина была выстроена на деньги миллионера Фрэнка Чейни его собственной строительной фирмой. Они использовали второсортные строительные материалы и дырявые трубы (почему Чейни и

стал миллионером), и крыло уже разваливалось. Забившись в какую-то щель, Чарли сел на пол и уставился на свою правую руку.

— Ну?

Рука молчала.

— Не прикидывайся. Я тебя раскусил.

Она по-прежнему покоилась у него на коленях, невинная, как дитя.

— Ты пыталась убить меня,— предъявил он обвинение.

Рука чуть открылась, как бы отвечая.

— И попытаешься снова, не так ли?

Она зашевелила пальцами, словно пианист, играющий соло.

«Да,— говорили эти пальцы.— В любое время».

— Ведь я даже не могу помешать тебе, верно? Рано или поздно ты до меня доберешься. Не просить же кого-то присматривать за мной до конца жизни. Так что же мне остается, я тебя спрашиваю? Умереть?

Рука чуть сомкнулась, буторки ладони сложились в утвердительную ухмылку.

«Да, дурачок. Это единственное, что тебе остается».

— Ты убила Эллен?

«Да»,— улыбнулась рука.

— Ты отрезала мою вторую руку, чтобы она могла удрать. Я прав?

«Прав».

— Я видел. Видел, как она убегала. А теперь ты хочешь сделать то же самое?

«Точно».

— Ты не оставишь меня в покое, пока не освободишься, так ведь?

«Так».

— Ну вот. Мы понимаем друг друга, и я хочу договориться с тобой.

Рука подобралась поближе к его лицу, вцепившись в пижаму.

— Я освобожу тебя,— сказал Чарли.

Теперь она остановилась на его шее, сжимая ее не сильно, но достаточно, чтобы вызвать дрожь.

— Я найду способ, обещаю. Хоть гильотину, хоть скальпель — все равно.

Теперь она ласкалась к нему, как кошка.

— Но я сделаю это сам, когда захочу. Потому что, если ты убьешь меня, ты не выживешь. Тебя закопают, как закопали руки отца.

Рука вцепилась в угол стола.

— Так мы договорились?

Но рука не ответила. Внезапно она утратила всякий интерес к их сделке. Если у нее был нос, то она вынюхивала воздух. Что-то изменилось.

Чарли неуклюже встал и подошел к окну. Стекло потемнело от пыли и птичьих экскрементов, но он мог разглядеть сад внизу. Этот сад тоже был частью завещания миллионера: он должен был стать памятником его хорошему вкусу, как здание запечатлело его прагматизм. Но когда крыло пришло в запустение, зачах и сад. Однако газоны еще подстригали — слабая видимость заботы.

Сад был пуст. Кроме одного человека — видимо, доктора. Но рука Чарли упорно скребла стекло, пытаясь выбраться наружу. Что-то виднелось внизу, в траве.

— Хочешь наружу?

Рука начала ритмично колотить в стекло — сигнал для невидимой армии. Чарли стоял, не зная, что делать. Если он попытается оторвать ее, она может снова начать его душить. А если он подчинится и выйдет в сад, что ожидает его там? Но разве у него есть выбор?

— Ладно,— сказал он.— Пошли.

В коридоре царил паника. На Чарли никто не обращал внимания, хотя он шел босиком и в пижаме. Раздавались звонки, через громкоговорители вызывали врачей, люди сновали между моргом и туалетом. Все

говорили о чудовищных событиях в общежитии: десятки молодых людей без рук. Чарли шел слишком быстро, чтобы расслышать, о чем говорят люди. Он сразу отыскал дорогу — рука вела его. Он миновал указатель: «В мемориальный сад Ф. Чейни» и вышел в длинный коридор с дверью в дальнем конце.

Снаружи стояла тишина. Ни одной птицы на деревьях, ни одной пчелы на цветах. Даже доктор, которого он видел в окно, ушел, наверное, к своим пациентам.

Рука Чарли просто взбесилась. Пот капал с нее на траву, а кровь отхлынула, так что она стала мертвенно-бледной. Это была уже не его рука, а совсем другое существо, с которым он, по несчастному капризу анатомии, составлял одно целое.

Трава под ногами оказалась влажной и холодной; раннее утро, половина седьмого утра. Быть может, птицы еще спали и пчелы тоже. Быть может, в саду нечего бояться. Быть может, рука ошиблась.

Тут он заметил следы доктора — темные на серебристо-зеленой траве. Вокруг них была кровь. И они вели в одну сторону.

Босуэлл в коме не чувствовал ничего и был рад этому. Мелькнула мысль о том, что пора просыпаться, но тут же исчезла. Босуэлл не хотел просыпаться, не хотел приходить в себя. Никогда. Он и во сне понимал, что ожидает его при пробуждении.

Чарли посмотрел на деревья: на них росли странные плоды.

Один из плодов был человеком — тот самый доктор. Его шея зажата в развилке ветвей. Руки заканчивались круглыми обрубками, все еще ронявшими на траву тяжелые красные капли. Выше повисли другие, еще более жуткие плоды — руки, сотни рук, колышущихся туда-сюда, как некий парламент, обсуждающий тактику реформ.

Их вид зачеркивал любые метафоры. Они были тем, чем были: человеческими руками. В этом и заключался весь ужас.

Чарли хотел бежать, но рука не пустила его. Вот ее ученики, ее паства; они ждали ее. Чарли посмотрел на мертвого доктора и его убийцу. Он подумал об Эллен, его Эллен, безвинно убитой этими руками и уже остывшей. Они заплатят за все. Пока какие-то части тела повинуются Чарли, он заставит убийцу заплатить. Глупо договариваться с тварью на конце его запястья, теперь он понял ясно. Это чума. Они не должны жить.

Армия заметила его. Шорох прошел по рядам, как пожар. Они спешили приветствовать мессию, сползая по стволу или просто падая вниз, как гнилые яблоки. Еще немного, и они доберутся до Чарли. Теперь или никогда. Он отвернулся от дерева прежде, чем рука успела схватиться за ветку, и посмотрел на больничное крыло Чейни. Оно возвышалось перед ним: двери закрыты, окна зашторены.

Сзади зашуршала трава под бесчисленными пальцами. Руки спешили к своему вождю. Они придут туда, где будет он, — это очевидно. Может, на их слабости можно сыграть? Он снова посмотрел на здание и увидел то, что искал: лестницу, зигзагом поднимавшуюся до самой крыши. Он помчался туда с удивившей его самой скоростью. Оглядываться не было времени. Через несколько шагов взбешенная рука добралась до его шеи, но он не останавливался. Добежав до лестницы, он начал подниматься, перескакивая через ступеньки. Без рук взбираться наверх трудно, но если он и упадет, что с того? Ведь это только его тело.

Лишь на третьем пролете он осмелился взглянуть вниз. У подножия лестницы расцвел ковер цветов из плоти. Они уже лезли наверх, протягивая к нему жаждущие пальцы. Пусть лезут, ублюдки. Я начал дело — я и закончу.

В окнах крыла Чейни появились испуганные лица. С нижних этажей слышались панические крики. Поздно рассказывать им историю своей жизни; возможно, потом они разберутся сами. Возможно, они даже найдут объяснение, которого не нашел он... Хотя Чарли сомневался.

Четвертый этаж. Правая продолжала сжимать его шею. Он чувствовал, как льется кровь? Нет, скорее всего, дождь; теплый дождь орошал его грудь и ноги. Еще два этажа, потом крыша. Позади гудело железо — звук сотен пальцев, карабкающихся за ним. До крыши оставалось с десятков шагов, и он снова взглянул вниз. Лестница была усеяна руками, как цветок — тлей. Но это опять метафора. Хватит.

Чарли перебрался через парапет и ступил на засыпанную гравием крышу. Вокруг валялись дохлые голуби, брошенное ведро, куски бетона. Пока он смотрел на это, первые ряды армии уже забрались на парапет, размахивая пальцами.

Боль в горле отозвалась в мозгу, когда предательская рука нащупала гортань. Из последних сил он пересек крышу. Нужно прыгнуть прямо вниз на бетон. Внезапно силы оставили его — ноги стали ватными, в голову полезла разная чепуха. Он вспомнил буддийский коан.

— Как звучит хлопок... — начал он, но не смог закончить.

Как звучит хлопок...

Забыв продолжение, он приказал своим ногам сделать шаг, затем еще один. Он чуть не споткнулся на противоположной стороне крыши и посмотрел вниз. Да, отсюда он упадет прямо на бетон. На пустую автостоянку напротив здания. Он наклонился, глядя на то, как капли его крови летят вниз.

— Я иду, — сказал он земному притяжению и Эллен.

А потом подумал: как хорошо умереть и никогда больше не беспокоиться о том, что десны кровоточат

от зубной щетки, и о том, что полнеешь и стареешь, и о том, что вот эту идущую по улице красотку тебе никогда не поцеловать. Внезапно одна рука добралась до его ног и полезла вверх, дрожа от нетерпения.

— Идите,— сказал он им, когда они облепили его с головы до ног.— Идите за мной всюду, куда я ни пойду.

«Как звучит хлопок...» Фраза вертелась у него на кончике языка.

И тут он вспомнил: «Как звучит хлопок одной ладони?»

Было так приятно выудить забытое из глубины сознания — словно нашел давно потерянную вещь. Это скрасило последние мгновения его жизни. Он бросил себя в пустоту и падал, пока мысли внезапно не оборвались. Руки дождем посыпались за ним, разбиваясь о бетон. Волна за волной, они умирали рядом со своей мессией.

Для пациентов и врачей, столпившихся у окон, сцена казалась скорее невероятной, чем страшной: что-то вроде дождя из лягушек. Продолжалось это недолго, и через пару минут самые храбрые отправились посмотреть, что случилось. Удивительное происшествие, незабываемое и ужасающее — да и только. Никакого смысла, разве что принять его за маленький апокалипсис? Руки собрали, рассортировали и складировали для дальнейшего исследования. Кто-то из персонала воспринял это занятие как повод для молитв и последующих бессонных ночей. Даже агностики были удивлены той легкости, с которой, как оказалось, можно приложить ладонь к ладони.

Босуэлл очнулся в больнице. Он потянулся к кнопке звонка и нажал ее, но никто не отозвался. Кто-то был в комнате, прятался за ширмой в углу. Босуэлл слышал, как пришелец шаркает ногами.

Больной снова позвонил, но звонки надрывались по всему зданию и никто на них не отвечал. Цепляясь за

полку, он подполз к краю кровати, чтобы получше рассмотреть непрошеного гостя.

— Выходи,— пробормотал он пересохшими губами.— Выходи, я знаю, что ты здесь.

Он подполз ближе и только тут окончательно понял, что у него нет ног. Было поздно — потеряв равновесие, он упал, прикрыв голову руками.

Лежа на полу, он попытался осмотреться. Что же случилось? Ради бога, где его ноги?

Налитые кровью глаза Босуэлла обшаривали комнату и наконец уткнулись в босые ноги в ярде от его носа. На лодыжках были привязаны бирки. Это *его* ноги — отрезанные поездом, но живые. В первый момент ему показалось, что ноги хотят напасть на него, но они повернулись и заковыляли к выходу.

При виде этого он подумал: не собираются ли глаза вылезти из глазниц? И язык изо рта? И каждая часть тела — не намеревается ли она предать его? Тело — непрочный союз членов, он может распасться в любую минуту. Сколько пройдет времени до следующего восстания? Минуты? Годы?

С трепетом он ожидал падения империи.

Нечеловеческое состояние

— Так значит, это ты? — произнес Рыжий, ухватив бродягу за плечо замызганного габардинового пальто.

— Что значит — я? — откликнулся донельзя грязный тип. Крысиными глазками он изучал четверку парней, окруживших его. В туннеле, где он справлял малую нужду, помощи ждать неоткуда; парни отлично это знали, и он, судя по всему, тоже. — Понятия не имею, о чем вы.

— Ты тряс своим хозяйством перед детишками, — ответил Рыжий.

Бродяга покачал головой, и с его губ на свалывшуюся клочковатую бороду сбежала струйка слюны.

— Я ничего такого не делал, — упрямо проговорил он.

Брендан вразвалочку подошел к оборванцу. Его тяжелые шаги гулким эхом разносились по туннелю.

— Как ваше имя? — осведомился он обманчиво любезным тоном.

По сравнению с Рыжим ему недоставало роста и внушительности. Однако шрам, пересекавший его щеку от виска до челюсти, свидетельствовал о том, что боль Брендану знакома: он умел и терпеть ее, и причинять.

— Имя! — потребовал он. — Я не собираюсь спрашивать по сто раз.

— Поуп, — пробормотал старик. — Мистер Поуп.

— Мистер Поуп? — ухмыльнулся Брендан. — Так вот: мы слышали, что ты демонстрировал свой воню-

чий сморщенный хрен невинным детям. Что скажешь на это?

— Нет,— повторил Поуп и снова покачал головой.— Неправда. Я никогда не делал ничего подобного.

Он нахмурился, и грязь, многомесячным слоем, точно вторая кожа, покрывавшая его лицо, пошла трещинами. Если бы не запах спиртного, отчасти перебивавший невыносимый смрад немытого тела, стоять рядом с ним было бы невозможно. Этот человек явно принадлежал к числу отбросов общества; позор рода человеческого.

— Да на что он вам сдался? — встрял Карни.— От него воняет.

Рыжий оглянулся через плечо и пригвоздил непрошеного советчика взглядом. Семнадцатилетний Карни был самым младшим и в неписаной иерархии четверки не обладал правом голоса. Осознав свою ошибку, парень заткнулся, а Рыжий вновь занялся бродягой. Он толкнул Поупа к стене туннеля. Ударившись о бетон, старик вскрикнул; крик эхом заметался по туннелю. Карни знал по опыту, какая сцена последует дальше. Он отошел и принялся изучать тучу мошкар у входа в туннель.

Компания Рыжего и двух его приятелей нравилась Карни — ему пришлись по душе дух товарищества, мелкие кражи и совместная выпивка. Но вот такую игру он никогда не любил. Он не видел ничего смешного в том, чтобы найти опустившегося забуддыгу вроде Поупа и выбить последние остатки мозгов из затуманенной алкоголем башки. Карни каждый раз чувствовал себя мерзко, если участвовал в забаве.

Рыжий за грудки подтянул Поупа к себе и разразился грубой бранью. Не получив никакого отпора, он вновь толкнул старика к стене туннеля — сильнее, чем в прошлый раз. После чего ухватил остолбеневшего пьяницу за шиворот и принялся трясти, пока тот не захрипел. Поуп отчаянно шарил глазами вокруг. Когда-то здесь

проходил участок железной дороги, соединявшей станции Хайгейт и Финсбери-парк. Потом железнодорожные пути сняли, и пустырь превратился в общественный парк, снискавший большую популярность среди любителей утренних пробежек и ночных свиданий на свежем воздухе. Однако сейчас, в самый разгар хмурого дня, вокруг не было ни души.

— Эй,— окликнул приятеля Хмырь,— осторожно, не разбей его бутылки.

— Правильно,— сказал Брендан.— Нужно сначала отобрать выпивку, а потом уж разбить ему башку.

Услышав, что у него собираются отобрать спиртное, Поуп принялся отбиваться, но жалкая попытка сопротивления лишь разозлила его мучителя. Рыжий с утра был не в настроении. День, как и большинство других дней этого бабьего лета, задался тягучий и скучный. Огрызок растраченного сезона проходил впустую: делать нечего, денег нет. Требовалось хоть какое-то развлечение, и оно подвернулось Рыжему. Он исполнит роль льва, а Поуп сыграет древнего христианина.

— Будешь рыпаться — тебе же хуже,— предупредил Рыжий бродягу.— Мы только глянем, что у тебя в карманах.

— Вас это не касается,— заявил тот, и в голосе его на миг прозвучала властность человека, привыкшего повелевать.

Карни отвлекся от своих мошек и взглянул на испитое лицо Поупа. Неумеренные возлияния лишили старика достоинства и жизненной силы, однако что-то все же осталось, что-то теплилось под слоем грязи. Интересно, задумался Карни, кем он был раньше? Может, банкиром? Или судьей, теперь навеки потерянным для закона?

Хмырь тоже ввязался в потасовку. Он собрался обыскать отрепья Поупа, которого Рыжий держал за горло и прижимал к стене туннеля. Старик изо всех сил со-

противаялся — его руки мелькали, как крылья мельницы, глаза наливались бешенством. «Не рыпайся,— мысленно посоветовал ему Карни,— тебе же хуже». Но старик, похоже, был в панике. Его негромкие протестующие крики больше походили на звериные, нежели на человеческие.

— Кто-нибудь, поддержите ему руки,— велел Хмырь, уклоняясь от молотящих обидчиков кулаков Поупа.

Брендан ухватил старика за запястья и вздернул его руки над головой, чтобы облегчить обыск. Даже теперь, без малейшего шанса вырваться, Поуп продолжал извиваться. Ему удалось сильно пнуть Рыжего по лодыжке, за что он немедленно получил затрепину. Из носа у него хлынула кровь, потекла вниз, в открытый рот. Карни знал: она течет оттуда, где очень много красок. Ему не раз доводилось видеть человеческие внутренности; яркие, влажно поблескивающие мотки кишок, желтый жир, пурпурные легкие — это великолепие заключено в сером мешке тела Поупа. Карни и сам не понимал, почему вдруг ему пришла такая мысль. Ему стало не по себе, и он попытался опять переключиться на разглядывание мошкеры. Но Поуп снова привлек внимание страдальческим криком — Хмырь рванул одну из его многочисленных жилеток, чтобы добраться до нижних слоев.

— Сволочи! — завопил Поуп, не заботясь о том, что брань неминуемо влечет за собой новые побои. — Убейте свои поганые руки, или я отправлю вас на тот свет! Всех до единого!

Кулак Рыжего заглушил угрозы, и рот бродяги снова наполнился кровью. Поуп плюнул ею в своего мучителя.

— Не искушайте меня,— продолжал он, перейдя на невнятный шепот. — Предупреждаю...

— От тебя воняет, как от дохлой псины,— бросил Брендан. — Может, ты и есть дохлая псина?

Поуп не удостоил его ответом. Взгляд старика был устремлен на Хмыря — тот методично обшаривал карманы ветхого пальто и жилетки, а выуженные вещицы бросал в пыль на полу туннеля.

— Карни,— рывкнул Рыжий.— Давай, поройся в его барахле! Посмотри, есть там что-нибудь стоящее или нет.

Карни оглядел кучку пластмассовых безделушек и засаленных ленточек вперемишку с истрепанными листками бумаги (не поэт ли он?) и пробками от бутылок.

— Да тут одна дребедень,— сказал он.

— Все равно посмотри,— велел Рыжий.— Может, в эту макулатуру завернуты деньги.— Карни не шелохнулся.— *Посмотри*, я сказал.

Карни неохотно присел на корточки и принялсяковыряться в хламе, который Хмырь продолжал кидать на землю. Хватило одного взгляда, чтобы понять: здесь нет ничего ценного. Однако кое-какие вещицы — затертые фотографии, почти нечитаемые записки каракулями — могли пролить свет на то, кем был Поуп, прежде чем пьянство и подступающее слабоумие уничтожили его разум. Но, несмотря на свое любопытство, Карни не хотел совать нос в секреты Поупа. Ведь это все, что осталось у старика.

— Ничего особенного,— объявил Карни после беглого осмотра.

Однако Хмырь еще не закончил обыск. Чем глубже он зарывался, тем больше слоев грязной одежды открывалось его жадным рукам. Карманов у Поупа оказалось не меньше, чем у фокусника.

Карни поднял глаза от сиротливой кучки вещей и, к собственному смущению, обнаружил, что взгляд Поупа прикован к нему. Старик, обессилевший и избитый, уже не возмущался. Вид у него был жалкий. Карни показал ему раскрытые ладони в знак того, что ничего не взял. Поуп еле заметно кивнул в ответ.

— Есть! — торжествующе завопил Хмырь. — Вот она, родимая!

Он вытащил из одного кармана бутылку водки. Поуп либо слишком ослабел и не заметил, что его лишили заначки, либо слишком выдохся, чтобы протестовать: он не издал ни звука, когда заветная бутылка переключалась к противникам.

— Все? — поинтересовался Брендан. Он захихикал, и этот пронзительный смешок выдавал нарастающее возбуждение. — Может, у этого хрена в заглазнике еще что-нибудь припрятано? — предположил он, отпустив руки Поупа, и оттеснил Хмыря в сторону.

Последний не стал возражать — он заполучил бутылку и больше ни на что не претендовал. Хмырь отбил горлышко, чтобы не подхватить какую-нибудь заразу, и принялся пить, сидя на корточках в грязи. Теперь, когда Брендан взял инициативу в свои руки, Рыжий отпустил Поупа. Игра ему явно наскучила. Брендан, напротив, только начал входить во вкус.

Рыжий подошел к Карни и носком ботинка перевернул скудные пожитки Поупа.

— По нулям, — констатировал он бесстрастно.

— Угу, — поддакнул Карни в надежде, что недовольство Рыжего положит конец глумлению над стариком.

Но Рыжий уже бросил кость Брендану и не собирался отбирать ее. Карни доводилось видеть разбушевавшегося Брендана, и у него не было никакого желания смотреть на это снова. Впрочем, эхо, отражавшееся от стен туннеля, достаточно красноречиво свидетельствовало о происходящем: удары сыпались один за другим вперемежку с нечленораздельной бранью. Судя по прошлому опыту, ничто не могло остановить Брендана, прежде чем он изольет до конца свою ярость. Любой, у кого хватало глупости мешать ему, лишь попадал под горячую руку.

Рыжий не спеша подошел к дальнему выходу из туннеля, закурил и стал с холодным интересом наблюдать

за расправой. Карни оглянулся на Хмыря. Тот сидел уже не на корточках, а на земле, бутылка водки стояла между его вытянутых ног. Он с отсутствующим видом ухмылялся, глухой к мольбам, что потоком лились с разбитых губ Поупа.

Карни затошнило. Не столько из интереса, сколько для того, чтобы не видеть избиения, он вернулся к кучке хлама из карманов Поупа. Он разворошил ее и вытащил одну фотографию, желая рассмотреть ее поближе. На снимке был запечатлен ребенок, но понять, похож ли он на Поупа, не представлялось возможным: лицо старика уже изменилось до неузнаваемости. Один его глаз закрывался, окруженный наливающимся синяком. Карни бросил карточку обратно, к остальным вещцам. Вдруг взгляд его наткнулся на перепутанный, в узлах, обрывок шнура, которого он в прошлый раз не заметил. Карни снова посмотрел на Поупа. Подбитый глаз бродяги совершенно заплыл, а второй, похоже, ничего не видел. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Карни наклонился и потянул к себе веревку, кольцом свернувшуюся среди хлама, точно змея в гнезде. Его притягивал вид узлов — они всегда зачаровывали его. Он не разбирался в теоретических науках (математика оставалась для него темным лесом, равно как и премудрости родного языка), но более осязаемые загадки привлекали его. Наткнувшись на узел, картинку-пазл или расписание поездов, он выпадал из реальности на несколько часов. Этот интерес уходил корнями в его детские годы, отмеченные печатью одиночества. Когда у тебя нет ни отца, ни братьев или сестер, с которыми можно поиграть, чем занять себя, как не головоломкой?

Карни крутил шнур так и сяк, разглядывая три узла, завязанные посередине на расстоянии дюйма друг от друга. Они были большие и асимметричные и, похоже, не имели никакого смысла кроме разве что сведения с

ума чудаков вроде него. Чем еще объяснить эту хитрую конструкцию, как не намерением создать почти неразрешимую головоломку? Он пробежал по узлам пальцами, безотчетно ища слабинку, но они были сделаны так великолепно, что между переплетенными концами не прошла бы и иголка, даже самая тонкая. Это был слишком соблазнительный вызов, чтобы его проигнорировать. Карни снова вскинул глаза на Поупа. Брендан, похоже, успел притомиться; он отшвырнул старика к стене туннеля. Тело мешком осело наземь и осталось лежать, где упало. От него исходил явственно различимый дух сточной канавы.

— Эх, хорошо,— провозгласил Брендан, словно только что вышел из бодрящего душа. Его разгоряченное лицо блестело от пота, он улыбался во весь рот.— Дайка мне водочки, Хмырь.

— Все, больше нету,— заплетающимся языком ответил тот, в доказательство своих слов переворачивая бутылку.— Там и был-то от силы глоток.

— Врешь,— сказал Брендан, не переставая ухмыляться.

— Ну а если и вру? — отозвался Хмырь и отшвырнул пустую бутылку в сторону. Послышался звон разбитого стекла.— Помоги мне встать,— попросил он Брендана.

Брендан, пребывая все в том же прекрасном расположении духа, помог товарищу подняться на ноги. Рыжий уже двинулся к выходу из туннеля; дружки гуськом потянулись за ним.

— Эй, Карни,— через плечо окликнул Хмырь.— Ты идешь?

— Угу.

— Что, хочешь поцеловать этого козла на прощание? — предположил Брендан.

Хмырь так и покатился со смеху. Карни не ответил. Он поднялся, не сводя глаз с неподвижной фигуры, меш-

ком лежавшей на земле: не мелькнет ли на лице Поупа проблеск сознания? Однако старик не подавал признаков жизни. Карни воровато оглянулся на своих товарищей: все трое шагали вперед и на него не смотрели. Он поспешно сунул в карман шнур с узлами. На это ушли считанные секунды. Как только веревка была надежно припрятана, Карни охватило ликование, совершенно не вяжущееся со скромной добычей. Он уже предвкушал долгие часы удовольствия, проведенные над этими узлами. Можно будет на время забыть о бедах, о сосущей пустоте в душе, о бездарном лете и безрадостной зиме, что ждала впереди; забыть о старике, неподвижно лежащем в нескольких ярдах от того места, где он сейчас стоял.

— Карни! — окликнул его Хмырь.

Карни развернулся и зашагал прочь от тела и от кучки пожиток. До выхода из туннеля оставалась пара шагов, когда старик у него за спиной пробормотал что-то в бреду. Слов было не разобрать, однако по какой-то прихоти акустики своды туннеля многократно усилили его бормотание. Голос Поупа отразился от стен, эхом раскатился в замкнутом пространстве и отразился снова, наполнив каменную трубу шепчущими отзвуками.

Только поздно ночью, в одиночестве своей спальни, под всхлипы матери, плачущей во сне за стеной, Карни смог спокойно рассмотреть новое приобретение. Рыжему с приятелями он не сказал о том, что стащил веревку: за такую ничтожную мелочь они засмеяли бы его. К тому же эти узлы бросали Карни вызов, который он намеревался принять — и, вероятно, потерпеть поражение — без свидетелей.

После непродолжительных препирательств с самим собой он остановил выбор на одном из узлов и приступил к делу. Почти сразу же он потерял счет времени: задача захватила его целиком. Незаметно проходили ча-

сы, а он все ломал голову над переплетением, пытаясь отыскать ключ к скрытой закономерности в способе вязки узла. На ум ничего не приходило. Логика конфигураций — если она существовала — полностью от него ускользала. Единственное, что ему оставалось, — это попытаться решить проблему методом проб и ошибок. Уже занимался рассвет, когда Карни наконец выпустил веревку и решил заснуть хотя бы на несколько часов. За ночь ему удалось лишь чуть-чуть ослабить узел.

В последующие несколько дней задача превратилась в навязчивую идею, неотступное наваждение. Карни возвращался к ней при малейшей возможности; в любую свободную минуту он снова и снова принимался тереть узел онемевшими пальцами. Головоломка захватила его так, как не захватывало почти ничто в его взрослой жизни; пытаясь развязать неподатливый узел, он становился слеп и глух для окружающего мира. Ночью при свете лампы в своей комнате или днем в парке он почти физически ощущал, что его затягивает в замысловато переплетенное сердце узла, а его сознание фокусируется и превращается в острие, способное проникнуть туда, куда не попадал даже свет. Однако, несмотря на упорство Карни, распутывание продвигалось крайне медленно. У большинства узлов, с которыми ему доводилось сталкиваться, требовалось найти одно уязвимое место — и они немедленно развязывались; но эта конструкция была такой искусной, что если один ее конец хоть на йоту поддавался, другой тут же затягивался еще больше. В конце концов он понял: секрет в том, чтобы равномерно развязывать узел со всех сторон. Надо самую чуточку ослабить один конец, затем перевернуть узел и ровно настолько же ослабить другой и так далее. Такое систематическое, хотя и утомительное, действие постепенно дало результат.

За все время он ни разу не виделся с Рыжим, Бренданом и Хмырем. Молчание приятелей наводило на мысль,

что разлука с Карни печалит их столь же мало, как и его самого. Поэтому он удивился, когда в пятницу вечером у него объявился Хмырь. Тот пришел с предложением. Они с Бренданом присмотрели богатый дом, который просто грех не обчистить, и предлагали Карни постоять на стреме. В прошлом ему дважды доводилось исполнять эту роль. Оба раза они совершали аккуратные кражи со взломом, подобные той, что намечалась сейчас. Первая принесла им немного дорогих побрякушек, и они сумели их выгодно толкнуть; вторая — несколько сотен фунтов чистоганом.

Однако на новое дело предстояло идти без Рыжего. В последнее время тот ухлестывал за Анелизой, и девушка, по словам Хмыря, заставила своего кавалера пообещать, что он не станет размениваться на мелкие кражи, а прибережет свой талант для чего-то более серьезного. Карни понимал, что Хмырю — да и Брендану тоже — не терпелось продемонстрировать собственную воровскую сноровку в отсутствие Рыжего. Приглянувшийся им дом был, по утверждению Хмыря, легкой добычей. Глупо ее упускать. Карни рассеянно кивал радужным планам Хмыря, а мысли его занимали совершенно иные материи. Когда Хмырь наконец замолчал, Карни согласился пойти на дело — не ради денег, а потому, что согласие позволяло ему без промедления вернуться к заветному узлу.

В тот же вечер, уже ближе к ночи, Хмырь предложил встретиться и осмотреться на месте предполагаемого дела. Расположение дома определенно внушало мысли о легкой добыче. Карни нередко ходил по мосту, где Хорн-си-лейн поднимался над Арчвей-роуд, но никогда не замечал крутой тропки — местами состоящей из ступенек, местами обычной ровной дорожки, — что вела от края моста к дороге под ним. Она была такая узкая, что не заметить ее оказалось легче легкого; к тому же тро-

пинка безбожно петляла, и на всем ее протяжении имелся единственный фонарь, ничего толком не освещавший и терявшийся в гуще деревьев из ближних садов. Именно сады — через забор можно без труда перебраться или выломать из него доску — открывали идеальный подступ к домам. По этой потайной тропинке любой вор мог прийти и уйти безнаказанно, не замеченный пешеходами как сверху, так и снизу. Требовалось лишь поставить кого-то на страже на случай, если какому-нибудь прохожему взбредет в голову воспользоваться той же дорожкой. Вот для чего понадобился Карни.

Следующая ночь выдалась как по заказу. Прохладная, но не холодная, пасмурная, но без дождя. Они встретились на Хайгейт-хилл у ворот церкви Страстей Господних, а оттуда двинулись на Арчвей-роуд. Брендан утверждал, что если они спустятся к тропке сверху, то привлекут к себе больше внимания. На Хорнси-лейн легче было нарваться на полицейский патруль, потому что мост точно магнитом притягивал к себе тех, кто желал свести счеты с жизнью. Для этого место подходило как нельзя лучше: если незадачливый самоубийца после падения с высоты в восемьдесят футов оставался жив, то ему гарантировали смерть многотонные фуры, с грохотом несшиеся по Арчвей-роуд к югу.

Брендан пребывал на седьмом небе от счастья, довольный тем, что командует другими, а не играет вторую скрипку при Рыжем. Всю дорогу он болтал не умолкая — в основном о женщинах. Карни уступил Хмырю честь шагать рядом с Бренданом, а сам держался в нескольких шагах позади, не вынимая руки из кармана куртки, где его ждали узлы. Его глаза, измученные множеством бессонных ночей, в последние часы начали разыгрывать с ним странные шутки. Время от времени ему казалось, что узел движется у него в руке, будто хочет развязаться изнутри. Даже сейчас, когда они приближались к заветной тропке, Карни чудилось, что птнур ерзает у него в ладони.

— Ух ты... Гляньте-ка! — Хмырь указывал на тропинку, погруженную во тьму. — Кто-то разбил фонарь.

— Тише ты, — шикнул на дружка Брендан и первым двинулся по дорожке.

Темнота не была совсем непроглядной. Отблески огней с ярко освещенной Арчвей-роуд пробивались сюда, однако, просачиваясь сквозь густую листву, они почти не давали света. Карни с трудом различал собственные руки, даже поднеся их к самому лицу. Такая темнота должна была отпугнуть от тропки всех прохожих, за исключением самых самоуверенных.

Когда приятели преодолели чуть более половины подъема, Брендан остановил их маленький отряд.

— Вот этот дом, — объявил он.

— Ты не ошибся? — спросил Хмырь.

— Я считал сады. Это он.

Изгородь, которой был обнесен сад, не ремонтировали давным-давно: Брендан легко сломал ее (шум заглушил рев припозднившейся фуры, прогремывавшей по гудрону внизу), и все трое очутились внутри. Брендан двинулся дальше сквозь густые заросли дикой ежевики. Хмырь последовал его примеру и немедленно выругался, ободравшись о шипы. Брендан грубо велел ему заткнуться, затем обратился к Карни:

— Мы пошли. Когда будем выходить, свистнем два раза. Условный сигнал помнишь?

— Он же не слабоумный. Правда, Карни? Он справится. Мы идем или нет?

Брендан не произнес больше ни слова. Двое взломщиков выбрались из ежевичных зарослей и двинулись по саду. На лужайке, отделившись от тени деревьев, они превратились в два серых силуэта на фоне дома. Карни смотрел, как они приближаются к задней двери. Послышался шум: Хмырь ловко взломал замок, и пара проскользнула в дом. Карни остался в одиночестве.

Впрочем, не совсем — веревку у него никто не отбирал. Карни оглядел тропку в обоих направлениях;

глаза его постепенно привыкали к темноте. Прохожих поблизости не было. Удовлетворенный, он вытащил из кармана шнур с узелками. Собственные руки казались ему призрачными, а узлы он и вовсе едва различал. Однако пальцы его действовали почти инстинктивно, вслепую ощупывая узлы. Как ни странно, за несколько секунд подобных манипуляций он продвинулся в решении загадки куда больше, чем за все предшествующие дни. Лишенный возможности видеть, он полностью положился на свое чутье, и оно сотворило чудо. И опять Карни охватило пугающее ощущение того, что узел обладает самостоятельной волей и принимает деятельное участие в собственном развязывании. Вдохновленные предчувствием победы, его пальцы скользили вдоль шнура с удвоенной аккуратностью, по наитию безошибочно выбирая нужные переплетения.

Карни снова оглядел тропку и удостоверился, что она пуста. Затем оглянулся на дом. Дверь оставалась открытой, однако ни Хмыря, ни Брендана видно не было. Он снова занялся более насущной задачей; от легкости, с какой узел вдруг начал распутываться чуть ли не сам собой, хотелось смеяться.

С глазами у Карни — очевидно, из-за нарастающего волнения — стало твориться что-то странное. Цветные всполохи редкостных, непередаваемых оттенков вспыхивали прямо перед ним, зарождаясь в сердце узла. Свечение перекинулось на неутомимые пальцы Карни, и его плоть стала полупрозрачной. Он мог различить собственные нервные окончания, напитанные новообретенной чуткостью, и мелкие косточки пальцев — насквозь прозрачные, так что сквозь них виднелся нежный мозг. Цветные вспышки меркли столь же внезапно, как и загорались, а он продолжал трудиться в темноте, пока игра красок не вспыхивала снова.

Сердце грохотало в ушах. Оставались считанные секунды до того, как узел будет распутан, Карни чувствовал

это. Переплетения просто разлетались от его прикосновений; теперь пальцы были послушными игрушками шнура, а не наоборот. Карни распутывал петлю за петлей, продевая сквозь них то один, то другой из оставшихся узлов, тянул концы и подтакивал их. И все это — по воле самого шнура.

Цветные всполохи появились снова, однако на этот раз пальцы Карни остались невидимы. Зато из-под нескольких последних петель шнура стало что-то проглядывать. Оно билось, точно рыба, угодившая в сеть, и увеличивалось с каждым распутанным переплетением. Молот в голове загрохотал в удвоенном темпе. Воздух вокруг стал вязким, словно Карни провалился в ил.

Послышался свист. Карни знал: этот сигнал что-то означает; но не мог вспомнить, что именно. Слишком много всего заполняло его мысли: густой воздух, гудящая голова, узел, сам собой развязывающийся в безвольных руках, в то время как фигурка в центре — извилистая, поблескивающая — на глазах росла и сияла ярче.

Свист раздался снова. На этот раз его настойчивость вывела Карни из оцепенения. Он поднял голову. Брендан уже шел по саду, а Хмырь следовал за ним в нескольких ярдах позади. Карни успел лишь мельком отметить их появление, прежде чем развязывание узла вступило в завершающую стадию. Последняя петля распалась, и фигурка из ее центра бросилась Карни в лицо, стремительно разрастаясь в размерах. Он шарахнулся, чтобы не лишиться головы, и странная тварь пронеслась мимо. Потрясенный, он угодил в заросли ежевики и свалился в колючие кусты. Над головой у него, точно колеблемая сильным ветром, шелестела листва. Дождем сыпались вниз прутики и листья. Карни пристально глядел на ветви, пытаясь различить странную фигуру, но она уже пропала из виду.

— Почему ты не отзывался, придурок недоделанный? — выругал его Брендан. — Мы уж решили, что ты слинял по-тихому.

Карни едва заметил появление запыхавшегося Брендана, продолжая разглядывать кроны деревьев над головой. В носу у него стоял неотвязный запах холодной тины.

— Давай пошевеливайся,— поторопил его Брендан, выбираясь сквозь пролом в заборе на тропинку.

Карни попытался встать на ноги, но ему мешали колючки, зацепившиеся за волосы и одежду.

— Черт! — донесся до него возглас Брендана из-за забора.— Полиция! На мосту.

Подоспел Хмырь.

— Что ты там забыл? — поинтересовался он у Карни. Тот протянул руку.

— Помоги мне,— попросил он.

Хмырь ухватил его за запястье, но в эту секунду Брендан прошипел:

— Полиция! Смываемся!

Хмырь, разжав пальцы, нырнул в пролом изгороди и припустил вслед за Бренданом по Арчвей-роуд. Несколько отчаянных секунд у Карни ушло на осознание того, что шнур с двумя оставшимися на нем узлами исчез. Карни его не ронял, за это можно было поручиться. Видимо, шнур по собственной воле покинул его во время короткого разговора с Хмырем. Карни дотянулся до трухлявой изгороди и, держась за нее, поднялся на ноги. Нужно предупредить Хмыря о том, что сотворил шнур. Пусть даже там полиция — дело пахнет кое-чем посерьезнее, чем неприятности с законом.

Между тем Хмырь со всех ног улепетывал по тропинке. Поглощенный желанием сбежать, он даже не почувствовал, как шнур с узлами украдкой скользнул ему в руку. Брендан уже добрался до Арчвей-роуд и был таков. Хмырь отважился на ходу оглянуться через плечо, чтобы посмотреть, не гонятся ли за ним полицейские. Однако ничто не указывало на погоню. Даже если они и напали на след, рассудил Хмырь, никого им пой-

мать. Если только не наткнутся на Карни. Хмырь замедлил бег, потом остановился и оглянулся назад, чтобы проверить, не бежит ли этот идиот следом. Но Карни даже не перебрался через забор.

— Черт бы его побрал,— выругался себе под нос Хмырь.— Может, вернуться за ним?

Он колебался, стоя на темной тропинке, а то, что он принимал за порывистый ветер в кронах деревьев, внезапно стихло. Неожиданная тишина озадачила Хмыря. Он поднял голову, и его глаза потрясенно остановились на фигуре, что ползла на него, распространяя запах тины и разложения. Медленно, словно во сне, Хмырь поднял руки, не давая существу прикоснуться к себе. Но оно протянуло влажные ледяные щупальца и схватило парня.

На глазах Карни, в это время перелезавшего сквозь дыру в заборе, Хмырь оторвался от земли и исчез в листьях. Карни видел, как его приятель сучит ногами в воздухе, а украденная добыча вывалилась у него из карманов и полетела по тропке вниз к Арчвей-роуд.

Потом Хмырь закричал, и его болтающиеся ноги замолотили в воздухе еще отчаянней. Сверху донесся чей-то голос. «Полицейские перекликаются»,— подумал Карни. В следующую секунду послышался топот бегущих ног. Он вскинул глаза на Хорнси-лейн — стражи порядка еще не добрались до начала тропки. Потом вновь взглянул туда, где был Хмырь,— вовремя, чтобы увидеть, как тот падает с дерева. Он мешком рухнул наземь, но через миг поднялся на ноги. Хмырь бросил мимолетный взгляд в сторону Карни. Даже в сероватых сумерках было видно, что на лице его застыло безумное выражение. Потом он бросился бежать. Карни убедился, что у Хмыря имеется стартовое преимущество, и юркнул сквозь дырку в заборе обратно, чтобы не попасться на глаза двум полицейским — они появились на тропинке и пустились в погоню за Хмырем. Эти события — развязыва-

ние узла, появление дружков, преследование, крик и все остальное — произошли за считанные секунды, на протяжении которых Карни ни разу не перевел дух. Теперь он лежал на колючей ежевичной подушке и хватал ртом воздух, точно выброшенная на берег рыба. По ту сторону забора полицейские с криками неслись по тропинке вдоль опушки за подозреваемым.

Хмырь едва ли слышал их приказы. И бежал он не от полиции, а от пахнущего тинной существа, что оторвало его от земли и притянуло к своему изрытому язвами узкоглазому лицу. Хмырь выбежал на Арчвей-роуд и почувствовал, что у него затряслись руки и ноги. Он не сомневался: если его колени подогнутся и он упадет, страшное существо настигнет беглеца и прикинется своими губами к его губам, как это уже случилось. Только теперь у него не будет сил закричать, и неведомая тварь высосет из него жизнь. Единственная его надежда на спасение — пересечь дорогу раньше преследователя. Подгоняемый шумным дыханием зверя, Хмырь перелез дорожное ограждение, выскочил на шоссе и побежал поперек проезжей части. Лишь посреди полосы он осознал свою ошибку. Ужас заставил его позабыть обо всех других опасностях: на него мчался синий «вольво». Рот водителя застыл в крике. Хмырь остановился, парализованный лучом фар, словно дикий зверек. Две секунды спустя он почувствовал удар сбоку, отбросивший его через разделительную полосу прямо под бампер автопоезда. У второго водителя не было ни малейшей возможности свернуть в сторону. Удар расплющил Хмыря и швырнул под колеса.

До Карни, прятавшегося за забором в саду, донесся панический визг тормозов, а полицейский на тропинке ахнул:

— Боже правый!

Карни немного подождал, потом выглянул из укрытия. Тропка опустела. Деревья стояли тихо. Внизу взвы-

ла сирена, слышались крики полицейских, перекрывающих движение. Совсем рядом кто-то зарыдал. Карни некоторое время напрягал слух, пытаясь определить источник рыданий, пока не сообразил, что это он сам. Сквозь слезы он прислушался к доносящемуся снизу шуму. Произошло нечто ужасное, и он обязан понять, что именно, несмотря на слезы. Но его страшила необходимость бежать сквозь строй деревьев — он знал, что там таится. Поэтому Карни поднялся и вытянул голову, пытаясь рассмотреть чудовище. Однако он не уловил ни звука, ни движения: деревья были тихи, как неживые. Преодолевая страх, он выбрался из-за забора и зашагал по дорожке, не сводя глаз с листвы и настороженно выискивая малейший признак присутствия существа. До него доносился гул собирающейся толпы. Мысль о скоплении людей приободрила его. Теперь ему понадобится убежище, не так ли? Люди, ставшие свидетелями удивительных событий, всегда нуждались в убежище.

Он добрался до того места, откуда неизвестная тварь утащила Хмыря на дерево; землю усеивали опавшие листья и украденное барахло. Ноги тянули Карни прочь, им не терпелось убраться отсюда подальше; но какой-то упрямый инстинкт подмывал его задержаться. Может, ему хотелось вынудить зверя показаться? Может, лучше вступить в противоборство сейчас, лицом к лицу с мерзкой тварью, чем все время дрожать, преувеличивая в воображении ее способности? Но чудовище так и не показалось. Если оно по-прежнему скрывалось в листве, то сидело там абсолютно неподвижно.

Под ногами что-то шевельнулось. Карни опустил глаза и увидел шнур, почти полностью засыпанный листьями. По всей видимости, шнур счел Хмыря недостойным себя. Теперь, когда его способности стали явными, он больше не пытался сойти за обыкновенную веревку. Он извивался на усыпанной гравием дорожке, как уж на

сковородке, и вздымал узловатую голову, чтобы привлечь внимание Карни. Тому отчаянно хотелось проигнорировать ужимки шнура, но он не мог так поступить. Карни понимал: если он не поднимет шнур, это сделает кто-то другой, вопрос лишь во времени. Непременно найдется такая же, как он сам, наивная жертва тяги к головоломкам. И к чему приведет подобное неведение? К освобождению новой твари; быть может, еще более чудовищной, чем первая. Нет уж, лучше Карни сам заберет узлы. Он хотя бы предупрежден об опасности, а значит, отчасти вооружен. Карни наклонился, и шнур непринужденно прыгнул ему в руки. Он так крепко обвился вокруг пальцев, что Карни едва не вскрикнул от боли.

— Сволочь,— выругался он.

Шнур оплел его ладонь, в восторге от радушного приема перевил пальцы. Карни поднял руку, чтобы получше разглядеть это представление. Внезапно его потрясение от разыгравшейся на Арчвей-роуд трагедии испарилось, точно по мановению волшебной палочки. К чему забивать себе голову мелочами? В конце концов, это лишь жизнь и смерть. Лучше уносить ноги, пока его не замели.

Над головой у Карни закачалась ветка. Он с усилием оторвал глаза от узлов, прищурился и вгляделся в листву. Теперь, когда шнур вернулся к нему, все беспокойство и страхи как рукой сняло.

— Покажись,— произнес он вслух.— Я не Хмырь, я не боюсь. Я хочу знать, кто ты такой.

Притаившееся в засаде чудовище выглянуло из ветвей и дохнуло в лицо Карни холодом. На него повеяло запахом обмелевшей реки и гниющих водорослей. Карни уже собрался повторить свой вопрос, когда до него дошло: этот вздох и есть ответ. Все, что тварь могла рассказать о себе, заключалось в одном-единственном тлетворном и зловонном выдохе. И такой ответ был весьма красноречив. Растревоженный роем видений, которые он пробудил, Карни попятился прочь. Израненные, мед-

лительные образы копошились у него перед глазами, словно в луже вязкой грязи.

В нескольких футах от дерева болезненные чары рассеялись, и Карни стал глотать насыщенный выхлопными газами воздух с такой жадностью, будто ощутил свежесть горного утра. Он выбросил из головы все тяжкие впечатления ночи, сунул обвитую шнуром руку в карман и зашагал по тропинке. Деревья у него за спиной снова стояли тихо и неподвижно.

На мосту собрались десятки зевак, глазевших на действие, развернувшееся внизу. Эта публика, в свою очередь, возбуждала любопытство водителей, проезжавших мимо по Хорнси-лейн; некоторые оставляли свои машины у обочины и смешивались с толпой. Сцена под мостом казалась слишком далекой, чтобы пробуждать в Карни какие-то чувства. Он стоял среди взволнованно гудящей толпы и бесстрастно взирал на происходящее. Труп Хмыря он опознал по одежде; от бывшего товарища Карни осталось немного.

Он знал, что скоро горе возьмет свое. Но сейчас он не испытывал ровным счетом ничего. Хмырь уже мертв, не так ли? Он теперь не ощущает ни боли, ни смутения. Карни не покидало предчувствие, что разумнее приберечь свои слезы для тех, чьи страдания только начинаются.

И снова к узлам.

Ночью, вернувшись домой, Карни попытался избавиться от них, но после вечерних событий они обрели новую притягательность. Узлы связывали чудовищ. Каким образом и почему, Карни не имел представления, но, как ни странно, это сейчас не слишком его заботило. Всю жизнь он принимал как данность то, что мир полон тайн, а ему, человеку со скромными умственными способностями, нечего и надеяться постичь их. Карни усвоил в школе единственный урок: что он ничего не

знает. Новая загадка стала лишь еще одним пунктом в длинном перечне.

В голову ему приходило только одно логическое объяснение: Поуп нарочно устроил так, чтобы Карни стащил у него узлы. Старик прекрасно знал, что вырвавшийся на волю зверь отомстит его мучителям. Подтверждение своих предположений Карни получил лишь шесть дней спустя, на церемонии кремации Хмыря. Все это время он держал свой страх при себе, полагая, что чем меньше он будет распространяться о событиях злополучной ночи, тем меньше вреда они ему принесут. Разговоры придавали невероятному видимости правды, они прибавляли убедительности явлениям, которые, как Карни надеялся, без подкрепления извне захиреют и исчезнут.

На следующий день в доме появились полицейские — им полагалось опросить всех приятелей Хмыря. Карни заявил, что об обстоятельствах гибели товарища ему ничего не известно. Брендан поступил точно так же. Поскольку никаких свидетелей, способных опровергнуть показания, не нашлось, больше Карни не трогали. Его оставили в покое наедине со своими мыслями — и с узлами.

Один раз он встретился с Бренданом. Карни ожидал упреков и обвинений; Брендан полагал, что Хмырь погиб во время побега от полиции, а рассеянность Карни помешала сообщникам вовремя узнать о приближении стражей порядка. Однако Брендан ни в чем не упрекнул его. Все бремя вины он взвалил на себя, с какой-то искупленной готовностью, и в провале затеи винил исключительно себя, а отнюдь не Карни. Вопиюще нелепая смерть Хмыря выявила неожиданную ранимость Брендана, и Карни страстно хотелось рассказать приятелю эту невероятную историю с начала до конца. Но он понимал, что сейчас не время. Он терпеливо позволял Брендану изливать свою душевную боль, а сам держал рот на замке.

И все-таки снова к узлам.

Порой он просыпался посреди ночи и чувствовал, как шнур ворочается под подушкой. Близость шнура успокаивала, а его жажда деятельности — напротив, поскольку она пробуждала точно такую же жажду деятельности в самом Карни. Руки стремились прикоснуться к оставшимся узлам и оценить сложность задачи, заключенной в них. Но Карни понимал, что уступить искушению — значит сделать шаг к капитуляции перед своей одержимостью, перед их жаждой вырваться на свободу. Когда у него возникал этот соблазн, он заставлял себя вспомнить темную тропинку и чудовище, затаившееся среди листвы; вновь воскресить в душе мучительные мысли, накатившие на него от вздоха зверя. Воспоминания о пережитом потрясении заглушали любопытство, и он находил в себе силы оставить шнур лежать на месте — там, где он был надежно скрыт от глаз, но не от мыслей.

Карни вполне отдавал себе отчет в том, какую угрозу несут в себе узлы, но не мог заставить себя сжечь их. Пока этот ничем не примечательный с виду обрывок шнура оставался в его распоряжении, он был единственным в своем роде; расстаться с ним — означало вновь стать одним из безликой серой массы. Он не чувствовал в себе сил совершить такой шаг, хотя и подозревал, что ежедневный тесный контакт со шнуром медленно, но верно ослабляет его способность противиться искушению.

Существо с дерева больше ни разу не попадалось ему на глаза; он даже начал сомневаться, не померещилось ли ему. Со временем его способность объяснять действительность игрой воображения могла окончательно одержать верх. Но события, разыгравшиеся после кремации Хмыря, лишили его этой удобной лазейки.

На церемонию Карни пришел в одиночестве и — несмотря на то, что там были Брендан, Рыжий и Ане-

лиза — ушел тоже в одиночестве. Он не испытывал никакого желания вступать в разговоры с кем-либо из близких Хмыря. Чем дальше, тем труднее становилось подбирать слова для описания случившегося. Пока никто не подошел к нему с разговорами, Карни поспешил прочь. Он низко склонил голову, защищаясь от пыли — ее бросал в лицо ветер, весь день то собиравший тучи, то разгонявший их. Карни на ходу порылся в карманах в поисках сигарет. Шнур, по обыкновению дремавший там в ожидании, приветствовал его палыды знакомым вкрадчивым обвитием. Карни выпутался из его колец, вытащил сигареты, но порывы резкого ветра задували зажженные спички, а прикрыть огонек ладонью у него сегодня никак не получалось. Он дошел до ближайшего прохода между домами и нырнул туда, чтобы закурить. Там его поджидал Поуп.

— Ты послал цветы? — поинтересовался бродяга.

Первым побуждением Карни было развернуться и дать стрекача. Но до залитой ярким солнцем улицы было рукой подать; здесь ему не грозила никакая опасность. А разговор со стариком мог прояснить обстоятельства.

— Нет? — снова спросил Поуп.

— Нет, — эхом отозвался Карни. — Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, — парировал старик. — Пришел посмотреть, как горит этот сопляк.

Он ослабился; ухмылка на грязном, испитом лице выглядела до крайности омерзительно. Это был тот же самый забулдыга, что и в туннеле две недели назад, но теперь от него исходила ощутимая угроза. Карни порадовался, что солнце светит ему в спину.

— И повидаться с тобой, — добавил Поуп.

Карни счел за лучшее промолчать. Он чиркнул спичкой и поднес огонек к сигарете.

— Ты взял мою вещь, — продолжал старик. Карни не выказал раскаяния. — Я хочу получить мой шнур обратно, малыш, пока ты не натворил настоящих бед.

— Не понимаю, о чем ты,— ответил Карни.

Взгляд его против воли не отрывался от лица Поупа, привлеченный его неоднозначностью. Проулок с мусорной кучей куда-то поплыл. Очевидно, на солнце набежало облако, поскольку все, кроме фигуры Поупа, в глазах Карни потемнело.

— Ты сделал большую глупость, сынок, когда попытался обокрасть меня. Впрочем, я сам подставился, дал маху. Но больше это не повторится. Видишь ли, иногда мне становится одиноко. Уверен, ты меня поймешь. А когда мне одиноко, меня тянет напиться.

Карни закурил всего несколько секунд назад, но сигарета уже дотлела до фильтра, хотя он не сделал ни единой затяжки. Он бросил ее, смутно понимая, что с временем и пространством в этом крошечном закоулке творится неладное.

— Это не я,— пробормотал он беспомощно, как ребенок, отпирающийся сразу от всех обвинений.

— Нет, ты,— властно заявил Поуп.— Не будем тратить время на пустые препирательства. Ты обокрал меня, а твой товарищ поплатился за это. Сделанного не воротишь. Но ты можешь не допустить новых бед, если вернешь то, что принадлежит мне. Сейчас.

Рука Карни сама собой потянулась к карману. Нужно выбираться из этой западни, пока она не захлопнулась; в конце концов, отдать Поупу то, что по праву ему принадлежало,— простейший способ выбраться из ловушки. Однако пальцы Карни медлили; почему? Возможно, из-за безжалостного выражения глаз этого Мафусаила; получив свои узлы обратно, Поуп обретал единоличную власть над оружием, убившим Хмыря. Но еще сильнее — даже сейчас, когда на кону стоял его рассудок,— было нежелание Карни расставаться с единственным осколком тайны, что выпал на его долю. Старик почувствовал его нежелание и начал вкрадчивые уговоры.

— Не бойся меня,— сказал он.— Я не причиню тебе зла, если ты сам не вынудишь меня. Я хотел бы решить дело миром. Новое насилие, еще одна смерть лишь привлекут ненужное внимание.

«Неужели передо мной убийца?» — ужаснулся Карни.

Такой неприглядный, смехотворно хилый. Но его манера говорить не вязалась с внешним видом; зачатки повелительного тона, расслышанные две недели назад в голосе Поупа, теперь расцвели пышным цветом.

— Ты хочешь денег? — спросил Поуп.— За этим дело стало? Твоя уязвленная гордость успокоится, если я предложу тебе что-то за труды?

Карни скептически взглянул на лохмотья Поупа.

— А-а,— понимающе кивнул старик.— Может, я и не похож на денежный мешок, но внешность обманчива. Взять, к примеру, тебя. Ты не похож на покойника, но помяни мое слово, сынок: ты почти покойник. Если будешь так себя вести и дальше, тебе конец.

Эта речь — такая неторопливая, такая взвешенная — изумила Карни, тем самым подтвердив его предположение. В злополучную ночь пару недель назад они застали Поупа под хмельком, сбитого с толку и уязвимого. Но теперь, в трезвом виде, этот оборванец говорил как человек, привыкший повелевать: как безумный король, решивший прогуляться среди черни под личиной бродяги. Впрочем, король ли? Нет, скорее жрец. Что-то в его властной манере выдавало человека, чья власть не основывалась на обычной политике.

— Еще раз,— произнес Поуп.— Я требую, чтобы ты вернул то, что принадлежит мне.

Он сделал шаг по направлению к Карни. Проулок превратился в узкий туннель, нависающий над их головами. Если над ними и было небо, Поуп закрыл его.

— Отдай мне узлы,— повторил он. Голос звучал мягко и доброжелательно. Темнота окутала Карни плот-

ным коконом. Он видел лишь рот старика: неровные зубы, серый язык.— Отдай их мне, вор, иначе пеняй на себя.

— Карни?

Голос Рыжего пробился к Карни из другого мира. До него было рукой подать — до этого голоса, солнечного дня, ветра,— но Карни не сразу сообразил, откуда он доносится.

— Карни?

Он с усилием оторвал взгляд от зубов Поупа и заставил себя оглянуться на дорогу. Там, на солнце, стоял Рыжий, а рядом с ним Анелиза. Ее светлые волосы сияли.

— В чем дело?

— Оставьте нас в покое,— велел Поуп.— У нас с ним дела. У него и у меня.

— У тебя дела с *этим*? — переспросил Рыжий у Карни.

Прежде чем тот успел что-либо ответить, Поуп заявил:

— Давай, скажи ему. Скажи ему, Карни, что тебе нужно поговорить со мной наедине.

Рыжий бросил взгляд на старика через плечо Карни.

— Ты скажешь мне, в чем дело? — спросил он.

Карни пытался подобрать слова для ответа, но язык ему не повиновался. Солнечный свет казался очень далеким, и каждый раз, когда улицу накрывала тень облака, Карни боялся, что темнота пришла навсегда. Его губы беззвучно зашевелились, сияясь выразить этот страх.

— Эй, да что с тобой? — спросил Рыжий.— Карни? Ты меня слышишь?

Карни кивнул.

— Да,— выговорил он.

Неожиданно Поуп бросился к нему, отчаянно пытаясь дотянуться до карманов. Толчок отбросил оцепеневшего Карни к стене и, падая, он задел боком груды ящиков. Ящики опрокинулись на него, и Поуп, мертвой

хваткой вцепившийся в свою жертву, тоже полетел наземь. Все его недавнее спокойствие — черный юмор, осторожные угрозы — как ветром сдуло. Он снова превратился в слабоумного пьяницу, несущего чушь. Карни почувствовал, как руки старика рвут его одежду и царапают кожу, пытаясь отыскать шнур. Слова, которые Поуп выкрикивал в лицо Карни, стали нечленораздельными.

Рыжий попытался оттащить старика от приятеля, схватив за пальто, волосы или бороду — за что придется. Однако задача оказалась не из легких: Поуп дрался с яростью одержимого. Но Рыжий был сильнее и в конце концов взял верх. Брызжущего слюной Поупа рывком подняли на ноги. Рыжий держал его, как бешеного пса.

— Поднимайся,— велел он Карни.— И отойди от него подальше.

Карни, пошатываясь, поднялся на ноги посреди разбитых в щепу ящиков. Драка продолжалась несколько секунд, но Поуп успел нанести своему противнику значительный ущерб: на коже Карни красовались ссадины, на одежду было страшно смотреть, рубаха превратилась в лохмотья. Карни нерешительно ощутил изодранное в кровь лицо; царапины набухли, точно ритуальные шрамы.

Рыжий прижал Поупа к стене. Забулдыга еще не остыл, глаза у него были дикие. В лицо Рыжему понеслась непристойная брань — английские слова вперемежку с бессвязными звуками. Не прерывая тирады, старик попытался снова наброситься на Карни, но на сей раз Рыжий перехватил его и помешал разодрать приятелю лицо. Он поволок Поупа из переулка на улицу.

— У тебя губа разбита,— сообщила Анелиза, взирая на Карни с неприкрытым отвращением.

Рот его наполнился вкусом крови, солоноватой и горячей. Карни утер губы тыльной стороной ладони. На коже осталось алое пятно.

— Повезло тебе, что мы за тобой зашли,— сказала она.

— Да,— ответил он, не глядя на девицу.

Он стыдился этой дикой сцены, устроенной бродягой, к тому же знал, что Анелиза смеется над его, Карни, неспособностью постоять за себя. В ее семье все до единого были отъявленные разбойники, а об отце в воровской среде ходили легенды.

Вернулся Рыжий. Поупа с ним не было.

— Из-за чего сыр-бор разгорелся? — поинтересовался Рыжий, вынимая из кармана куртки расческу и приводя в порядок челку.

— Не из-за чего,— буркнул Карни.

— Ты мне лапшу-то на уши не вешай,— хмыкнул Рыжий.— Он твердит, будто ты его обокрал. Это правда?

Карни покосился на Анелизу. Если бы не она, он выложил бы Рыжему все без утайки, здесь и сейчас. Девушка ответила ему таким же взглядом и, похоже, прочла его мысли. Она передернула плечиками и удалилась из зоны слышимости, не упустив возможности пнуть по пути разбитые ящики.

— У него зуб на нас всех, Рыжий,— сказал Карни.

— Что ты несешь?

Карни уставился на свою окровавленную руку. Даже теперь, когда Анелиза больше не стояла у них над душой, он с трудом подбирал слова.

— Хмырь...— начал он.

— Что такое?

— Он убегал, Рыжий.

Анелиза у него за спиной недовольно вздохнула. Терпение ее явно было на исходе.

— Рыжий,— напомнила она.— Мы опаздываем.

— Подожди минуту,— резко оборвал ее Рыжий и снова повернулся к Карни.— Так что там с Хмырем?

— Этот старик — не тот, за кого себя выдает. Он не бродяга.

— Да? И кто же он тогда? — В голос Рыжего вкралась саркастическая нотка, рассчитанная, без сомнения, на Анелизу. Девушке наскучило ждать, и она снова приблизилась к своему кавалеру. — Так кто он такой, Карни?

Тот покачал головой. Что толку объяснить лишь часть того, что случилось? Или рассказывать историю целиком, или совсем ничего не говорить. Молчать было проще.

— Не важно, — ответил он устало.

Рыжий озадаченно посмотрел на него, понял, что больше ничего не добьется, и произнес:

— Если тебе есть что рассказать о Хмыре, Карни, я всегда тебя выслушаю. Ты знаешь, где я живу.

— Угу, — кивнул Карни.

— Я серьезно, — настаивал Рыжий. — Насчет разговора.

— Спасибо.

— Хмырь был хорошим товарищем, верно? Он, конечно, любил выпить, так ведь у каждого из нас свои заморочки, правда? Он не должен был умирать, Карни. Это несправедливо.

— Рыжий!

— Она тебя зовет.

Анелиза уже стояла на улице.

— Она все время меня зовет. Увидимся, Карни.

— Ага.

Рыжий похлопал приятеля по разодранной щеке и следом за Анелизой вышел на солнце. Карни даже не попытался пойти за ними. Он до сих пор не отошел после нападения Поупа. Руки и ноги у него дрожали, и он хотел отсидеться здесь, пока не обретет хотя бы подобие внешнего спокойствия. Пытаясь подбодрить себя испытанным способом, Карни сунул руку в карман куртки, где лежал шнур с узлами. Там было пусто. Он обшарил другие карманы и тоже ничего не обнаружил. Однако Карни был уверен, что старик не успел добраться до шнура. Может быть, он выпал во время драки? Кар-

ни принялся прочесывать закоулок. Первая попытка ни к чему не привела, и он предпринял вторую, а за ней и третью, уже понимая, что эта напрасная затея. Поуп добился своего. По счастливой случайности или украдкой он завладел шнуром.

С поразительной ясностью Карни вспомнилось, как он стоял на мосту Самоубийц, глядя вниз, на Арчвей-роуд, где на проезжей части посреди огней и грузовиков распростерлось тело Хмыря. Он тогда чувствовал себя таким далеким от разыгравшейся трагедии, словно взирал на землю с высоты птичьего полета.

А теперь его вдруг сбросили с небес. Подбитый, он лежал на земле и обреченно ждал, когда начнется кошмар. Он слизнул с разбитой губы кровь и задался вопросом (немедленно об этом пожалев): умер ли Хмырь мгновенно или тоже успел почувствовать вкус собственной крови, лежа на гудроне и глядя вверх, на людей на мосту. Те люди еще не знали, как близко от них смерть.

Обратно он возвращался самой оживленной дорогой, какую только смог придумать. Его расхристанный вид привлекал взгляды как приличных прохожих, так и полицейских, но он предпочел терпеть их неодобрение, чем рисковать и пробираться безлюдными закоулками вдали от крупных магистралей. Дома он промыл свои царапины и переоделся в чистую одежду, потом немного посидел перед телевизором, дожидаясь, когда его перестанет трясти. До вечера было еще далеко, и на всех каналах шли детские передачи; царила истерическая жизнерадостность. Он смотрел эту дребедень, но не вдумывался в нее; мысленно он пытался найти слова для описания того, что с ним произошло. Необходимо предостеречь Рыжего с Бренданом. Если узлы во власти Поупа, то вскоре какое-нибудь чудовище — возможно, еще более кошмарное, чем то, что утащило Хмыря, — придет по их души. Тогда объясняться будет поздно. Он знал, что приятели не воспримут его слова всерьез, но

он должен постараться убедить их, как бы нелепо ни выглядели его объяснения. Быть может, слезы и панический страх помогут Карни выразить свои чувства быстрее, чем на то способен его скудный словарный запас. Минут в пять шестого, не дожидаясь, пока вернется с работы мать, он выскользнул из дома и отправился на поиски Брендана.

Анелиза вытащила из кармана обрывок шнура, найденный в переулке, и принялась разглядывать его. Она и сама не могла объяснить, почему ей пришлось в голову подобрать его, однако он как-то очутился у нее в руке. Она теребила один из узлов, подвергая опасности свои длинные ногти. Вообще-то она без труда могла найти себе на вечер занятие поинтереснее. Рыжий ушел за выпивкой и сигаретами, и она собиралась до его возвращения спокойно принять ароматную ванну. Впрочем, долго ли развязать какой-то узел? К тому же узел сам так и просился, чтобы его развязали: Анелизу не покидало странное ощущение скрытой в нем жизни. Но еще более ее интриговали игравшие внутри красочные блики — она различила проблески малинового и фиолетового. Через несколько минут Анелиза и думать забыла о ванне; ванна могла подождать. Все мысли теперь были заняты появившей к ней в руки головоломкой. Еще через пару минут в глазах у девушки замелькали цветные всполохи.

Карни, как сумел, изложил Брендану свою историю. Едва он собрался с духом и приступил к рассказу, слова сами собой потекли одно за другим. Он почти без запинок добрался до настоящего времени.

— Я понимаю, что звучит дико, но это чистая правда, — заключил он повествование.

Брендан не поверил ни единому слову, это читалось в его ошарашенном взгляде. Однако в перепаханном

шрамом лице светилось нечто большее, чем простое недоверие. Карни не понимал, что именно, пока приятель не ухватил его за рубаху. Лишь тогда он понял всю глупину душившей парня ярости.

— Мало тебе, что Хмырь погиб,— процедил Брендан.— Ты еще и ко мне приперся с идиотскими бреднями.

— Это правда.

— Ну и где те чертовы узлы сейчас?

— Я же сказал: у старикашки. Он убьет нас, Брен. Я знаю.

Брендан отпустил Карни.

— Вот что,— великодушно постановил он.— Будем считать, что я не слышал твоих рассказней.

— Ты не понимаешь...

— Я же сказал: я не слышал ни единого слова. Усек? А теперь выметайся отсюда и не пудри мне больше мозги.

Карни не шелохнулся.

— Ты меня слышал? — заорал Брендан.

Карни заметил предательскую припухлость в углах его глаз. Гнев служил прикрытием — не слишком убедительным — горя, с которым Брендан не умел справиться. В таком состоянии духа ни страх, ни какие-либо доводы не могли убедить его в правдивости слов Карни. Тот поднялся.

— Прости,— сказал он.— Я пойду.

Брендан тряхнул головой, опустив лицо. Больше он не поднял глаз, и Карни пришлось искать выход самому. Теперь у него остался один Рыжий — апелляционный суд последней инстанции. Единожды рассказанную историю можно рассказать еще раз, не так ли? Повторение — это просто. Мысленно прокручивая речь в голове, Карни оставил Брендана наедине с его слезами.

Анелиза слышала, как пришел с улицы Рыжий, слышала, как он произнес какое-то слово, потом повторил еще раз. Слово казалось знакомым, но она несколько секунд судорожно соображала, прежде чем узнать свое имя.

— Анелиза! — позвал он снова. — Ты где?

«Нигде, — подумала она. — Я невидУМСА. Не ищи меня, пожалуйста, пожалуйста. Господи, пусть он оставит меня в покое». Она зажала рукой рот, чтобы не стучали зубы. Только бы не шелохнуться, не пикнуть. Если она шевельнется, оно услышит и придет за ней. Единственное спасение — съежиться в крохотный комочек и зажимать рот ладонью.

Рыжий начал подниматься по ступенькам. Анелиза небось нежится в ванне и мурлычет себе под нос какой-нибудь мотивчик. Эту чертовку хлебом не корми, дай в воде поплескаться. Она валялась в мыльной пене часами, лишь полукружия грудей выглядывали наружу, как два острова мечты. В четырех ступеньках от площадки он услышал шум внизу, в коридоре: кашель или что-то похожее. Может, она задумала подразнить его? Рыжий развернулся и стал спускаться, стараясь двигаться бесшумно. Почти в самом низу лестницы взгляд его упал на кусок шнура, брошенный на ступеньку. Он поднял его и озадаченно оглядел одинокий узел. Тут шум повторился. На этот раз Рыжий не стал убеждать себя, что это Анелиза. Он затаил дыхание, дожидаясь очередного подтверждения своих подозрений. Когда такового не последовало, он сунул руку в ботинок и вытащил оттуда складной пружинный нож, которым обзавелся еще в нежном возрасте, в одиннадцать лет. «Детская игрушка», как однажды поддел его отец Анелизы; но сейчас, подкрадываясь по коридору к гостиной, он возблагодарил святого покровителя лезвий за то, что не поддался на сарказм старого уголовника.

В комнате было полутемно. За окнами вечерело. Рыжий долго стоял на пороге, с беспокойством оглядывая комнату. Снова послышался тот же шум, на этот раз не один звук, а несколько подряд. И их не мог издавать человек, с облегчением понял Рыжий. Скорее всего, это собака, которой досталось в драке. Да и раздавался звук не из комнаты перед ним, а из кухни чуть подальше. Оттого что незваный гость оказался обычной собакой, Рыжий расхрабрился и, протянув руку к выключателю, зажег свет.

Головокружительная череда событий, следовавшая за этим, заняла едва ли больше десяти секунд, но каждую из них Рыжий пережил в мельчайших подробностях. В первую секунду, когда зажегся свет, он увидел, как на полу кухни что-то шевельнулось. В следующую он переступил порог, все еще сжимая в руке нож. В третью секунду животное, предупрежденное о его появлении, выскочило из укрытия. Что-то большое и блестящее бросилось на Рыжего. Внезапная близость этого существа оказалась для него потрясением: его размер, жар, исходящее паром тело, огромный рот, откуда рвалось зловонное дыхание. Четвертая и пятая секунды ушли на то, чтобы уклониться от первого броска, но на шестой существо схватило его. Лишенные кожи руки вцепились в тело. Рыжий пырнул его ножом и сумел ранить, но зверь стиснул его в смертоносном объятии. Скорее случайно, чем намеренно, острое лезвие впилося в плоть твари, и лицо Рыжего обдало жидким жаром; он едва это заметил. Жить ему оставалось лишь три секунды: оружие, липкое от крови, выскользнуло из его пальцев и застряло в теле зверя. Оставшись без оружия, Рыжий попытался вырваться из лап противника, но громадная бесформенная голова уже надвигалась на него — зияющая глотка, словно туннель, — и одним махом высосала из легких человека огромный глоток воздуха. Для Рыжего ничего не осталось. Его мозг, лишенный кисло-

рода, в честь неотвратимости собственной кончины разразился ослепительным фейерверком: каскадами искр, звездчатыми ракетами, огненными колесами. Увы, это пиротехническое великолепие было непродолжительным, и темнота наступила слишком стремительно.

В комнате наверху Анелиза прислушивалась к разразившемуся внизу хаосу звуков и пыталась разложить их по полочкам, но у нее ничего не выходило. Потом все затихло. Но Рыжий все не шел ее искать. Впрочем, и зверь тоже. Наверное, подумала она, они поубивали друг друга. Этот простой выход ей понравился. Она отсиживалась в комнате до тех пор, пока голод и скука не одержали верх над страхом. Тогда она спустилась вниз. Рыжий лежал там, где его бросило второе детище шнура. Глаза его были распахнуты навстречу фейерверку. Зверь сидел на корточках в самом дальнем углу комнаты: жалкая пародия на живое существо. При виде его Анелиза попятилась к двери. Существо не попыталось броситься за ней, лишь повело глубоко посаженными глазами. Дыхание твари было хриплым, немногочисленные движения — медлительными.

«Нужно отыскать отца», — решила девушка и выбежала из дома, оставив дверь приоткрытой.

Она была по-прежнему приоткрыта, когда полчаса спустя у дома появился Карни. Хотя он был полон решимости направиться от Брендана напрямик к дому Рыжего, у него не хватило духу. Вместо этого ноги сами привели его к мосту над Арчвей-роуд. Он долго стоял, глядя на мелькающие внизу машины и время от времени прикладываясь к бутылке водки, купленной на Холлоуэй-роуд. Он потратил последние деньги, но алкоголь, выпитый на пустой желудок, быстро ударил в голову и прояснил мысли. Карни пришел к заключению, что все они умрут. Может быть, именно он во всем виноват — ведь это он украл веревку, из-за которой все началось. Впрочем, Поуп все равно наказал бы их за то, что поку-

ражились над ним. Самое большее, на что они могли надеяться (вернее, *он* мог надеяться) — хоть что-то понять. Этого будет почти достаточно, решил затуманенный алкоголем рассудок Карни: умереть, узнав чуть больше про тайны мира, нежели знал при рождении. Рыжий поймет.

Теперь он стоял на крыльце и звал приятеля по имени. Никто не отзывался. От выпитой водки Карни осмелел и вошел в дом, снова окликая Рыжего. В передней было темно, зато в одной из дальних комнат горел свет, и Карни пошел туда. В доме стояла душная жара, как в оранжерее. В гостиной, где остывало тело Рыжего, оказалось еще жарче.

Карни смотрел на мертвеца долго. Он отметил: в левой руке Рыжий держит веревку, и на ней остался один узел. Возможно, здесь побывал Поуп и почему-то оставил шнур. Как бы узлы здесь ни оказались, их присутствие давало надежду выжить. Карни пообещал себе, подходя к мертвому телу, на этот раз уничтожить шнур раз и навсегда. Он сожжет веревку, а пепел развеет на все четыре стороны. Он наклонился, чтобы вынуть ее из руки Рыжего. Шнур почувствовал его приближение и, скользкий от крови, перебрался из ладони покойника в ладонь Карни, обвился вокруг пальцев, оставляя алый след. Сдерживая тошноту, Карни пригляделся к последнему оставшемуся узлу. Процесс распутывания, поначалу потребовавший от Карни столько напряженных усилий, уже развивался сам собой. Теперь, когда второй узел был развязан, третий ослабевал буквально на глазах. По всей видимости, без посредника-человека шнур все же не мог обойтись, иначе зачем он с такой готовностью прыгнул в руку? Но он почти подошел к разрешению собственной загадки. Необходимо уничтожить его как можно скорее, пока этот процесс не завершился.

И тут Карни понял: он в комнате не один. Кроме мертвеца поблизости находилось еще одно живое су-

щество. Он вскинул голову, услышав обращенный к нему голос. Слова звучали бессмысленно. Это едва ли были слова — скорее последовательность странных звуков. Карни вспомнил существо,дохнувшее на него в саду, и двойственные ощущения, охватившие его тогда. Теперь снова накатила та же двойственность: вместе с подступившим страхом пришло интуитивное чувство, что существо произнесло слово «поражение», на каком бы языке оно ни говорило. В Карни всколыхнулась тень жалости.

— Покажись,— произнес он, не уверенный, поймут ли его.

Прошло несколько томительных мгновений, потом существо появилось в дверях в дальнем конце комнаты. Освещение в гостиной было хорошим, а зрение у Карни — острым, однако облик существа не поддавался осмыслению. В ободранном пульсирующем теле проявлялось что-то обезьянье, но незавершенное — будто чудовище появилось на свет прежде срока. Рот его раскрылся, чтобы издать еще один звук; глаза, спрятанные под кровоточащим горбатым лбом, оставались непроницаемы. Неуклюжей шаркающей походкой существо двинулось к человеку, и каждый его шаг стал испытанием твердости духа Карни. Поравнявшись с телом Рыжего, страшилище остановилось, подняло ободранную конечность и указало на изгиб своей шеи. Карни увидел торчащий нож. Должно быть, это дело рук Рыжего. Может быть, так тварь пыталась оправдать убийство?

— Кто ты? — спросил Карни.

Все тот же вопрос.

Существо покачало тяжелой головой. С губ его сорвался протяжный негромкий стон. Внезапно оно подняло руку и указало прямо на Карни. Свет упал на его лицо, и Карни различил под нависшим лбом глаза — две одинаковые бусинки, утопленные в ободранном шаре черепа. Такие ясные и блестящие, что Карни заташнило. А существо по-прежнему указывало на него.

— Чего ты хочешь? — спросил Карни. — Скажи мне, чего ты хочешь.

Существо опустило освежеванную конечность и медленно двинулось к нему в обход мертвого тела, но так и не успело обнаружить свои намерения. Голос, донесшийся от входной двери, пригвоздил его к полу.

— Есть кто дома? — осведомился пришелец.

На лице существа отразилась паника, совершенно человеческие глаза закатились в кровоточащие глазницы, и тварь скрылась в кухне. Гость снова подал голос; на этот раз уже ближе. Карни взглянул на труп и на свою окровавленную руку, взвешивая возможности. Потом бросился через комнату в кухню. Чудовище исчезло: задняя дверь была нараспашку. За спиной у него сдавленно охнули: гость увидел то, что осталось от Рыжего. Карни нерешительно топтался в темноте: может, он сгупил, скрывшись тайком? Может, тем самым он изобличил себя в глазах закона, вместо того чтобы остаться и выяснить правду? Узел, ерзающий у него в ладони, заставил его принять решение: главное сейчас — уничтожить шнур. В гостиной гость звонил в «скорую»; воспользовавшись его сбивчивым монологом как прикрытием, Карни прокрался к запасному выходу и бросился бежать.

— Тебе кто-то звонил, — сообщила с лестницы мать. — Два раза меня будил. Я сказала, что не знаю...

— Прости, мам. Он представился?

— Нет. Я сказала ему, чтобы не перезванивал. Если позвонит снова, передай ему: я не желаю, чтобы нам названивали в такое позднее время. Кое-кому по утрам приходится вставать на работу.

— Хорошо, мам.

Мать вернулась в свою пустую постель. Дверь захлопнулась. Карни стоял, дрожа, внизу и крепко сжимал спрятанный в кармане шнур. Узел продолжал двигаться, он без устали ворочался в сжатой ладони, выискивая сво-

бодное пространство, пусть даже самое маленькое, чтобы развязаться. Но Карни не давал ему разгуляться. Он нащупал купленную вечером бутылку водки, одной рукой отвинтил пробку и сделал глоток. На втором глотке зазвонил телефон. Карни поставил бутылку и взял трубку.

— Слушаю!

Звонили из автомата. Раздался писк сигнала, в приемник бросили монету, и в трубке послышался голос:

— Карни?

— Да?

— Господи, он собирается убить меня!

— Кто это?

— Брендан.— Голос совершенно не походил на обычный голос Брендана, он звучал слишком визгливо, слишком испуганно.— Он убьет меня, если ты не придешь.

— Поуп? Ты о Поупе?

— Он чокнутый. Ты должен прийти на автомобильную свалку на холме. Отдай ему...

Голос оборвался. Карни повесил трубку. Веревка у него в руках выделявала немислимые трюки. Он разжал ладонь; в тусклом свете лампы на лестничной площадке последний неразвязанный узел окружало мерцание. В самой его сердцевине, точно как у двух других узлов, зарождались цветные проблески. Карни снова сжал кулак, взял бутылку и вышел на улицу.

Автомобильную свалку когда-то охранял огромный и злобный доберман-пинчер. Прошлой весной у него обнаружилась опухоль и он искусал собственного хозяина. Пса пристрелили, а другого на замену так и не завели. Поэтому забор из гофрированного железа не представлял собой серьезного препятствия. Карни перелез через него и спрыгнул на смесь шлака и гравия, которой была засыпана площадка с другой стороны.

Прожектор на воротах заливал ярким светом многочисленные транспортные средства разнообразного назначения, отслужившие свой срок. По большей части здесь стояла безнадежная рухлядь: проржавевшие грузовики, автоцистерны, автобус — судя по виду, на большой скорости врезавшийся в невысокий мост. Кладбище автомобильных инвалидов, выстроенных рядами или наваленных друг на друга. Карни принялся методично обыскивать свалку, изо всех сил стараясь не производить шума, но так и не заметил никаких следов Поупа или его пленника на северо-западном конце площадки.

С узлом в руке он двинулся в глубь площадки. С каждым шагом ободряющий свет прожектора на воротах удалялся и скудел. Через несколько шагов Карни заметил между двумя машинами отблески пламени. Он замер и попытался найти какое-то истолкование причудливой игре тени и света. За спиной у него раздался шорох, и он обернулся, в любой миг ожидая крика, удара. Их не последовало. Карни оглядел свалку, щурясь от запечатлевшихся на сетчатке дрожащих отблесков желтого пламени. Но все было неподвижно.

— Брендан? — прошептал он, оглянувшись на огонь.

В темном прямоугольнике напротив него что-то шевельнулось. Из тени, шатаясь, выступил Брендан и рухнул на колени в нескольких футах от того места, где стоял Карни. Даже в неверном свете Карни понял, что Брендану сильно досталось: рубаша вся в темных пятнах, слишком похожих на кровь; лицо искажено не то от боли, не то от ее предчувствия. Карни бросился к нему, но Брендан шарахнулся от приятеля, как побитый пес.

— Это я. Это Карни.

Брендан поднял разбитую голову:

— Сделай, чтобы он перестал.

— Все будет хорошо.

— Сделай, чтобы он перестал. Пожалуйста.

Брендан коснулся своей шеи. Горло его обхватывал веревочный ошейник с прицепленным к нему повод-

ком, уходившим в темноту между двумя машинами. Второй концев поводка был в руке у Поупа. Глаза старика поблескивали во мраке, хотя поблизости не наблюдалось никакого источника света, который они могли бы отражать.

— Молодец, что пришел,— похвалил Поуп.— Иначе я убил бы его.

— Отпусти его,— сказал Карни.

Поуп покачал головой.

— Сначала узел.

Он выступил из закоулка. Карни почему-то ожидал, что старик скинет личину забуддыги и покажет свое истинное лицо, каково бы оно ни было. Но он ошибся. На Поупе болталось его обычное отрепье, однако он неоспоримо являлся хозяином положения. Он резко дернул за веревку, и Брендан с хрипом повалился на землю, тщетно пытаясь ослабить удавку, затягивающуюся на горле.

— Хватит,— сказал Карни.— Я принес узел, черт бы тебя побрал. Не убивай его.

— Давай сюда.

Карни сделал шаг по направлению к старику, и в тот же миг в глубине свалки раздался крик. Карни узнал этот звук, и Поуп тоже: голос бескожего существа, что убило Рыжего. Оно рыскало где-то рядом. Перепачканное лицо Поупа загорелось удвоенной решимостью.

— Быстро! — прикрикнул он.— А не то я убью твоего приятеля.

Он вытащил из куртки разделочный нож и за поводок подтащил Брендана к себе.

Жалобный крик зверя стал пронзительным.

— Узел! — потребовал Поуп.— Давай сюда!

Он приблизился к Брендану и приставил к коротко стриженной голове пленника нож.

— Не надо,— ответил Карни.— Забирай свой узел.

Однако в тот же миг он краешком глаза заметил некое движение. Запястье его обхватило что-то обжига-

ющее. Поуп издал гневный крик, и Карни, обернувшись, увидел рядом алого зверя, с затравленным видом ловившего его взгляд. Карни попытался высвободиться, но существо покачало ободранной головой.

— Убей его! — завопил Поуп. — Убей его!

Существо посмотрело на старика, и Карни впервые увидел в бледных глазах твари однозначное выражение — неприкрытую ненависть. Потом пронзительно закричал Брендан. Карни оглянулся и успел заметить, как разделочный нож вспорол ему щеку. Поуп убрал лезвие, и труп Брендана стал валиться вперед. Не успело тело коснуться земли, как старик бросился к Карни, и в каждом его шаге сквозило намерение убить. Существо, издав горловой звук, отпустило руку Карни как раз вовремя, чтобы тот успел уклониться от первого замаха Поупа. Зверь и человек разъединились и бросились бежать. Карни поскользнулся на гравии и на мгновение почувствовал, как его накрыла тень Поупа. Он сумел увернуться от второго замаха, разминувшись с лезвием на несколько миллиметров, и помчался дальше.

— Тебе не выбраться отсюда! — слышал он у себя за спиной торжествующий голос Поупа. Старик был настолько уверен в расставленной ловушке, что не стал преследовать жертву. — Ты на моей территории, сынок. Выхода нет.

Карни юркнул в щель между двумя машинами и, петляя, пытался пробраться обратно к воротам. Однако он почему-то утратил ориентацию в пространстве. Один ряд раскуроченных машин сменялся другим, но они так походили друг на друга, что различить их не представлялось возможным. Казалось, из этого лабиринта нет выхода; Карни потерял из виду и прожектор у ворот, и костер Поупа в дальнем конце свалки. Вся свалка превратилась в одну большую площадку для охоты, и Карни был добычей. Куда бы ни заводил его прихотливый путь, голос Поупа неизменно звучал совсем рядом, не дальше его собственного сердца.

— Отдай мне узел, сынок,— повторял старик.— Отдай его мне, не то я заставляю тебя съесть твои же глаза.

Карни был вне себя от ужаса, но он чувствовал, что тот же ужас переполняет старика. Шнур не был орудием убийства, как все это время считал Карни. Что бы он собой ни представлял, Поуп не имел над ним власти. В этом крылась единственная, пусть и призрачная, надежда на спасение. Пора развязать последний узел, развязать его и испытать на себе последствия. Не окажутся же они страшнее, чем смерть от руки Поупа?

Карни нашел подходящее укрытие у сторевавшего грузовика, присел на корочки и разжал кулак. Даже в темноте он чувствовал, что узел старается распутаться; как мог, Карни попытался помочь.

И снова раздался голос Поупа.

— Не делай этого, сынок,— произнес старик с таким видом, будто его заботило благополучие Карни.— Я знаю, что ты задумал. Поверь мне, ничем хорошим это для тебя не кончится.

Пальцы Карни точно одеревенели, были как чужие. Перед глазами проплывали вереницы мертвецов: Хмырь на проезжей части, Рыжий на ковре, Брендан, мешком оседающий наземь с располосованной щекой. Усилия воли он отогнал видения прочь и кое-как привел в порядок свой истерзанный рассудок. Поуп прервал свой монолог. Теперь тишину нарушал лишь отдаленный гул уличного движения; он доносился из мира, который Карни уже не чаял увидеть снова. Он теребил узел, как человек, что стоит перед запертой дверью со связкой ключей и методично пробует один ключ за другим, ни на миг не забывая, что над ним дамокловым мечом висит ночь. Быстрее, быстрее, подгонял он себя. Но, похоже, былая сноровка покинула его.

Вдруг что-то со свистом рассекло воздух: Поуп отыскал жертву. Лицо старика в тот миг, когда он наносил смертоносный удар, озарилось торжеством. Карни по-

катился по земле, но лезвие чиркнуло его по руке, располосовав от плеча до локтя. Боль придала ему проворства, и второй удар пришелся по кабине грузовика; на этот раз лезвие извлекло не кровь, а искры. Прежде чем Поуп успел пырнуть его во второй раз, Карни зигзагом бросился бежать. Из раненой руки толчками хлестала кровь. Старик пустился в погоню, но Карни был проворнее. Он юркнул за раскуроченный автобус и нырнул под днище, пока Поуп, пытаясь, пытался нагнать его. Старик проскочил мимо, и Карни с трудом удержался, чтобы не заплакать от боли. Рана практически лишила его возможности пользоваться левой рукой. Он притянул локоть к телу, чтобы не травмировать перерезанную мышцу, и попытался добить треклятый узел, используя зубы вместо бессильной руки. Перед глазами у него замелькали белые огненные мухи, сознание стало уплывать. Он глубоко и размеренно дышал носом, а его пальцы отчаянно теребили узел. Карни уже не видел и почти не чувствовал шнур, который держал в руке. Он действовал вслепую, как на тропинке у моста, и опять в дело включился инстинкт. Узел заплясал у губ Карни — ему не терпелось получить свободу. До решения задачи оставались считанные секунды.

Полностью поглощенный этим занятием, Карни не заметил, как к нему протянулась рука. Очнувшись он лишь тогда, когда его вытащили из убежища и Поуп уставился на добычу горящими глазами.

— Игры кончились, — объявил старик.

Он ослабил хватку, чтобы вырвать шнур, который Карни сжимал зубами. Тот мучительно попытался отстраниться на несколько дюймов, чтобы Поуп не дотянулся до него, но раненая рука не позволяла свободно двигаться. Карни упал навзничь, закричав от боли.

— Прощайся с глазами, — предупредил Поуп, заносся нож.

Однако ослепляющего удара не последовало. Бескожая фигура появилась из щели за спиной старика и

ухватила за полу его габардинового пальто. В мгновение ока Поуп восстановил равновесие и обернулся. Его нож поразил врага. Когда Карни открыл затянутые пеленой боли глаза, он увидел, что освеженный зверь отступает, с трудом держась на ногах, а в щеке его зияет глубокая, до самой кости, рана. Поуп двинулся на него, чтобы прикончить, но Карни не стал ждать. Он ухватился за машину и, подтянувшись, встал на ноги. Узел он все еще держал в зубах. Сзади послышалась брань, и Карни сообразил, что Поуп раздумал убивать зверя и бросился в погоню за ним. Прекрасно понимая, что далеко не убежать, он выбрался из промежутка между машинами на открытое место. В какой стороне ворота? Он не имел понятия. Ноги были чужие, точно он позаимствовал их у какого-то клоуна: так и норовили согнуться во всех суставах и гондились только, чтобы шутовски плюхнуться на задницу. На третьем шагу колени Карни подкосились. В нос ударила волна запаха от пропитанных бензином кусков шлака.

В отчаянии Карни вскинул здоровую руку ко рту. Пальцы нащупали узел. Он с усилием потянул — и точно по мановению волшебной палочки, последняя петля распалась. Карни выплюнул шнур. Губы его опалило жаром. Шнур упал на землю, наконец-то избавившись от узла, и из сердцевины вышел последний его пленник. Он стоял на гравии: отталкивающего вида младенец с недоразвитыми рудиментарными руками и ногами, с пугающе огромной по сравнению со сморщенным тельцем головой. Кожа у него была такая бледная, что казалась полупрозрачной. Парализованные ручки затрепетали, когда существо тщетно попыталось выпрямиться, и Поуп шагнул к нему с намерением перерезать беззащитное горло. Если Карни и надеялся получить что-то от третьего узла, то уж точно не такой жалкий человеческий обрубок. Это создание не внушало ничего, кроме отвращения.

И тут существо заговорило. Голос принадлежал не писклявому младенцу, а взрослому мужчине, хотя издавал его детский рот.

— Ко мне! — крикнуло оно. — *Быстро!*

Поуп склонился над ребенком, чтобы убить его, и тут на свалке повеяло запахом тины. От темноты отделилось тощее создание с отвислым брюхом и поползло к ним. При виде того, как оно — в облике столь же незавершенной, как и ее обезьяноподобный собрат, рептилии — приблизилось к странному младенцу, Поуп отступил. Карни был совершенно уверен, что чудище сожрет малютку, но бледное дитя приветственно потянулось навстречу, а тварь из первого узла обвилась вокруг него. В ту же секунду показалась жуткая морда второго зверя, стенающего от удовольствия. Он коснулся ребенка, подхватил тщедушное тельце на руки и прижал к широкой груди, довершая отталкивающее семейство рептилии, обезьяны и ребенка.

Впрочем, их единение еще не было окончательным. Едва все трое оказались в объятиях друг друга, как их тела начали расплзаться лоскутьями блеклой материи. И по мере того, как от каждого в отдельности оставалось все меньше, клочья материи объединялись в нечто иное, частица за частицей. Свободно, но в строго определенном порядке, они сплетались в узел — неизмеримо более сложный, чем любые узлы, какие когда-либо доводилось распутывать Карни. На его глазах новая и, возможно, неразрешимая головоломка рождалась из частей трех старых. Там, где части были незавершенными и зачаточными, новая обещала стать полной и законченной. Но что, что это будет?

Когда волокна нервов и мышц почти полностью сформировались, Поуп улучил минуту, бросился вперед и с перекошенным лицом всадил нож в самое сердце узла, распространяющего вокруг себя сияние. Однако старик неверно выбрал время нападения. Составленное из

светящихся полос щупальце отделилось от тела и оплело запястье Поупа. Габардин вспыхнул. Пламя лизнуло кожу. Поуп пронзительно закричал и бросил оружие. Щупальце отпустило его и вернулось обратно в узел, а старик отступил, прижимая к себе дымящуюся руку. Похоже, он был на грани помешательства; голова его жалко моталась из стороны в сторону. Тут взгляд Поупа наткнулся на Карни, и в глазах его снова загорелась коварная искорка. Он схватил мальчишку за раненую руку и крепко прижал к себе. Карни вскрикнул, но Поуп, которого страдания пленника нисколько не занимали, поволок его прочь от близящегося к финалу сплетения в лабиринт свалки.

— Он не тронет меня,— бормотал Поуп себе под нос,— пока ты со мной. Он всегда питал слабость к детям.— Он подтолкнул Карни вперед.— Нужно только забрать бумаги... и уходить.

Карни с трудом понимал, жив он или мертв. У него не осталось сил, чтобы сопротивляться. Он просто поплелся за стариком, еле волоча ноги, пока они не добрались до места назначения: автомобиля, скрытого за грудой ржавого металлолома. Колес у него не было, на водительском сиденье красовался куст, проросший сквозь днище. Поуп открыл заднюю дверь, удовлетворенно хмыкнул и сунул голову внутрь, а Карни повис на крыле. Собственное сознание дразнило его, готовое ускользнуть; Карни жаждал этого мига. Но Поуп еще имел на него виды. Старик извлек из тайничка под пассажирским сиденьем небольшую книжечку и прошептал:

— А теперь нам нужно идти. У нас дела.

Карни застонал, получив тычок в спину.

— Закрой рот,— посоветовал Поуп, обнимая его.— У моего брата есть уши.

— Брата? — пробормотал Карни, пытаясь осмыслить это.

— Он был заколдован,— пояснил Поуп.— До тебя.

— Звери,— пробормотал Карни, кружась в водовороте видений рептилий и обезьян.

— Человек,— возразил Поуп.— Узел — это эволюция, малыш.

— Человек,— повторил Карни.

Едва слово сорвалось с его губ, как он заметил на машине за спиной у Поупа поблескивающую фигуру. Да, это человек. Тело его, еще влажное после перерождения, несло на себе унаследованные раны, но оно было торжествующе человеческим. Поуп увидел в глазах Карни понимание. Он схватил парня и уже собрался прикрытться им, как щитом, когда вмешался его брат. Заново открытый человек свесился с крыши и стиснул тощую шею Поупа. Старик с криком вырвался и бросился бежать по гравию, но другой с воем бросился в погоню.

Откуда-то издалека донеслась последняя мольба Поупа: брат настиг его. Потом слова переросли в вопль, и Карни очень надеялся, что ему никогда больше не доведется слышать ничего подобного. Потом все стихло. Брат не вернулся; Карни, несмотря на все свое любопытство, этому обрадовался.

Когда несколько минут спустя он нашел в себе достаточно сил, чтобы выбраться отсюда — прожектор снова горел над воротами, как маяк для сбившихся с пути,— он наткнулся на Поупа. Старик ничком лежал на гравии. Даже если бы Карни был в силах сделать это, ни за какие коврижки он не согласился бы перевернуть мертвое тело. Достаточно было взглянуть на мертвые руки Поупа, вцепившиеся в землю, и на разбросанные вокруг красочные гирлянды внутренностей, некогда аккуратно размещенных у него в животе. Книжечка, ради которой Поуп пошел на такие жертвы, валялась рядом. Карни наклонился, преодолевая приступ головокружения, и поднял ее — хоть какое-то вознаграждение за кошмарную ночь. Ближайшее будущее сулило вопро-

сы, на которые он и не надеялся найти ответы, и обвинения, защищаться от которых ему нечем. Однако при свете прожектора у ворот он обнаружил, что на покрытых пятнами страницах куда больше интересного, чем он ожидал. На бумаге были скрупулезно запечатлены, в сопровождении подробных схем, теоремы забытой науки Поупа: схемы узлов, позволяющих добиться любви, занять высокое положение в обществе, отвратить сердца друг от друга или скрепить их, нажить состояние и обзавестись детьми, уничтожить мир.

Пролистав книжечку, Карни перелез через ворота и выбрался на улицу, в такой час совершенно безлюдную. В муниципальном здании напротив светились несколько окон, ждали наступления утра. Карни решил не тратить последние остатки сил, а подождать немного и остановить какую-нибудь машину, которая отвезет его туда, где он сможет рассказать свою историю. Ему было чем заняться. Хотя тело его одеревенело, а голова кружилась, мыслил он ясно, как никогда. Он пришел к тайнам, заключенным на страницах запретной книги Поупа, как к оазису в пустыне. С наслаждением впитывая их, он радостно предвкушал предстоящий долгий путь.

Откровение

В Амарилло все говорили о торнадо: о коровах, автомобилях, а иногда и домах, что поднимались в воздух и падали обратно на землю, о целых поселениях, опустошенных за несколько сокрушительных минут. Возможно, именно поэтому сегодня вечером Вирджиния чувствовала такую тревогу. Или из-за усталости от бесконечной езды по пустынным шоссе, когда в качестве единственной декорации выступают мертвенные небеса Техаса, а в конце пути ждет всегда одно и то же — гимны и адское пламя. Она сидела на заднем сиденье черного «пontiака», чувствовала боль в спине и изо всех сил пыталась заснуть. Но горячий воздух, овевающий затылок, вызывал сны об удушении, поэтому Вирджиния оставила свои попытки и удовлетворилась зрелищем мелькавших в окне пшеничных полей да подсчетом элеваторов, ярко-белых на фоне грозовых туч, что собирались на северо-востоке.

Эрл вел машину, напевая себе под нос. Рядом с Вирджинией сидел Джон — на расстоянии в два фута, но недостижимый для нее. Он читал Послания апостола Павла, бормоча вслух отдельные прочитанные слова и фразы. Когда они проезжали через Пантекс-Виллидж («Они тут собирают боеголовки», — загадочно сказал Эрл и больше ничего не пояснил), начался дождь. Он хлынул внезапно, когда уже смеркалось, и добавил тьмы,

торопливо погрузив шоссе Амарилло-Пампа во влажную ночь.

Вирджиния подняла стекло: дождь освежал, но он быстро промочил ее скромное голубое платье. Только в этом наряде Джон позволял ей появляться на собраниях. Теперь за стеклом ничего нельзя было увидеть. С каждой милей, по мере приближения к Пампе, в душе нарастала тревога. Вирджиния прислушивалась к водяным струям, бьющим в крышу автомобиля, и к голосу мужа, читавшего:

— «Посему сказано: встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос. Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы»*.

Джон сидел очень прямо, как всегда, и держал потрепанную Библию в мягком переплете — столько лет она лежала, раскрытая, у него на коленях. Он мог бы наизусть читать эти главы. В голосе его звучала такая странная смесь уверенности и удивления, что казалось, будто звучали слова не апостола Павла, а его собственные, произнесенные впервые. Страсть и сила со временем сделают Джона Гира величайшим проповедником Америки, Вирджиния не сомневалась. На протяжении этого изнурительного, лихорадочного, долгого турне по трем штатам ее муж проявил исключительную решительность и зрелость ума. Его проповеди не имели ничего общего с новомодной манерой профессионалов, они были старомодной смесью обличений грешников и обещаний спасения, какую он практиковал всегда. Но теперь Джон обрел полную власть над своим даром, и повсюду — в Оклахоме, Нью-Мексико, а теперь в Техасе — собирались сотни, тысячи жаждущих услышать его и обрести Царствие Небесное. В Пампе, на расстоянии тридцати пяти миль отсюда, публика уже собирается, невзирая на дождь, чтобы поближе увидеть нового пропо-

* Еф. 5:14–16.

ведника. Они возьмут с собой своих детей, свои сбережения и свою жажду прощения.

Но прощение будет завтра. Сначала нужно добратся до Пампы, а дождь льет все сильнее. Эрл, едва начался дождь, перестал петь и сконцентрировал внимание на расстилавшейся перед ним дороге. Иногда он тяжело вздыхал и потягивался на сиденье. Вирджиния пыталась не отвлекать его, но когда хлынул этот потоп, беспокойство окончательно овладело ею. Она наклонилась вперед и стала вглядываться сквозь ветровое стекло, наблюдая за встречными машинами. Аварии случаются именно в таких ситуациях: плохая погода и усталый человек за рулем, жаждущий поскорее оказаться в двадцати милях от того места, где он находится сейчас. Джон почувствовал ее беспокойство.

— Господь нас не оставит,— сказал он, не отрывая взгляда от убористых строк, хотя было уже слишком темно для чтения.

— Сегодня тяжелая ночь, Джон,— сказала она.— Может, нам не стоит торопиться в Пампу? Эрл, должно быть, устал.

— Я в порядке,— вставил Эрл.— Это недалеко.

— Ты устал,— повторила Вирджиния.— И мы все устали.

— Ну, я думаю, мы можем найти какой-нибудь мотель,— предложил Гир.— Как по-твоему, Эрл?

Эрл пожал своими массивными плечами.

— Решайте сами, босс,— равнодушно ответил он.

Гир повернулся к жене и мягко похлопал ее по тыльной стороне руки.

— Мы найдем мотель,— сказал он.— Эрл позвонит оттуда в Пампу и скажет им, что мы приедем утром. Хорошо?

Вирджиния улыбнулась, но он на нее не смотрел.

— Дальше по шоссе, кажется, Белый Олень,— сказал Вирджинии Эрл.— Может, у них есть мотель.

Вообще-то мотель «Тополь» лежал на полмили западнее Белого Оленя, на обширной равнине к югу по шоссе 60. Маленькое заведение, где в проеме между двумя низкими строениями стоял мертвый или умирающий тополь. На площадке перед мотелем уже набралось достаточно машин, а в большей части комнат горели огни: там уже расположились такие же путники, застигнутые бурей. Эрл заехал на площадку и припарковался как можно ближе к конторе управляющего, потом побежал через залитую дождем стоянку, чтобы узнать, есть ли свободные номера. Когда, мотор умолк, а по крыше застучали струи дождя, сидеть в «понтиаке» стало еще тоскливее.

— Надеюсь, у них найдется для нас место,— сказала Вирджиния, наблюдая, как играет неоновыми отблесками стекающая по стеклу вода.

Гир не ответил. Дождь барабанил по крыше.

— Поговори со мной, Джон,— попросила она.

— Зачем?

Она покачала головой.

— Не важно.— Пряди волос прилипли ко лбу Вирджинии; несмотря на дождь, в салоне было жарко.— Ненавижу дождь.

— Он кончится до утра,— ответил Гир, проведя рукой по своим густым седым волосам.

Этот жест он использовал в качестве пунктуации — разделительный знак между высказываниями. Вирджиния слишком хорошо знала его риторику — и словесную, и такую. Иногда она думала, что знает о нем абсолютно все и он больше не может сказать ничего, что она по-настоящему хотела бы услышать. Но возможно, это чувство было взаимным: они уже давно притерпелись к такой семейной жизни. Сегодня ночью, как всегда, они лягут в отдельные кровати, и Джон заснет глубоким спокойным сном. Он засыпал легко, а Вирджинии вечно приходилось глотать таблетки, чтобы добиться благословенного забытья.

Сон, часто говаривал Джон, — это время для общения с Господом. Он верил в вещие сны, хотя никогда не рассказывал Вирджинии, что именно ему снится. Она не сомневалась: настанет время, и он откроет всем эти удивительные сновидения. Но пока он спал один и держал свои мысли при себе, оставляя жену наедине с ее печалью. Легко было озлобиться, но она противилась искушению. Его предназначение было великим, так решил Господь, и с Вирджинией Джон обращался не строже, чем с самим собой: его распорядок мог бы разрушить более слабого человека, и он осуждал себя за малейшее проявление слабости.

Наконец Эрл вышел из конторы и пробежал к машине. В руке он сжимал три ключа.

— Номера седьмой и восьмой, — сказал он, задыхаясь. Дождь затекал ему в глаза и нос. — И ключ от проходной комнаты.

— Хорошо, — сказал Гир.

— Последние свободные номера, — сказал Эрл. — Подъехать ближе? Они в другом здании.

Интерьер двух смежных номеров представлял собой апофеоз банальности. Они уже тысячу раз останавливались в таких же каморках: на постели лежало покрывало ярко-оранжевого цвета, а на бледно-зеленой стене висел выцветший фотоснимок Большого каньона. Джон остался равнодушен к тому, что его окружало, однако Вирджинии номер показался моделью чистилища: бездушное преддверие ада, где никогда ничего не случалось и не случится. Ничто не отличало эти комнаты от других, прежних, но с ней самой сегодня что-то происходило.

Вряд ли причиной тому были разговоры о торнадо. Она смотрела, как Эрл вносил и распаковывал сумки, и чувствовала странную отрешенность, словно смотрела на все сквозь завесу — более плотную, чем пелена дождя

за окном. Она напоминала сомнамбулу. Когда Джон указал ей, на какой из постелей она будет спать, Вирджиния легла и постаралась расслабиться, снять это странное напряжение. Но сон не шел к ней. Кто-то в соседнем номере смотрел телевизор, и сквозь тонкую, как бумага, стену она слышала каждое слово ночного фильма.

— С тобой все в порядке?

Она открыла глаза. Эрл, как всегда заботливый, склонился над ней. Он выглядел таким же усталым, как она сама. Лицо его, загоревшее во время ралли под открытым небом, сейчас казалось желтоватым. Он начал набирать вес, но эта грузность подходила его упрямому широкому лицу.

— Со мной все хорошо, спасибо,— ответила Вирджиния.— Только пить хочется.

— Я попробую раздобыть для тебя что-нибудь. Может, у них тут есть автомат с кока-колой.

Она кивнула, встретившись с ним глазами. В этом обмене взглядами прятался подтекст, неведомый Гиру, сейчас сидевшему за столом и делавшему заметки для завтрашнего выступления. На всем протяжении турне Эрл снабжал Вирджинию таблетками. Ничего особенного — обычные транквилизаторы, чтобы успокоить растревоженные нервы. Но транквилизаторы — как и косметика, стимуляторы и драгоценности — не одобрялись человеком, который следовал Христовым заветам. Когда муж однажды наткнулся на успокоительное, последовала безобразная сцена. Эрл тогда принял на себя его гнев, за что Вирджиния была глубоко ему благодарна. И хотя Эрл получил четкое указание никогда не повторять своего проступка, он собирался вновь дать ей таблетки. Общая вина почти доставляла им удовольствие, и даже сейчас Вирджиния читала это в его глазах точно так же, как он — в ее.

— Никакой кока-колы,— сказал Гир.

— Ну, я думаю, можно сделать исключение...

— Исключение? — переспросил Гир, и в его голосе зазвучали характерные нотки самолюбования. Вступили в действие свойства риторики, и Эрл проклял свой дурацкий язык.— Не для того Господь дал нам законы жизни, чтобы мы придумывали какие-то исключения, Эрл. Ты сам это знаешь.

Но Эрл не особенно беспокоился по поводу того, что говорил Господь. Он беспокоился из-за Вирджинии. Она была сильной, он знал это: несмотря на томный вид, свойственный уроженке Юга, и хрупкое сложение, ее сил хватало, чтобы улаживать все мелкие неприятности во время турне, когда Господь был занят другими делами и не помогал своему земному агенту. Но ничья сила не безгранична, и Эрл чувствовал, что Вирджиния находится на грани срыва. Она все отдала своему мужу: любовь и обожание, энергию и энтузиазм. За последние несколько недель Эрлу уже не раз приходило в голову: она заслужила лучшей участи, чем этот церковник.

— Не можешь ли ты принести мне немного воды со льдом? — спросила она, глядя на него снизу вверх.

Под ее серо-голубыми глазами пролегли усталые тени. По современным стандартам она не считалась красавицей: ее аристократичные черты были бесцветными. Усталость придавала им особую прелесть.

— Холодная вода скоро будет,— ответил Эрл.

Он старался говорить жизнерадостно, хотя сил на это не осталось. Он пошел к двери.

— Почему бы не позвать коридорного? Пускай он принесет воду,— сказал Гир, когда Эрл уже собрался выйти.— Я хочу, чтобы мы сейчас просмотрели наш маршрут на следующую неделю.

— Да не проблема,— ответил Эрл.— Правда. Кроме того, я должен позвонить в Пампу и сказать им, что мы задерживаемся.

И он выскользнул в коридор, прежде чем ему успели возразить.

Он хотел выйти, чтобы побыть одному: атмосфера между Вирджинией и Гиром накалялась день ото дня, и наблюдать это было не очень-то приятно. Довольно долго Эрл стоял и глядел, как льется дождь. Старый тополь в середине стоянки склонил перед потопом свою лысеющую голову.— Эрл точно знал, как тот себя чувствует.

И пока он стоял вот так в коридоре и гадал, как сохранить здравый рассудок во время последних восьми недель турне, две фигуры сошли с шоссе и пересекли парковочную площадку. Эрл не заметил их, хотя тропа, по которой они шли к номеру семь, находилась прямо в поле его зрения. Они прошли сквозь стену дождя на обширную площадку за конторой управляющего, где когда-то, в 1955 году, они запарковали свой красный «бьюик», и хотя дождь и лил потоком, их не коснулась ни единая капля. Женщина, чья прическа успела со времен пятидесятых дважды выйти из моды, а одежда выглядела столь же устаревшей, на мгновение замедлила шаг и поглядела на Эрла, внимательно рассматривавшего старый тополь. Лицо его было хмурым, но глаза казались добрыми. В свое время она бы могла полюбить такого человека, подумала женщина; но ведь ее время давно прошло, верно? Бак, ее муж, повернулся к ней и настойчиво спросил:

— Ты идешь, Сэди?

И она последовала за ним по засыпанной гравием дорожке (когда она видела дорожку в последний раз, та была вымощена деревянной брусчаткой), а потом в открытую дверь номера семь.

Холод заполз Эрлу за воротник. Слишком долго он таращился на этот дождь и слишком много испытывал бесплодных желаний. Он прошел до конца крытого двора, потом стремительно пересек площадку и вошел в офис мотеля, предварительно сосчитав до трех.

Сэди Дарнинг оглянулась на Эрла, потом опять повернулась к Баку. Годы не стерли ее обиду на мужа, так

же как не изменили его хитрое лицо и слишком легкомысленный смех. Сэди не любила его тогда, второго июня тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, и не любила сейчас — ровно тридцать лет спустя. Бак Дарнинг был прохвостом, как ее отец и предупреждал. Само по себе это не страшно — обычное мужское качество; но Бак вел себя так грязно и мерзко, что она быстро устала от бесконечной лжи. Однако муж воспринял ее унылое настроение как намек на необходимость устроить второй медовый месяц.

Его феноменальная самоуверенность вызвала у Сэди раздражение, в конце концов уничтожившее любые надежды на взаимную терпимость. Поэтому три десятилетия назад, отправляясь в мотель «Тополь», она подготовилась к чему-то большему, нежели ночь любви. Она отправила Бака в душ, а когда он оттуда вышел, направила на него «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра и проделала в груди мужа огромную дыру. Затем она убежала, отбросив пистолет и не думая о том, поймают ли ее полиция.

После того как ее поймали, она тоже не слишком переживала. Ее посадили в тюрьму округа Карсон в Пэнхендле и через несколько недель привели на суд. Она не пыталась отрицать свою вину: в ее жизни и так было слишком много лжи и притворства — хватило за тридцать восемь лет. Такое поведение нашли вызывающим, отправили Сэди в Хантсвиллскую государственную тюрьму, выбрали солнечный октябрьский денек, пропустили через ее тело в общей сложности 2250 вольт и почти мгновенно заставили остановиться ее нераскаявшееся сердце. Око за око, зуб за зуб. Она с рождения признавала эти простые моральные уравнения и не возражала против того, чтобы уйти из жизни по законам такой математики.

Но сегодня вечером ее и Бака отправили в то же путешествие, которое они совершили тридцать лет назад,

чтобы выяснить: смогут ли они понять, почему их брак закончился убийством. Эта возможность часто предлагалась мертвым любовникам, но лишь немногие соглашались. Скорее всего, они боялись, что вновь разразится катастрофа, приведшая их к роковому концу. Сэди, однако, не смогла удержаться — ей хотелось проверить, все ли предопределено; быть может, одно нежное слово Бака или искренний любящий взгляд его пасмурных глаз остановили бы ее лежащий на курке палец и спасли жизнь обоим. Эта ночь давала им возможность испытать правильность хода истории. Невидимые, неслышимые, они прошли по тому же маршруту, каким явились сюда несколько десятилетий назад. А следующие несколько часов покажут, обязательно ли этот путь ведет к убийству.

Номер седьмой был занят, и номер рядом тоже, проходная дверь открыта, и в обоих номерах горели флуоресцентные светильники. Но это не стало проблемой для новых гостей. Сэди уже давно привыкла к своему эфирному телу, к невидимым странствиям среди живых. В таком состоянии она посетила свадьбу племянницы, а позже — похороны отца. Вместе с покойным стариком она стояла рядом с могилой, и они сплетничали о скорбящих родственниках. Однако Бак, более подвижный и живой, был склонен к некоторой беспечности. Она надеялась, что сегодня ночью он будет осторожен. В конце концов, он сам не меньше, чем жена, хотел провести этот эксперимент.

Пока они с порога оглядывали комнату, где разыгрался их смертельный фарс, Сэди гадала, сильную ли боль причинил ему выстрел. Она спросит об этом сегодня, если представится возможность.

Когда Эрл заходил в офис управляющего, чтобы заказать комнаты, там сидела молодая женщина с приятным простоватым лицом. Теперь ее место занимал

человек лет шестидесяти с недельной щетиной, в рубашке с подтеками пота. При появлении Эрла он близоруко взглянул на него из-за вчерашней газеты «Пампа дейли ньюс».

— Чего?

— У вас можно раздобыть воды со льдом? — спросил Эрл.

Мужчина обернулся и крикнул:

— Лаура-Мэй! Ты здесь?

Сначала из дверного проема раздалась звуки ночного кино: крики, выстрелы, рев сбежавшего зверя, а потом и крик Лауры-Мэй.

— Чего ты хочешь, па?

— Этот человек желает, чтобы его обслужили! — прокричал в ответ ее отец, не без иронии в голосе. — Может, ты все-таки выберешься и сделаешь что-то?

В ответ донеслись лишь крики с экрана телевизора, уже порядком надоевшие Эрлу. Управляющий взглянул на него. Один глаз управляющего был замутнен катарактой.

— Вы с тем проповедником? — спросил он.

— Да... но откуда вы знаете?

— Лаура-Мэй узнала его. Видела фотографию в газете.

— Так что?

— Не уппусти случая, парень.

Словно в продолжение его слов, Лаура-Мэй вышла из комнаты за конторой. Когда ее карие глаза увидели Эрла, она явно пришла в хорошее расположение духа.

— О!.. — сказала она и улыбнулась, отчего черты ее лица смягчились. — Что я могу сделать для вас, мистер?

Эта фраза вместе с улыбкой предполагала большее, нежели обычное вежливое внимание, или ему хотелось так думать? Один раз он снял женщину на ночь в Помка-сити, Оклахома, но, за исключением того случая, последние три месяца он обходился без секса. Так что он наудачу улыбнулся в ответ. Лауре-Мэй было не меньше

тридцати пяти, но она вела себя как девочка-подросток. Она одарила его обезоруживающе откровенным взглядом. Когда Эрл встретился с ней глазами, он подумал, что не зря рассчитывал на ее интерес.

— Мне бы воды со льдом,— сказал он.— Где ее можно раздобыть? Миссис Гир неважно себя чувствует.

Лаура-Мэй кивнула.

— Я принесу,— сказала она и на секунду задержалась в дверях, прежде чем вернуться в комнату с телевизором.

Шум, доносившийся с экрана, стих — возможно, это минутная передышка перед новым появлением чудовища. В наступившей тишине Эрл слышал, как струи дождя барабанят по крыше и льются на землю, превращая ее в жидкую грязь.

— Здорово сегодня льет, а? — заметил управляющий.— Если так и завтра будет, вас просто смочет.

— Люди ездят в любую погоду,— ответил Эрл.— А Джон Гир хорошо водит машину.

Мужчина скорчил рожу.

— Из торнадо-то он не вырулит,— сказал он, явно наслаждаясь ролью предсказателя судьбы.— Мы сейчас как раз ожидаем его.

— В самом деле?

— В позапрошлом году ветер сорвал крышу со школы. Просто поднял ее в воздух.

Лаура-Мэй снова появилась в дверях с подносом, на котором стояли кувшин и четыре стакана. Лед звякал, ударяясь о стенки кувшина.

— Что ты там говоришь, па? — спросила она.

— О торнадо.

— Для торнадо недостаточно жарко,— возразила она с уверенностью.

Ее отец протестующе хмыкнул, но не возразил. Лаура-Мэй подошла к Эрлу, но когда он попытался забрать у нее поднос, она сказала:

— Я отнесу сама. Показывай дорогу.

Он не возражал. У них будет еще немного времени, чтобы поболтать, пока они дойдут до номера Гиров. Возможно, женщина подумала то же самое или же хотела поближе рассмотреть проповедника.

Они молча прошли к выходу из конторы и остановились. Перед ними лежало двадцать ярдов размытой земли — от одного здания до другого.

— Может, я возьму кувшин? — предложил Эрл. — А ты понесешь стаканы.

— Ладно, — ответила она. Потом, снова поглядев ему прямо в глаза, спросила: — Тебя как зовут?

— Эрл, — ответил он, — Эрл Райборн.

— А я Лаура-Мэй Кэйд.

— Очень рад познакомиться, Лаура-Мэй.

— Ты знаешь про это место? — спросила она. — Папа наверняка рассказал вам?

— Ты имеешь в виду торнадо? — сказал он.

— Нет, — ответила она. — Я имею в виду убийство.

Сэди стояла у кровати и разглядывала лежавшую женщину.

«Совсем не умеет одеваться, — думала Сэди. — Одежда тусклая и унылая, а волосы не уложены».

Женщина что-то бормотала в полудреме и вдруг — внезапно — проснулась. Ее глаза широко раскрылись. В них плескались тревога и боль. Сэди поглядела на нее и вздохнула.

— В чем проблема? — спросил Бак.

Он уже поставил чемоданы и сидел в кресле напротив четвертого постелья — крупного мужчины с жесткими, властными чертами лица и копной седых волос, как у ветхозаветного пророка.

— Нет проблем, — ответила Сэди.

— Я не хочу делить комнату с этими двумя, — заявил Бак.

— Но ведь это та комната, где... где мы остановились, — возразила она.

— Давай переберемся в соседний номер,— предложил Бак, кивнув в сторону открытой двери в смежный восьмой номер.— Там поудобнее.

— Они не могут нас видеть,— сказала Сэди.

— Но зато я могу их видеть,— ответил Бак.— И это выводит меня из себя. Да какая разница, если мы останемся в другой комнате!

Не дожидаясь, пока Сэди согласится. Бак поднял чемоданы и внес их в комнату Эрла.

— Идешь ты или нет? — спросил он Сэди.

Та кивнула. Лучше поладить. Если она начнет препираться, все пойдет по-прежнему и они не пройдут первого испытания. Согласие было основным условием воссоединения. Сэди напомнила себе об этом и послушно отправилась за ним в номер восемь.

Лежа на кровати, Вирджиния думала, что надо подняться, пройти в ванную и в уединении проглотить таблетку-другую транквилизаторов. Но присутствие Джона пугало ее. Иногда ей казалось, что он видит ее насквозь и все ее грехи для него — открытая книга. Если она поднимется и начнет рыться в сумочке в поисках лекарств, он спросит ее, что она делает. А если он спросит, она не сумеет скрыть правду. У нее не хватало сил сопротивляться огню его испепеляющих глаз. Нет, лучше лежать и ждать, пока Эрл принесет воду. Тогда, пока мужчины вдвоем будут обсуждать дальнейший маршрут, она сможет выскользнуть и принять запретные таблетки.

Свет в комнате был слабым и мерцал. Это раздражало ее. Хотелось смежить веки, чтобы не видеть его. Секунду назад мерцающий свет сформировал мираж у изножья постели — нечто с крыльями, как у ночной бабочки, застыло в воздухе, а потом растворилось.

Около окна Джон опять читал вполголоса. Поначалу Вирджиния уловила лишь несколько слов:

— «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы»*.

* Откр. 9:3.

Она мгновенно узнала отрывок — его ни с чем не спутаешь.

Эти строчки из Откровения Иоанна Богослова она знала наизусть. Джон постоянно декламировал их на собраниях.

— «И сказано было ей, чтобы она не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих»*.

Гир любил Откровение. Он читал его гораздо чаще, чем Евангелия, которые знал наизусть, но их слова не воодушевляли его так сильно, как нервный ритм этой книги. Когда он читал Откровение, он словно наблюдал апокалиптические картины и возбуждался от этого. Голос его менял интонацию; поэзия не просто исходила от него, а проходила сквозь него. Покорный ее длаи, он покорно продвигался от образа к образу — от ангелов к драконам, а потом — к блуднице вавилонской на звере багряном.

Вирджинии хотелось, чтобы он замолчал. Она любила слышать, как муж читает стихи из Откровения, но только не сегодня. Сегодня слова звучали так, словно теряли свое значение, и она почувствовала, возможно, впервые: он не понимает того, что говорит. Он вновь и вновь цитирует эти фразы, а их смысл исчезает. Неожиданно для себя она презрительно хмыкнула. Гир тут же прекратил чтение.

— В чем дело? — спросил он.

Она открыла глаза, огорченная тем, что прервала его.

— Ни в чем, — ответила она.

— Тебя расстроило то, что я читаю?

Ему требовалось знать. Допрос был очередным испытанием, и она тут же дала задний ход.

— Нет, — сказала она, — разумеется, нет.

В дверном проеме между двумя комнатами Сэди наблюдала за выражением лица Вирджинии. Конечно, эта

* Откр. 9:4.

женщина лгала: конечно же, чтение расстроило ее. Оно расстроило и Сэди, но лишь потому, что звучало так мелодраматически и жалко. Мечта об Армагеддоне выглядела комической, а не угрожающей.

— Скажи ему,— посоветовала она Вирджинии.— Давай! Скажи ему, что тебе это не нравится.

— К кому ты обращаешься? — сказал Бак.— Они тебя не слышат.

Сэди не обратила внимания на замечание мужа.

— Да скажи ты этому ублюдку! — настаивала она.

Но Вирджиния молча лежала на кровати. Гир опять продолжил чтение, и его пыл казался еще более глупым, чем раньше.

— «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые; лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов»*.

Сэди покачала головой: просто детский комикс-ужастик. Почему людям нужно умереть, чтобы отбросить подобную чушь?

— Скажи ему,— вновь вступила она.— Скажи ему, до чего нелепо это звучит.

Как только ее слова сорвались с губ, Вирджиния села на постели и позвала:

— Джон?

Сэди устала на нее, понуждая ее продолжать:

— Ну же! Ну!

— Неужели обязательно все время говорить о смерти? Это очень подавляет.

Сэди чуть не захлопала в ладоши. Это было не совсем то, что она имела в виду, но каждый имеет право на собственное мнение.

— Что ты сказала? — переспросил Гир, полагая, что неправильно ее понял.

* Откр. 9:7—8.

Неужели жена бросает ему вызов?

Вирджиния поднесла к губам дрожащую руку, словно пыталась сдержать еще не высказанные слова. Тем не менее они вырвались:

— Эти строки, которые ты читал. Я ненавижу их. Они такие...

— Глупые...— подсказала Сэди.

— Неприятные,— закончила фразу Вирджиния.

— Ты идешь спать или нет? — требовательно спросил Бак.

— Минутку,— ответила Сэди, не оборачиваясь.— Я хочу поглядеть, что тут происходит.

— Жизнь — не мыльная опера,— заметил Бак.

Сэди уже собиралась возразить, но прежде, чем она открыла рот, проповедник приблизился к постели жены, сжимая в руке Библию.

— Это истинные слова Господа, Вирджиния,— сказал он.

— Я знаю, Джон. Но есть и другие главы...

— Я всегда думал, что ты любишь Откровение.

— Нет,— отозвалась она.— Оно меня расстраивает.

— Ты просто устала.

— О да,— вставила Сэди.— Так они всегда отвечают, когда твои слова слишком похожи на правду. Ты устала, почему бы тебе не вздремнуть?

— Почему бы тебе не поспать немножко? — сказал Гир.— А я пойду в соседний номер и поработаю.

Вирджиния целых пять секунд выдерживала испытующий взгляд мужа, потом кивнула.

— Да,— согласилась она,— я действительно устала.

— Глупая женщина,— сказала ей Сэди.— Обороняйся, или он опять примется за старое. Протяни им палец, они всю руку откусят.

Бак возник за спиной Сэди.

— Я уже просил тебя.— Он взял ее за руку.— Мы здесь для того, чтобы снова стать друзьями. Давай займемся своими делами.

Он подтолкнул ее к двери — куда более грубо, чем обычно. Она сбросила его руку.

— Не нужно злиться, Бак.

— Ха! И это ты говоришь! — воскликнул он с невольным смешком. — Ты хочешь узнать, что такое злоба?

Сэди отвернулась от Вирджинии и посмотрела на мужа.

— Вот такая бывает злоба, — сказал он и снял пиджак, а потом стянул рубашку, чтобы открыть огнестрельную рану.

Сэди стреляла с очень близкого расстояния, и пистолет проделал внушительную дыру в груди Бака — кровоточащую и с обгоревшими краями. Рана была свежая, как в момент смерти. Бак указывал на нее пальцем, точно на орден.

— Видишь, милая? Твоих рук дело.

Она без малейшего интереса поглядела на рану и подумала, что это, наверное, вечная отметина — единственная, оставленная ею в сердце мужчины.

— Ты ведь изменял мне с самого начала, верно? — спросила она.

— Мы говорим не об изменах, а о стрельбе, — заметил Бак.

— Похоже, первое приводит ко второму, — сказала Сэди. — И не один раз.

Бак прищурил свои и без того узкие глаза. Если учесть, сколько пришло на похороны анонимных скорбящих дам, многие не могли противиться его взгляду.

— Ладно, — кивнул он. — У меня были другие женщины. Что с того?

— Да то, что я застрелила тебя, — безразлично ответила Сэди.

Вот и все, что она могла сказать по этому поводу. Именно поэтому судебный процесс был коротким.

— Ты могла хотя бы сказать, что тебе жаль! — вспыхнул Бак.

Сэди быстро обдумала его предложение и возразила:
— Но ведь мне не жаль.

Она понимала, что ответ не слишком тактичен, но такова жестокая правда. Даже когда Сэди пристегнула к электрическому стулу, а священник изо всех сил старался смягчить ее неукротимый дух, она не жалела о случившемся.

— Все бесполезно,— сказал Бак.— Мы пришли сюда, чтобы помириться, а ты даже не можешь сказать, что тебе жаль. Ты ненормальная, ты хоть это знаешь? И всегда была такой. Всегда лезла в мои дела, вынюхивала у меня за спиной.

— Да ничего я не вынюхивала,— твердо ответила Сэди.— Твоя грязь сама пришла и нашла меня.

— Грязь?

— Да, Бак, грязь. Она всегда с тобой. Жалкая и липкая.

Он схватил ее за плечи.

— Возьми свои слова обратно,— потребовал он.

— Ты и раньше любил меня пугать,— холодно проговорила она.— Именно поэтому я купила пистолет.

Он оттолкнул ее.

— Ладно,— сказал он,— не говори, что я не старался. Я старался. Но ведь ты не хочешь уступить ни шага, верно? — Его пальцы дотронулись до раны на груди, голос смягчился.— А ведь мы могли бы неплохо провести сегодняшнюю ночь, детка,— тихо сказал он.— Вместе. Я бы постарался повеселить тебя. Понимаешь, о чем я? Было время, когда ты не отказывалась.

Сэди вздохнула. Он говорил правду. Было время, когда она с благодарностью принимала те крохи, что он давал ей, и считала себя счастливой женщиной. Но все изменилось.

— Успокойся, милая, расслабься,— нежно продолжал Бак, стаскивая с себя рубашу. Живот у него был безволосым, как у младенца.— Что скажешь, если мы забудем это, ляжем и поболтаем?

Она собралась ответить, когда дверь номера семь отворилась и вошел мужчина с добрыми глазами. Его сопровождала женщина, чье лицо вызвало бурю воспоминаний у Сэди.

— Вода со льдом,— сказал Эрл.

Сэди наблюдала, как он идет через комнату. Во всей Вичита-Фолл не найти такого мужчины; во всяком случае, она не помнила никого лучше. Он почти вернул ей желание жить.

— Так ты собираешься раздеваться? — спросил Бак за спиной.

— Одну минутку, Бак, бога ради, у нас впереди целая ночь.

— Я Лаура-Мэй Кэйд,— сказала женщина с очень знакомым лицом и поставила на стол поднос со стаканами.

Разумеется, подумала Сэди, это она, маленькая Лаура-Мэй. Девочке было пять или шесть лет, когда Сэди видела ее здесь в последний раз — странный скрытный ребенок, все время глядевший искоса. За прошедшие годы она выросла, но в ее слегка асимметричных чертах до сих пор оставалась какая-то странность. Сэди повернулась к Баку — тот сидел на кровати и расшнуровывал ботинки.

— Помнишь эту малышку? — спросила она. — Ну ту, которой ты дал двадцать пять центов, чтобы она ушла?

— Ну, и что?

— Она здесь.

— Так что с того? — повторил он без интереса.

Лаура-Мэй разлила воду и понесла стакан в комнату к Вирджинии.

— Как здорово, что вы к нам приехали,— сказала она. — Ведь тут почти ничего не происходит. Разве что торнадо...

Гир кивнул Эрлу. Тот вынул из кармана пятидолларовую банкноту и протянул ее Лауре-Мэй. Она побла-

годарила его, уверяя, что это не обязательно, но банкноту взяла. Однако уходить явно не намеревалась.

— Из-за такой погоды люди чувствуют себя очень странно,— продолжала она.

Эрл уже представлял себе, о чем пойдет речь, когда Лаура-Мэй откроет рот. Он выслушал ее по дороге в номер и знал, что Вирджиния сейчас не в силах поддерживать подобную беседу.

— Спасибо за воду,— сказал он, положив руку на локоть Лауры-Мэй, и повел ее к двери.

Но Гир остановил его.

— Моя жена страдает от жары,— сказал он.

— Вы должны быть очень осторожны, мадам,— посоветовала Вирджинии Лаура-Мэй.— Люди иногда делают уж такие странные вещи...

— Например, какие? — спросила Вирджиния.

— Я не думаю, что нам...— начал Эрл. Но прежде, чем он произнес: «нужно об этом говорить», Лаура-Мэй небрежно ответила:

— В основном убийства.

— Слышал? — гордо сказала Сэди.— Она нас помнит.

— В этой самой комнате,— умудрилась добавить Лаура-Мэй, пока Эрл не вывел ее силой.

— погоди! — сказала Вирджиния, когда они оба исчезли в дверях.— Эрл! Я хочу знать, что тут произошло.

— Нет, ты не хочешь,— сказал ей Гир.

— О, конечно же, хочет,— очень тихо проговорила Сэди, разглядывая выражение лица Вирджинии.— Ведь ты очень хочешь это знать, Джинни?

Вирджиния растерянно глядела то на наружную дверь, то прямо в проходную дверь в номер восемь, и ее глаза, казалось, остановились на Сэди. Взгляд был таким прямым, словно она в самом деле видела женщину. Лед в стакане звякнул. Она нахмурилась.

— Что не так? — спросил Гир.

Вирджиния покачала головой.

— Я спросил, что не так,— настаивал Гир.

Вирджиния поставила стакан на прикроватный столик. Спустя мгновение она очень просто ответила:

— Тут кто-то есть, Джон. В нашей комнате. Я слышала голоса. Возбужденные.

— В соседнем номере,— ответил Гир.

— Нет, в комнате Эрла.

— Она пуста. Должно быть, люди в следующем номере.

Но Вирджинию нельзя было успокоить при помощи логики.

— Говорю тебе, я слышала голоса. И видела что-то в ногах кровати. Что-то в воздухе.

— О боже,— прошептала Сэди.— Проклятая баба — экстрасенс.

Бак поднялся. Он уже разделся до трусов. Он прошел к проходной двери и по-новому, внимательно поглядел на жену проповедника.

— Ты уверена? — спросил он.

— Тише! — воскликнула Сэди, убираясь из поля зрения Вирджинии.— Она говорит, что видела нас.

— С тобой не все в порядке, Вирджиния,— говорил Гир в соседней комнате.— Эти пилюли, что он тебе скармливал...

— Нет,— ответила Вирджиния, возвысив голос.— Когда ты наконец забудешь про таблетки? Они лишь для того, чтобы я успокоилась и лучше спала.

«Сейчас-то она совсем не спокойна»,— подумал Бак. Ему нравилось, как она дрожит, пытаясь сдержать слезы. Похоже, ей нужно немножко позабавиться, бедняжке Вирджинии,— это наверняка поможет ей заснуть.

— Говорю тебе, что я вижу разные вещи,— втолковывала она своему мужу.

— А я не вижу,— скептически откликнулся Гир.— Именно это ты хочешь сказать? У тебя есть способность видеть то, что скрыто для прочих?

— Проклятье, да я же не хважусь! — воскликнула она, раздраженная иронией в его голосе.

— Давай-ка выйдем, Бак, — предложила Сэди. — Мы расстраиваем ее. Ей известно, что мы здесь.

— Так что с того? — откликнулся Бак. — Ее муж-придурок не верит. Погляди на него. Он думает, она не в себе.

— Мы сведем ее с ума, если будем выхаживать тут, — сказала Сэди. — По крайней мере давай говорить потише, ладно?

Бак взглянул на Сэди и изобразил подобие улыбки.

— Хочешь, чтобы я это сделал? — спросил он игриво. — Я уберусь с их дороги, если мы немножко развлечемся.

Перед тем как ответить, Сэди несколько мгновений колебалась. Возможно, будет лучше для всех, если она уступит настояниям Бака. В эмоциональном плане ее муж оставался младенцем, и секс являлся одним из немногих способов, при помощи которых он мог выразить себя.

— Ладно, Бак, — согласилась она. — Я только чуть-чуть освежусь и причешу волосы.

В это время в номере семь происходил неприятный разговор.

— Я собираюсь принять душ, Вирджиния, — сказал Гир. — Я предлагаю тебе лечь и успокоиться. Прекрати вести себя как дура. Такими разговорами ты испортишь нам поездку. Ты меня слышишь?

Вирджиния посмотрела на мужа очень внимательно, как никогда не решалась раньше.

— О да, — отозвалась она безразлично. — Я тебя слышу.

Джон вроде бы удовлетворился этим. Он стянул пиджак и отправился в ванную, прихватив с собой Библию. Вирджиния слышала, как закрылась дверь, и устало вздохнула. Она знала, что за приступом взаимного

раздражения последуют обвинения, а потом он начнет требовать от нее раскаяния. Она поглядела на дверь в смежный номер. Больше не было никаких воздушных теней, и шепота оттуда тоже не доносилось. Возможно — всего лишь возможно, — ей действительно почудилось. Она открыла сумочку и вытащила припрятанный пузырек с таблетками. Поглядывая на дверь ванной, она выбрала три разные пилюли и запила их глотком ледяной воды. Правда, лед в кувшине давно растаял. Вода была пресной, как дождь, ливший за окном. Может быть, к утру он смоет все с лица земли? Если так, сонно подумала Вирджиния, жалеть не о чем.

— Я же просил тебя не упоминать про убийство, — сказал Эрл Лауре-Мэй. — Миссис Гир это не понравится.

— Люди убивали во все времена, — возразила Лаура-Мэй. — Не может же она жить, спрятав голову в песок.

Эрл ничего не ответил. Они как раз подошли к выходу из здания. Впереди располагалась залитая дождем парковка. Лаура-Мэй подняла глаза и поглядела на него. Она была немного ниже его ростом. Ее большие глаза сверкали. Хотя Эрл и рассердился, он не мог не заметить, какие полные и блестящие у нее губы.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я не хотела неприятностей.

— Я знаю. Я просто расстроен.

— Это жара, — вернулась она к любимой теме. — Я же говорю, она что-то делает с мозгами людей. Сам знаешь.

Взгляд ее на секунду стал неуверенным, а на лице отразилось сомнение. Эрл почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. Был ли это намек? Она явно предлагала что-то. Но он не мог выговорить ни слова. Наконец она заговорила сама.

— Ты должен вернуться прямо сейчас?

Он сглотнул, в горле у него пересохло.

— Нет причины,— сказал он.— Я не собираюсь встречать, если они хотят поговорить друг с другом.

— У них проблемы? — спросила она.

— Похоже. Я ушел, чтобы они спокойно уладили свои дела. Я им только помешаю.

Лаура-Мэй опустила взор.

— А мне ты нужен,— выдохнула она.

Он едва расслышал ее слова — так шумел дождь.

Он осторожно поднес руку к ее щеке и дотронулся до нее. Она задрожала даже от такого легкого прикосновения. Тогда он наклонил голову и поцеловал ее, и она ответила ему.

— Почему бы нам не пойти ко мне в комнату? — прошептала она в его губы.— Не стоит делать это на улице.

— А как насчет твоего папы?

— Теперь он мертвецки пьян, как и каждую ночь. Иди спокойно, он не узнает ничего.

Эрл это не слишком понравилось. Если его застанут в постели с Лаурой-Мэй, он потеряет больше, нежели работу. Он женатый человек, хотя уже три месяца не видел Барбару. Лаура-Мэй почувствовала его нерешительность.

— Можешь не ходить, если не хочешь,— сказала она.

— Я не об этом,— ответил он.

Он поглядел на нее. Лаура-Мэй облизнула губы — абсолютно бессознательное действие, без сомнений, но его хватило, чтобы Эрл решился. Все, что ожидало впереди, и фарс, и неизбежная трагедия — хоть пока он не знал этого,— все было предрешиено, когда Лаура-Мэй с небрежной чувственностью облизнула губы.

— Ах, черт,— сказал он.— Ты потрясающая.

Он склонился к ней и поцеловал ее вновь, а в это время облака над Скеллитауном разразились громовым раскатом, словно цирковой барабан перед особо опасным номером акробатов.

В номере семь Вирджиния спала и видела сны. Кошмарные сны. Таблетки не помогли ей попасть в тихую заводь. Во сне она потерялась среди ужасающей бури. Она цеплялась за искалеченное дерево, жалкий якорь в вихре урагана, а ветер поднимал в воздух коров и автомобили и засасывал полмира в черные облака, вскипавшие прямо над головой. И как только она подумала, что ей предстоит умереть здесь в абсолютном одиночестве, она увидела две фигуры в нескольких ярдах впереди. Они появлялись и вновь исчезали за мерцающей пеленой пыли, которую поднял ураган. Она не могла разглядеть их лиц, поэтому окликнула:

— Кто вы?

Сэди слышала, как она разговаривает во сне. Что же снится жене проповедника? Сэди боролась с искушением пройти в соседнюю комнату и прошептать этот вопрос ей на ухо.

А за сомкнутыми веками Вирджинии сон продолжался. Хотя она и позвала незнакомцев сквозь бурю, они не слышали ее. Боясь остаться в одиночестве, она отпустила надежное дерево (его тут же вырвало с корнем и унесло прочь) и начала прорываться сквозь жалеющую пыль туда, где стояли две фигуры. Это были мужчина и женщина, оба вооружены. И когда она вновь окликнула их, они напали друг на друга. На шее и на груди у них открылись смертельные раны.

— Убийство! — закричала Вирджиния, а ветер плеснул кровью противников ей в лицо. — Ради бога, кто-нибудь, остановите их! Убийство!

И внезапно она проснулась. Сердце колотилось так, словно готово было взорваться. Сновидение расплывалось у нее перед глазами. Она потрясла головой, чтобы избавиться от чудовищных образов, затем осторожно передвинулась к краю кровати и встала. Голова ее стала легкой и, казалось, могла парить, как воздушный шар. Вирджинии требовалось немного свежего воздуха. Ни-

когда она не чувствовала себя более странно: так, словно потеряла всякое представление о реальности. Мир проскальзывал у нее между пальцами, как вода.

Она подошла к двери из номера. В душе плескался Джон, она слышала его — он говорил вслух, обращаясь к зеркалу. Без сомнения, отшлифовывал детали предстоящего выступления. Вирджиния вышла в коридор. Там было прохладнее, но не намного. В одном из номеров заплакал ребенок. Кто-то резким голосом велел ему замолчать. Секунд на десять ребенок затих, потом заплакал снова, еще громче.

«Давай! — мысленно призвала она ребенка. — У тебя столько поводов для крика».

Она верила в людские несчастья — похоже, это единственное, во что она еще верила. Печаль гораздо честнее искусственной жизнерадостности, которая нынче в моде: фальшивый каркас пустоголового оптимизма, заслоняющий отчаяние, что гнездится в каждом сердце. Ребенок же плакал в ночи, не боясь выказать свои страхи. И она молча приветствовала его честность.

Джону Гиру надоело смотреть на собственное лицо в зеркале, и он погрузился в раздумья. Он опустил крышку унитаза и молча просидел так несколько минут. Он чувствовал запах собственного пота, ему нужно было принять душ, а потом хорошенько выспаться. Завтра его ждет Пампа. Встречи, речи, тысячи рукопожатий, тысячи благословений. Иногда он уставал и начинал гадать, не облегчит ли Господь его ношу, хотя бы немного.

Но такие мысли дьявол нашептывает в ухо, не так ли? Джон не хотел внимать его вкрадчивому голосу. Если хоть раз прислушаешься к нему, сомнения одолеют тебя, как они одолели Вирджинию. Где-то по пути сюда он отвернулся от жены, заботясь о делах Господних, и она заблудилась, а нечистый нашел ее. Он, Джон Гир, обязан вернуть ее на путь истинный, заставить увидеть,

в какой опасности ее душа. Будут слезы и жалобы; может быть, он даже наставит ей пару синяков. Но синяки исцеляются.

Он отложил Библию, опустился на колени в узком пространстве между ванной и умывальником и начал молиться. Он пытался найти какие-то мягкие доводы, молил, чтобы ему дали силы исполнить долг и избавить Вирджинию от заблуждений. Но вся мягкость покинула его. На ум приходили лишь слова Апокалипсиса. Он позволил им сорваться с губ, и его лихорадка разгоралась все сильнее по мере того, как Джон молился.

— О чем ты думаешь? — спросила Лаура-Мэй, когда привела Эрла в спальню.

Он был слишком поражен тем, что увидел, чтобы вразумительно ответить. Ее спальня походила на музей банальности. На полках, на стенах и даже на полу, как на свалке, красовались жестянки из-под кока-колы, коллекция пестрых этикеток, журналы с оборванными обложками, сломанные игрушки, помутневшие зеркала, открытки, которые никогда не будут посланы, письма, которые никогда не будут прочитаны, — печальный парад забытых и потерянных вещей. Взгляд Эрла метался взад и вперед по этой изысканной экспозиции и не нашел среди хлама ни одной стоящей или целой вещи. Мысль, что все их собрала Лаура-Мэй, заставила сердце Эрла сжаться. Женщина явно не в себе.

— Вот моя коллекция, — сказала она.

— Да, я вижу, — ответил он.

— Я собирала это с шести лет.

Она прошла через комнату к туалетному столику. Другая женщина, думал Эрл, начала бы прихорашиваться, но для Лауры-Мэй там было лишь продолжение ее выставки.

— Любой человек оставляет что-то после себя, — сказала она Эрлу, приподнимая какой-то мусор с нежностью, будто драгоценный камень.

Перед тем как поставить вещь на место, она тщательно осматривала ее. Только теперь Эрл увидел, что весь хлам тщательно систематизирован, каждый предмет пронумерован. В ее безумии была некая система.

— В самом деле? — отозвался он.

— О да. Хотя бы обгоревшую спичку или салфетку в губной помаде. У нас служила девушка-мексиканка по имени Офелия. Она убирала комнаты, когда я была маленькой. Мы с ней играли, и с этого началась моя коллекция. Она всегда приносила мне что-то, оставшееся от уехавших гостей. Когда она умерла, я продолжила сама. Обязательно сохраняла что-нибудь на память.

До Эрла стала доходить абсурдная поэзия ее музея. В ладном теле Лауры-Мэй таился выдающийся дар хранителя и систематизатора. Не потому, что это было *искусство*. Но она собирала вещи, чья природа была интимной; символы ушедших людей, которых, вероятнее всего, никогда больше не увидит.

— Ты все их пометила, — сказал он.

— О да, — ответила она. — От них было бы мало пользы, если не знать, кому что принадлежало, верно?

Эрл согласился.

— Невероятно, — прошептал он совершенно искренне.

Она улыбнулась. Эрл подозревал, что немногие видели эту коллекцию. Он чувствовал себя польщенным.

— У меня есть кое-какие по-настоящему ценные вещи, — сообщила она, открывая средний ящик своего гардероба. — Вещи, которые я не выставляю напоказ.

— Неужели? — удивился он.

Ящик, который она открыла, был набит мягкой бумагой, которая хрустела, пока Лаура-Мэй копалась в нем, выбирая предметы для спецпоказа. Грязная салфетка — найдена под кроватью одной голливудской звезды, трагически погибшей через шесть недель после остановки в мотеле; шприц из-под героя — беспечно оставлен

неким мистером Икс; пустой спичечный коробок — принесен, как Лаура-Мэй выяснила, из гей-бара в Амарилло и оставлен здесь неким мистером Игрек. Имена этих людей ничего не говорили Эрлу, но он подыгрывал Лауре-Мэй: издавал недоверчивые восклицания или тихо смеялся. Ее удовольствие, поощряемое слушателем, росло. Она показала ему всю экспозицию из гардероба, сопровождая каждый экспонат то анекдотом, то биографической деталью. В конце Лаура-Мэй сказала:

— Честно говоря, это неправда — будто я играла так с Офелией. На самом деле все началось позже.

— Когда же ты стала собирать эти вещи? — спросил он.

Она опустилась на колени и открыла нижний ящик гардероба ключом, что висел у нее на шее. Там, в шкафу, находился лишь один предмет. Она подняла его осторожно, почти с трепетом, и показала Эрлу.

— Что здесь?

— Ты спрашиваешь, с чего началась коллекция, — ответила она. — Вот. Я обнаружила это и никогда никому не показывала. Можешь поглядеть, если хочешь.

Она протянула ему свое сокровище. Эрл развернул ветхую белую тряпку, в которую был завернут предмет. Это оказался пистолет «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра в приличном состоянии. Через секунду Эрл понял, к какому именно событию относится оружие.

— Это пистолет, которым Сэди Дарнинг... — проговорил он, поднимая «смит-и-вессон». — Я прав?

Она просияла.

— Я нашла пистолет в куче мусора за мотелем до того, как полиция начала его разыскивать. Была такая суматоха, а на меня никто не обращал внимания. И, конечно, они искали недолго.

— Почему?

— День спустя нас настиг торнадо. Сорвал крышу с мотеля, разнес школу. Погибло много народу. У нас несколько недель шли похороны.

— Они тебя не спрашивали?

— Я хорошо врал, — сказала она самодовольно.

— И ты не заявляла о нем? Все эти годы?

Она презрительно взглянула на него, услышав такое предположение.

— Тогда бы они его забрали.

— Но это вещественное доказательство.

— Они и так ее приговорили, верно? — ответила она. — Сэди во всем призналась сразу. Если бы они нашли оружие, что изменилось бы?

Эрл вертел в руках пистолет. На нем осталась засохшая грязь.

— Это кровь, — уточнила Лаура-Мэй. — Он был влажный, когда я нашла его. Должно быть, она дотрагивалась пистолетом до тела Бака. Хотела убедиться, что тот мертв. Использовала только две пули. Остальные до сих пор там.

Эрл не любил оружия, особенно с тех пор, как его шурин случайно отстрелил себе три пальца. Сообщение о том, что пистолет заряжен, не слишком обрадовало его. Он завернул его и протянул женщине.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он, пока Лаура-Мэй, нагнувшись, возвращала пистолет на прежнее место. — Ты потрясающая женщина.

Она поглядела на него. Ее рука медленно скользнула ему в штаны.

— Я очень рада, что тебе все понравилось, — сказала она.

— Сэди... Ты ляжешь или нет?

— Я сейчас закончу причесываться.

— Ты нечестно играешь. Забудь про свои волосы и иди ко мне.

— Минутку!

— Черт!

— Ты ведь не торопишься, верно, Бак? Я имею в виду, ты же никуда не собираешься?

Она увидела его отражение в зеркале. Он бросил на нее раздраженный взгляд.

— Думаешь, это смешно, а? — спросил он.

— Что смешно?

— То, что случилось. Что ты меня застрелила и села на электрический стул. Это принесло тебе удовлетворение?

Несколько мгновений она обдумывала его слова. Впервые Бак выразил желание поговорить серьезно, и она хотела ответить ему искренне.

— Да,— подтвердила она, когда убедилась, что все именно так.— Да, в какой-то степени доставило мне удовольствие.

— Я знал это,— ответил Бак.

— Говори потише! — вскинулась Сэди.— Она услышит нас.

— Она вышла из номера, я слышал. И не надо менять тему.

Он перекатился на бок и сел на край постели. «Наверное, у него очень болезненная рана»,— подумала Сэди.

— Сильно болит? — спросила она.

— Ты что, смеешься? — Он продемонстрировал дыру в груди.— Как, по-твоему, еще может быть?

— Я думала, все произойдет быстро,— сказала Сэди.— Я не хотела, чтобы ты страдал.

— Правда? — отозвался Бак.

— Конечно. Ведь я когда-то любила тебя. Бак. Правда, любила. Знаешь, какие заголовки появились в газетах на следующий день?

— Нет,— ответил Бак.— Я был занят другим, как ты помнишь.

— «Мотель превратился в бойню любви» — так там говорилось. С фотографиями комнаты, крови на полу и того, как твое тело выносят под простыней.

— Звездный час,— заметил он горько.— Мое лицо даже не появилось в газетах.

— Я никогда не забуду тот заголовок. «Бойня любви»! Я думала, звучит романтично. А ты?

Бак раздраженно хмыкнул. Тем не менее Сэди продолжала:

— В ожидании электрического стула я получила триста предложений выйти замуж, я не говорила тебе?

— Да ну? — сказал Бак.— А они пришли к тебе в гости? Немножко повеселили тебя, чтобы отвлечь от ожидания грандиозного дня?

— Нет,— произнесла Сэди ледяным тоном.

— Ты могла это получить. Я бы смог.

— Не сомневаюсь,— ответила она.

— Когда я думаю об этом, Сэди, я распаляюсь. Почему бы тебе не воспользоваться мной, пока горячо?

— Мы пришли сюда, чтобы поговорить, Бак.

— Бога ради, мы уже поговорили,— ответил он.— Больше я не хочу. Ну, иди сюда. Ты обещала.— Он почесал живот и с кривой улыбкой сказал: — Извини за кровь и все такое, но это не моя вина.

Она встала.

— Вот теперь ты ведешь себя разумно,— сказал он.

Пока Сэди Дарнинг шла к своей кровати, Вирджиния вернулась с дождливой улицы в комнату. Дождь охладил ее лицо, а транквилизаторы понемножку начали действовать. Джон до сих пор молился в ванной, его голос то возвышался, то затихал. Она подошла к столу и взглянула на заметки мужа, но не сумела разобрать слова, написанные убористым почерком. Она подняла листок ближе к глазам, и как только сделала это, из соседней комнаты раздался стон. Она замерла. Стон повторился, уже громче. Бумаги дрожали в ее руке, она умудрилась положить их обратно на стол, но голос по-

слышался в третий раз, и тут листки выскользнули у нее из рук.

— Ну давай же, черт тебя возьми... — сказал голос; именно эти слова, хоть и нечетко слышно; затем снова стоны.

Вирджиния осторожно двинулась к двери в смежный номер. Дрожь охватила все ее тело.

— Опять твои игры? — спрашивал голос, и в нем слышался гнев.

Вирджиния осторожно заглянула в номер восемь, держась за косяк. На кровати она увидела тень, которая содрогалась и словно пыталась пожрать саму себя. Вирджиния так и стояла, уцепившись за дверь и пытаясь подавить крик, когда из тени раздались голоса. Не один голос, а два. Слова звучали неразборчиво, и в состоянии паники Вирджиния едва различала их смысл. Однако отвернуться она не могла. Она пыталась разглядеть смутные очертания. Постепенно слова прояснились, и вместе с ними пришло понимание того, что происходит на постели. В женском голосе звучал протест. Вирджиния видела, что женщина отбивалась от своего партнера, а тот пытался перехватить ее руки. Первое впечатление оказалось правильным: это и было похищение — своего рода.

Сэди поглядела в лицо Баку. На нем появилась знакомая мерзкая усмешка, и Сэди почувствовала, как в ее душе снова вспыхнул гнев. Вот для чего пришел он сегодня вечером. Не для разговора о потерянных надеждах, а чтобы смягчить ее злобу так, как он это делал раньше: шептал на ухо непристойности и укладывал ее на простыни. Удовольствие, которое он получал от этого, привело Сэди в ярость.

— Уйди от меня! — крикнула она громче, чем намеревалась.

Вирджиния у двери проговорила:

— Оставь ее в покое.

— Похоже, у нас есть зрители,— усмехнулся Бак Дарнинг.

Он обрадовался, увидев на лице Вирджинии встревоженное выражение. Он отвлекся, и Сэди воспользовалась этим. Она выскользнула из объятий, оттолкнула Бака, и он с криком скатился с узкой постели. Поднявшись, Сэди поглядела на перепуганную женщину в дверном проеме: много ли ей удалось увидеть и услышать? Достаточно, чтобы понять, кто они такие?

Бак встал с пола и подошел к своей жене-убийце.

— Пошли,— сказал он.— Это всего лишь сумасшедшая леди.

— Держись от меня подальше,— предупредила Сэди.

— Теперь ты ничего не сделаешь мне, женщина. Я уже мертв, помнишь?

От напряжения его раны открылись, из них сочилась кровь. Сэди осмотрела себя — кровь запачкала и ее. Она попятилась к двери. Больше им нечего делать вместе. Последний шанс помириться выродился в кровавый фарс. В этой печальной ситуации им оставалось одно: удалиться, оставив бедняжку Вирджинию раздумывать над тем, что она увидела и услышала. Если задержаться здесь и продолжать ссору, ситуация может ухудшиться для всех троих.

— Куда ты идешь? — требовательно спросил Бак.

— Подальше отсюда,— ответила она.— Подальше от тебя. Я говорила, что я любила тебя, Бак, верно? Ну... может, так оно и было. Но теперь я излечилась.

— Сука!

— Пока, Бак! Счастливой вечности.

— Дешевая сука!

Она не ответила на оскорбление, вышла из номера и удалилась в ночь.

Вирджиния наблюдала, как одна из теней выплыла за дверь, и пыталась удержаться на грани безумия. Она

так вцепилась в косяк двери, что у нее побелели костяшки пальцев. Нужно поскорее выбросить все это из головы или убедиться в собственном безумии. Вирджиния повернулась спиной к восьмому номеру. Таблетки — вот что ей сейчас нужно. Она взяла свою сумочку и тут же выронила ее, когда дрожащие пальцы стали нащупывать пузырек с таблетками. Содержимое сумочки рассыпалось по полу. Один из пузырьков был закрыт неплотно, и разноцветные таблетки рассыпались по полу. Вирджиния наклонилась, чтобы подобрать их. Слезы текли из глаз, ослепляя ее. Она набрала полгорсти таблеток и, сколько могла, затолкала в рот, пытаясь проглотить всухую. Барабанная дробь дождя по крыше становилась громче и громче; казалось, этот звук заполняет всю голову. По небу прокатился раскат грома.

А потом раздался голос Джона:

— Что ты делаешь, Вирджиния?

Она подняла на него взгляд. В глазах ее стояли слезы, а рука с таблетками прикрывала рот. Она совершенно забыла о муже — эти тени, дождь и голоса полностью выбили у нее из головы реальность. Она разжала руку, и таблетки упали на ковер. Губы Вирджинии тряслись, и она никак не могла заставить себя подняться.

— Я... я... опять слышала голоса,— сказала она.

Его глаза остановились на высыпавшихся из ее сумочки вещах, на пузырьках с таблетками. Теперь ее преступление ясно предстало перед ним. Бессмысленно отрицать что-либо, это лишь усилит его ярость.

— Женщина,— сказал он,— одного урока тебе оказалось недостаточно?

Она не ответила. Следующая фраза потонула в раскате грома. Джон повторил громче:

— Где ты достала таблетки, Вирджиния?

Она слабо покачала головой.

— Опять Эрл, я полагаю. Кто еще?

— Нет,— прошептала она.

— Не лги мне, Вирджиния! — Он возвысил голос, чтобы перекрыть бурю. — Ты же знаешь, что Господь услышит твою ложь, как я ее слышу. И ты будешь проклята, Вирджиния! Проклята!

— Пожалуйста, оставь меня, — взмолилась она.

— Ты отравляешь себя.

— Но они нужны мне, Джон, — объясняла Вирджиния. — В самом деле нужны.

У нее не было сил противиться, и она не хотела отдавать таблетки. Но что толку протестовать? Джон делает так, как считает нужным, как всегда делал. Мудрее уступить и не распалать его гнев.

— Погляди на себя! — говорил он. — Рыщешь по полу.

— Не начинай сначала, Джон, — ответила она. — Ты победил. Забери таблетки. На! Возьми их!

Он явно был разочарован ее быстрой капитуляцией — словно актер, что долго репетировал свою коронную сцену, а потом обнаружил, что занавес дали раньше времени. Но он выжал из ситуации все возможное, бросив сумочку на постель и собрав пузырьки.

— Здесь все? — требовательно спросил он.

— Да, — ответила она.

— Я не убежден в этом, Вирджиния.

— Больше ничего нет! — прокричала она ему. Потом сказала более мягко: — Я клянусь... больше ничего нет.

— Эрл пожалеет об этом, я тебе обещаю. Он воспользовался твоей слабостью...

— Нет!

— ...твоей слабостью и твоим страхом. Этот человек — слуга Сатаны, теперь мне ясно.

— Да не говори ерунды! — сказала Вирджиния с яростью, какой сама от себя не ожидала. — Я *попросила* его принести мне таблетки. — Она с трудом встала на ноги. — Он совсем не хотел слушаться тебя, Джон. Вина я одна.

Гир покачал головой.

— Нет, Вирджиния. Ты не спасешь его. Нет. Он работал у меня только для того, чтобы исподтишка вредить мне. Теперь я ясно вижу. Он хотел поразить меня через тебя. Ну что же, теперь я стану умнее. О да. О да!

Он внезапно повернулся и швырнул пузырьки с таблетками сквозь открытую дверь в темную дождливую ночь. Вирджиния смотрела, как они падают, и сердце ее ныло. Теперь будет трудно сохранить рассудок в такие ночи, когда все сходят с ума — ведь правда? — потому что дождь барабанит прямо по твоему черепу, в воздухе пахнет убийством, а этот проклятый дурень выбросил последнюю надежду на спасение.

Джон вновь повернулся к жене. Его великолепные зубы были ощерены.

— Сколько тебе повторять одно и то же?

Похоже, он все еще играл свою роль.

— Я не слышу тебя,— сказала Вирджиния, зажимая уши руками.— Я не хочу слушать!

Но его голос доносился до нее сквозь шум дождя.

— Я очень терпелив, Вирджиния,— сказал он.— Господь тоже терпеливо ждет Страшного суда. А где, интересно, Эрл?

Она покачала головой. Вновь раздался раскат грома — Вирджиния не понимала, в ее голове или снаружи.

— Где же он? — настаивал Гир.— Отправился раздобыть еще немного этой мерзости?

— Нет! — взмолилась она.— Я не знаю, куда он пошел.

— Молись, женщина,— сказал Гир.— Ты должна стать на колени и молить Бога, чтобы он избавил тебя от Сатаны.

Его слова означали, что он оставлял ее одну трястись в пустом номере и отправлялся разыскивать Эрла. Скоро он вернется, разумеется. Последуют очередные обвинения, а с ее стороны — обязательные слезы. А что до Эрла, ему придется защищаться так, как он сможет. Вирд-

жиния упала на кровать, и ее воспаленные глаза уставились на таблетки, разбросанные по полу. Не все потеряно. Там оставалось не более двух дюжин; придется урезать дозу, но это лучше, чем ничего. Вытирая глаза тыльной стороной руки, она опустила на колени, чтобы подобрать пилюли. И тут Вирджиния поняла, что на нее кто-то смотрит. Неужели проповедник вернулся так быстро? Она поглядела вверх. Дверь была открыта, но мужа не было. Ее сердце пропустило удар, и Вирджиния подумала о тенях в соседнем номере. Их было две. Одна исчезла. А вторая?

Взгляд ее скользнул на дверь между номерами. Он стоял там. Он выделялся, точно темный мазок на светлом фоне, и теперь казался более материальным. Возможно, он стал плотнее, потому что Вирджиния примирилась с его присутствием, а может быть, давал разглядеть себя более подробно. Во всяком случае, он имел человеческий облик и явно был мужчиной. Он смотрел на нее, без сомнений. Она даже видела его глаза, если очень старалась. С каждым новым вздохом она убеждалась, что он существует на самом деле.

Вирджиния очень медленно поднялась. Тень сделала шаг к ней. Она осторожно продвинулась к наружной двери, не сводя испуганного взгляда с темного пятна. Однако привидение заметило ее движение, скользнуло навстречу и с необычайной скоростью оказалось между ней и ночью. Вытянутая рука Вирджинии коснулась размытой фигуры, и новый знакомец, словно освещенный вспышкой молнии, предстал перед ней. Он снова превратился в размытое пятно, когда она убрала руку. Это был мертвец — в груди его зияла дыра. Может, он пришел из сна, чтобы увести Вирджинию из мира живых? Вирджиния уже подумала, что надо бежать за Джоном, вернуть его обратно, но для этого пришлось бы опять приблизиться к входной двери и войти в жуткий контакт с пришельцем. Она осторожно отступила, шепча про себя молитвы; возможно, Джон был прав и таб-

летки довели ее до безумия. Те самые таблетки, что теперь рассыпались в порошок под ее ногами. Она испытывала ужас. Ей чудится, или мертвец действительно раскрыл ей объятия?

Нога Вирджинии запнулась за край коврового покрытия. И прежде, чем она успела ухватиться за что-нибудь, она уже падала навзничь. Руки, судорожно шаря в поисках поддержки, наткнулись на это чудовищное существо. Ужасная картина вновь возникла перед глазами. Но на этот раз кошмар не исчезал, потому что создание схватило Вирджинию за руку и крепко держало. Пальцы женщины замерзли, словно она погрузила их в ледяную воду. Она завопила, пытаясь оттолкнуть пришельца другой рукой, но он схватил и другую.

Не в состоянии больше сопротивляться, Вирджиния встретила с ним взглядом. Глаза, смотревшие на нее, отнюдь не принадлежали дьяволу; они были глуповатыми, даже комичными, а вялый рот подтверждал это впечатление. Внезапно она перестала бояться. Это не демон. Это всего лишь галлюцинация, вызванная усталостью и таблетками, и он не причинит ей вреда. Единственная опасность состояла в том, что она может повредить самой себе, если начнет отбиваться от галлюцинации.

Бак почувствовал, как сопротивление Вирджинии слабеет.

— Вот и умница, — произнес он. — Ты ведь хочешь, чтобы я немножечко позабавил тебя, верно, Джинни?

Он не был уверен, что она слышит его, но это дела не меняло. Он продемонстрировал свои намерения: выпустив ее руку, провел ладонью по груди Вирджинии. Она вздохнула, в ее прекрасных глазах появилось обеспокоенное выражение, но Вирджиния даже не пыталась сопротивляться.

— Ты не существуешь, — сказала она невыразительно. — Ты порождение моего мозга, как сказал Джон. Все из-за таблеток.

Бак решил: пусть женщина бормочет, что ей угодно, раз это делает ее более сговорчивой.

— Ведь это правда, не так ли? — спросила она. — Ты не существуешь, верно?

Он ответил очень вежливо.

— Разумеется, — сказал он, продолжая ласкать ее. — Я — твой сон, вот и все.

Казалось, ответ удовлетворил ее.

— Не стоит сопротивляться, правда? — спросил он. — Я побуду с тобой и уйду, ты даже не заметишь.

В конторе управляющего никого не было. Из задней комнаты раздавались звуки телевизора. Гир решил, что Эрл где-то поблизости. Он вышел из номера вместе с девушкой, что принесла воду со льдом, и они вряд ли отправились гулять в такую погоду. Гром уже гремел почти над головой. Гиру нравился этот грохот и фейерверк молний. Это соответствовало его ощущению момента.

— Эрл! — проорал он, пробираясь через конторку в комнату с телевизором.

Полуночное кино подходило к концу, звук был оглушительно громким. Фантастический зверь неизвестной породы почти сокрушил Токио, граждане разбежались, испуганно вопя. Перед этим картонным апокалипсисом в кресле спал пожилой человек. Его не могли разбудить ни крики Гира, ни раскаты грома. Бутыль со спиртным, которую он нежно баюкал на коленях, накренилась в его руке, и жидкость пролилась на штаны. От этой сцены несло бурбоном и развратом. Гир запомнил ее, чтобы использовать в проповедях.

Из конторы потянуло холодом. Гир обернулся, полагая, что кто-то вошел, но никого за спиной не обнаружил. Он всмотрелся в пространство. Всю дорогу до конторы его не оставляло ощущение, будто за ним кто-то следит. Он оглядывался, но никого не видел. Он от-

бросил подозрения. Подобные страхи присущи старикам и женщинам, которые боятся темноты. Он прошел между спящим пьянчугой и руинами Токио к закрытой задней двери.

— Эрл! — позвал он. — Ответь мне.

Сэди наблюдала, как Гир открыл дверь и шагнул в кухню. Его напыщенность забавляла ее: откуда столь мелодраматическое поведение в наш просвещенный век? Ей никогда не нравились церковники, но этот экземпляр особенно раздражал: под его благочестием скрывалось нечто большее, чем обычная нетерпимость. Он раздражен и непредсказуем, и ему очень не понравится то, что он увидит в комнате Лауры-Мэй. Сэди уже была там и наблюдала за любовниками, пока их страсть не распалила ее. Тогда она вышла под дождь, чтобы немного остыть. Появление проповедника вернуло ее туда, откуда она вышла; она боялась, что при любом повороте событий эта ночь вряд ли окончится хорошо.

Войдя в кухню, Гир опять закричал. Он явно наслаждался звуками собственного голоса:

— Эрл! Ты слышишь? Меня не проведешь!

В комнате Лауры-Мэй Эрл пытался одновременно сделать три дела. Во-первых, поцеловать женщину, с которой только что занимался любовью. Во-вторых, натянуть штаны, еще мокрые после дождя. И в-третьих — придумать благовидный предлог для объяснения своего пребывания здесь, если Гир ворвется в комнату.

Но справиться с тремя задачами ему не удалось. Его язык все еще касался нежного рта Лауры-Мэй, когда дверь распахнулась.

— Я нашел тебя!

Эрл прервал поцелуй и повернулся навстречу гневному голосу. Гир стоял в дверном проеме, его мокрые волосы облегли голову серой шапкой, лицо пылало яростью. Свет, который отбрасывал затянутый шелком абажур возле кровати, делал его фигуру массивной. В гла-

зах Джона пылал маниакальный огонь пророка. Эрл уже слышал от Вирджинии о вспышках его божественной ярости, о сломанной мебели и переломанных костях.

— Значит, твоей низости нет пределов? — грозно спросил проповедник.

Слова срывались с его узких губ с деланным спокойствием. Эрл натянул штаны и наклонился, чтобы застегнуть молнию.

— Это не ваше дело...— начал было он, но ярость Гира заморозила готовые сорваться с языка слова.

Запугать Лауру-Мэй было не так легко.

— Выметайтесь отсюда! — сказала она, натягивая простыню, чтобы прикрыть свои пышные груди.

Эрл оглянулся на нее, на гладкое плечо, что он недавно целовал. Он хотел вновь поцеловать ее, но человек в черном четыремя быстрыми шагами пересек комнату и схватил его за руку и за волосы. Это движение в загроможденной вещами комнате Лауры-Мэй произвело эффект землетрясения. Экспонаты драгоценной коллекции соскользнули с полок и гардероба, один предмет упал на другой, тот — на соседний, и все сборище банальностей оказалось на полу. Но Лаура-Мэй не обращала внимания на разрушения. Единственное, что сейчас для нее было важно, — это человек, который так сладко разделил с ней ложе. Она видела тревогу в глазах Эрла, когда проповедник напал на него, и разделила эту тревогу.

— Оставь его! — закричала она и, отбросив скромность, спрыгнула с постели. — Он не сделал ничего плохого!

Проповедник остановился, чтобы ответить, а Эрл безуспешно пытался освободиться.

— Понимаешь ли ты, что такое плохо, шлюха? — плюнул в нее Гир. — Ты погрязла в грехе. В своей наготе, в своей вонючей постели!

Если кровать и воняла, то лишь мылом и недавней любовью. Лауре-Мэй не за что извиняться, и она не позволит унылому лицемеру оскорблять себя.

— Я вызову полицию! — предупредила она. — Если ты не оставишь его в покое, я позову их.

Гир даже не потрудился ответить на ее угрозу. Он просто вытащил Эрла из комнаты в кухню. Лаура-Мэй кричала:

— Держись, Эрл! Я вызову помощь!

Ее любовник не отвечал. Он защищался от Гиры, с корнем вырывавшего его волосы.

Порой, в долгие одинокие дни, Лаура-Мэй воображала себе темного человека, похожего на этого проповедника. Она представляла себе, как он является вместе с торнадо, из облака пыли. Она воображала, как он уводил ее с собой — лишь отчасти против ее воли. Однако человек, что разделил с ней сегодня постель, ничем не походил на любовника ее мечты. Эрл был глуповатым и добрым. Если он умрет от рук человека вроде Гиры, чей образ она вызывала в тоскливом отчаянии, она никогда не простит себе этого.

Она услышала, как отец в дальней комнате спросил:

— Что происходит?

Что-то упало и разбилось, вероятно, тарелка из буфета или стакан, который он держал в руке. Лаура-Мэй молилась, чтобы папа не вмешался и не попробовал ударить проповедника. Если он это сделает, Гир развеет его по ветру.

Она вернулась к постели, чтобы отыскать свою одежду среди простыней, и раздражение ее усиливалось с каждой секундой бесплодных поисков. Она разбросала подушки. Одна подушка упала на крышку гардероба, и еще несколько драгоценных экспонатов слетело на пол. Когда она натягивала нижнее белье, в дверях появился отец. Его и без того красное от выпивки лицо стало пурпурным, когда он увидел раздетую дочь.

— Чем ты занималась, Лаура-Мэй?

— Не обращай внимания, па, нет времени объяснять.

— Но отсюда вышли люди...

— Я знаю. Я знаю. Я хочу, чтобы ты позвонил шерифу в Пэнхендл, понимаешь?

— Так что происходит?

— Не важно. Просто позвони Алвину. Побыстрее, или у нас на руках будет еще один труп.

Мысль об убийстве слегка оживила Милтона Кэйда. Он исчез, оставив дочь одеваться. Лаура-Мэй знала, что в такую ночь шериф Алвин Бейкер и его помощник вряд ли доберутся сюда быстро. Один бог знает, что этот бешеный священник успеет натворить.

Из дверного проема Сэди наблюдала, как женщина одевается. На критический взгляд Сэди, Лаура-Мэй была простовата, а бледная кожа делала ее почти бесплотной, невзирая на полную фигуру. Но вообще-то, подумала Сэди, не ей осуждать человека за недостаток материальности. На себя поглядела бы. И впервые за тридцать лет Сэди пожалела об отсутствии тела. Хотя бы потому, что без тела она не могла сыграть никакой роли в стремительно развивавшейся драме.

В кухне внезапно протрезвевший Милтон Кэйд названивал по телефону, пытаясь принудить к действиям людей из Пэнхендла, тогда как Лаура-Мэй уже закончила одеваться, открыла нижний ящик гардероба и кое-что извлекала оттуда. Сэди поглядела через плечо женщины, что там за трофей, и по ее телу пробежал холодок узнавания. Взгляд остановился на пистолете, что когда-то принадлежал ей самой. Значит, Лаура-Мэй и нашла пистолет — нелепая шестилетняя девчонка, которая тридцать лет назад все время попадалась под ноги в коридоре, играла сама с собой и распевала песни на жаре.

Сэди с удовольствием вновь разглядывала оружие убийства. Может быть, она все же оказалась способна повлиять на будущее? Может быть, от нее остался не только заголовок в старой бульварной газетенке и смут-

ная память в стареющих головах. Она по-новому, живым взглядом наблюдала, как Лаура-Мэй натянула туфли и вышла в гудящую на улице бурю.

Вирджиния бессильно прислонилась к стене номера семь и глядела на смутную фигуру, маячившую в дверном проеме. Она позволила галлюцинации вести себя самым неподобающим образом. Никогда за сорок с лишним лет она не слышала таких развратных уговоров. Призрак подступал к ней вновь и вновь, он прижимал свое холодное тело к ее телу, касался ледяными скользкими губами ее губ, но так и не смог закончить дело. Он трижды пытался взять ее, и трижды похотливые слова, что он шептал ей на ухо, не смогли воплотиться. Теперь он охранял двери, готовый, как она предполагала, предпринять новую попытку. Она видела его лицо достаточно ясно: там отражались стыд и растерянность. «Может быть,— думала Вирджиния,— он собирается убить меня?»

Снаружи она услышала крик мужа, перекрывающий громовые раскаты, и протестующий голос Эрла, также на повышенных тонах. Они ругались, это было очевидно. Вирджиния прислонилась к стене, пытаясь что-то сказать, а порождение ее бреда злоеуще наблюдало за ней.

— Ничего у тебя не получилось,— проговорила она. Привидение не ответило.

— Ты мне мерещишься, и у тебя ничего не получилось.

Призрак открыл рот и показал ей бледный язык. Она не понимала, почему он не исчезает, но, возможно, он будет таскаться за ней, пока не закончится действие пилуль. Не важно. Она выстояла перед худшим, что он мог сделать, и теперь он оставит ее в покое. Он не сумел взять ее силой, и это заставило Вирджинию почувствовать свою власть над ним.

Она подошла к двери без страха. Он встрепенулся.

— Куда это ты направилась? — спросил он.

— Наружу, — ответила она, — чтобы помочь Эрлу.

— О! — воскликнул он. — Мы еще не закончили.

— Ты — всего лишь фантом, — убежденно сказала она. — Ты не остановишь меня.

Он усмехнулся ей. Усмешка была на три четверти злобной и на четверть обаятельной.

— Ты не права, Вирджиния, — сказал Бак.

Больше не стоило морочить женщине голову, он устал от этой игры. Возможно, у него ничего и не получилось, поскольку она сдалась так легко, поверив в то, что он — безобидный ночной кошмар.

— Я не сон, женщина, — сказал он. — Я Бак Дарнинг.

Она поглядела на колеблющуюся фигуру и нахмурилась. Что это, какой-то новый фокус ее психики?

— Тридцать лет назад меня застрелили в этой комнате. Как раз там, где ты сейчас стоишь.

Вирджиния инстинктивно глянула под ноги на ковер, словно ожидала, что там еще остались пятна крови.

— Мы вернулись сегодня, Сэди и я, — продолжал призрак. — Остановка на одну ночь на «бойне любви». Так называли это место, ты знаешь? Люди приходили сюда, чтобы увидеть эту комнату. Просто поглядеть, где Сэди Дарнинг застрелила своего мужа Бака. Больные люди, как ты думаешь, Вирджиния? Они интересуются убийством, а не любовью. Я не такой... Я всегда любил любовь, знаешь ли. Это единственное, на что я годился.

— Ты лгал мне, — сказала она. — Ты использовал меня.

— Я еще не закончил, — заявил Бак. — На самом деле я только начал.

Он пошел к ней от двери, но на этот раз она подготовилась. Едва он дотронулся до нее и дымчатый контур вновь оделся плотью, как Вирджиния изо всех сил ударила его. Бак отодвинулся, чтобы избежать удара, и

она проскочила мимо него к двери. Распушенные волосы закрыли глаза, но она на ощупь пробиралась к свободе. Туманная рука схватила ее, но хватка была слишком слабой. Рука соскользнула.

— Я буду ждать,— крикнул вслед Бак, когда она бежала по коридору навстречу буре.— Ты слышишь, сука? Я буду ждать!

Он вовсе не страдал от своего провала. Женщина вернется, верно? А он, не видимый никем, кроме нее, сумеет добиться своего. Если она расскажет о призраке своим спутникам, те решат, будто она не в себе. Может быть, запрут ее, и он останется с ней один на один. Нет, он должен взять верх. Она вернется продрогшая, ее платье прилипнет к телу; возможно, она будет испугана, в слезах, слишком слаба, чтобы сопротивляться его попыткам. Тогда их ждет настоящее веселье. Да! Пока она сама не начнет умолять его остановиться.

Сэди вышла вслед за Лаурой-Мэй.

— Куда ты идешь? — спрашивал Милтон свою дочь. Она не ответила.

— Господи! — воскликнул он ей вслед. Это означало, что он заметил пистолет.— Где ты раздобыла пушку?

Дождь был чудовищным. Струи били по земле, по облетающей листве тополя, по крыше, по голове. Волосы Лауры-Мэй за секунду промокли, облепив ее лоб и шею.

— Эрл! — кричала она.— Где ты? Эрл!

Она бежала через стоянку, на бегу выкрикивая его имя. Дождь превратил пыль в густую грязь, которая хватала ее за пиколотки. Она добежала до второго здания. Несколько постояльцев, разбуженных воплями Гира, глядели на нее из окон. Некоторые двери были открыты; какой-то мужчина с банкой пива в руке стоял в дверном проеме и требовал, чтобы ему объяснили, что тут происходит.

— Люди носятся, как сумасшедшие,— говорил он.— Развопились тут! Мы сюда приехали, чтобы побыть в тишине.

Девушка лет на двадцать помладше выглянула из-за плеча любителя пива.

— У нее пистолет, Дуэйн,— заметила она.— Ты видишь?

— Куда они ушли? — спросила его Лаура-Мэй.

— Кто? — не понял Дуэйн.

— Те сумасшедшие! — проорала Лаура-Мэй, стараясь перекричать новый раскат грома.

— Они завернули за контору,— сказал Дуэйн, глядя на пистолет, а не на Лауру-Мэй.— Их здесь нет. Ей-богу нет.

Лаура-Мэй побежала обратно к конторе. Дождь и молнии слепили ее, и она с трудом удерживала равновесие в скользкой грязи.

— Эрл! — кричала она.— Ты здесь?

Сэди неотрывно следовала за ней. Лаура-Мэй Кэйд была отважной, сомнения нет, но в ее голосе звучала истерическая нотка, которая очень не понравилась Сэди. Это дело — убийство — требует хладнокровия. Нужно действовать небрежно, почти не думая, будто вы выключаете радио или прихлопываете комара. Паника станет помехой, страсть — тоже. Когда Сэди вынула «смит-и-вессон» и наставила его на Бака, в ней не было никакого гнева, который толкал бы под руку, мешая попасть в цель. Потому ее и отправили на электрический стул: не просто потому, что она сделала это, а потому, что она сделала это слишком хорошо.

Лаура-Мэй не была столь хладнокровна. Дыхание у нее прерывалось, она всхлипывала и звала Эрла. Сэди видела, что женщина близка к истерике. Лаура-Мэй завернула за угол конторы, где вывеска мотеля бросала холодный свет на пустырь за домом. Когда она в оче-

редной раз позвала Эрла, раздавался ответный крик. Она остановилась, вглядываясь в пелену дождя. Голос принадлежал Эрлу, как она и надеялась, но он не звал ее.

— Ублюдок! — кричал Эрл. — Ты выжил из ума. Отпусти меня!

Теперь она могла рассмотреть две фигуры невдалеке. Эрл, заляпанный грязью, стоял на коленях среди репейников и мусора. Гир возвышался над ним, держа руку у него на голове и пригибая Эрла к земле.

— Признайся в своем преступлении, грешник!

— Черт тебя дерит, нет!

— Ты появился здесь, чтобы расстроить мою поездку. Признайся! Признайся в этом!

— Иди к черту!

— Признайся в своей скверне, или я переломаю твои кости!

Эрл боролся, пытаясь освободиться от Гира, но поведенник явно был сильнее.

— Молись! — сказал он, опуская Эрла лицом в грязь. — Молись!

— Отсоси! — заорал Эрл в ответ.

Гир ухватил Эрла за волосы и поднял другую руку, чтобы нанести сокрушительный удар по запрокинутому лицу. Но прежде, чем он успел ударить, на сцене появилась Лаура-Мэй. Она сделала два или три шага по грязи по направлению к ним. В трясущейся руке она сжимала пистолет.

— Отойди от него, — потребовала она.

Сэди спокойно отметила, что женщина целится неправильно. Даже при ясной погоде она, вероятно, была бы паршивым стрелком, но сейчас, в таком состоянии и при такой буре, даже опытный снайпер мог промахнуться. Гир повернулся и поглядел на Лауру-Мэй. Он не выказал ни малейшего признака волнения. Он думает так же, поняла Сэди. Он чертовски хорошо знает, что волнение мешает убийце.

— Шлюха! — громко крикнул Гир, возводя взор к небу. — Господь, видишь ли ты ее? Видишь ее позор, ее блуд? Отметь ее! Она — одна из дочерей вавилонских!

Лаура-Мэй не совсем поняла подробности, но общее направление речи Гира вполне уяснила.

— Я не шлюха! — завопила она в ответ, и «смит-и-вессон» запрыгал в ее руке, готовый выстрелить. — Ты не смеешь называть меня шлюхой!

— Пожалуйста, Лаура-Мэй... — воскликнул Эрл, отталкивая Гира, чтобы поглядеть на женщину. — Уйди отсюда. Он не в себе.

Она не обратила внимания на его настойчивый тон.

— Если ты не отстанешь от него... — сказала она, указывая дулом пистолета на человека в черном.

— Да? — издевательски спросил Гир, — И что же ты сделаешь, шлюха?

— Я выстрелю! Ей-богу! Я выстрелю!

По другую сторону здания конторы Вирджиния набрела в грязи на пузырек с таблетками, выброшенный Гиром. Она наклонилась, чтобы поднять его, и тут ей пришла в голову идея получше. Ей больше не нужны пилюли, не так ли? Она говорила с мертвецом, и одно ее прикосновение воплотило Бака Дарнинга. Какие способности! Ее видения реальны, они всегда были такими. Они более правдивы, чем старые, изношенные откровения, полученные из вторых рук, которые штудировал ее достойный жалости муж. На что способны пилюли? Они лишь затуманят обретенный дар. Пусть себе лежат.

Множество постояльцев накинули куртки и вышли из номеров поглядеть, из-за чего поднялся шум.

— Что произошло? Несчастный случай? — окликнула Вирджинию какая-то женщина.

Едва эти слова слетели с губ, прозвучал выстрел.

— Джон, — сказала Вирджиния.

Прежде чем эхо от выстрела стихло, она пошла на звук. Вирджиния уже представила себе, что обнаружит там: своего мужа, неподвижно лежащего на земле, и торжествующего убийцу, что стоит над ним в грязи на коленях. Она ускорила шаг, припоминая молитвы. Она молилась не за то, чтобы воображаемый сценарий оказался ложным. Она просила Бога простить ее, поскольку хотела, чтобы все именно так и вышло.

Однако сцена, развернувшаяся по другую сторону здания, не оправдывала ее ожиданий. Проповедник был жив, цел и невредим, а рядом с ним, раскинувшись на грязной земле, лежал Эрл. Неподалеку стояла женщина, несколько часов назад приносившая к ним в номер воду со льдом. В руке она держала пистолет. Дуло еще дымилось. Как только Вирджиния посмотрела на Лауру-Мэй, из тьмы выступила фигура и выхватила оружие из руки женщины. Пистолет упал на землю. Вирджиния проследила за ним взглядом. Лаура-Мэй выглядела обескураженной — она не понимала, как умудрилась выронить оружие. Однако Вирджиния все поняла. Она видела просвечивающий призрак и угадала, кто это. Это Сэди Дарнинг — та, из-за кого этот мотель окрестили «бойней любви».

Глаза Лауры-Мэй нашли Эрла. Она издала вопль ужаса и кинулась к нему.

— Не умирай, Эрл! Умоляю тебя, не умирай!

Эрл поглядел на нее из грязевой ванны, куда его погрузили, и покачал головой.

— Ты промахнулась на целую милю, — сказал он.

Рядом Гир рухнул на колени: руки сжаты, лицо поднято к падающим струям дождя.

— Господи, благодарю Тебя за то, что Ты сохранил свое орудие, и в час нужды...

Вирджинии захотелось заткнуть этого идиота. Он убедил ее в том, что она не в себе, и Вирджиния чуть не отдалась Баку Дарнингу. С нее хватит. Она долго боя-

лась. Она видела, как Сэди влияла на реальный мир, как то же делал Бак. Теперь нужно, чтобы процесс пошел в обратном направлении. Она решительно приблизилась к пистолету и подняла его.

И тогда Вирджиния почувствовала совсем рядом присутствие Сэди Дарнинг. Голос такой тихий, что она едва его слышала, прошептал ей на ухо:

— Разве это мудро?

Вирджиния не знала ответа. И вообще, что есть мудрость? Разумеется, не застывшая риторика сухих поведеней. Возможно, мудры были Лаура-Мэй и Эрл: они сидели в грязи, не обращая внимания ни на молитвы и проклятия Гира, ни на взгляды постояльцев, сбежавшихся посмотреть, кого убивают. Или мудрость в том, чтобы отыскать червоточину в своей жизни и уничтожить ее раз и навсегда? С оружием в руке она вновь направилась в номер семь. Она чувствовала, что рядом шагает обеспокоенная Сэди Дарнинг.

— Не Бака?..— прошептала Сэди.— Нет, конечно.

— Он напал на меня,— сказала Вирджиния.

— Ах ты, бедная овечка.

— Я не овечка,— ответила Вирджиния.— Уже нет.

Сэди поняла, что женщина абсолютно владеет собой, и попятилась: она опасалась, что ее присутствие насторожит Бака. Она наблюдала, как Вирджиния пересекла парковочную площадку, прошла мимо тополя и шагнула в номер, где призрак собирался ее ждать. Огни все еще горели и после синего мрака снаружи казались очень яркими. Но Дарнинга не было видно. Комната номер восемь тоже была пуста. Потом раздался знакомый голос.

— Ты пришла,— сказал Бак.

Она резко обернулась, сжимая в руке пистолет, но пряча его от Бака. Он вышел из ванной и встал между ней и дверью.

— Я знал, что ты вернешься,— сказал он.— Все так делают.

— Я хочу, чтобы ты показал себя,— сказала Вирджиния.

— Я гол, как младенец,— сказал Бак.— Что мне еще сделать? Снять с себя кожу? Выйдет довольно забавно.

— Покажись Джону, моему мужу. Пусть он увидит, что ошибался.

— Ах, бедняга Джон. Не думаю, что он жаждет меня видеть, а?

— Он считает, что я не в себе.

— Сумасшествие иногда очень полезно,— заметил Бак.— Сэди чуть не стащила с электрического стула, настаивая на том, что она за себя не отвечала. Но Сэди слишком честная, чтобы выгадывать себе что-то. Она продолжала втолковывать им: «Я хотела, чтобы он умер. Поэтому я застрелила его». Она никогда не отличалась здравомыслием. Но ты... теперь, я полагаю, ты сама знаешь, что для тебя лучше.

Тень немного изменилась. Вирджиния не могла как следует различить, что делал Бак, но, несомненно, он творил что-то непристойное.

— Подойди и возьми его, Вирджиния,— сказал он.— Хватай.

Она вынула из-за спины «смит-и-вессон» и направила на него.

— Не сейчас,— сказала она.

— Ты не сможешь причинить мне вреда этой штукой,— ответил он.— Ведь я уже мертв, помнишь?

— Ты сделал мне больно. Почему я не могу тоже заставить тебя страдать?

Бак покачал своей эфирной головой и громко засмеялся. Пока он так развлекался, за окном, со стороны шоссе, раздался вой полицейских сирен.

— Ну, что ты придумала? — сказал Бак.— Суета и чепуха. Давай, детка, повеселимся немножко, пока нам не помешали.

— Предупреждаю тебя, это пистолет Сэди...

— Ты ничем не повредишь мне,— прошептал Бак.— Я знаю женщин. Говорят одно, а поступают наоборот.

Он засмеялся и шагнул к ней.

— Не надо,— предупредила она.

Он сделал еще один шаг, и она нажала на курок. В ту же секунду, когда она услышала звук выстрела и почувствовала, как пистолет дернулся у нее в руке, в дверном проеме появился Джон. Стоял он там все время или только что вернулся, окончив молитвы и желая поучить свою заблудшую жену, Вирджиния так никогда и не узнала. Пуля прошла сквозь Бака, расцепив его туманное тело, и с потрясающей точностью попала в проповедника, пробив ему горло. Кровь выплеснулась на рубашку. Фигура Бака растворилась, точно пылевое облако, и призрак исчез.

Джон Гир нахмурился и отшатнулся к дверному косяку в поисках опоры. Но удержаться не смог и упал на спину в дверной проем, точно опрокинутая статуя. Лицо его омывалось дождем. Кровь все лилась из пробитого горла. Она растекалась сверкающей лужей, когда Алвин Бейкер и его помощник появились на пороге с пистолетами наготове.

«Теперь муж никогда ничего не поймет»,— подумала Вирджиния. Вот жалость-то. Он никогда не поймет, до чего был глуп, и не увидит глубины своего неведения. Во всяком случае, по эту сторону могилы. Проклятье. Он сейчас в безопасности, а она осталась с дымящимся пистолетом в руке, и бог знает, какую цену ей придется заплатить за то, что она совершила.

— Положите пистолет и выходите.— Голос, доносившийся со стоянки, звучал жестко и бескомпромиссно.

Вирджиния не ответила.

— Вы слышите меня, там, внутри? Говорит шериф Бейкер. Это место окружено, так что выходите, иначе вы погибнете.

Вирджиния присела на кровать в раздумье. Они не покарают ее так, как покарали Сэди. Но придется долго сидеть в тюрьме, а она уже устала от ограничений. Если сейчас она не безумна, то длительное заключение легко перенесет ее через эту грань. Лучше закончить здесь, решила она. Она подняла теплый пистолет, поднесла его к подбородку и плотно прижала дуло, чтобы выстрел наверняка снес ей половину черепа.

— Разве это мудро? — спросила Сэди, когда палец Вирджинии напрягся на курке.

— Они запрут меня, — ответила она. — Я не вынесу.

— Верно, — сказала Сэди. — Они на какое-то время поместят тебя за решетку. Но ненадолго.

— Должно быть, ты шутишь. Я хладнокровно застрелила мужа.

— Ты же не хотела, — успокаивающе сказала Сэди. — Ты целилась в Бака.

— На самом деле? — засомневалась Вирджиния. — Не знаю.

— Ты можешь разыграть безумие — это то, что мне нужно было сделать. Просто выбери самую вероятную версию и настаивай на ней.

Вирджиния покачала головой. Она не слишком-то умела лгать.

— А когда ты освободишься, — продолжала Сэди, — ты будешь знаменитой. Ради такого стоит жить, верно?

Об этом Вирджиния не думала. На ее лице появился слабый призрачный улыбки. Снаружи шериф Бейкер повторял приказ — выбросить в дверь оружие и выйти с поднятыми руками.

— У вас есть десять секунд, леди! — заявил он. — Я сказал — десять.

— Я больше не смогу унижаться, — прошептала Вирджиния. — Не смогу.

Сэди пожала плечами.

— Жаль,— отозвалась она.— Дождь стихает. Там, в небе, луна.

— Луна? В самом деле?

Бейкер начал отсчет.

— Ты сама должна решить,— сказала Сэди.— При малейшей возможности они тебя пристрелят. И с радостью.

Бейкер досчитал до восьми. Вирджиния встала.

— Стойте! — крикнула она в дверь.

Бейкер прекратил считать. Вирджиния бросила пистолет в грязь.

— Хорошо,— сказала Сэди.— Я рада.

— Я не смогу одна,— ответила Вирджиния.

— В этом нет нужды.

На парковке собралась внушительная аудитория: разумеется, Эрл и Лаура-Мэй, Милтон Кэйд, Дуэйн со своей девушкой, шериф Бейкер и его помощник, кучка постояльцев мотеля. Они молчали и смотрели на Вирджинию Гир со смешанным выражением тревоги и благоговейного трепета на лицах.

— Подними руки вверх, чтобы я их видел! — крикнул Бейкер.

Вирджиния сделала, как он велел.

— Погляди туда.— Сэди указала в небо.

Луна поднималась в зенит, огромная, белая.

— Почему ты застрелила его? — спросила девушка Дуэйна.

— Дьявол велел мне это сделать,— ответила Вирджиния, глядя на луну и изображая на лице как можно более безумную улыбку.

Изыди, Сатана

Обстоятельства сложились так, что Грегориус стал владельцем неисчислимого состояния. Ему принадлежали корабли и дворцы, лошади, города. Его богатство казалось столь огромным, что тем, кто оценивал размеры его собственности — после того как события, о которых здесь говорится, подошли к чудовищному концу, — проще было перечислить, чего Грегориус не имел.

Он был очень богат, но далеко не счастлив. Он вырос католиком, и в молодости — до того, как ему улыбнулась удача, — в тяжелую минуту не раз искал утешения в вере. Но он пренебрегал религией, и в итоге, в возрасте пятидесяти пяти лет, когда весь мир лежал у его ног, проснулся однажды ночью и обнаружил, что Господь оставил его.

Это был тяжелый удар. Однако Грегориус тут же предпринял шаги с целью исправить дело. Он поехал в Рим; он говорил со святейшим Папой; он молился день и ночь; он основал духовные семинарии и лепрозории. Однако Бог не желал показать ему даже кончик ногтя. Господь покинул Грегориуса.

Близкий к отчаянию, он вбил себе в голову, что сможет вернуть милость Творца, если не пожалеет свою душу и подвергнет ее опасности. Эта идея была не совсем безумной. «Предположим, — думал он, — я органикую встречу с Сатаной, с нечистым. Неужели Господь,

видя меня на краю гибели, не будет просто обязан вмешаться и снова принять меня к себе?»

Замысел хорош, но как реализовать его? Дьявол не является по вызову даже к таким промышленным магнатам, как Грегориус. Изучение вопроса показало, что традиционные методы вызывания князя тьмы — надругательство над святынями, жертвоприношение младенцев — не более эффективны, чем благотворительность — для обретения благодати. Лишь после года напряженных изысканий Грегориус разработал свой грандиозный план. Он построит ад на земле, современное inferno — такое, что искушитель сам поддастся искушению и придет туда, как кукушка прилетает в чужое гнездо отложить яйцо.

Повсюду искал он достойного архитектора и наконец нашел: тот изнывал в сумасшедшем доме в окрестностях Флоренции. Его звали Леопардо, и его проекты дворцов Муссолини обладали безумным величием, как нельзя лучше соответствовавшим намерениям Грегориуса. Леопардо забрали из дома скорби — вонючего, несчастного старикашку — и вернули к прежним мечтам, ибо созидательный гений не покинул его.

Чтобы питать его вдохновение, собрали описания ада из всех величайших библиотек мира — и реалистические, и метафизические. В поисках запретных образов преисподней раскапывали запасники музеев. Перевернули каждый камень, под которым могло скрываться некое тайное знание.

В результате проект нес в себе что-то от де Сада и Данте, еще больше — от Фрейда и Крафт-Эббинга. Но более всего в нем содержалось такого, что до сих пор не вмещалось в границы человеческого разума; или, по крайней мере, такого, что никто не осмелился бы доверить бумаге.

Выбрали участок земли в Южной Африке, и началась работа по строительству нового ада Грегориуса. Проект побил все рекорды: финансирование было не-

измеримо больше, стены здания — мощнее, а линии — изысканнее, чем у любого сооружения в мире. Грегориус наблюдал за его медленным возведением с тем же энтузиазмом, какой испытывал в начале строительства своей экономической империи. Конечно же, многие решились, будто он потерял рассудок. Старые друзья отворачивались от него, и несколько его компаний разорились, когда вкладчики прослышали о безумии хозяина. Но это не волновало Грегориуса. Его план не может провалиться. Дьявол должен явиться — хотя бы из любопытства, чтобы поглядеть на левиафана, возведенного в его честь. А когда он придет, его встретит Грегориус.

На это дело он потратил четыре года жизни и большую часть состояния. Законченное здание размером с шесть кафедральных соборов содержало в себе все, чего только мог пожелать Люцифер. Над его стенами горели огни, а путь по длинным коридорам походил на агонию. В комнатах, куда вели эти коридоры, имелись все мыслимые орудия пыток — иглы, дыбы, тьма — способные вполне удовлетворить дьявольскую склонность к мучительству. Там были печи, достаточно большие, чтобы сжигать в них целые семьи, и колодцы, достаточно глубокие, чтобы топить поколения жертв. Новый ад был зверством, ожидающим свершения; праздником бесчеловечности, который начнется по первому же сигналу.

Наконец строители покинули здание и сделали это с облегчением. Ходили слухи, что Сатана давно наблюдает за возведением своего дворца удовольствий. Некоторые утверждали, будто видели его на самых глубоких подземных уровнях, где стоял такой холод, что в мочевом пузыре замерзала моча. Разные события свидетельствовали о сверхъестественном присутствии нечистого, в том числе — ужасная смерть Леопардо. Он либо выбросился сам, либо, как говорили, был выброшен из окна своего номера на шестом этаже гостиницы. Его похоронили с надлежащей экстравагантностью.

Теперь, оставшись один в аду, Грегориус ждал.

Ему не пришлось ждать долго. Он пробыл там день, не больше, когда с самого нижнего уровня донесся шум. Замирая от предвкушения, Грегориус отправился на поиски источника шума, но ничего не нашел — лишь булькали чаны с экскрементами и потрескивали печи. Он вернулся в свои апартаменты на девятом уровне и продолжал ждать. Шум послышался снова, он опять отправился на поиски и опять вернулся ни с чем.

Однако шум не прекратился. В последующие дни десяти минут не проходило без того, чтобы Грегориус не слышал его. Князь тьмы был здесь, без сомнений, но он оставался в тени. Грегориус приготовился к продолжению. В конце концов, это место принадлежит дьяволу, и Сатана волен выбирать игру по вкусу.

Но шли долгие одинокие месяцы, и Грегориус устал от этих прятков. Он стал требовать, чтобы Сатана явился ему. Голос его звенел в пустынных коридорах, пока не заболело горло, но ответа не было. Тогда он начал проводить поиски скрытно, надеясь застать своего мучителя врасплох. Однако падший ангел всегда ускользал прежде, чем попадался на глаза Грегориусу.

Так они играли в эту бесплодную игру, он и дьявол — по пятам друг за другом сквозь лед, огонь и снова лед. Грегориус призывал себя терпеть. Ведь дьявол уже пришел сюда, верно? Рано или поздно он откроет свое лицо и Грегориус плюнет в него.

Жизнь во внешнем мире шла своим чередом. Грегориуса уже причислили к тем, кого свело с ума богатство. Однако «дурдом», как называли его безумное строение, не остался без гостей. Нашлось несколько человек — одни слишком любили его, чтобы покинуть, а другие благодаря ему процветали и надеялись извлечь дальнейшую прибыль из распахнутых врат ада. Они при-

езжали сюда тайно, поскольку боялись осуждения друзей и знакомых. Те, кто потом расследовал их внезапное исчезновение, добрались не дальше Северной Африки.

И вновь в своем безумном дворце Грегориус выслеживал змея. Тот по-прежнему ускользал, оставляя все более ужасающие знаки своего присутствия. Так проходил месяц за месяцем.

В конце концов жена одного из гостей Грегориуса обнаружила правду и подняла на ноги власти. Дворец привлек внимание официальных лиц, и на его пороге — примерно через три года после завершения строительства — появились четверо полицейских.

Дворец, лишенный постоянного присмотра, уже приходил в упадок. Огни на многих уровнях погасли, стены коридоров остыли, ямы зловонной грязи засохли. Но когда полицейские рыскали в мрачных сумерках в поисках Грегориуса, они набрали на явные доказательства того, что новый ад действовал по-прежнему. Они находили в печах трупы с пустыми и черными лицами; они видели растерзанные пытками человеческие останки.

Кошмар сгустился с каждой новой открытой дверью, с каждым чудовищным свидетельством, представшим перед их лихорадочными взорами.

Двое из четверых, что вошли сюда, так и не добрались до комнаты в центре здания. Ужас овладел ими, и они пустились бежать, чтобы в итоге затеряться в одном из многочисленных тупиков и присоединиться к сотням замученных здесь с тех пор, как Сатана принял свою резиденцию.

Из тех двоих, что в конце концов изгнали отсюда врага, лишь один нашел мужество рассказать о том, что видел в сердце ада. Эти сцены человеческая душа едва могла вынести.

Разумеется, там не обнаружилось никаких признаков присутствия дьявола — только Грегориус. Обнаружив, что никто не хочет обитать в аду, в строительство которого он вложил столько сил, Грегориус сам занял его. За прошедшие годы он нашел и нанял несколько помощников. Как и хозяин, они казались ничем не примечательными созданиями. Однако во всем безумном дворце не осталось ни одного орудия пытки, не использованного ими — усердно и безжалостно.

Грегориус не сопротивлялся при аресте. Он, казалось, был доволен тем, что у его чудовищных зверств появились зрители. Как и позднее, на суде, он откровенно говорил о своих амбициях и аппетитах; о том, сколько еще крови он пролил бы, если бы ему не помешали. Ее бы хватило, чтобы утопить все верования и заблуждения, клялся он. Но Грегориус не был удовлетворен. Ведь Бог укрепился на небесах, а Сатана — в бездне, и некому остановить его.

Он наслушался проклятий и во время суда, и позже, в сумасшедшем доме, где умер два месяца спустя при подозрительных обстоятельствах. Ватикан вычеркнул из своих списков все упоминания его имени, а семинарии, что он основал, были расформированы.

Но кое-кто — даже среди кардиналов — не мог выкинуть из головы его нераскаянные злодеяния. Наедине с собой эти люди гадали, преуспел ли он в своей стратегии? Отринув надежды на ангелов — падших или иных, — не стал ли он сам одним из них?

Или же той их частью, какую могла вынести земля?

Вен Желания

Горящий человек скатился по ступеням лаборатории Хьюма, когда полицейский автомобиль (его вызвал, наверное, кто-то наверху — Уэллес или Данс) ворвался в ворота и промчался по подъездной дороге. Как только человек выскочил из дверей, автомобиль затормозил у лестницы и выпустил свой живой груз. Беглец ждал в тени, парализованный ужасом; он не мог выйти — его непременно заметят. Но полицейские пронеслись сквозь вращающуюся дверь, даже не взглянув на его мучения.

«Горю я или нет?» — подивился он.

Не был ли этот ужасающий спектакль — крещение огнем, который жег, но не сжигал, — галлюцинацией, предназначенной для него одного? Если так, то и все страдания в лаборатории, возможно, тоже являются порождением безумия. Может быть, он и не совершил преступлений, вынудивших его бежать, а просто жар плоти родил экзотические видения?

Он оглядел себя. На коже еще горели очаги пламени; они гасли один за другим.

Он подумал: «Я выскочил оттуда, как костер, небрежно залитый водой».

Пережитые ощущения — слишком сильные и властные, в равной степени напоминавшие наслаждение и боль, — окончательно разрушили чувствительность его нервных окончаний. Он ничего не воспринимал, за что

был безумно благодарен. Его тело, сбросившее огненный покров, пребывало в жалком состоянии. Царапины сделали кожу похожей на путаную географическую карту, одежда превратилась в лохмотья, руки покрылись засохшей коркой крови — и эта была не его кровь. Нет, не избежать горькой правды. Он совершил это в действительности, а не в воображении. Полицейские наверху сейчас ошеломленно взирают на чудовищные зверства — дело его рук.

Еле передвигая ноги, он вышел из укрытия за дверью и спустился по наклонному пандусу, поминутно оглядываясь в ожидании возвращения полицейских. Никто не появился. Улица за воротами была пустыня. Он бросился бежать и пробежал несколько метров, когда вой сирены в здании за спиной резко смолк. Еще несколько секунд гудело в ушах, словно из солидарности к умолкнувшему звуку. Потом, постепенно, он начал различать звуки пламени, тихие шорохи углей. Достаточно далеко, чтобы не паниковать, и все же близко, как биение собственного сердца.

Он продолжал бежать, пытаясь максимально увеличить расстояние между собой и своими злодеяниями, пока они не раскрыты. Но как бы быстро он ни бежал, пламя мчалось рядом с ним, а жар, затаившийся внутри, угрожал разгореться снова.

Дули несколько секунд пытался определить, что за беспорядочный шум несется с верхнего этажа теперь, когда Макбрайд вырубил сигнал тревоги. Он понял: это возбужденные крики обезьян в одной из многочисленных комнат, выходящих в коридор справа от него.

— Вирджил,— крикнул он в пролет,— поднимись сюда!

Не дожидаясь, пока напарник присоединится к нему, Дули поспешил в сторону этих криков. На полпути, еще не дойдя до комнаты, он почувствовал, что к запаху

пластика и нового коврового покрытия примешивается сложная ароматическая гамма дезинфекции, мочи и гниющих фруктов. Дули замедлил ход: ему не нравился запах, а также истерические нотки, отчетливо слышные в визге обезьян. Но Макбрайд медлил, и после недолгого колебания любопытство Дули взяло верх. Положив руку на дубинку, он приблизился к незапертой двери и зашел внутрь. Его появление вызвало новую волну возбужденного цибета у обезьян — примерно дюжины макак-резус. Они бросались на решетки, кувыркались, пронзительно кричали и трясли проволочную сетку. Их возбуждение было заразительно, и Дули почувствовал, как его прошиб пот.

— Тут есть кто-нибудь? — позвал он.

Единственным ответом были вопли пленников — еще более истеричные — и звон сотрясаемых решеток. Он смотрел на животных через всю комнату. Они устались на него, оскалив зубы то ли в приветствии, то ли от страха — Дули не знал, да и знать не хотел. Стараясь держаться подальше от скамьи, на которой стояли клетки, он начал методично изучать лабораторию.

— Черт возьми, откуда такая вонь? — Макбрайд появился в дверях.

— Всего лишь звери, — ответил Дули.

— Они что, никогда не моются? Вот грязнули.

— Есть что внизу?

— Да нет, — ответил Макбрайд, подходя к клеткам. Обезьяны приветствовали его появление еще более громким визгом. — Просто сигнал тревоги.

— Наверху тоже ничего, — ответил Дули.

Он собирался сказать: «Не делай этого», — чтобы помешать напарнику просунуть палец сквозь решетку, но прежде, чем он успел произнести слово, одно из животных радостно воспользовалось возможностью и укусило палец.

Макбрайд отдернул руку и в отместку ударил по решетке. Обитатель клетки отскочил с гневным воплем,

выплесывая безумное фанданго, и так раскачал клетку, что она едва не свалилась на пол.

— Нужно сделать прививку от столбняка, — отметил Дули.

— Вот дерьмо! — воскликнул Макбрайд. — Да что случилось с этими маленькими ублюдками?

— Может, они не любят незнакомых?

— Они рехнулись. — Макбрайд целеустремленно пососал палец, потом сплюнул. — Ну ты только погляди на них.

Дули не ответил.

— Я сказал, погляди! — повторил Макбрайд.

Дули очень спокойно сказал:

— Иди сюда.

— Что стряслось?

— Просто подойди сюда.

Макбрайд перевел взгляд с рядов клеток на лабораторные столы, а потом на Дули, чье лицо внезапно изменилось. Макбрайд оставил в покое свой многострадальный палец и прошел туда, где стоял его напарник.

— На полу, — прошептал Дули.

На истертом полу у ног Дули лежала бежевая женская туфля. Сама владелица туфли распростерлась под скамьей. Судя по ее скрюченной позе, женщину затащил туда убийца или же она залезла сама, пытаясь спрятаться, и умерла в укрытии.

— Она мертва? — спросил Макбрайд.

— Да погляди же на нее, ради Христа! — ответил Дули. — Ее полностью вспороли.

— Мы все равно должны проверить, есть ли признаки жизни, — напомнил Макбрайд.

Дули не двинулся, чтобы исполнить эту формальность, и Макбрайд сам склонился над жертвой, пытаясь нащупать пульс на изуродованной шее. Пульса не было. Кожа убитой оставалась теплой под его пальцами. Струйка слюны, стекавшая по щеке, еще не засохла.

Дули оглядел погибшую. Худшая из ран в верхней части туловища была плохо видна, поскольку сидящий на корточках Макбрайд заслонял обзор. Все, что он мог видеть, — это копна каштановых волос и торчащие из-под скамьи ноги, одна босая. Красивые ноги, подумал Дули; он бы засвистел при виде таких.

— Она доктор или лаборант, — сказал Макбрайд. — На ней лабораторный халат.

Вернее, это был лабораторный халат, потому что теперь его разодрали на клочки, так же как одежду под халатом и, для полноты картины, кожу и мышечные ткани. Макбрайд поглядел на грудную клетку женщины: грудина разворочена, а сердце сорвано с места, словно убийца хотел забрать его в качестве сувенира, но что-то помешало ему. Он смотрел на это, не испытывая дурноты, поскольку всегда гордился своим крепким желудком.

— Ты доволен? Она действительно мертва? — спросил Дули.

— Мертвее не бывает.

— Сюда спускается Карнеги.

Дули подошел к одной из раковин. Не думая об отпечатках пальцев, он отвернул кран и плеснул себе в лицо пригоршню воды. Потом он поглядел на Макбрайда — тот прервал свой тет-а-тет с трупом, пересек лабораторию и подошел к уставленным приборами столам.

— Да что они тут делали? Боже милостивый! — воскликнул он. — Ты видишь эти штуки?

— Какой-то исследовательский факультет, — сказал Дули.

— И что же они исследовали?

— Я-то откуда знаю? — фыркнул Дули. Бесконечные вопли обезьянок и близость мертвой женщины побуждали его поскорее покинуть это место. — Не трогай ничего, а?

Макбрайд не обратил внимания на просьбу Дули. Оборудование зачаровало его. Он увлеченно разглядывал энцефалограф и электрокардиограф, самописцы, откуда выползали рулоны пустой бумаги, мониторы видеокамер, укрепленные на консолях. На ум ему пришло описание «Марии Селесты». Этот опустевший корабль науки, все еще держащийся на плаву под неразборчивое пение механизмов, остался без капитана и команды.

За стеной оборудования было окно шириной не более метра. Сначала Макбрайд решил, что оно выходит наружу, но потом пригляделся и понял: там какое-то экспериментальное помещение вроде бокса.

— Дули?.. — позвал он, обернувшись.

Однако тот исчез; вероятно, пошел встречать Карнеги. Довольный, что никто не помешает его изысканиям, Макбрайд вновь обратился к окну. Свет внутри бокса не горел. Заинтересовавшись, Макбрайд обошел стену, занятую полками с оборудованием, в поисках входной двери в бокс. Она оказалась распахнута. Без колебаний он вошел внутрь.

Приборы, нагроможденные по ту сторону окна, почти не пропускали света, и в помещении было темно. Однако через несколько секунд глаза Макбрайда привыкли к темноте, и он увидел, что в комнате царит хаос. Стол перевернут, кресло разнесено в щепки, кабели спутаны, оборудование уничтожено. Камеры, мониторы которых, вероятно, выведены в соседнюю комнату, осветительные приборы — все разбито. Это был полный разгром, им мог бы гордиться любой вандал.

В воздухе стоял знакомый запах, но происхождение его Макбрайд сразу определить не мог. Он какое-то время стоял неподвижно, принохиваясь, пока не услышал звук сирен в наружном коридоре. Значит, Карнеги вот-вот будет здесь. Внезапно он понял, где раньше слышал этот запах. Тот же самый дух ударял ему в ноздри, когда после занятий любовью с Джессикой он, как все-

гда, шел в душ, а потом возвращался в спальню. Это запах секса. Макбрайд улыбнулся.

На лице его еще отражалось удовольствие, когда тяжелый предмет рассек воздух и ударил Макбрайда в нос. Он почувствовал, как хрустнул хрящ и хлынули потоки крови. Он сделал два или три неуверенных шага назад, чтобы избежать нового удара, но запнулся о наваленный на пол хлам. Он упал на битое стекло и поглядел вверх. Убийца надвигался на него, заноса металлическую балку. Лицо человека напомнило Макбрайду морды обезьян в клетках: те же оскаленные желтоватые зубы, те же глаза, горящие безумной яростью.

— Нет! — прокричал человек, опуская импровизированную дубинку.

Макбрайд кое-как ухитрился заслониться от удара рукой, одновременно доставая оружие. Атака была неожиданной, но теперь разmozженный нос прибавлял ему ярости и он готов был дать нападавшему достойный отпор. Макбрайд легко выдернул у агрессора дубинку и, постанывая, поднялся на ноги. Все правила, касающиеся процедуры ареста, вылетели у него из головы. Он обрушил град ударов на голову и плечи мужчины, заставив его пятиться через всю комнату. Мужчина заслонялся руками, уклонялся и, наконец, ударился о противоположную стену. Только теперь, когда противник почти потерял сознание, ярость Макбрайда поутихла. Он стоял посредине комнаты, тяжело дыша, и наблюдал за избитым человеком, сползавшим на пол по стене. Он сделал серьезную ошибку. Теперь он увидел, что нападавший одет в белый лабораторный халат. Следовательно, как напыщенно выражался Дули, тот был на стороне ангелов.

— Ах, черт побери! — сказал Макбрайд. — Вот дерьмо-то.

Веки мужчины затрепетали, и он поднял глаза на Макбрайда. Очевидно, он с трудом понимал суть про-

исходящего. Наконец на его угрюмом лице с густыми бровями появилось осмысленное выражение. Он явно осознал, кто такой Макбрайд; вернее, кем он не является.

— Вы не он,— прошептал он.

— Кто «он»? — спросил Макбрайд. Он понял, что может спасти свою репутацию, если вытянет у свидетеля важные показания.— Кто, вы думали, я такой?

Мужчина открыл рот, но ничего не сказал. Макбрайд наклонился над ним и выпытывал:

— На кого, по-вашему, вы напали?

Рот снова приоткрылся, и опять не донеслось ни звука. Макбрайд настаивал.

— Это очень важно,— говорил он.— Просто скажите мне, кто он был?

Мужчина что-то прошептал. Макбрайд прижал ухо к его дрожащим губам.

— Легаш вонючий,— сказал мужчина и вырубился.

Макбрайду оставалось только проклинать его. Потеря контроля над собой вполне может принести такие неприятности, что их хватит на всю жизнь. Но что теперь можно делать?

Инспектор Карнеги привык к рутине. За исключением редких моментов профессиональных озарений, его работа состояла из долгих часов ожидания. Он ждал, пока тела сфотографируют и осмотрят эксперты, пока законники придут к соглашению, пока будут собраны свидетельские показания. Он давным-давно оставил попытки бороться с этой скукой и научился искусству покорно плыть по течению. Следствие нельзя торопить; опытный и мудрый человек, он позволял медэкспертам и юристам делать их нудные дела. В конце концов придет время и появится перст указующий, и преступник содрогнется.

Лабораторные часы на стенке показывали двенадцать пятьдесят три ночи, и даже обезьяны затихли в

своих клетках. Карнеги сидел на одной из скамеек и ждал, когда Хендрикс закончит обследование тела. Хирург ознакомился с показаниями термометра, потом стянул перчатки, облежавшие его руки, точно вторая кожа, и отбросил их на простыню, где лежала покойница.

— Это всегда сложно,— сказал врач,— определить время смерти. Она остыла по меньшей мере на три градуса. Я бы сказал, что она мертва около двух часов.

— Полиция прибыла сюда без четверти двенадцать,— сказал Карнеги.— Значит, она умерла примерно за полчаса до этого?

— Примерно так.

— Ее туда затащили? — спросил инспектор, указывая на скамью.

— О, разумеется! Сама она не могла туда спрятаться с такими ранами. Они весьма необычные, как потвоему?

Карнеги уставился на Хендрикса. Полицейский хирург, вероятно, видел сотни трупов в любом мыслимом состоянии, но сейчас на его заостренном лице явно читался интерес. Карнеги подумал, что эта тайна не менее увлекательна, чем тайна мертвой женщины и ее убийцы: как может человек наслаждаться определением ректальной температуры трупа? Карнеги удивлялся. В глазах хирурга явственно светилось удовольствие.

— А мотив? — спросил инспектор.

— Совершенно ясен. Изнасилование. Множество следов нападения, обширные повреждения влагалища, остатки спермы. Тут есть с чем работать.

— А раны на туловище?

— Рваные. На разрезы не похоже.

— Оружие?

— Не знаю.— Хендрикс опустил уголки губ книзу.— Я хочу сказать, ее ткани совершенно *истерзаны*. Если бы не было столь очевидных свидетельств изнасилования, я бы сказал, что это сделало животное.

— Ты хочешь сказать, собака?

— Ну, больше похоже на тигра,— ответил Хендрикс. Карнеги нахмурился.

— Тигр?

— Шутка,— ответил Хендрикс.— Я пошутил, Карнеги. Господи, у тебя есть чувство юмора?

— Не смешно,— произнес Карнеги.

— Да я и не смеялся,— сказал Хендрикс с мрачным видом.

— Тот человек, которого Макбрайд нашел в боксе...

— А что насчет него?

— Он подозреваемый?

— Да ни в коем случае. Мы ищем маньяка, Карнеги. Большого и сильного. Дикого.

— А когда ее ранили? До или после?

Хендрикс нахмурился.

— Не знаю. После вскрытия станет известно больше. Но я бы сказал, что наш парень был в исступлении. Скорее всего, эти раны нанесены одновременно с изнасилованием.

Обычно флегматичные черты лица Карнеги исказились от удивления.

— Одновременно?

Хендрикс пожал плечами.

— Похоть — забавная штука,— заметил он.

— Чудовищно забавная,— потрясенный, ответил Карнеги.

Карнеги велел водителю высадить его за полмили от дома, чтобы немного пройтись пешком и поразмыслить перед возвращением туда, где его ждут горячий шоколад и дремота. Этот ритуал соблюдался с почти религиозным рвением, даже когда инспектор уставал как собака. Он привык выбрасывать из головы все служебные заботы до того, как переступит порог собственного жилища. Давний опыт показал: если и дома думать о

расследовании, это не поможет ни работе, ни семейной жизни. Он понял это слишком поздно, чтобы помешать жене уйти, а детям — отдалиться. Тем не менее своего принципа он придерживался твердо.

Сегодня инспектор шел медленно, чтобы развеялось тяжелое ощущение от этого вечера. Путь лежал мимо маленького кинотеатра; в местной газете написали, что он скоро будет снесен. Карнеги не удивился. Кино явно деградировало с каждым годом. Репертуар на неделю подтверждал это: сплошные фильмы ужасов. Зловещие и примитивные, если судить по рекламным плакатам, с безудержной гиперболизацией и утрированной жестокостью.

«Ты никогда не уснешь!» — гласило одно из названий, а под ним картинка: женщина, вполне бодрствующая, пятилась от надвигающейся на нее тени двухголового мужчины. Этими банальными образами деятели массовой культуры до сих пор пугали бесхитростных зрителей. Блуждающие мертвецы; буйство природы, мстящей цивилизованному миру; вампиры, знамения, пожары, чудовищные бури. Чужь, всегда привлекавшая публику, нелепые страшилки. Ничто из набора опереточных ужасов не могло сравниться с обыденными человеческими преступлениями, с кошмарами (или их последствиями), которые Карнеги видел на работе почти ежедневно. Перед его мысленным взором проплывали картины: мертвецы под вспышками полицейских фотографов, лежащие вниз лицом, точно ненужный хлам; и живые, глядящие на него голодными глазами, где пылает жажда секса, наркотиков, чужой боли. Почему бы киношникам не нарисовать их на своих афишах?

Когда он добрался до дома, в тени за гаражом закричал ребенок. Карнеги вздрогнул и остановился. Крик повторился, и Карнеги понял, что там такое. Не ребенок, нет; это кошка или кошки обменивались любовными

призывами в темноте. Он направился туда, чтобы разогнать их. Весь переулочек провонял острым животным запахом. Ему не пришлось кричать — шаги распугали животных. Кошки прыснули во все стороны, и не парочка, а полдюжины. Карнеги прервал настоящую оргию. Однако он все равно опоздал — запах вожделения уже пропитал все вокруг.

Инспектор недоуменно разглядывал нагромождение видеомagneтофонов и мониторов в своем офисе.

— Господи помилуй, что это такое? — произнес он.

— Видеозаписи, — ответил Бойл, его помощник. — Из лаборатории. Я думаю, вам нужно посмотреть их, сэр.

Хоть они и работали вместе уже семь месяцев, но Карнеги не слишком жаловал Бойла. Под лощеной оболочкой помощника таилось бешеное честолюбие. Будь Бойл вполонину моложе, это казалось бы естественным, но ему давно перевалило за тридцать, а амбиции его оставались маниакальными. Гора оборудования в офисе весьма соответствовала стилю Бойла — показательно сверх меры.

— Для чего столько экранов? — кисло спросил Карнеги. — Мне нужен стереосеанс?

— У них было три камеры, которые снимали одновременно, сэр. Фиксировали эксперимент с нескольких точек.

— Какой эксперимент?

Бойл жестом пригласил начальника сесть. Подобострастен до предела, подумал Карнеги, но как мало от этого толку.

— Все в порядке, — сказал Бойл лаборанту у видеоустройства. — Начинайте.

Карнеги потягивал горячий шоколад, принесенный с собой. Этот напиток был одной из немногих его слабостей. Если машинка, что его готовит, сломается, он

станет несчастным человеком. Он поглядел на три экрана. Неожиданно на них появились титры.

«Проект “Слепой мальчик”, — гласила надпись. — Секретно».

— Слепой мальчик? — спросил Карнеги. — Что это? Вернее, кто?

— Очевидно, какое-то кодовое слово, — ответил Бойл.

— Слепой мальчик, слепой мальчик, — повторял Карнеги, словно вбивал эти слова в подсознание.

Но прежде, чем он что-то понял, все три экрана начали показывать разное. Точнее, на них появился один и тот же объект — сидящий в кресле мужчина лет под тридцать, в очках с двойными линзами; но мониторы отображали его под разными углами. Один из них представлял объект в полный рост и профиль, другой — в три четверти и под углом сверху, третий — спереди: лишь голова и плечи, отснятые через стекло бокса. Все три изображения черно-белые, ни одно не отцентрировано и не сфокусировано. Объект о чем-то доброжелательно болтал с женщиной (в ней с первого взгляда можно было узнать погибшую), которая прилаживала ему на лоб электроды. О чем они говорили, уловить было трудно — сама камера создавала акустические помехи и они плохо действовали на аппаратуру и на слушателей.

— Эта женщина — доктор Данс, — услужливо подсказал Бойл. — Жертва.

— Да, — сказал Карнеги, внимательно глядя на экраны. — И долго ли идут все эти приготовления?

— Довольно долго. Большая часть разговоров не содержит никакой информации.

— Ну так давайте поглядим на то, что содержит информацию.

— Прокручивайте быстрее, — сказал Бойл.

Лаборант подчинился, и фигуры на трех экранах задергались и завизжали, как комедианты.

— Погодите,— велел Бойл.— Верните немного назад!

Лаборант сделал так, как он велел.

— Вот! — сказал Бойл.— Остановитесь тут! А теперь включите нормальную скорость.— Действие возобновилось в обычном темпе.— Вот где все начинается, сэр.

Карнеги уже прикончил шоколад и опустил палец в густую массу на дне чашки, чтобы сбросить на язык последние капли. На экране доктор Данс со шприцем приближалась к парню, потом оттянула кожу у его локтя и ввела что-то. Не в первый раз после визита в лабораторию Хьюма Карнеги пытался угадать, чем там на самом деле занимались. Фармакологическое исследование? Но чрезвычайная секретность эксперимента, проходящего поздней ночью в опустевшем здании, заставляла предположить, что это нечто иное. На экране тоже написано: «Секретно!» То, что они сейчас наблюдали, явно не предназначено для посторонних глаз.

— Вам удобно? — спросил какой-то мужчина вне поля зрения камер.

Человек в кресле кивнул. Очки с него сняли, и без них он выглядел слегка растерянным. Ничем не примечательное лицо, подумал Карнеги. Этот тип, чье имя до сих пор неизвестно, не походил ни на Адониса, ни на Квазимодо. Парень слегка откинулся в кресле, и его жидкие бесцветные волосы коснулись плеч.

— Я в порядке, доктор Уэллес,— ответил он тому, кто спрашивал.

— Вам не жарко? Вы не потеете?

— Вообще-то нет,— извиняющимся тоном ответил подопытный кролик.— Я чувствую себя нормально, как обычно.

Похоже на то, подумал Карнеги и обратился к Бойлу:

— Вы просмотрели пленки до конца?

— Нет, сэр,— ответил Бойл.— Я подумал, вы захотите увидеть их первым. Я дошел только до инъекции.

— Что-нибудь удалось узнать от доктора Уэллеса?

— Когда я в последний раз звонил в больницу, он оставался в коматозном состоянии.

Карнеги хмыкнул и перенес внимание на экраны. После оживления во время инъекции действие на экранах вновь замерло. Камеры продолжали фиксировать близорукую субъекта. Иногда ступор прерывался вопросами доктора Уэллеса об ощущениях испытуемого. Тот чувствовал себя все так же. После трех или четырех минут подобного затишья даже случайное моргание испытуемого воспринималось почти драматически.

— По-моему, сценарий скучноват,— заметил лаборант.

Карнеги рассмеялся. Бойл выглядел смущенным. Еще две или три минуты не принесли изменений.

— Не слишком обнадеживает,— сказал Карнеги.— Прокрутим побыстрее, а?

Лаборант собирался подчиниться, когда Бойл сказал:

— Подождите!

Карнеги глянул на помощника, раздраженный вмешательством, а потом — опять на экраны. Там действительно что-то происходило: невыразительные черты испытуемого едва заметно изменились. Он улыбался сам себе и утонул в кресле, словно погрузил тело в теплую ванну. Его глаза, до сего момента выражавшие вежливое безразличие, стали медленно закрываться, а потом внезапно открылись. В них появилось новое выражение: голод. Он изливался с экрана прямо в кабинета инспектора.

Карнеги отставил свою чашку и подошел ближе к экранам. Когда он сделал это, испытуемый тоже встал и приблизился к стеклу бокса, оставив двум камерам пустое кресло. Однако третья по-прежнему снимала его лицо, прижатое к оконному стеклу, и какой-то миг два человека смотрели друг на друга через преграду стекла и времени. Как будто взгляды их встретились.

Теперь выражение лица подопытного стало раздраженным, а голод, казалось, вышел из-под контроля рассудка. Глаза человека загорелись, он приблизил губы к окну и поцеловал его, языком коснувшись стекла.

— Что там происходит, во имя господи? — спросил Карнеги.

Раздались голоса — доктор Уэллес тише просил подопытного описать, что он чувствует, а Данс громко считывала показания приборов. Трудно было понять, что там творится, поскольку неразбериха усилилась внезапным взрывом обезьяньего писка и щебета. Ход процессов в теле подопытного явно ускорился. Лицо его покраснело, на коже выступил пот. Он напоминал мученика на костре, когда под ним запалили хворост: обезумевший от смертельной муки. Он прекратил лизать оконное стекло, сорвал электроды с висков и датчики с груди и запястий. Данс тревожным голосом уговаривала его прекратить. Затем она пересекла помещение и вышла из поля зрения камер. Как полагал Карнеги, направилась к двери бокса.

— Лучше не надо, — сказал он, словно драма разыгрывалась по его повелению и могла остановиться по приказу.

Но женщина не послушалась. Минуту спустя она появилась на дальних планах — она вошла в комнату. Мужчина двинулся ей навстречу, расшвыривая по пути оборудование. Она окликнула его — возможно, по имени. Но даже если так, имя нельзя было разобрать сквозь крики обезьян.

— Вот дерьмо, — сказал Карнеги, когда рука испытуемого с размаху ударила сначала по той камере, что стояла сбоку, потом — по той, что снимала со среднего расстояния.

Два монитора сразу ослепли. Лишь третья камера, установленная с той стороны бокса на уровне головы подопытного, в безопасности, продолжала фиксировать

события. Но из-за слишком близкого расстояния не удавалось разглядеть почти ничего — лишь случайные очертания движущихся тел. Вместо действия камера почти насмешливо зафиксировала, как по стеклу обзорного окошка бокса потекла слюна, скрыв убийство, происходившее в недостижимой близости.

— Что же такое они ему дали, господи боже! — воскликнул Карнеги, когда где-то за кадром пронзительные женские крики перекрыли визг обезьянок.

Джером проснулся рано утром, чувствуя себя голодным и усталым. Он отбросил простыню и с изумлением уставился на себя: все тело покрыто царапинами, а пах — ярко-красного цвета. Постанывая, он перекатился к краю кровати и какое-то время сидел там, пытаясь восстановить события вчерашнего вечера. Он помнил, как входил в лабораторию, но потом — почти ничего. Несколько месяцев он прослужил подопытным кроликом, принося в жертву свою кровь, комфорт и терпение, чтобы добавить немного денег к более чем скромному жалованью переводчика. Приработок ему устроил друг, который сам занимался подобной работой. Однако сам Фигли принимал участие в основной исследовательской программе, а Джером через неделю после зачисления поступил в распоряжение докторов Уэллеса и Данс. После серии психологических тестов они пригласили его работать исключительно с ними. По некоторым признакам он понял (хотя специально об этом не говорили), что проект был секретным и требовал от участника абсолютной преданности и сохранения тайны. Джером нуждался в деньгах, а тут предложили гораздо больше, чем в основной программе лаборатории. Он согласился, хотя время проведения экспериментов было неудобным: на протяжении нескольких недель Джером приходил на исследовательский факультет поздним вечером и часто работал до утра. Он отвечал на подробные расспросы Уэллеса по поводу своей интимной жизни.

ни и ощущал на себе внимательный взгляд Данс сквозь стеклянную перегородку.

Он вспомнил ее холодный взор и почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Оттого ли, что он обманывал себя — ему казалось, будто она смотрит на него более нежно, чем положено врачу? Подобное самовнушение, утоваривал он себя, выглядит жалко. Он не пользовался успехом у женщин и каждый день убеждался в этом, проходя по людным улицам. В его взрослой жизни не было ни единого случая, когда бы женщина посмотрела на него с интересом и не отвела глаз, когда она ответила на его восхищенный взгляд. Почему это беспокоит его, Джером не знал. Насколько ему известно, люди сплошь и рядом спокойно жили без любви. И природа добра к нему: не подарив привлекательности, она свела к минимуму его половое влечение. Случалось, он неделями не вспоминал о своем вынужденном целомудрии.

Порой, слушая гудение труб, Джером представлял себе, как его квартирная хозяйка миссис Моррисси принимает ванну, пытался вообразить ее крепкие груди в мыльной пене и темную линию, разделяющую ягодицы, когда женщина наклоняется и пересыпает тальком пальцы ног. Но такие попытки, к счастью, случались нечасто. Когда он подкопит денег, он купит на часок женщину по имени Анжела (он так и не узнал ее фамилии) с Греческой улицы.

Но теперь придется ждать несколько недель, прежде чем он найдет силы действовать снова. Что бы он ни сделал прошлой ночью — вернее, что бы с ним ни сделали — он едва мог двигаться из-за жутких синяков. Единственное приемлемое объяснение (хоть он ничего не помнил): его избили по пути из лаборатории либо он зашел в бар и с кем-нибудь подрался. Это и раньше случалось. Его лицо было из тех, что вызывают у пьяниц агрессию.

Он поднялся и побрел в маленькую ванную, примыкавшую к комнате. Он не нашел очков на обычном ме-

сте, рядом с зеркальцем для бритья. Отражение в зеркале было странно размытым, но Джером разглядел, что лицо его так же покрыто царапинами, как и остальные части тела. Более того — над левым ухом вырван клочок волос, и на шее засохла кровь. Морщась от боли, он занялся своими ранами: промыл их вонючим антисептическим раствором. Потом вернулся в спальню, временно служившую гостиной, и пустился на поиски очков. Джером обыскал все, но так и не обнаружил их. Проклиная собственную глупость, он принялся искать среди вещей старую пару очков. Наконец Джером откопал их. Линзы уже не подходили ему, зрение значительно ухудшилось с тех пор, как он их носил; однако Джером начал различать окружающий мир, хотя и довольно смутно.

На него нахлынула жуткая тоска, усиленная болью от ссадин и мыслями о миссис Моррисси. Чтобы отвлечься, он включил радио. Сладкий голос предлагал слушателям надоевшую музыкальную дрянь. Джером презирал популярную музыку и ее поклонников, но теперь, когда он бродил по своей маленькой комнате и не решался натянуть одежду на исцарапанное тело, эти песенки вызвали у него нечто иное, нежели обычное презрение. Словно он впервые различил слова и музыку, словно всю жизнь он оставался глухим к вызываемым ими чувствам. Увлечшись, он забыл о боли и стал слушать. В песнях рассказывалась одна и та же бесконечная и захватывающая история любви — потерянной, обретенной, а потом снова потерянной уже навеки. Радиоволны заполнились метафорами, по большей части банальными, но от этого не менее трогательными. Там говорилось о рае, о горящих сердцах; о птицах, колоколах, путешествиях, закатах; о страсти, похожей на безумие, на полет, на драгоценное сокровище. Песни не успокоили слушателя своими нехитрыми чувствами — напротив, они пробудили и зажгли его. Невзирая на про-

стые мелодии и банальный ритм, они открыли перед Джеромом целый мир, охваченный желанием. Он задрожал. Зрение из-за непривычных очков стало подводить его: казалось, что на коже сверкают огненные вспышки, а с кончиков пальцев сыплются искры.

Он пристально посмотрел на свои руки, но иллюзия лишь усилилась. Он видел яркие полосы, подобные ручьям огня, что поднимались вверх по венам и умножались, пока он их разглядывал. Странно, но он не чувствовал беспокойства. Этот ветвистый огонь отражал ту страсть, о которой рассказывали песни: любовь, говорили они, носится в воздухе, скрывается за каждым углом и ожидает, чтобы ее нашли. Он вновь подумал о вдове Моррисе, что жила в квартире под ним. Наверное, в ожидании своего героя она занимается делами и вздыхает, как и сам Джером. Чем больше он о ней думал, тем сильнее разгоралось его пламя. Она не откажет, убеждали его песни. Или же он должен настаивать, пока (в чем тоже убеждали песни) она не уступит. Как только он подумал об этом, огонь вдруг охватил его полностью. Он засмеялся, оставил за спиной поющее радио и спустился вниз.

Лучшая часть утра ушла на то, чтобы ознакомиться со списком подопытных добровольцев, работавших в лаборатории. Карнеги чувствовал, что сотрудники говорили о темах исследований с большой неохотой, несмотря на ужасные события в лаборатории. Однако после полудня они снабдили инспектора списком добровольцев — пятьдесят четыре имени и адреса. Ни один из перечисленных людей, как убедилась полиция, не подходил под описание участника эксперимента Уэллеса. Доктор Уэллес, как ему объяснили, мог использовать средства лаборатории для работы над неким частным проектом. Это не поощрялось, но Уэллес и доктор Данс были старшими научными сотрудниками и сами рас-

поряжались временем и оборудованием. Скорей всего, тот, кого искал инспектор, не занесен в регистрационные списки лаборатории. Однако Карнеги не сдался. Он велел размножить фотографии, сделанные по видеозаписи, и раздать их — вместе со списком имен и адресов — полицейским. Теперь требовалось поработать ногами и проявить изрядную долю терпения.

Лео Бойл пробежал пальцем по списку добровольцев, который ему только что вручили.

— Еще четырнадцать, — сказал он.

Его водитель хмыкнул, и Бойл взглянул на него.

— Вы ведь были напарником Макбрайда, верно? — спросил он.

— Верно, — ответил Дули. — Его отстранили.

— Почему?

Дули нахмурился.

— Видажилу всегда не доставало хороших манер. Никак не мог освоить процедуру ареста.

Он резко остановил машину.

— Это здесь? — спросил Бойл.

— Вы же сказали: номер восемьдесят. Это и есть восемьдесят. Вон там, на двери. Восемь. Ноль.

— Сам вижу.

Бойл вылез из машины и пошел по дорожке. Судя по звонкам на двери, в доме было несколько квартир. Он нажал на звонок рядом с табличкой «Дж. Тредголд» — фамилия из списка — и стал ждать. Из пяти адресов, где они уже побывали, в двух случаях полицейским никто не открыл. В остальных трех случаях добровольцы ничем не напоминали преступника. Бойл несколько секунд постоял на ступеньках, затем вновь нажал на кнопку звонка. На этот раз он звонил настойчивее.

— Никого нет, — отозвался Дули с крыльца.

— Похоже на то.

Как только он это произнес, Бойл заметил, что в прихожей мелькнула фигура. Ее очертания были размыты, поскольку просвечивали сквозь матовое стекло входной двери.

— Погоди минутку,— сказал он.

— Что там?

— В доме кто-то есть, и он не отвечает.

Бойл вновь надавил на кнопку первого звонка, потом на остальные. Дули приблизился к двери, отмахиваясь от надоедливой осы.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я видел там кого-то.

— Нажмите на другие кнопки,— предложил Дули.

— Уже нажал. Там кто-то есть, и он не хочет подходить к двери.— Бойл постучал по стеклу.— Откройте! — крикнул он.— Полиция!

Разумно, подумал Дули, хотя почему не воспользоваться громкоговорителем? Дверь, как и ожидалось, не отворилась, и Бойл повернулся к Дули.

— Там есть боковая калитка?

— Да, сэр.

— Тогда беги туда, да побыстрее, пока он не смылся.

— Может, нужно связаться...

— Давай! А я останусь тут. Если сможешь попасть через заднюю дверь внутрь, пройди сюда и открой мне.

Дули ушел, и Бойл остался у передней двери один. Он еще раз позвонил, а потом, поднеся ладони козырьком ко лбу, приблизил лицо к стеклу. В прихожей не наблюдалось никаких признаков движения. Может быть, птишка уже улетела? Он вновь спустился с крыльца на дорожку и стал разглядывать окна, равнодушно взиравшие на него. Судя по времени, Дули уже пора было появиться, но он не вернулся назад и не вышел на крыльцо. Бойл больше не мог оставаться на месте, боясь упустить подозреваемого. Интуиция ему подскажет отправиться к задней двери дома.

Боковую калитку Дули оставил открытой. Бойл прошел в нее, заглянул в окно и увидел пустую гостиную. Убедившись, что там никого нет, он поспешил к распахнутой задней двери. Однако Дули нигде не было видно. Бойл спрятал в карман список с фотографиями и шагнул внутрь. Он боялся окликнуть Дули, чтобы не спугнуть преступника, но тишина выводила его из себя. Осторожно, как кошка, он рыскал по квартире, но комнаты были пусты. Около двери в прихожую, где он видел мелькнувшую тень, Бойл остановился. Куда исчез Дули? Точно растворился в воздухе.

Затем из-за двери раздался стон.

— Дули? — осторожно спросил Бойл.

Опять стон. Он шагнул в прихожую. Туда выходили еще три закрытые двери — вероятно, они вели в другие квартиры или в холл. На плетеной циновке у порога лежала полицейская дубинка Дули, словно владелец обронил ее в спешке. Бойл с трудом преодолел страх и двинулся дальше. Стон раздался снова, на этот раз ближе. Бойл огляделся и увидел, что Дули, почти потерявший сознание, лежит на ступенях лестницы, что вела на второй этаж. С него пытались сорвать одежду, обнажив нижнюю часть дряблого тела.

— Что тут происходит, Дули? — спросил Бойл, подходя к лестнице.

Полицейский услышал голос и попытался отодвинуться. Его затуманенные глаза в ужасе открылись.

— Все в порядке, — заверил Бойл. — Это я.

Бойл слишком поздно сообразил, что взгляд полицейского устремлен вовсе не на него, а за его плечо. И когда Бойл наклонился к Дули, кто-то прыгнул на него. Пошатнувшись и сыпая проклятиями, он не удержался на ногах и упал. Пока он поворачивался на полу, противник ухватил Бойла за пиджак и за волосы и рывком поднял на ноги. Бойл сразу узнал уставившееся на него безумное лицо — залысины, слабый рот, *голод* в глазах — но увидел и нечто новое. Во-первых, мужчина оказался

голым, точно младенец, хотя и не по-детски одаренным природой. Во-вторых, он был лихорадочно возбужден. Воспаленный пах и сильная эрекция говорили сами за себя, а руки, срывающие с Бойла одежду, ясно свидетельствовали о намерениях преступника.

— Дули! — завопил Бойл, когда его швырнули на пол прихожей.— Бога ради! Дули!

Он замолчал, когда насильник ударил его о стену и тут же оказался у Бойла за спиной, прижав его лицо к обоям. Переплетения птиц и цветов замелькали в глазах полицейского. В отчаянии он пытался отбиваться, но страсть придавала мужчине силу безумца. Удерживая полицейского за голову одной рукой, он содрал с Бойла штаны и нижнее белье, обнажив ягодичы.

— О боже...— бормотал Бойл, уткнувшись лицом в оборванный клочок обоев.— Господи, помогите же мне кто-нибудь...

Но молитвы принесли не больше пользы, чем попытка сопротивляться. Его распыли у стенки, точно бабочку, пригвожденную булавками к дереву. Он закрыл глаза, по щекам его бежали слезы бессильного гнева. Насильник отпустил голову Бойла и изо всех сил налег на его ягодичы. Бойл старался не кричать. Он испытывал боль, но стыд был неизмеримо сильнее. Может быть, хорошо, что Дули потерял сознание и Бойл подвергся унижению без свидетелей.

— Прекрати,— прошептал он, уткнувшись в стенку.

Он обращался не к мужчине, а к своему телу, побуждая его не искать удовольствия в этом насилии. Но нервные окончания отреагировали по-своему, точно заразились лихорадкой. Невзирая на боль, какая-то постыдная часть тела Бойла разделяла наслаждение насильника.

На лестнице Дули пытался подняться на ноги. Его поясница была слабовата после автомобильной катастрофы в прошлое Рождество; позвоночник сдал, как только безумец швырнул его на ступеньки. Теперь каждое дви-

жение отзывалось острой болью. Согнувшись, Дули добрался до основания лестницы и с интересом смотрел на происходящее в прихожей. Неужели это Бойл? Такой важный, такой высокомерный — а его отделяют, как уличного мальчишку, зарабатывающего на дозу? Это зрелище на несколько секунд полностью поглотило Дули. Потом он опустил вниз глаза и увидел лежавшую на коврике дубинку. Он старался двигаться осторожно, но безумец был слишком увлечен совокуплением, чтобы обращать внимание на что-нибудь еще.

Джером слушал, как колотилось сердце Бойла: громко, все громче и громче с каждым проникающим в Бойла толчком. Джером хотел заполучить это сердце, его жар, его жизнь. Он схватил Бойла за грудь и принялся терзать плоть.

— Отдай мне сердце,— сказал он.

Это походило на строчку из песни. Бойл закричал, уткнувшись в стенку, когда насильник вгрызся ему в грудь. Он вспомнил фотографию женщины в лаборатории; открытая рана на ее теле явственно предстала перед мысленным взором полицейского. Маньяк собирается совершить то же самое зверство. «Отдай мне свое сердце». Страх на грани рассудка придал Бойлу сил, и он снова начал бороться, вывертываясь и отбиваясь. Он впился в волосы противника и выдрал клок, но никак не мог сбить его с ритма. В отчаянии Бойл попытался запустить руку между ног ублюдка и прищемить его. Тем временем на насильника напал Дули. Он обрушил на голову мужчины град ударов дубинки. Это дало Бойлу некоторую свободу. Он прижался к стенке, а мужчина, чья рука была скользкой от крови, ослабил хватку. Бойл вновь дернулся, и на этот раз ему удалось полностью освободиться. Раны его кровоточили, но были не опасны. Бойл обернулся и увидел, как Дули гонится за насильником, лупя его дубинкой по голове, обросшей

грязными светлыми волосами. Тот не слишком оборонялся — его горящие глаза (до сего момента Бойл не принимал всерьез эту метафору) по-прежнему следили за объектом страсти.

— Убей его! — сказал Бойл тихо, когда мужчина ухмыльнулся под градом ударов. — Переломай ему кости.

Даже если бы у прихрамывающего Дули хватило духу исполнить приказание, возможности сделать это он все равно не имел. Его прервал голос из коридора. Из квартиры, через которую прошел Бойл, появилась женщина. Судя по ее виду, она тоже подверглась нападению, но появление Дули помешало насильнику причинить ей серьезный вред.

— Арестуйте его, — сказала она, указывая на усмевающегося мужчину. — Он пытался меня изнасиловать.

Дули приблизился, намереваясь схватить безумца, но у того были другие планы. Мужчина уперся ладонью в лицо Дули и толкнул его к входной двери. Плетеный коврик под ногами полицейского сдвинулся, и Дули чуть не упал. Когда ему удалось восстановить равновесие, Джером был уже далеко. Бойл сделал слабую попытку остановить его, но ему мешали спущенные штаны. Вскоре Джером уже поднимался по лестнице.

— Вызови помощь! — приказал Бойл. — И побыстрее.

Дули кивнул и открыл переднюю дверь.

— Наверху есть выход? — спросил Бойл у миссис Моррис.

Та покачала головой.

— Ну тогда мы загнали ублюдка в ловушку, — сказал он. — Давай, Дули!

Дули захромал по дорожке.

— А вы, — сказал Бойл женщине, — прихватите что-нибудь, что можно использовать как оружие. Что-нибудь потяжелее.

Женщина кивнула и вернулась к себе, оставив Бойла возле открытой двери. Мягкий ветерок высушил пот на его лице. В машине около дома Дули вызывал подкрепление.

Слишком быстро, подумал Бойл. Сейчас сюда придут полицейские, насильника поймают и повезут давать показания. А когда преступник окажется в тюрьме, Бойл потеряет возможность взять реванш. Закон нетороплив, и жертва может лишь наблюдать за процессом. Если он, Бойл, хочет сохранить остатки мужского достоинства, надо спешить. Если же он промедлит и застрянет тут, внизу, пока его ягодицы горят огнем, он никогда не избавится от этого ужаса: ведь его собственное тело предало его. Он должен действовать сейчас. Он сойдет усмешку с этой омерзительной хари раз и навсегда, или омерзение к самому себе будет сопровождать его всю жизнь.

Выбора у него не осталось. Без промедления он поднялся и пошел вверх по лестнице. Дойдя до промежуточной площадки, он сообразил, что не взял с собой оружия. Однако если он вернется, то упустит момент. Он приготовился умереть, если надо, и продолжил путь.

Наверху была открыта лишь одна дверь, и оттуда доносились звуки радио. Внизу раздавался голос Дули — тот сообщал, что вызвал подкрепление. Не обращая на него внимания, Бойл шагнул в квартиру.

Там никого не обнаружилось. Бойл быстро обыскал кухню, крохотную ванную и жилую комнату — пусто. Он вернулся в ванную; окошко там было распахнуто, и Бойл высунулся в него. Отсюда легко соскочить в траву, где виднелся отпечаток человеческого тела. Насильник выпрыгнул. И исчез.

Бойл проклял свою медлительность и в отчаянии свесил голову. По внутренней поверхности бедра побежала теплая струйка. Радио в комнате распевало песни о любви.

Теперь Джером ничего не забыл — ни встречу с миссис Моррисси, прерванную Дули, ни эпизод с Бойлом. Все это питало огонь, пылавший внутри. В его свете Джером ясно отдавал себе отчет в совершенных преступлениях. С чудовищной ясностью он помнил лабораторию, инъекцию, обезьян, кровь. Он представлял себе собственные действия, однако они не пробуждали никакого чувства вины. Все моральные последствия, все угрызения совести сгорели в огне, что с новым пылом лизал его плоть.

Он укрылся в тихом тупике и привел себя в порядок. Сбегая из квартиры, он наспех подобрал одежду — по крайней мере так он не привлечет к себе внимания. Пока он застегивал пуговицы, тело его протестовало против этой оболочки, а он пытался совладать с бурей, бушевавшей в голове. Однако пламя не утихало. Каждая его жилка, казалось, трепетала и откликалась на призыв жизни. Деревья вдоль дороги, стена за спиной, даже выщербленные камни под босыми ногами — все возбуждало его и воспламенялось само. Джером улыбнулся разгорающемуся пожару, и охваченный огнем мир ответил на его улыбку.

Возбужденный сверх меры, он обернулся к стене, к которой до этого прислонился. Солнце светило прямо на нее, камень нагрелся, а от кирпичей шел одуряющий аромат. Он целовал их грязные поверхности, руки его ласкали каждую трещину и выбоину. Бормоча нежную чушь, он расстегнул молнию, нашел удобную выемку и заполнил ее собой. В мозгу его пробегали живые картинки: сплетенные члены, мужчины и женщины в неразделимом единстве. Даже облака над головой пылали, и дыхание прерывалось. Но экстаз... Экстаз будет длиться вечно.

Неожиданно болезненный спазм охватил его позвоночник — от коры головного мозга до мошонки и вновь вверх. Джером скорчился в конвульсиях. Руки его со-

рвались с каменной кладки, и он кончил в воздух, падая на землю. Несколько секунд он лежал, согнувшись, а эхо первоначальной судороги металось взад и вперед по его спине, постепенно стихая. Он ощущал вкус крови — должно быть, прокусил губу или язык. Над его головой кружили птицы, лениво паря в теплом воздухе. Он смотрел, как угасает облачный огонь.

Он поднялся на ноги и поглядел вниз, увидел брызги спермы на асфальте. На какую-то минуту он вновь вообразил себе чудесное действо: союз его семени с выщербленным камнем. Что за дети явились бы миру, если бы он мог по-настоящему спариваться с камнем или с деревом? Он пошел бы на муки, если бы такие чудеса были возможны. Но камень остался равнодушен к оплодотворению. Видение, как и огонь, пылающий у Джерома над головой, угасло и потеряло свое величие.

Он спрятал кровоточащий член и опять прислонился к стенке, вновь проигрывая в голове недавние события. Что-то очень важное изменилось в нем, он знал. Им овладело безумие (и, вероятно, овладеет еще не раз), равного которому он не испытывал никогда в жизни. Что бы они ни впрыснули ему в лаборатории, это снадобье не выводилось естественным путем, нет! Джером по-прежнему ощущал в себе жар, и сейчас это чувство усилилось.

Теперь он жил совершенно иной жизнью. Эта мысль напугала и возбудила его. Однако в его возбужденном мозгу не возникло догадки о том, что новая необыкновенная жизнь может привести его и к необычной смерти.

Карнеги постоянно дергало начальство, требуя результатов расследования. В свою очередь, он устроил взбучку своим подчиненным. Таков порядок вещей: самые сильные насакивают на подчиненного, а он отыгрывается на тех, кто стоит еще ниже на служебной лест-

нице. Карнеги иногда гадал, на ком срываает злость самый мелкий служащий — наверное, на собственной собаке.

— Преступник на свободе, господа, хотя его фотография напечатана во всех утренних газетах. Наши оперативные действия оказались, мягко говоря, несостоятельны. Разумеется, мы поймаем его, но давайте сделаем это до того, как случится новое убийство.

Зазвонил телефон. Миган, заменявший Бойла, поднял трубку, а Карнеги продолжал внушать полицейским:

— Я хочу, чтобы мы взяли его за двадцать четыре часа. Именно такой у нас срок. Двадцать четыре часа.

Миган прервал его:

— Сэр. Это Йоханссон. Он говорит, у него есть для вас кое-что, и очень срочно.

— Хорошо.— Инспектор взял трубку.— Карнеги слушает.

Голос на другом конце провода был тихим, почти неслышимым.

— Карнеги,— сказал Йоханссон.— Мы тут копались в лаборатории в поисках информации по работе Данс и Уэллеса... Мы проанализировали остатки того вещества, что они вводили подозреваемому. Кажется, мы нашли «мальчика», Карнеги.

— Какого мальчика? — спросил Карнеги. Его раздражало, что Йоханссон ходит вокруг да около.

— «Слепого мальчика», Карнеги.

— И?

Карнеги почему-то был уверен, что Йоханссон улыбнулся в трубку, прежде чем ответить.

— Думаю, тебе лучше приехать и поглядеть самому. Около полудня — пойдет?

Йоханссон мог бы стать одним из величайших отравителей в истории человечества. Он имел все, что необходимо для этого занятия: практичный ум (отравители, исходя из опыта Карнеги, были идеальны в быту),

терпение (яд требует времени) и, что самое важное, энциклопедические знания в области токсикологии. Карнеги уже дважды работал с ним, и вид болезненного человека, возящегося со своим хрупким оборудованием, вызывал у Карнеги невольный озноб.

Йоханссон устроился наверху в лаборатории, где убили доктора Данс. Как он объяснил Карнеги, здесь имелось оборудование, какого нигде больше не раздобыть. Под его началом работали два ассистента, и тот хаос, который застала здесь полиция, его властью превратился в образцовый порядок. Только обезьяны не изменились — добиться от них дисциплины не удалось даже Йоханссону.

— Выяснить, что за препарат они использовали на нашем подопечном, труда не составило, — сказал Йоханссон. — Мы попросту исследовали его остатки в найденном в помещении шприце. Вообще-то, видимо, они уже какое-то время производили это вещество или его разновидности. Люди, работающие здесь, уверяют, будто ни о чем подобном понятия не имели. Я склонен им верить. Что бы Уэллес и Данс тут ни делали, это был их личный эксперимент.

— Какой эксперимент?

Йоханссон снял очки и протер их уголком своего красного галстука.

— Сначала мы думали, что они разработали новый галлюциноген, — сказал он. — В некотором отношении их препарат напоминал наркотик. Но на самом деле они, похоже, сделали настоящее открытие. Их разработки ведут в совершенно новую область.

— Значит, это не наркотик?

— Конечно, наркотик, — сказал Йоханссон, вновь надевая очки. — Но созданный с одной весьма специфической целью. Погляди сам.

Йоханссон пошел впереди, показывая дорогу, мимо рядов обезьяньих клеток. До этого животные сидели

по отдельности, но токсиколог убрал промежуточные перегородки между клетками, чтобы животные могли собираться вместе. Результат был очевиден — непрерывная череда половых актов. Почему, думал Карнеги, обезьяны вечно оскорбляют чувства людей? То же самое происходило, когда он брал своих маленьких детей в зоопарк. После посещения обезьянника один щекотливый вопрос следовал за другим, так что он предпочел больше не ходить туда. Слишком утомительно подыскивать вразумительные ответы.

— Им что, больше делать нечего? — спросил он Йоханссона.

Он глядел на трех обезьян: звери сплелись так плотно, что не удавалось определить, какой обезьяне какая часть тела принадлежит.

— Поверь мне,— усмехнулся Йоханссон,— это еще ерунда. С тех пор как мы ввели им немного препарата, они устраивали представления и почище. После инъекции они пренебрегают всеми обычными ритуалами поведения, не реагируют на сигналы угрозы, на приветствия. Они больше не интересуются едой и не спят. Они стали сексуальными маньяками. Все прочие стимулы забыты. Если препарат не выйдет из их организмов естественным путем, они дотрахаются до смерти.

Карнеги поглядел на остальные клетки: в каждой разыгрывались те же порнографические сцены. Групповые изнасилования, гомосексуальные контакты, торопливая и экстатическая мастурбация.

— Неудивительно, что эти ученые засекретили свой проект,— продолжал Йоханссон.— Открытие принесло бы им целое состояние. Это афродизиак, любовное снадобье. Очень эффективное.

— Афродизиак?

— По большей части известные афродизиаки бесполезны. Рог носорога, живые устрицы в сливочном соусе, амулеты — они призваны вызывать соответствующие ассоциации.

Карнеги вспомнил голод в глазах Джерома. Тот же самый голод эхом подхватили обезьяны. Голод и отчаяние, которое голод приносит с собой.

— И притирания тоже бесполезны. *Cantharis vesicatoria*...

— Это еще что?

— Еще она известна как «шпанская мушка». Это мазь, приготовленная из определенного жучка. И вновь никакого эффекта. В лучшем случае, безвредно. Но это...— Он потряс колбой с бесцветной жидкостью.— Это чертовски близко к гениальности.

— По мне, они не выглядят слишком счастливо.

— О, оно пока грубо работает,— сказал Йоханссон.— Я думаю, исследователей подвела алчность, и они приступили к опытам на живых организмах года на два раньше, чем следовало. Вещество почти смертельно, в этом сомнения нет. Но если бы они потратили больше времени, оно могло бы стать эффективным. Видишь ли, они обошли проблемы физиологии. Препарат действует непосредственно на сексуальное воображение, на либидо. А если пробудить мозг, тело само следует за ним — вот в чем хитрость.

Решетка одной из клеток затряслась, и это отвлекло внимание Карнеги от бледного и невыразительного лица Йоханссона. Одна из самок, явно не удовлетворенная вниманием нескольких самцов, распростерлась по наружной решетке. Ее крохотные пальчики тянулись к Карнеги, а ягодицы продолжали подвергаться обработке.

— «Слепой мальчик»? — спросил Карнеги.— Это Джером?

— Это Купидон,— произнес Йоханссон.— Предмет любви мы зрим не взглядом, но душой... Крылатый бог любви — и тот слепой. Это из «Сна в летнюю ночь».

— Шекспира я знаю неважно,— ответил Карнеги. Он вновь уставился на самку.— А Джером?

— Ему ввели препарат. Внушительную дозу.
— Так он теперь вроде этих мартышек!
— Поскольку его интеллектуальный потенциал все-таки выше, препарат может не до такой степени *расковывать* его. Но уж если на то пошло, секс превращает в мартышек и лучших из нас, а? — При этом замечании Йоханссон позволил себе слегка улыбнуться. — И так называемые «высшие соображения» отходят на второй план. На короткое время секс делает из нас одержимых. Мы совершаем или по крайней мере думаем, что можем совершить то, что, на взгляд постороннего наблюдателя, выглядит довольно странно.

— В изнасиловании нет ничего экстраординарного, — отозвался Карнеги, пытаясь прервать эту песню.

Но его собеседника нелегко было сбить с толку.

— Секс без границ, без компромиссов, без чувства вины, — говорил он. — Представь себе. Мечта Казановы.

В мире уже прошло столько эпох: век Просвещения, век Реформации, век Разума. Теперь, наконец, наступил век Желания. А потом — конец эпохам и, возможно, всему остальному. Зажжены огни, каких еще не знал простодушный мир. Чудовищные огни — без конца, без предела; эти огни сольются и в последний раз яростным светом озарят мир.

Так думал Уэллес, лежа на больничной койке. Он пришел в сознание несколько часов назад, но решил не показывать этого. Когда в палату заходила сиделка, он закрывал глаза и замедлял ритм дыхания. Он знал, что долго дурачить медиков ему не удастся, но пока нужно обдумать, что делать дальше. Первым его побуждением было вернуться в лабораторию — там остались бу маги, которые нужно уничтожить, и пленки, которые необходимо стереть. Тогда он будет уверен, что все детали проекта «Слепой мальчик» существуют лишь в его памяти. Так он сохранит полный контроль над работой и никто не сможет отобрать ее.

Уэллес никогда не интересовался тем, как извлечь из своего открытия побольше выгоды, хотя был отлично осведомлен, какие золотые горы сулил новый афродизиак. Его не интересовало материальное благополучие. Первоначальной мотивацией разработки препарата — они набрали на него совершенно случайно, исследуя вещества, призванные помочь лечению шизофрении, — было чистое научное любопытство. Но после месяцев тайной работы все изменилось. Он начал думать, что способен подарить миру вечное блаженство. Он не отдаст никому эту священную роль.

Так он думал, лежа на больничной койке и выбирая момент, чтобы ускользнуть.

Джером шел по улице и везде видел подтверждения мыслей Уэллеса — признаки наступления новой эпохи, века Желания. На досках объявлений, на афишах кинотеатров, в витринах магазинов, на экранах телевизоров — везде, где тело служило объектом рекламы или купли-продажи. А там, где творения рук человеческих, созданные из камня или металла, не нуждались в посредничестве человеческой плоти, они перенимали ее качества. Автомобили, пронесшие мимо него, обладали всеми атрибутами жизни: их гладкие женственные контуры сияли, их нутро призывно распахивалось; здания вызывали целый поток сексуальных ассоциаций — затененные проходы, площадки с пенящимися фонтанчиками воды. Он ощущал, как его тело отзывалось на каждый новый вид, открывающийся с улиц и площадей.

Эти картины питали огонь внутри его тела, и он с трудом удерживался от того, чтобы присматриваться к каждому встречному. Некоторые чувствовали жар и издали обходили его. Собаки тоже ощущали огонь желания и следовали за Джеромом, возбужденные его возбуждением. Мухи эскадронами кружили вокруг его

головы. Но остатки здравого смысла помогали сохранять контроль. Джером знал: если он выкажет свою страсть, то привлечет внимание представителей закона и его приключения закончатся. Очень скоро огонь, впервые запыхавший в нем, перекинется и на других. Тогда он выйдет из укрытия и свободно выплеснет пламя наружу. А пока лучше проявлять осторожность.

В былые дни он иногда покупал общество одной из женщин Сохо. Теперь Джером отправился на ее поиски. День был удушливо жарким, однако усталости он не ощущал. Он не ел с предыдущего вечера, но голода тоже не испытывал. Взбираясь по узенькой лестнице на второй этаж, в комнату, где раньше жила Анжела, он чувствовал себя как пышущий здоровьем атлет.

Мужеподобная пустоглазая сводня, обычно сидевшая на верхней площадке лестницы, сейчас отсутствовала. Джером подошел к двери комнаты, постучал, но ответа не услышал. Он постучал вновь, более настойчиво. На шум из комнаты в дальнем конце коридора вышла женщина средних лет.

— Что вам нужно?

— Женщину,— просто ответил он.

— Анжелы нет. Вам лучше бы убраться отсюда в таком состоянии. Тут не публичный дом.

— Когда она вернется? — спросил он, стараясь по возможности сдерживать свои желания.

Женщина (ростом почти с Джерома и чуть не вдвое толще) раздраженно поглядела на него.

— Она не вернется,— сказала она.— И вам лучше проваливать отсюда, да поскорее, пока я не позвала Исаяю.

Джером поглядел на нее. Несомненно, у нее не было молодости и красоты Анжелы, но профессия была та же. Он улыбнулся ей.

— Я слышу, как стучит ваше сердце,— произнес он.

— Я же вам сказала...

Прежде, чем она закончила фразу, Джером пошел к ней через площадку. При его приближении она не испугалась, а лишь с отвращением отпрянула.

— Если я позову Исаяю, вы пожалеете,— предупредила она.

Джером отчетливо слышал, что ритм ее сердцебиения участился.

— Я горю,— сказал он.

Она нахмурилась, поскольку явно проигрывала эту схватку.

— Держитесь от меня подальше,— воскликнула она.— Я вас предупреждаю.

Ее сердце забилось еще быстрее. Этот ритм, глубоко скрытый в ее теле, возбудил его. Все оттуда — и жизнь, и огонь.

— Отдай мне сердце,— проговорил он.

— Исаяя!

Но на крик никто не пришел. Джером не дал ей возможности крикнуть второй раз: он прыгнул на нее и зажал ей рот рукой. Она обрушила на него град ударов, но боль лишь питала пылавший внутри огонь. Пламя полыхало все жарче, и каждая пора служила выходом для него, горящего в животе, в голове, в мошонке. Внушительные размеры женщины не помешали Джерому. Он прижал ее к стене — удары ее сердца громом отдавались у него в ушах — и начал осыпать поцелуями шею, одновременно срывая одежду, чтобы высвободить грудь.

— Не кричи,— сказал он, стараясь говорить убедительно.— Я не сделаю тебе ничего плохого.

Она покачала головой и сказала ему в ладонь:

— Не буду.

Он отнял руку от губ женщины, и она несколько раз отчаянно глотнула воздух. «Где же Исаяя,— думала она.— Наверняка где-то поблизости». Она опасалась за свою жизнь — у насильника так горели глаза! — поэто-

му оставила всякие попытки сопротивления и позволила ему делать, что он хочет. Страсть мужчины, как она знала по собственному богатому опыту, легко истощалась. Сначала они клянутся перевернуть небо и землю, а через полчаса становятся вялыми, как тряпка. В любом случае она сумеет вынести его воспаленную страсть. У нее бывали клиенты и похуже. Что касается его члена, который он вводил в нее все глубже,— в нем не было ничего необыкновенного.

Джером хотел добраться до ее сердца, хотел увидеть его, хотел купаться в теплой крови. Он просунул руку ей под груди и почувствовал, как сердце колотится под его ладонью.

— Понравилось, а? — спросила женщина, когда он прижался к ее груди.— Не тебе одному.

Он впился пальцами в ее кожу.

— Осторожнее, милый,— попросила она, заглядывая ему через плечо в надежде увидеть Исайю.— Помягче. У меня нет другого тела.

Джером не ответил. Ногти его окрасились кровью.

— Не делай этого,— сказала она.

— Ему нужно наружу,— ответил он, зарываясь все глубже, и тут до нее внезапно дошло, что это не любовная игра.

— Прекрати! — крикнула она, когда он начал терзать ее.

Внизу, неподалеку от дома, Исайя уронил кусок только что купленного французского кекса и побежал к двери. Уже не в первый раз любовь к сладостям заставляла его покинуть пост. Но если он не поторопится, этот раз станет последним. С лестничной площадки доносились ужасные звуки. Он взбежал по ступенькам. Сцена, представшая перед его глазами, была гораздо хуже, чем он мог вообразить. Какой-то тип прижал Симону к стенке, а из-под их тел текла кровь. Он не мог понять откуда.

Исайя завопил. Насильник с окровавленными руками отвлекся от своего занятия и увидел гиганта в уни-

форме. Джерому понадобилось несколько секунд, чтобы оторваться от женщины, и гигант успел подскочить к нему. Исая схватил мужчину и оттащил прочь. Симона, всхлипывая, скрылась в своей комнате.

— Проклятый ублюдок! — воскликнул Исая, награждая пришельца градом ударов.

Джером слабо отбивался. Но он горел и ничего не боялся. Опомнившись, он накинулся на парня, точно разъяренный бабуин. Исая, застигнутый врасплох, потерял равновесие и упал на одну из дверей, под его весом открывшуюся внутрь. Он ввалился в тесный туалет и ударился головой о край унитаза. Все это совершенно сбило его с толку. Он лежал на окрашенном линолеуме и слабо постанывал, ноги его были широко раздвинуты. Джером слышал, как кровь пульсирует в венах мужчины, ощущал сладкий запах его дыхания, и это призывало его остаться. Но инстинкт самосохранения подсказывал, что надо уходить. Исая уже пытался подняться. Прежде чем он встал с пола, Джером повернулся и сбежал по ступенькам.

Когда он вышел, уже наступили сумерки. Он улыбнулся. Улица желала его больше, чем женщина на площадке, и он готов был подчиниться этому желанию. Он смотрел на булыжник под ногами; восставшая плоть все еще распирала его штаны. Он слышал, как за спиной топает по ступенькам гигант. Огонь все еще пылал, охватывал ноги Джерома, и он побежал по улице, не заботясь о том, преследует ли его человек со сладким дыханием. Прохожие, привыкшие ко всему в наш бесстрастный век, не слишком удивлялись появлению заляпанного кровью сатира. Некоторые показывали на него пальцами и думали, что он актер, но большинство просто не обращали внимания. Он свернул в путаницу боковых переулков. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять: Исая по-прежнему преследует его.

Возможно, он набрел на уличный рынок случайно. Более вероятно, что слабый ветерок донес до него ма-

нящие запахи мяса и фруктов. Узкий пролет был заставлен прилавками, забит покупателями и продавцами. Джером радостно углубился в толпу, терся о чьи-то бедра и ягодицы. Везде, куда ни кинешь взгляд, он видел человеческую плоть! Он и его член едва поверили в такую удачу.

Он услышал, как за его спиной закричал Исая. Он ускорил шаги, направившись туда, где толпа была плотнее, чтобы затеряться в жаркой массе людей. Каждый контакт вызывал болезненный экстаз. Каждый оргазм — они наступали один за другим, когда он проталкивался сквозь толпу, — был сухим спазмом боли. Болела спина, болела мошонка. Но это ничего не значило: его тело превратилось в подставку для одного-единственного монумента — пениса. Голова — ничто, разум — ничто. Руки существовали лишь для того, чтобы притянуть к себе любовь; ноги — чтобы вести требовательный член туда, где он найдет удовлетворение. Он представлялся самому себе ходячей эрекцией. Мир жаждал его. Плоть, камень, сталь — его влекло все.

Неожиданно, вопреки его желанию, толпа поредела. Он вышел через калитку рынка и оказался на узкой улочке. Солнце пронизывало лучами проемы между домами и усилило огонь желания. Джером уже хотел вернуться в толпу, когда почувствовал запах и увидел нечто, заинтересовавшее его. Неподалеку три молодых человека, все без рубашек, стояли посреди контейнеров с фруктами — в каждом ящике по дюжине корзиночек с клубникой. Год выдался урожайным, а на жаре плоды быстро начинали портиться и гнить. Трое рабочих ходили вдоль груды корзиночек, выбирали хорошие фрукты и кидали гнилье в сточную канаву. Запах в узком переулке сгустился чрезвычайно сильно, в воздухе стоял такой сладкий дух, что любому прохожему стало бы плохо. Но Джером потерял всякую брезгливость и отвращение. Мир — это мир как он есть, и Джером принял его,

как при венчании, к добру или к худу. Он зачарованно наблюдал это зрелище: потные сортировщики фруктов залиты лучами солнца, их руки, ноги, тела заляпаны алым соком, воздух гудит от насекомых, а в сточной канаве вырос целый курган гниющих фруктов. Поглощенные своей малопривлекательной работой, сортировщики пока не заметили его. Потом один из троих поднял голову и увидел странное существо, наблюдавшее за ними. Он усмехнулся, но усмешка сошла с лица, едва он увидел глаза Джерома.

— Какого черта?

Остальные двое тоже оторвались от работы.

— До чего сладко, — сказал Джером.

Он чувствовал, как стучат их сердца.

— Погляди-ка на него, — сказал самый младший, указывая на ширинку Джерома. — У него стоит.

Они неподвижно стояли в солнечном свете, и он тоже замер, а осы гудели над грудой фруктов, и в голубом небесном проеме между домами пролетали птицы. Джером хотел, чтобы этот миг длился вечно. Остатки его разума считали, что он попал в рай.

И тут прекрасный сон кончился. Он почувствовал, как за его спиной появилась тень. Один из сортировщиков бросил корзинку, гнилые фрукты рассыпались по гравии. Джером нахмурился и обернулся. Исайя нашел его на этой улице. В одну короткую секунду сверкнуло лезвие, и Джером почувствовал боль в боку, куда ударил нож.

— О боже! — сказал молодой человек и побежал.

Два его брата, не желая быть свидетелями расправы, задержались лишь на миг и последовали за ним.

Боль заставила Джерома вскрикнуть, но никто на рынке его не слышал. Исайя вытащил лезвие, и вместе с лезвием вышел жар. Он вновь замахнулся для удара, но Джером быстро отпрянул и миг спустя уже пересекал улицу. Его противник боялся, что крики жертвы привле-

кут нежелательное внимание, и быстро пустился в погоню, чтобы закончить начатое. Но асфальт был скользким от гнилых фруктов, и пропасть между противниками все увеличивалась.

— Ну нет! — сказал Исая.

Он не мог упустить унизившего его человека. Он перевернул башню ящиков с фруктами — корзиночки опрокинулись, и их содержимое перекрыло дорогу Джерому. Тот заколебался, прежде чем наступить в это месиво, и промедление чуть не убило его. Исая приблизился, сжимая нож. Джером, чьи чувства от боли обострились до крайности, увидел лезвие, готовое распороть ему живот. Мозг его осознал опасность такой раны, но тело жаждало ее — жар выплеснется из него вместе с кровью и присоединится к грудам клубники, разбросанной в сточной канаве. Искушение было таким сильным, что он чуть не поддался ему.

Исаяе уже дважды приходилось убивать. Он понимал безмолвный язык этого действия и знал, что означает приглашение, горящее в глазах жертвы. Он с удовольствием принял это приглашение и занес нож. В последний момент Джером опомнился и ударил гиганта. Исая отклонился, и его подошвы поскользнулись на фруктовом месиве. Нож выпал из его руки в россыпь фруктов. Джером дернулся прочь, когда его преследователь, потеряв преимущество, принялся искать свое оружие. Но жертва уже ускользнула и прежде, чем огромная рука взялась за рукоятку, затерялась на людных улицах. Исая не успел спрятать нож, когда человек в полицейском мундире загородил ему дорогу.

— Что тут происходит? — требовательно спросил полицейский, глядя на нож.

Исая посмотрел туда же. Окровавленное лезвие почернело от облепивших его мух.

Карнеги потягивал горячий шоколад из чашки, третьей за последний час, и глядел, как сгущаются сумерки за окном кабинета. Он всегда, сколько себя помнил, хотел быть детективом. Это занятие представлялось ему увлекательным и захватывающим. Ночь опускалась на город, мириады пороков наряжались и выходили погулять. Время противостоять злу, время боевой готовности.

Но в детстве он не мог предвидеть той усталости, что неизбежно приносят с собой сумерки. Он устал до смерти, и если не ляжет в постель, то заснет тут же, в кресле, забросив ноги на стол, среди пластиковых чашек из-под шоколада.

Зазвонил телефон. Это был Йоханссон.

— Все работаешь? — удивился Карнеги. Было уже больше девяти. Может, у Йоханссона нет дома, куда стоило бы возвращаться?

— Слышал, у нашего парня бурный день? — спросил Йоханссон.

— Верно. Проститутка в Сохо, а потом позволил пырнуть себя ножом.

— Он прорвался через ограждение, полагаю.

— Такое иногда случается, — сказал Карнеги, слишком усталый, чтобы оправдываться. — Чего ты от меня хочешь?

— Я просто подумал, что тебе будет интересно: обезьяны начали гибнуть.

Эти слова вывели Карнеги из ступора усталости.

— Сколько? — спросил он.

— Пока что три из четырнадцати, но остальные, полагаю, умрут до рассвета.

— Что их убило? Чрезмерное возбуждение? — спросил Карнеги, вспомнив бешеные сатурналии в клетках. Какое животное удержится на таком уровне возбуждения, не сломавшись?

— Это не связано с физическим истощением,— ответил Йоханссон.— Или, по крайней мере, связано не так, как ты представляешь себе. Нужно подождать результатов вскрытия, тогда мы получим более или менее подробное объяснение.

— А сам ты как думаешь?

— Ну, если так...— сказал Йоханссон.— Я думаю, они теряют голову.

— Что?

— Мозговая перегрузка. У них просто-напросто сдают мозги. Этот препарат не выводится из организма, он подпитывает сам себя. Чем сильнее они распаляются, тем больше вещества производит их мозг; а чем больше он его производит, тем сильнее они распаляются. Порочный круг. Все жарче и жарче, яростнее и яростнее. Наконец организм больше не может вынести этого, и — оп! Я стою по колено в дохлых мартышках.— В холодном сухом голосе вновь отразилась улыбка.— Остальные не переживают по этому поводу. Сейчас у них в моде некрофилия.

Карнеги глотнул остывшего шоколада. На поверхности жидкости собралась маслянистая пленка, которая лопнула, когда он качнул чашку.

— Так это дело времени? — спросил он.

— Что наш парень тоже свалится? Да, думаю, что так.

— Ладно. Спасибо за сведения. Держи меня в курсе.

— Не хочешь спуститься и поглядеть на останки?

— Обойдусь без обезьяньих трупов, благодарю.

Йоханссон рассмеялся. Карнеги положил трубку. Когда он вновь повернулся к окну, на город уже опустилась ночь.

В лаборатории Йоханссон подошел к двери, чтобы повернуть выключатель — пока он говорил с Карнеги, последний дневной свет угас и стало совсем темно. Он увидел занесенную для удара руку лишь на секунду рань-

ше, чем она опустилась. Удар пришелся в основание шеи. Один из позвонков треснул, ноги подкосились. Он упал, так и не дотянувшись до выключателя. Когда он ударился об пол, разница между ночью и днем была уже чисто академической.

Уэллес не потрудился остановиться и проверить, хватило ли одного удара; у него было слишком мало времени. Он перешагнул через тело и поспешил к столу, за которым работал Йоханссон. Там, в кругу света от лампы, точно в финальной сцене какой-то обезьяньей трагедии, лежала мертвая мартышка. Она была безумно истощена — опухшее лицо, оскаленный рот, закатившиеся глаза. Шерсть животного была выдернута пучками во время многочисленных половых актов, распростертое тельце покрыто синяками. У Уэллеса ушло секунд тридцать, чтобы определить причину ее смерти, как и двух других, лежавших на соседнем лабораторном столе.

— Любовь убивает, — прошептал он философски.

И начал тщательно уничтожать все материалы проекта «Слепой мальчик».

«Я умираю, — подумал Джером. — Я умираю от бесконечного счастья».

Эта мысль понравилась ему. Это была единственная осмысленная фраза, возникшая у него в мозгу. После столкновения с Исайей и последующего побега из полиции он с трудом мог восстановить дальнейшие события. Джером сидел в укрытии, залечивал рану и чувствовал, как жар растет и высвобождается; эти часы слились в один долгий сон в летнюю ночь. От такого сна, он знал, пробуждает лишь смерть. Жар полностью пожрал его, выел внутренности. И если его вскроют после смерти, что они найдут? Лишь пепел и золу.

Однако его одноглазый приятель требовал *большего*, и Джером направился назад, в лабораторию. Куда еще

пойдет агонизирующий безумец, если не туда, где его впервые захлестнул огонь? Чресла его пылали, и каждая трещина в стене настойчиво предлагала себя.

Ночь стояла тихая и теплая, ночь для серенад и страсти. В сомнительной интимности парковочной площадки, за несколько кварталов от цели, он увидел двоих любовников на заднем сиденье машины. Дверцы были распахнуты, чтобы устроиться удобнее. Джером остановился посмотреть. Как обычно, его возбуждал вид сплетенных тел и звук — такой громкий — двух сердец, бьющихся в одном убыстряющемся ритме. Джером наблюдал, и желание все сильнее охватывало его.

Женщина заметила его первой и призвала своего партнера прогнать это создание, что глазело на них с детским удовольствием. Мужчина приподнялся над ней, чтобы взглянуть на Джерома.

«Горю ли я? — подумал Джером. — Мои волосы наверняка пылают... А может, иллюзия обретает плоть».

Если судить по их лицам, ответ был отрицательный. Они не были ни удивлены, ни напуганы — лишь раздражены.

— Я горю, — объяснил он им.

Мужчина поднялся на ноги и направился к Джерому, чтобы плюнуть в него. Тот ожидал, что слюна зашипит, как на горячей сковородке, но она была прохладной, словно освежающий душ.

— Иди к черту, — сказала женщина. — Оставь нас в покое!

Джером покачал головой. Мужчина предупредил, что свернет ему шею, если он не уберется. Но Джерома это нисколько не испугало: ни удары, ни слова ничего не значили перед требовательным зовом пола.

«Их сердца, — подумал он, когда придвигался к ним, — уже не бьются в унисон».

Карнеги разглядывал карту, устаревшую на пять лет, и пытался определить по ней место нападения, о котором ему доложили только что. Ни одна из жертв не получила серьезных повреждений. На парковочную стоянку прибыла целая группа весельчаков, и они спугнули Джерома (без сомнения, там был он). Теперь весь квартал оцеплен полицией, большинство полицейских вооружены, и все улицы неподалеку от места нападения вот-вот перекроют. В отличие от переполненного Сохо в этом районе беглецу трудно найти себе укрытие.

Карнеги отметил булавкой с флажком место нападения и понял, что оно недалеко от лаборатории. Вряд ли это случайность. Парень возвращался на место первого преступления. Раненый и, без сомнения, на грани срыва — любовники описали его как «полумертвого» — Джером станет легкой добычей для полиции, прежде чем доберется туда. Но остается определенный риск, что он ускользнет из сетей и проберется в лабораторию. Там до сих пор работает Йоханссон, а охраны мало.

Карнеги подошел к телефону и начал дозваниваться до Йоханссона. Телефон на другом конце провода звонил и звонил, но трубку никто не брал. «Он уже ушел», — подумал Карнеги. Наверное, убедился в своих предположениях и пошел отдыхать — уже ночь, а отдых он заработал. Но когда инспектор уже собрался положить трубку, ее подняли.

— Йоханссон?

Никто не ответил.

— Йоханссон? Это Карнеги. — Опять молчание. — Ответь мне, черт возьми. Кто это?

Трубку не положили на рычаг, а просто бросили на стол. Карнеги слышал голоса обезьянок, пронзительные и визгливые.

— Йоханссон? — повторял Карнеги. — Это ты? Йоханссон?

Отвечали лишь обезьяны.

Уэллес устроил в двух раковинах костры из материалов по проекту «Слепой мальчик» и запалил их. Они радостно вспыхнули. Дым, жар и копоть заполнили большое помещение, сгустились в воздухе. Когда огонь как следует разгорелся, он засунул туда все пленки, какие смог отыскать. Некоторые ленты исчезли, однако предполагаемый вор мог увидеть на них лишь несколько путанных сцен превращения подопытного. Суть дела скрывалась за кадром. Теперь, когда дневники и формулы сожжены, осталось только вылить в раковину остатки препарата и уничтожить животных.

Он приготовил серию шприцев, наполненных смертельной дозой яда, и методично принялся за дело. Эта разрушительная работа его успокоила. Он не жалел о том, как все повернулось. Начиная с первого мига паники — когда он беспомощно наблюдал, какое чудовищное воздействие оказывает на Джерома сыворотка «Слепой мальчик», — и до нынешнего последнего акта разрушения события складывались в один закономерный процесс. Он зажжет эти огни, он и уничтожил все, что связано с научными изысканиями. Он стал апостолом века Желания, новым Иоанном-пустынником. Эта мысль полностью овладела Уэллесом. Не обращая внимания на протестующие крики обезьян, он доставал их из клетки, одну за другой, чтобы ввести смертельную дозу. Он уже расправился с тремя и открыл клетку, чтобы вынуть четвертую, когда в проеме двери появилась фигура. Воздух так заполнился дымом, что невозможно было понять, кто это. Однако оставшиеся в живых обезьяны, казалось, узнали пришедшего: они прекратили спариваться и приветственно завизжали.

Уэллес стоял неподвижно и ждал, когда гость подойдет к нему.

— Я умираю, — сказал Джером.

Его появления Уэллес не ожидал. Джером был последним, кто мог тут оказаться.

— Вы слышите меня? — требовательно спросил он. Уэллес кивнул.

— Мы все умираем, Джером. Жизнь — это хроническое заболевание, ни больше ни меньше. Но так умирать легче, а?

— Ты знал, что это случится, — сказал Джером. — Знал, что огонь выжжет меня.

— Нет, — серьезно ответил Уэллес. — Я не знал. Правда.

Джером вышел из дверного проема на смутный свет. Он еле волочил ноги, вид у него был растерзанный — кровь на одежде, в глазах огонь. Но Уэллес хорошо знал, что скрывается за внешней слабостью. Препарат придавал Джерому нечеловеческую силу, и Уэллес сам наблюдал, как тот голыми руками вскрыл грудную клетку Данс. Нужно быть осторожным. Джером явно на грани смерти, но все еще опасен.

— Это не входило в мои намерения, Джером, — сказал Уэллес, пытаясь подавить дрожь в голосе. — Не настолько уж я дальновиден. Чтобы узнать, что случится, требуются время и страдание.

Человек напротив не сводил с него горящих глаз.

— Такие огни, Джером, нужно было зажечь.

— Я знаю... — ответил Джером. — Поверьте... я знаю.

— Ты и я... Мы — конец этого мира.

Бедное чудовище некоторое время раздумывало, потом медленно кивнуло. Уэллес осторожно вздохнул: эта предсмертная дипломатия, кажется, сработала. Но у него не осталось времени на болтовню. Джером пришел сюда — а вдруг власти следуют за ним по пятам?

— Приятель, мне нужно доделать срочную работу, — сказал он спокойно. — Ничего, если займусь ею сейчас?

Не ожидая ответа, он открыл следующую клетку, вытащил обреченную обезьянку и ловким движением ввел инъекцию. Животное дернулось у него в руках, потом погибло. Уэллес оторвал от своей рубашки скрю-

ченные пальчики, кинул тело и пустой шприц на лабораторный стол и экономным движением палача повернулся к новой жертве.

— Зачем? — спросил Джером, глядя в открытые глаза животного.

— Акт милосердия, — ответил Уэллес, беря очередной заполненный шприц. — Ты же видишь, как они страдают.

Он потянулся к замку очередной клетки.

— Не надо, — сказал Джером.

— Не время для сантиментов, — возразил Уэллес. — Прощу тебя, давай покончим с этим.

«Сантименты», — подумал Джером, смутно припоминая песни по радио, пробудившие в нем пламя.

Разве Уэллес не понимает, что процессы, происходящие в голове, сердце и мошонке, неразделимы? Что чувства, какими бы примитивными они ни были, могут привести в неизведанные дали? Он хотел рассказать доктору обо всем, что увидел и полюбил в эти отчаянные часы. Но объяснения потерялись на полпути от мозга к языку. В приступе сочувствия к страдающему миру он сумел выговорить лишь одно:

— Не надо, — когда Уэллес открыл следующую клетку.

Доктор не обратил на него внимания и сунул руку за проволочную сетку. Там сидели трое зверьков. Он ухватил ближайшего и потащил его, протестующего, прочь от напарников. Животное явно чувствовало, что его ожидает: оно пронзительно визжало от ужаса.

Этого Джером не вынес. Рана в боку мучительно болела, но он бросился вперед, чтобы помешать убийству. Уэллес, обеспокоенный приближением Джерома, выпустил свою жертву, и обезьянка с криком побежала по поверхности стола. Когда Уэллес бросился ее ловить, пленники в клетке у него за спиной воспользовались случаем и выскочили наружу.

— Черт тебя побери! — заорал Уэллес на Джерома. — Неужели ты не видишь, что у нас нет времени? Ты совсем ничего не понимаешь?

Джером все понимал, но одновременно не понимал ничего. Он понимал ту лихорадку, которую делил с животными; и стремление переделать мир он тоже понимал. Но почему все должно кончиться вот так? Все — и радость, и озарение. Почему история завершается в жуткой комнате, наполненной дымом, страхом и отчаянием, он понять не мог. Да и Уэллес тоже, хотя сам создал эти противоречия.

Доктор ухитрился схватить одну из сбежавших обезьянок, но Джером быстро подошел к оставшимся клеткам и открыл их. Животные вырвались на свободу. Уэллес, держа вырывающуюся обезьянку, потянулся за шприцем. Джером подбежал к нему.

— Оставь ее! — кричал он.

Уэллес ввел иглу в тело обезьянки, но прежде, чем он успел нажать на поршень, Джером схватил его за запястье. Шприц выплеснул яд в воздух, потом упал на пол. За ним последовала освободившаяся обезьянка.

Джером еще ближе подошел к Уэллесу.

— Я же сказал тебе, оставь ее, — повторил он.

В ответ Уэллес ударил Джерома кулаком в раненый бок. У того из глаз от боли потекли слезы, но доктора он не выпустил. Боль не могла заставить Джерома оторваться от чужого сердца, бьющегося так близко. Он хотел запалить Уэллеса, точно факел, хотел, чтобы плоть творца и творения слились в одном очищающем пламени.

Но плоть его была всего лишь плотью, кость — костью. Какие бы чудеса он ни видел — это его личное откровение, и он не успеет рассказать другим ни о своих радостях, ни о печалях. То, что он узнал, умрет вместе с ним, чтобы возродиться в ближайшем будущем. И вновь умрет, и вновь родится. Как история любви, о которой пело радио: любви потерянной, обретенной и вновь по-

терянной. Джером глядел на Уэллеса в новом озарении. Он все еще слышал, как бьется перепуганное сердце ученого. Доктор ошибся. Если Джером оставит его в живых, Уэллес, возможно, поймет свою ошибку. Они — не провозвестники эры вечного блаженства. Это лишь грезы, и грезили они оба.

— Не убивай меня,— молил Уэллес.— Я не хочу умирать.

«Ну и дурак же ты»,— подумал Джером и отпустил Уэллеса.

Мысли Уэллеса были ясны: он не мог поверить, что его мольбы услышаны. С каждым шагом ожидая удара, он пятился от Джерома, а тот повернулся к доктору спиной и вышел.

Снизу раздался крик, потом еще голоса. Полиция, понял Уэллес. Вероятно, они обнаружили тело полицейского, стоявшего на посту у двери. Через мгновение они будут здесь, наверху. Нет времени, чтобы закончить дело. Нужно убираться прочь, пока они не появились здесь.

На первом этаже Карнеги смотрел, как вооруженные полицейские поднимаются по лестнице. В воздухе ощущался запах гари, и он опасался худшего.

«Я вечно прихожу, когда все свершилось. Я выхожу на сцену, когда действие уже заканчивается»,— думал он.

Привыкший ждать, терпеливый, как обученная собака, на этот раз он не совладал со своим беспокойством, пока остальные продвигались наверх. Не обращая внимания на тех, кто советовал ему подождать, он начал подниматься по ступеням.

Лаборатория была пуста, если не считать обезьян и трупа Йоханссона. Токсиколог лежал вниз лицом, шея его оказалась сломана. Запасный выход на пожарную лестницу был открыт, и сквозь него просачивался дымный воздух. Когда Карнеги отошел от трупа Йоханссона, несколько полицейских уже стояли на пожарной лестнице и кричали своим напарникам внизу, призывая их искать беглеца.

— Сэр?

Карнеги поглядел на приближающегося к нему уса-
того мужчину.

— Что?

Полицейский показал на дальний конец комнаты.
Там кто-то был — в окне бокса.

Карнеги узнал его лицо, хотя оно сильно изменилось;
это Джером. Поначалу он подумал, что Джером наблю-
дает за ним, но потом убедился, что ошибся. Джером
со слезами на глазах глядел на собственное отражение
в мутном стекле. Пока Карнеги смотрел на него, лицо
исчезло в глубине камеры.

Другие полицейские тоже заметили парня. Они про-
двигались цепью по лаборатории, занимая позиции за
лабораторными столами, с оружием наготове. Карне-
ги уже бывал в подобных ситуациях и знал об опасно-
сти момента. Если он не вмешается, прольется кровь.

— Нет,— приказал Карнеги,— пока не стреляйте.

Он отодвинул протестующих полицейских и двинул-
ся по лаборатории, не прячась. Прошел мимо умываль-
ников, где тлели останки проекта «Слепой мальчик»,
мимо лавки, под которой совсем недавно он нашел мерт-
вую Данс. Мимо проползла обезьянка, явно не замеча-
ющая его приближения. Карнеги позволил ей найти
цель, чтобы забиться туда и умереть, а потом двинулся
к двери бокса. Она была не заперта, и инспектор потя-
нул за ручку. За его спиной в лаборатории воцарилось
молчание. Все глаза обратились на него. Карнеги резко
распахнул дверь. Однако атаки не последовало. Он шаг-
нул внутрь.

Джером стоял у противоположной стены. Если он
видел или слышал Карнеги, то ничем не выказал этого.
У ног его лежала мертвая обезьянка, все еще цепляясь
за штанину парня. Другая всхлипывала в углу, закрыв
лицо ладошками.

— Джером?

Карнеги показалось или действительно запахло клубникой?

Джером замигал.

— Ты арестован,— сказал Карнеги.

«Хендриксу бы это понравилось»,— подумал он.

Джером отнял от раны в боку окровавленную руку и начал поглаживать себя.

— Слишком поздно,— ответил он.

Он чувствовал, как в нем разгорается последнее пламя. Даже если этот человек пришел арестовать его — что изменится? Смерть уже здесь. Теперь он понял, что она собой представляет: всего лишь успокоение, сладостная темнота, ожидающая наполнения и жаждущая оплодотворения.

Его промежность пронзила судорога, молния метнулась по телу и пробежала по позвоночнику. Джером рассмеялся.

В углу камеры обезьянка, услышав смех, снова начала всхлипывать. Звук этот на секунду отвлек Карнеги, а когда он перевел взгляд обратно на Джерома, то увидел, что близорукие глаза парня закрылись, а руки повисли. Он умер, прислонившись к стене. Какой-то миг его тело оставалось в вертикальном положении, несмотря на закон земного притяжения. Потом ноги подогнулись и Джером упал вперед. Он был, понял Карнеги, всего лишь мешком с костями, не больше. Удивительно, что протянул так долго.

Карнеги подошел к телу и приложил палец к шее Джерома. Пульс не прощупывался. На лице трупа застыла последняя усмешка.

— Скажи мне...— прошептал Карнеги мертвецу, чувствуя, что момент упущен, что он опять, как всегда, оказался посторонним наблюдателем.— Скажи мне... почему ты смеялся?

Но слепой мальчик, как и положено мертвецу, молчал.

Содержание

КНИГА КРОВИ III	5
Сын целлулоида (перевод Н. Волковой)	7
Король Голый Мозг (перевод Н. Волковой)	54
Исповедь савана (перевод Н. Волковой)	120
Козлы отпущения (перевод О. Лежниной)	162
Человеческие останки (перевод А. Трофимова) ..	190
КНИГА КРОВИ IV	241
Восстание (перевод В. Эрлихмана)	243
Нечеловеческое состояние (перевод И. Тетериной)	280
Откровение (перевод М. Галиной)	330
Изыди, Сатана (перевод М. Галиной)	387
Век Желания (перевод М. Галиной)	393

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер

КНИГИ КРОВИ III—IV ИСПОВЕДЬ САВАНА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *М. Одиноква, Е. Ампелогова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales ,
Department at foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать 23.08.2007.

Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 6047

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Clive Barker

КЛАЙВ БАРКЕР — один из самых уникальных писателей современности.

Его творческий путь начался со знаменитых «Книг крови», шести сборников повестей, которые не только заново переосмыслили весь жанр мистики, но и возвели этот «низменный» жанр в ранг высокой литературы. Следующим знаменитым творением Клайва Баркера стал всемирно известный «Восставший из ада», маленький роман, который чуть позднее сам писатель экранизировал, создав культовую киноэпопею.

Далее последовали не менее классические «Проклятая игра», «Сотканный мир», «Книги Искусства» («Явление тайны» и «Эвервилль»), «Имаджика», «Таинство» и многие другие произведения, принесшие Клайву Баркеру славу одного из самых непредсказуемых, талантливых и многообещающих современных писателей.

Его произведения сравнивали и сравнивают с творчеством Эдгара Аллана По, Говарда Лавкрафта, Стивена Кинга, Дж. Р. Р. Толкина, Габриэля Гарсиа Маркеса, Натаниэля Готорна, Мэри Шелли, Томаса Пинчона, Уильяма Фолкнера.

...В своем творчестве Баркер задействует мотивы Джойса, По, Толкина и Кинга, в результате создавая то единое целое, которое и прославило всех знаменитых рассказчиков: произведение, от которого невозможно оторваться.

THE WASHINGTON TIMES

Совмещая элементы мистики и сюрреалистической литературы, Баркер пишет книги, которые читаются как смесь Стивена Кинга и Габриэля Гарсиа Маркеса.

BOSTON HERALD

Клайв Баркер — маг и волшебник высшего порядка.

NEW YORK DAILY NEWS

Самый многообещающий творец темного фэнтези.

PUBLISHERS WEEKLY

Назвать Клайва Баркера писателем, создающим «ужастики», все равно что назвать *The Beatles* неплохой клубной группкой.

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

ISBN 978-5-699-23825-5

9 785699 238255 >

...В своем творчестве Баркер задействует мотивы Джойса, По, Толкина и Кинга, в результате создавая то единое целое, которое и прославило всех знаменитых рассказчиков: произведение, от которого невозможно оторваться.

THE WASHINGTON TIMES

Совмещая элементы мистики и сюрреалистической литературы, Баркер пишет книги, которые читаются как смесь Стивена Кинга и Габриэля Гарсиа Маркеса.

BOSTON HERALD

Клайв Баркер — маг и волшебник высшего порядка.

NEW YORK DAILY NEWS

Самый многообещающий творец темного фэнтези.

PUBLISHERS WEEKLY

Назвать Клайва Баркера писателем, создающим «ужастики», все равно что назвать *The Beatles* неплохой клубной группкой.

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

ISBN 978-5-699-23825-5

9 785699 238255 >